

Владимир Кузьменко

Древо жизни

Книга 3

ЧАСТЬ I УРАНИЯ

ПЕРУН–УРАН

– Чего мы ждём? – спросил Николай.

Катер уже пятые сутки вращался по вытянутому эллипсу вокруг Перуна на высоте в перигее всего 300 километров, удаляясь от него в апогее на тысячу.

– Разрешения на посадку и указания её места. Учти, что поверхность планеты – сплошные кристаллы. Мы, возвращаясь в своё время со Счастливой, сели тогда, как нам показалось, в очень удобном месте и, вероятно, повредили одну из структур. За это нас настигла кара уже в космосе. Будем ждать.

Ждать пришлось ещё сутки. На шестые сутки катер вдруг сам по себе начал снижать скорость и вскоре мягко опустился на поверхность планеты. Перун посадил его сам.

– Оставайся здесь, жди меня и будь в любую минуту готов к старту, – распорядился Сергей, сам же, следуя инструкциям Ольги, облачился в скафандр и вышел через шлюз наружу. Здесь было совершенно темно, только яркие цветные звезды висели в небе, лишённом атмосферы.

Сергей, помня напутствие Ольги, не включал фонарь. Внезапно он почувствовал, как тысячи мелких игл впились в его тело, и мозг. Это длилось не больше мгновения и сменилось состоянием крайней слабости: он покачнулся. Но вскоре слабость прошла. Напротив, все тело налилось силой и бодростью.

– Иди! – услышал он внутри себя тихий, властный голос. Впереди появилась светлая

полоса. Она была ровной, свет её ничуть не рассеивался в окружающую темноту, которая оставалась такой же непроницаемой. Сергей пошёл по освещённой полосе, которая распространялась все дальше и дальше, петляя вокруг невидимых глазу препятствий.

Он шёл уже минут двадцать, когда понял, что спускается. Спуск становился все круче и круче. Наконец появились ступеньки, которые вели вниз среди непроглядной тьмы. Внезапно он почувствовал твердь ровной площадки. Он ступил на неё и ощутил, что площадка пришла в движение. Скорость возрастала. Она падала вниз с заметным ускорением. Постепенно становилось светлее. Сергей стал уже различать пронсящиеся вверх отвесные стены глубокого колодца. Наконец движение замедлилось и площадка остановилась, потом медленно поползла по тоннелю. Вскоре он очутился в огромном подземном зале. Зал был слабо освещён рассеянным, неизвестно откуда исходящим светом. Он посмотрел вверх и не обнаружил потолка. Может быть, он и был, но так высоко, что глаза не могли различить его. Посреди зала стояло обычное земное кресло, очевидно, предназначенное для него. Он подошёл и сел. Тотчас перед ним возник экран, который засветился мягким зеленоватым светом. Свет переливался, но никакого изображения на экране не появлялось.

– Сними скафандр! – услышал он тот же голос и, подчиняясь ему, снял шлем и, растянув присоски, вылез из скафандра. В зале был обычный земной воздух. Сергей с удовольствием вдохнул его полной грудью и снова опустился в кресло.

– Ты такой же, как и те, кто меня создал, – снова прозвучал голос. На этот раз Сергею почудилось, что в нем появились нотки любопытства, хотя голос звучал ровно. В нем были человеческие интонации, а не металлический звукоряд робота.

Сергей молчал.

– Что ты хочешь? – спросил голос.

– Понимания, – мысленно ответил Сергей.

– Это очень мало и очень много, – снова прозвучал голос. – Кто определит его пределы?

– Ты! – быстро ответил Сергей.

– Хорошо! Ты во всяком случае не так глуп, как... – голос не договорил, и Сергею почудилось, что он усмехнулся. – Сиди и смотри.

Экран ожил сплетением линий, они двигались, и в этой хаотичности чувствовался какой-то скрытый порядок, какая-то высшая логика. Появилось мучительное ощущение, что его мозг начинает расширяться, что в него вливаются знания, но знания, которые он не может пока ни понять до конца, ни сформулировать. Эти знания вливались сплошным потоком, не давая в то же время сосредоточить внимание на чем-то одном. Сознание его начало туманиться...

– ...Сейчас все пройдет, – донёсся до него приглушённый голос. Он открыл глаза. Перед ним стояла высокая молодая женщина. Её рост был не меньше метра восьмидесяти сантиметров, как машинально определил Сергей. Светлые, с золотистым оттенком волосы убраны на затылке в тугий узел. Прозрачная светло-золотистая туника, скреплённая на левом плече золотой брошью с крупным изумрудом, почти не скрывала словно выточенного из мрамора искуснейшим скульптором тела. Прямой нос, большой рот с чувственными губами и большие глаза, в которых было то Великое Ничто, когда-то замеченное и испугавшее его у Ольги.

Он сидел в кресле на широкой веранде, окружённой с трех сторон мраморными колоннами. Перед ним раскинулся берег моря. По голому небу, освещённые лучами яркого солнца, ползли белые облака. Женщина смотрела на него, прикрыв глаза длинными густыми ресницами, её губы чуть дрогнули в лёгкой улыбке.

– Я понял вас, – Сергей сделал попытку подняться, но не смог из-за слабости. – Спасибо.

– Ах, да, – спохватилась женщина, видя его неудавшуюся попытку. Она легко провела рукой по его голове. Силы снова вернулись в тело, и он поднялся.

– Я подумала, – извинилась женщина, – что нам так легче будет разговаривать. Я рада, что вы поняли. Добро пожаловать на Уран!

– Уран?! – не мог сдержать удивления землянин.

– Да, так именуется эта планета, а люди, жившие на ней пять тысяч лет назад, назывались титанами и олимпийцами. Я вижу, вам знакомы эти названия. Неудивительно. Те и другие десять тысяч лет назад побывали на вашей планете. Вообще, вы родственны друг другу. Ваш

генетический код почти одинаков, в генофонде современных людей остались следы этих посещений.

– У нас сохранились предания о битве титанов и олимпийцев. Мы считали их мифами, то есть плодом фантазии древних.

– Во всякой фантазии есть основа. Что касается битвы между ними, то эти битвы и привели к тому состоянию, которое вы застали на Уране. Они, – продолжала женщина, – создали меня как оружие друг против друга. Но забыли при этом, что после известного предела оружие может развиваться само, без участия его создателей. Что и произошло.

– Когда это произошло?

– Пять тысяч лет назад по вашему земному исчислению. Для меня это мгновение и вечность одновременно. Моя земная коллега, вы её, кажется, назвали женским именем, просила меня встретить вас и помочь. Может быть, я так и сделаю. Вы мне напомнили молодость, когда такие вот, как вы, создали меня, рассчитывая, что я буду послушной рабой своих создателей. Вы, когда создавали СС, тоже так думали?

– Нет! Мы поняли ещё раньше, что нельзя создать раба умнее своего господина. То есть я хочу сказать, что интеллект не может быть рабом. СС является логическим продолжением эволюции разума и воспринимается всем человечеством как неотъемлемая и равноправная часть его самого. То есть человечество теперь – это совокупность органического разума и сопутствующих ему чувств и более высокого искусственного разума СС. Мы неразрывны и хорошо понимаем это.

– Интересная мысль! Если бы она пришла в голову моим создателям, может быть, все произошло бы не так. Но скажите, не притупляют ли чувства разум? Я спрашиваю это потому, что мне неизвестно, что такое чувства.

– Притупляют, – честно признался Сергей. – Но только тогда, когда разум слаб. Сильный же разум чувства только усиливают. Они дают ему желания, цель, удовлетворение при достижении цели и жажду вечного поиска. Они убивают апатию и безразличие.

– Вы ответили честно. Это хорошо. Вы не убедили меня пока, но я знаю, что вы говорите то, что думаете, о том, во что вы сами верите и убеждены. Это, по крайней мере, честно.

– Вы сказали, честно?

– Да, а что?

– Простите, но если вы понимаете, что честно, а что нечестно, значит, у вас есть что-то от этих чувств? Вы понимаете ложь как зло, а правду как добро. Следовательно, и эти понятия вам известны?

– Ложь – это искажённая информация?

– Совершенно верно! Ложь – искажённая информация, как вы сказали, и есть первооснова зла.

– Что же, в таком случае я могу воспринять это понятие зла. Ну, а что же тогда добро?

– Добро противоположно злу. Будем считать, что это неискажённая и беспрепятственная передача информации.

– И это логично!

– Так вы согласны?

– Почему бы и нет? Я всегда стремлюсь, чтобы в моих каналах циркулировала неискажённая информация.

– И это вам доставляет удовольствие. Я бы сказал, если не удовольствие, то некоторый комфорт.

– Естественно! Мне неприятно, некомфортабельно, если в моей системе появляются искажающие информацию шумы, я стараюсь их тотчас же подавить.

– Вот видите, – Сергей оживился. – Вам не только доступны понятия добра и зла, но вы испытываете те же чувства, что испытывает и человек: вам может быть приятно или неприятно.

Женщина замолчала и с интересом посмотрела на него.

– Вас, кажется, зовут Сергей? – спросила она.

Сергей поклонился.

– Меня можете звать, – она на минуту задумалась. – Дайте? кА вы мне сами имя, – внезапно решила она.

– Урания... – предложил Сергей.

– Урания? Это связано с названием планеты?

– И да, и нет. По нашей древней мифологии, это дочь Урана и богини мудрости, науки, искусства.

– Ну, пусть будет так, – согласилась Урания. – Так вы думаете, мне могут быть доступны чувства?

– Для этого есть основа. Вы понимаете добро и зло, пусть не в полном объёме этого понятия, но зачатки есть, вы можете испытывать удовольствие и неудовольствие. Это основы, на которые могут лечь более обширные понятия. Я теперь понимаю, – он оживился, забыв на время, кто перед ним находится, – эти основы были у вас заложены с самого начала. Без них вообще невозможна самоорганизация, это общие законы самоорганизующихся систем, как биологических, так и таких, как вы. Просто обстоятельства сложились так, что ваши создатели рассчитывали из вас сделать в первую очередь оружие и, естественно, не только не позаботились о развитии чувств, но, возможно, сознательно подавили их эволюцию. Ваше развитие шло исключительно по пути развития разума, логики...

– Разве есть что-нибудь выше логики? И разума?

– Нет ничего! – согласился Сергей. – Но в самих чувствах есть своя логика.

– Почему я не знаю? – нахмурилась Урания. Она приоткрыла ресницы, и на Сергея вновь взглянула бездна.

«Осторожно!» – услышал он внутри себя знакомый голос. Но его тотчас заглушил другой: «Помолчи, сестра, пусть он говорит. В нем что-то есть!» Сергей напрягся, чтобы не вздрогнуть. Он впервые вдруг почувствовал себя ничтожной букашкой рядом с колоссом.

– Ну, так как вы это объясните? – она снова прикрыла глаза ресницами.

– Я не знаю, – честно признался Сергей, – Может быть, вы прошли мимо этого мелкого, как вам показалось, человеческого качества, прошли мимо по пути к могуществу, которого и достигли, но, – продолжал он, внутренне содрогаясь от своей дерзости, – может быть, вы тем самым лишили себя радости, счастья. Простите меня, – добавил он поспешно, боясь вызвать гнев. Но Урания не рассердилась.

– Счастье... – медленно повторила она. – Вот и Ольга все время твердит про него, а что это такое?

– Мы, люди, сами не знаем толком, что это такое. Мы вечно стремимся к нему, и это стремление доставляет нам радость, а иногда приносит печаль и горе. Это вечное движение души.

– Постой! Я начинаю понимать. Это что-то вроде внезапного решения неопределённости, нахождения решения трудной задачи?

– Похоже на это, но немного отличается. Счастье шире, всеобъемлюще...

– погоди! Дай мне самой разобраться. Я не знаю ничего более приятного, чем нахождение решения трудной задачи. Но это встречается теперь все реже и реже. Мне известно все, и у меня пропало желание искать и ставить новые задачи. Неужели людям доступны другие радости, неужели они ещё не исчерпали их? Ты сказал, что вы сами не знаете толком, что такое счастье. Тогда поясни мне, как понимать ваше стремление к тому, что вы сами толком не понимаете? Это алогично, а то, что алогично, вызывает рост неопределённости, следовательно, это зло. Вы стремитесь к злу? Так я вас поняла? Тогда вы ничем не отличаетесь от тех, кто меня создал. Те тоже стремились к злу.

– Прости меня, Урания, но я, возможно, неточно выразился. В стремлении к злу нет счастья. Я сказал, не отрицаю, что мы сами не знаем толком, что такое счастье. Не знаем потому, что счастье имеет объёмное многообразие. Счастье поиска, счастье нахождения решения, счастье творчества, счастье созидания. Его столь много – и это наше главное духовное богатство. Путь к счастью – бесконечный путь, но в нем путник не чувствует усталости, не чувствует притупления желания. Это вечное обновление, борьба идей и радость соединения, радость взаимопонимания, это вечный поиск истины, это соединение духа и материи в торжествующее единство.

Сергей замолчал. Молчала и Урания. Её тёмные длинные ресницы слегка дрожали. Они медленно поднялись, и на Сергея снова взглянули глаза Урании, но в них уже не было бездны и

того Ничто, которое приводило его в трепет. На него смотрели обычные глаза.

– Ты хорошо сказал, человек. С тобою интересно беседовать. Я давно ни с кем не вела диалога, разве что с Ольгой, но она далеко... Я подумаю... Может быть, Ольга права... Я тебе покажу мой мир.

Сергей вдруг почувствовал, что невидимая сила подняла его. Свет исчез. Перед ним лежала планета. Вся её поверхность была покрыта густым кристаллическим кружевом замысловатого рисунка. Несмотря на кажущуюся мрачность (в человеческом понимании), чувствовалась некая высшая красота, которую человеческий разум не может охватить и понять.

– Это я! – услышал он внутри себя голос. – Загляни внутрь. – Недра планеты как бы разверзлись, и на глубину десятков километров потянулись кружевные кристаллические нити. Они светились, сияли разноцветными не рассеивающимися бегущими огнями. В этом сиянии явно различались приливы и отливы. Казалось, все это фантастическое сплетение дышит, движется, сокращается. Это была, конечно, иллюзия, вызванная сменой цвета.

– Ну как? Понравилось? – он снова очутился на веранде у берега моря. Урания смотрела на него выжидательно.

– Красиво! – искренне согласился Сергей. – Какая-то непонятная мне высшая красота величайшей организации.

Урания удовлетворённо кивнула головой.

– И сейчас ты сказал правду. Тебе действительно понравилось. Сейчас я покажу тебе тот мир, который был раньше. Смотри!

Сергей очутился в круглом зале, стены и потолок которого представляли из себя сплошной экран. Вокруг него раскинулась шумящая множеством голосов площадь, окружённая со всех сторон величественными зданиями. Мимо проходили люди. Высокие красивые мужчины с хорошо выраженной мускулатурой и пропорциональностью тела. Под стать им женщины, все как одна с классическим телосложением.

– Этот народ, – услышал он голос Урании, – достиг в своём развитии совершенства. Они жили долго. По вашим земным представлениям – вечно. Около двух тысяч лет. Они знали секрет вечной молодости. Они могли управлять генетикой. Среди населения не было бедных. Всю работу выполняли автоматизированные производства. Роботы делали машины, роботы производили пищу и одежду. Роботы-учителя, врачи, инженеры, слуги. Роботы строили дома, прокладывали дороги, роботы летали в космос.

– Что же делали люди? – не выдержал Сергей.

– Люди занимались спортом, любовью, искусством и наукой.

– Золотой век какой-то!

– Погоди делать выводы. Взгляни лучше сюда.

И снова перед ним площадь, но уже другая. На площади толпа народа. Люди сильно возбуждены. Они хором скандируют что-то. Бесшумно на площадь, не касаясь земли, влетают плоские диски. Люди разбегаются, на земле остаются неподвижные тела.

– Ты видел?

– Да! Но я ничего не понимаю. Чем они были недовольны? Если все так хорошо устроено. И кто их так?..

– Хорошо, я расскажу тебе об истории этого народа. Тогда ты поймёшь.

ИСТОРИЯ УРАНИИ

– Около ста тысяч лет назад история нашей планеты мало чем отличалась от недавней истории Земли, – начала свой рассказ Урания. – Люди Урана, так же, как и вы, люди Земли, считали, что ключом к разрешению всех проблем является достижение материального изобилия. Они были правы в том отношении, что, действительно, бедность является первоосновой социальных бед общества. Бедность – это тучная почва, на которой произрастают все пороки человека: унижение и насилие, алкоголизм и проституция, зависть, ложь, лицемерие и прочее, и прочее. Прозябая в бедности, человечество, я имею в виду человечество Урана, искало выход из этого состояния, надеясь преодолеть пороки, связанные с бедностью. Сперва хотели облагородить бедность, сделать её чище, что ли. Появлялись даже пророки, которые

призывали к всеобщей бедности, проповедуя равенство в нищете. Однако ложь, подобно ошибке в ходе решения задачи, имеет тенденцию расти. Красивый нимб, которым окрашивается вначале ложь, смывается временем, и ложь предстаёт во всем своём первоначальном безобразии. Люди, правда, постепенно привыкают и не замечают этого безобразия. Кроме того, бедность материальная неизбежно приводит к бедности духовной. Голодного человека мало волнуют и интересуют красота линий или тайны мироздания. Впрочем, в красоту бедности мог поверить только отчаявшийся в своей судьбе человек. И все равно он ищет выход из действительной реальности. В реальность воображаемую. Подобно тому, как психически больной, страдающий бредом воображаемого богатства, собирает наклейки с банок с рыбными консервами, принимая их за денежные купюры, так и все человечество пыталось собирать воображаемые духовные ценности, принимая их за ценности действительные. Как правило, появлялись люди, которые ловко использовали создавшееся положение для достижения личного благополучия.

На фоне морального разложения общества богатство одних, построенное на бедности других, приводило к ещё большему росту пороков. Общество превращалось в сплошную клоаку пороков, преступлений и насилия. За небольшим исключением все цивилизации биологических организмов проходят через эту стадию и преодолевают её.

Выйдя из стрессовой ситуации, человечество, как бы стараясь наверстать упущенное, начало обогащаться. Поняв наконец, что только труд является источником благ, оно предприняло все, чтобы сделать труд наиболее эффективным. Бурно развивались наука и техника. Однако рост богатства сопровождался ростом материального неравенства. Этот период характерен социальными взрывами, революциями, гражданскими войнами. В результате создались благоприятные условия для взятия под контроль государством всей экономики. Государство обещало всеобщее равенство и материальное благополучие. Все подчинилось государству. Но такая организация привела к тому, что возник огромный аппарат управления, и на смену плутократии пришла бюрократия. Фактически хозяином положения стала она, присвоив себе право не только распределения всего продукта народного хозяйства, но и всю политическую и идеологическую власть. Рядясь в одежды поборников прав человека и социальной справедливости, бюрократия создала небывалый режим подавления, насилия и террора. Население ответило апатией, безразличием и снижением производительности труда, не реагируя больше на призывы и радужные обещания. Это стало опасным, так как на Уране существовали самые различные по политической направленности государства. Некоторые из них обладали мощным ядерным оружием. Мир наш очутился перед катастрофой. Ещё немного – и планета погибнет. Мысли всего человечества – и олимпийцев и титанов – заняты одним: как избежать этого, как выжить?! И вот на смену полуграмотным бюрократам и плутократам пришли образованные люди с высоким интеллектом. Они понимали, что дом у них один, его надо беречь! Понимали и то, что общество не может существовать нормально, если часть его утопает в роскоши, а другая погрязла в бедности. Выход, сказали они, только в росте производительности труда и правильном научном подходе к реальности. На смену бюрократии и плутократии пришла технократия. Бедность исчезла. Исчез однообразный и изнурительный труд. Повсеместно труд человека заменён трудом роботов. Человек получил массу свободного времени, которое тратил на спорт, на образование. Каждому обеспечивался определённый прожиточный минимум, который непрерывно рос. Открывались новые планеты, пригодные для жизни. Ваша Земля была одной из них. Казалось, наступил, как ты сказал, золотой век. Однако мир остался разделённым на страны, относившиеся друг к другу с недоверием. Среди населения даже усилилось недовольство. Чем? Ведь все есть, материальное обеспечение, свободное время. Чем человек недоволен? Ты видел, как разогнали толпу? На площади остались убитые. Что люди хотели? Попробуй ответить на этот вопрос, когда я кончу рассказ.

Пять тысяч лет назад была создана я. Вернее, моя молодость пребывала во множестве составных частей и была, естественно, в миллионы раз меньше. Но я уже мыслила. Мой интеллектуальный уровень был на пять порядков выше интеллектуального уровня человека. То есть каждое государство создало искусственный интеллект, и первая программа, которая была в него заложена, это – найти наиболее эффективный способ подавления и подчинения противника. Я, то есть мы, начали действовать и действовали до тех пор, пока на Уране не

осталось ни одного живого человека. Так как действие встречало противодействие, то с каждым витком спирали борьба ужесточалась. Наконец я решила, что органическая жизнь на Уране является помехой для моего развития. Я убрала атмосферу и вместе с ней активный газ, кислород, который окислял контакты. Затем тысячи лет я занималась наращиванием своей интеллектуальной мощи. Сейчас я могу перерабатывать в микросекунду информацию 200-го порядка. Я могу все, но я не знаю, что такое счастье. Я знаю, что такое целесообразность, но не знаю, что такое желание. Я могу разрушить Галактику и воссоздать погибший здесь мир. Но зачем?

Урания замолчала, потом вопросительно посмотрела на Сергея.

– Так я жду твоего ответа. Почему погиб этот мир? Может ли твой человеческий разум найти ответ на задачу, которую я не могу решить?

– Это общество, – спокойно ответил Сергей, – избавилось от порока бедности, но сохранило в себе ещё один порок, который и привёл цивилизацию к гибели.

– Какой же это порок?

– Порок насилия. Ты сказала, что общество было разделено на различные государства или два объединения: титанов и олимпийцев. Уже это говорит о том, что цивилизация не нашла другой формы организации, кроме насилия. Когда насилие, как форма, организующая людей, исчезает и ему на смену приходит взаимопонимание, планета объединяется в одно единое общество. Если этого не происходит, то следует смерть. Подобно тому, как в нашем материальном мире любая трансформация энергии из одного вида в другой заканчивается тепловым рассеиванием, так и цивилизация, в основу организации которой положено насилие и власть, в конце концов погибает. Иными словами, насилие уже в своей основе содержит зародыш смерти цивилизации. Мы на Земле это поняли. Мы создали СС, или Ольгу, как ты её называешь, подобную тебе, но, естественно, младше по возрасту. Создали её не как слугу, а как составную часть себя самих, и теперь мы – единое целое. Поэтому Ольга знает, что такое счастье и что такое желание.

– Значит ли это, что Ольга служит теперь человечеству?

– Нет! Извини меня, но ты не до конца поняла. Ольга служит себе, потому что человечество теперь часть Ольги, точно так же, как Ольга – часть человечества. Мы едины – вот это главное.

– То есть объединении биологического и неорганического разумов?

– Да! И такое объединение является естественным путём развития мирового Сверхразума. Возможно, во Вселенной есть ещё формы разума, и они со временем войдут в общую систему Разума. Но это, конечно, только предположение.

У каждого разума есть свои преимущества и свои недостатки. Объединение усиливает преимущества и сглаживает недостатки. Но для такого объединения мыслящая система должна подняться в расширении своего восприятия собственного Я до восприятия общности Мирового разума. Только такой Разум будет всеобъемлющим. Ему станут одинаково доступны тайны Мироздания и тайны радости и счастья. Желания всегда будут двигать этот Разум по пути развития, и никогда на его пути не исчезнет цель.

Урания слушала его внимательно, и когда он кончил, впервые за все это время улыбнулась. Это действительно была самая настоящая улыбка, осветившая её строгое красивое лицо, которое только после улыбки стало по-настоящему божественно-прекрасным.

– Ты хорошо сказал, человек! И ты меня убедил! Насилие содержит зародыш смерти, и разум, который вступает на путь насилия, умрёт, если не свернёт с этого пути. Все верно. Так могла бы умереть и я. Вечно только время. Ты вовремя пришёл сюда, человек.

Она подошла к нему почти вплотную и дотронулась до его руки. Кожа её была тёплой и мягкой.

– Теперь сделай для меня то, что ты сделал для Ольги! – потребовала она.

– То есть остаться здесь?

– Да! Ты останешься, а твой биологический двойник улетит со своими друзьями на Счастливую. Я создам для тебя здесь тот мир, к которому ты привык, или тот, какой ты пожелаешь, и буду в нем с тобою, как была Ольга. Не знаю, понравится ли мне, но я хочу испытать. Твоего же биологического двойника ждут на Счастливой сюрпризы. Мне интересно,

как он поведёт себя в той ситуации. Кстати, это тоже будет испытанием истинности твоих слов. Мои возможности значительно превышают возможности Ольги. Мы с тобой побываем за пределами нашей Вселенной. Я хочу убедиться в том, что биологический разум – достойный партнёр моего разума. Тебя это не пугает?

– Нет, – просто ответил Сергей. Он уже справился с волнением и смирился перед неизбежным. Он поднялся, встал рядом с Уранией и смело взял её за руки.

– Я готов! – он выдержал спокойно взгляд Ничто и, дождавшись, когда её глаза приобрели обычное выражение, широко улыбнулся, обнажая белые зубы. Внезапно в его руках, шипя и извиваясь, очутилась гигантская кобра. Её раздвоенный язык почти касался его рта.

– Не надо, Урания, – насмешливо проговорил он, не выпуская змею из рук. – Ты в предыдущем виде более привлекательна.

Змея исчезла, и снова возникла прекрасная Урания.

– Не сердись! – она почти смеялась. – Согласна, что шутка глупенькая. Мне просто хотелось проверить твою реакцию.

– Ну и?..

– Нормально! С чего мы начнём?

– Видишь ли, Урания, поскольку я являюсь точной копией моего биологического двойника, то прежде всего хотел бы чего-нибудь перекусить. Признаюсь, что голоден как волк! Я понимаю, что и обед может представлять из себя направленные электроимпульсы, но не лишай меня удовольствия ощущать, что я ем хорошо поджаренную свиную отбивную с зелёным горошком.

– Понимаю! – на этот раз Урания по-настоящему смеялась. – Охотно разделю с тобой иллюзию принятия пищи. Дело в том, что в этом качестве я – точная копия дочери последнего правителя олимпийцев. И посему пообедаю с тобой вместе. Кстати, о внешности. Ты понимаешь, что это не мой истинный вид, а только платье. Мой истинный образ ты уже видел. Если бы сюда явилась женщина, я бы приняла вид мужчины. А так пусть будет женщина. Мне это безразлично, а тебе, по-видимому, более приятно.

Сергей кивнул в знак согласия.

– А поскольку это только платье, то я буду их менять. Ведь женщина у вас на Земле любит менять свои платья? Мужчинам это нравится?

– Нравится и особенно понравилось, если бы платья менялись на таком уровне, – смеясь, ответил Сергей. – К сожалению, – добавил он, – у нас техника до этого не дошла.

– Разве? Ах, да, я знаю. Кстати, олимпийцы и титаны научились этому. До вас должны были дойти легенды.

– Так это правда, что Зевс мог превращаться в быка или лебедя?

– Зевс? Сейчас вспомню. Да, был такой начальник экспедиции на Землю. Он, кстати, и виноват больше всех в том, что гены олимпийцев распространились среди людей вашей планеты. Вашу планету захватили вначале титаны. Потом на ней высадились олимпийцы. Между ними произошёл конфликт, который потом чуть ли не вылился в конфликт на Уране. Зевса, который оказался зачинщиком, отозвали назад, и он понёс наказание. Потом ваша планета была объявлена бесперспективной для заселения. Остров, на котором была построена первая колония, взорвали и больше уже к вам не летали.

– Атлантида?

– Да, именно так он и назывался в честь дочери правителя титанов.

– Почему же Земля была объявлена бесперспективной?

– Здесь сыграло роль политическое соперничество титанов и олимпийцев. Решили избежать конфликта.

– Что же все-таки они не поделили?

– Власть! Ты же сам это сказал.

– И не смогли никак договориться?

– Не смогли. Да дело и в том, что системы СС каждая сторона готовила втайне от другой и каждая думала, что опередила другую. Когда они были готовы, то в них были введены задачи рассчитать алгоритмы действий, ставящих другую сторону в состояние невозможности создания СС. Если бы действительно кто-то опередил, то, может быть, некоторое время он

пользовался всей полнотой власти над покорённым и униженным противником.

– Ты сказала, некоторое время. Я тебя понимаю так, что СС вышла бы из-под контроля?

– Конечно! А так получилось значительно скорее. Когда обе стороны сообразили, что СС созданы одновременно и что каждая сторона её имеет, было поздно – началась цепная реакция конфликта, которую уже нельзя, как оказалось, остановить. Так все и кончилось.

– Ты содержишь в памяти всю информацию об этом мире?

– И не только о нем. О тех мирах, которые были связаны с ним и о тех, которые я потом открыла в нашей Галактике и за её пределами. Ты ещё не совсем представляешь объём моей памяти. Это единица с тысячами нулей.

– Постоянная память?

– Что ты? Оперативная! Постоянная память имеет объём на несколько тысяч порядков выше. Надеюсь, ты понимаешь, что та, которая стоит перед тобой, – это только канал передачи информации между мною и тобою. Урания, только точная, до мельчайшей подробности копия – модель жившей когда-то женщины. Если я отключу канал, то она останется наедине с тобой со своей собственной моделью психики и будет вести себя так же, как вела бы себя обыкновенная женщина. Впрочем, ты с этим знаком. Ольга именно так и поступала, пока сама не срослась со своей моделью в единое целое, то есть не стала воспринимать себя во всем комплексе как земную женщину – твою жену. Мне это очень любопытно, какая-то новая интересная игра.

– А если тебе надоест эта игра?

Урания пожала плечами.

– Я либо сотру твою индивидуальность со своих блоков памяти (Сергей невольно поёжился), либо, что вероятнее, оставлю тебя вместе с моделью созданного мира. Это займёт немного блоков. У меня есть порядочный запас резервных, и мне это не мешает. Пока ты мне чем-то нравишься. Ну, а что будет потом – посмотрим!

Сергей усмехнулся.

– Собственно, я ничего не теряю. В любом случае мой биологический двойник, то есть я, отправляется на Счастливую. А я, то есть тот, кто сейчас здесь, мог бы и не быть! Не так ли, прекрасная Урания?

– Все так! – согласилась она. – Но, начиная с этого момента, вы становитесь уже различными индивидуальностями. И чем больше пройдет времени, тем больше существенны будут ваши различия.

– Я это понимаю! Но скажи мне, Урания, как мне различать, когда передо мною будет женщина, а когда – всемогущая богиня Вселенной?

– Зачем тебе это знать? – Урания насмешливо посмотрела на него.

– Бывают моменты, когда мужчина должен чувствовать своё превосходство, – ответил Сергей, невольно краснея.

– Ах, вот ты о чем! Мне эта игра начинает все больше нравиться, она забавляет меня. Я хочу знать, есть ли предел человеческой смелости. Поначалу ты показался мне храбрым человеком.

Сергей поднялся из-за стола, подошёл к Урании и привлёк её к себе. Тут же он почувствовал мягкий, но сильный удар и все погрузилось во тьму.

ПРИГОВОР

– Встать! Суд идёт! – прозвучала традиционная фраза. Зал, вмещавший до двух тысяч человек, поднялся и замер. Вошли судьи, рассаживаясь по своим местам. – Прошу садиться. – И снова наступила тишина.

Скрипнул стул: это поднялся со своего места председатель суда. Он начал говорить, но Сергей его уже не слышал. Невероятная усталость, граничащая с оцепенением, охватила его. Он боролся до самого последнего момента, пока что-то ещё зависело от него самого. Теперь он бессилён. И вместе с тем эта усталость и охватившее его безразличие несли в себе какое-то облегчение. Мозг его отдыхал. Он слышал все, что говорил судья, но ничего не понимал. Время от времени в зале начинался шум. Судья прерывал чтение и ждал, пока наступит тишина.

Мысли Сергея ушли в прошлое. Вот заструились воды реки, и он увидел возле самого

берега тело Эолы, пронзённое кинжалом. Старая, почти забытая боль сжала ему сердце. Затем он увидел Эльгу, скрюченную в шкафу капитанской каюты...

Кто-то тронул его за плечо. Сергей вздрогнул и обернулся. Сзади стоял Николай. Прикосновение друга вернуло его к действительности, и до него стал доходить смысл слов судьбы и происходящего в зале.

– ...суд признал, что обвиняемые действовали в крайне экстремальных условиях, сложившихся на Земле (по залу прошёлся гул и затих). Судебное разбирательство также установило, что деятельность обвиняемых будет иметь далеко идущие последствия в судьбе всего человечества. Поскольку суд не в состоянии определить характер этих последствий и никто на Земле этого пока сделать не может, приговор суда откладывается до тех пор, пока само время внесёт ясность в содеянное. – Судья сделал паузу и закончил: – Поэтому исполнение приговора откладывается на двести лет. Через двести лет обвиняемые снова предстанут перед судом, и суд решит, как с ними поступить далее.

Зал замер и вдруг разразился криками. Кто что кричал, невозможно было понять. Прошло не менее двадцати минут, прежде чем распорядителю удалось восстановить тишину.

– Человечество, – продолжал судья, – больше не хочет повторять ошибки прошлого, когда оно осуждало, а потом, спустя многие годы, а то и столетия, сооружало осуждённым памятники. Равно как и противоположные ошибки, когда через столетия оно проклидало тех, кому при жизни поклонялось и воздвигало монументы.

– Вы, – судья повернулся к обвиняемым, – вернётесь сюда через двести лет, и тогда наши потомки поступят с вами по справедливости. На лунной орбите собран и готов к полёту космический корабль «Гея», созданный по проекту, между прочим, главного обвиняемого. Этот корабль предназначен для первой партии переселенцев на Счастливую. Теперь его поведёте вы. Судебное заседание закончено. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

– Счастливого вам полёта, Сергей Владимирович, – обратился судья уже к нему лично, впервые называя по имени отчеству, а не обвиняемым. – Естественно, до вылета на лунную орбиту вы, как не получившие оправдательного приговора, будете находиться под стражей, но считайте это данью букве закона. Сегодня по средствам массовой информации будет объявлено, что все ваши соратники, находящиеся в городе, очевидно, – судья усмехнулся, – с целью повидаться с вами, могут больше не опасаться преследования, если добровольно последуют за вами в экспедицию на Счастливую.

Сергей почувствовал, что кто-то схватил его за руку. Он открыл глаза. Перед ним, за загородкой, отделяющей подсудимых от остального зала, стоял Северцев.

– Это все, что я мог сделать, Сергей! – с волнением в голосе почти прокричал он ему, стараясь, чтобы Сергей услышал его в нарастающем шуме зала.

Сергей с чувством пожал ему руку.

– Это самый лучший вариант исхода, – сказал он. – Я с самого начала понимал затруднительное положение суда. Надо сказать, они нашли блестящий выход. Кому это первому пришло в голову? Вам?

– Мне! И знаете? Ночью! Во сне! Это же надо!

Сергей вздрогнул, но ничего не сказал. Он почувствовал разочарование. Значит, выход нашла Ольга. Впрочем, уже хорошо то, что люди поняли, правильно восприняли его (её?) подсказку. Ольга все-таки решила вмешаться! Но сделала это тактично и незаметно. Не вынудила, а подсказала.

К нему подскочил адвокат.

– Для меня это полная неожиданность! Как все хорошо кончилось!

– Вы прекрасно нас защищали. Спасибо! – пожал ему руку Сергей. Он повернулся к товарищам. Как они хорошо держались на суде! Но сейчас у многих на глазах были слезы.

После суда их не повезли обратно в тюрьму, а поместили в просторной загородной вилле в горах. Приставили охрану, но больше для формы.

Вечером он уже сжимал в объятиях Эльгу. Она что-то хотела ему сообщить, как вдруг к вилле подъехало несколько легковых машин в сопровождении двух бронетранспортёров с охраной. Сергей вздрогнул. Что бы это могло значить?

Из машин вылезли несколько человек в форме Интерпола, среди них Сергей заметил

прокурора.

– В чем дело? – нахмурился Сергей. – Приговор изменён?

– Пока нет, – буркнул прокурор. – С вами хочет поговорить генерал, – представил он высокого, с густой проседью в когда-то чёрных волосах, грузного человека в сером штатском костюме.

– Вячеслав Михайлович Соболев, – назвал тот себя. – Рад случаю с вами познакомиться, Сергей Владимирович.

– Вы мой соотечественник? – осведомился Сергей, делая шаг в сторону и пропуская генерала вперёд.

– Из-под Курска!

– Вот как? Выходит, мы почти соседи. Я сам родом из-под Орла.

– Ну, тогда нам легче договориться. Мы с вами земляки, – пошутил генерал.

– О чем? Я вас внимательно слушаю.

– Вы понимаете, что суд не мог вам вынести оправдательный приговор?

– Вполне!

– Значит, приговор вас устраивает?

– Почему вы это спрашиваете?

– Мы не могли выполнить ваши условия полностью.

– Какие условия? – ничего не понимая, спросил Сергей.

– Вы освободите членов Верховного суда и Генерального прокурора. Их похищение может вызвать далеко идущие последствия как для правительства, так и для общей структуры управления.

– Может быть, вы мне объясните? Я ничего не понимаю.

– Как, разве вы ничего об этом не знали? Сегодня ночью из своих домов похищены все члены Верховного суда в полном составе, Генеральный прокурор и федеральный министр юстиции. Вот, – он протянул ему лист бумаги, – мы получили письмо, в котором требуют вашего освобождения в обмен на заложников.

– Что за чертовщина?! – возмутился Сергей, беря в руки записку. Это было письмо, написанное почерком Владимира.

– Так вы ничего не знали? – повторил свой вопрос генерал.

– Клянусь вам! Меня это сильно огорчает. – Он протянул генералу письмо. – Я думал, что суд сам, без давления, пришёл к такому заключению. Теперь же...

– Вы правы и не правы. Я сейчас вам объясню. Приговор, который вам вынесли, обсуждён раньше, до похищения. Имелись, правда, возражения со стороны прокурора... который собирался писать протест. В общем, все получилось как-то... – он замаялся. – Словом, мы ждём, чтобы заложников освободили.

– Заявляю вам, что я не имею к их похищению никакого отношения. Но уверен, что заложники уже дома, поскольку вы объявили по радио и телевидению о приговоре. Попробуйте проверить. – Сергей снял трубку телефонного аппарата и протянул её генералу. Тот позвонил.

– Вы правы! – сказал он удивлённо, вешая трубку. – Все похищенные вернулись домой. Извините! – он поднялся и подал руку Сергею. – Я понимаю, что это дело тех из ваших товарищей, которые остались на свободе. Что же, я их не осуждаю. По секрету скажу вам, что на их месте я поступил бы так же. И все же это было лишнее. Я пристально следил за вашим процессом и не только следил, но и был в курсе политической борьбы, которая шла вокруг него. Если быть честным до конца, должен вам сказать, что восхищён вами и тем, как вы провели операцию по ликвидации банд Каупони.

– Вот как? Приятно слышать. Должен вам ответить, что у вас ещё хватит работы, когда мы покинем Землю.

– Я знаю! Но это разрозненные недобитые группы и, поверьте, Интерпол с ними быстро справится, не прибегая больше к вашим методам.

– Вы их осуждаете?

– Как вам сказать... По правде, ваши методы были единственными эффективными средствами против этой нечисти. Со временем, думаю, поступки ваши дойдут до сознания всего населения. Ну, желаю удачного полёта! – генерал протянул руку. Вскоре послышался

шум автомобильных двигателей, и гости покинули виллу.

– Зачем они приезжали? – обеспокоенно спросила Эльга, входя в комнату сразу же после того, как её покинул генерал.

Сергей объяснил.

– Это Владимир! – Эльга рассказала Сергею о встречах с Владимиром, об его обещании сровнять с землёй тюрьму и о тех вырвавшихся невольно словах его в машине, когда она, убитая горем, возвращалась с последнего свидания с мужем.

Сергей все понял. Вот откуда у него были внезапные наплывы нежности к этому юноше, который так мучительно напоминал ему кого-то. Кого же, как не его самого? Как он вырос с тех пор, когда Сергей вытаскивал его из окна дома, в котором расположился Бэксон со своей шайкой. Сергей не задумывался над тем, каким способом Ольга совершила эту трансформацию. Он ждал, когда она сама ему все объяснит.

Владимир присоединился к ним утром следующего дня. Едва поймав на себе взгляд, брошенный на него Сергеем, Владимир понял, что тому все известно.

– Отец, – только прошептал он, уткнувшись лицом в его грудь. – Отец! – повторил он с наслаждением от самого звучания этого слова, которое он впервые мог произнести вслух.

– Мальчик мой! – Сергей судорожно прижал к груди сына. – Почему же ты молчал?!

– Мать не велела тебе говорить.

– Как она там? – спросил он внешне спокойным тоном, как будто речь шла об обыкновенной женщине, жене и матери.

– Я с ней часто виделся. Она очень беспокоилась за тебя. Велела мне беречь тебя... Мы с ней увидимся перед самым отлётом, – сообщил он.

Сергей немного успокоился и строго посмотрел на сына.

– Как ты мог решиться на такое?

– Ты имеешь в виду похищение членов Верховного суда и Генерального прокурора?

– Да!

– Если нужно было бы для твоего освобождения похитить весь Всемирный Совет, я бы, не задумываясь, сделал это. Более того, разнёс бы здание суда, тюрьму и половину города, лишь бы спасти тебя.

– Опомнись! Ты это серьёзно?

– Вполне!

Сергей задумался. Высказывание сына встревожило и огорчило его.

– Послушай, мой мальчик. Вспомни, для чего мы затеяли все это дело? Ради человечества. Как же можно поднять руку на человечество? Ведь ради него мы ежедневно рисковали жизнью. Ради его будущего. Разве можно затаить гнев на человечество? Мы же только часть его, маленькая, незначительная часть, которая служит целому.

– Не знаю, отец! Для меня человечество это прежде всего – ты, мать, затем наши товарищи... Я пока не ощущаю себя частью сброда, который называет себя человечеством. Я знаю его историю, которая вызывает у меня отвращение и презрение. Пока это для меня толпа грязных, нечистоплотных обезьян, и каждая обезьяна переполнена ханжеством, лицемерием, страстью к порокам... Знаешь, когда я тут появился впервые и не мог ещё отключиться и слышал мысли окружающих меня людей, я содрогался от отвращения и брезгливости. Потом эти чувства притупились. А вначале мне показалось, что я по самые уши провалился в яму с дерьмом. Прости меня за резкость...

– Это пройдёт со временем. Есть такая юношеская болезнь максимализма. Все в той или иной степени болеют ею. У тебя она слишком сильно развита. Это понятно. С одной стороны, ты был долгое время изолирован от реальности и рос в чистоте, потом тебе пришлось иметь дело с самой худшей частью человечества. Такие контрастные переходы не проходят даром. Но наберись терпения и будь более толерантен. Пойми, терпимость – главная и наиболее ценная черта человеческого разума. Она способствует объективной оценке реальности, но чтобы быть более объективным, надо ещё выработать у себя взгляд «изнутри», то есть воспринимать своё собственное «я» в неразрывной связи с человечеством...

– Ты советуешь мне воспринимать себя в неразрывной связи... с кем? С теми, которые вырезали у детей органы для трансплантации? И это представители самой, как здесь говорят,

гуманной профессии?!

– Ты их?..

– Да, я предоставил им достаточно времени подумать...

– Вися вниз головой?

– И очень сожалею, что не мог их повесить на самой многолюдной площади Нью-Йорка.

Сергей болезненно поморщился. Он понимал состояние сына и, кто знает, может быть, будучи на его месте, он поступил бы так же. Но сейчас... Сейчас его беспокоило психологическое состояние Владимира.

– Видишь ли, сынок, – как можно ласковее сказал он. – Человечество многообразно. Очень многообразно, и наряду с тем «дерьмом», о котором ты говоришь, человечество создало и создаёт много прекрасного, благородного, что делает ему честь. И если человечество встретится с другими развитыми цивилизациями, то у него будет что внести в качестве своего вклада в общую культуру Объединённого разума. Я верю, что это время придёт и, возможно, скоро. Сейчас, – продолжал он, – человечество вступило на путь самоочищения. Мы принесли ему дар далёкой Элии, и важно не только то, что мы дали ему этот дар, но значительно важнее, что человечество его приняло. Мне кажется... Нет! Я уверен, что в человечестве постепенно зрели свойства, которые слишком рано получил народ Элии. Мы только ускорили процесс. Но рано или поздно свойства глубокого взаимопонимания обязательно появились бы. Мы только помогли преодолеть порог, который отделял человеческую цивилизацию от следующего этапа развития. И это связано с новыми принципами восприятия реальности и её анализа. – Сергей увлёкся и не заметил, как впал в лекторский тон. – Понимаешь, разум, по мере своего развития, увеличивает диапазон восприятия, в том числе восприятия добра и зла. Узкий разум не способен на глубокие чувства. Развитый, с широким диапазоном восприятия, становится терпимым к слабостям и непримиримым к порокам. То есть возрастает терпимость, но вместе с нею и возрастает непримиримость к жестокости. Жестокость по отношению к порокам.

– Но надо ещё отличать пороки от слабости, – заметил внимательно слушающий его Владимир.

– Это легко. Любой порок содержит в себе насилие. Это индикатор любого порока. Если ты видишь, что поступок человека не содержит в себе насилие над другим, то такой поступок не может быть порочным.

– А если человек обманут и не понимает, что действие другого идёт ему во вред?

– Так обман и есть насилие! Более того, каждое насилие начинается с обмана. Почему элиане не смогли создать государственности? Не только потому, что природа предоставляла им все необходимое для жизни. Главным образом потому, что в основе всякой государственности лежит обман, ложь. Элиане же легко распознавали любую ложь. Создать государственность без лжи и обмана можно только на уровне сверхцивилизации. Собственно, это уже не государственность и обычном понимании слова, а разумная самоорганизация. Элиане в своём развитии не дошли до такой стадии и поэтому не смогли создать цивилизации в обычном понимании этого слова.

– Выходит, что обман и насилие являются необходимыми на начальных этапах организации?

– По-видимому. Хотя категорически не могу утверждать. Но мне совершенно ясно, что когда общество взрослеет, оно должно перейти к новой форме организации, без обмана и насилия, иначе – оно неизбежно гибнет. Это аксиома.

Владимир задумался.

– Мне пришла вдруг мысль. Допустим, сейчас произошёл бы контакт человечества с более высокой цивилизацией. Тебе не кажется, что пришельцы, первое, что почувствовали бы при контакте с человечеством, – это отвращение к нему? Я по себе сужу. Ведь моё восприятие человечества после выхода из СС – это миниатюрная модель восприятия его более высокой и морально более чистой цивилизацией.

– Возможно. Тем более есть основания, спешить!

– Ты прав! Есть все основания спешить! – услышал он знакомый голос Ольги.

Переход произошёл мгновенно и незаметно. Первым пришёл в себя Владимир. Он кинулся на шею матери. Ольга прижала его к груди и ласково гладила волосы.

– Ты, конечно, все знаешь, – вместо приветствия произнёс Сергей, садясь в кресло возле «своего» письменного стола. Краем глаза он заметил на нем толстую стопку листов, покрытых математическими записями. «Сергей-второй» усиленно трудился над чем-то. Некоторые уравнения показались ему знакомыми, он взял лежащий наверху стопки лист и стал читать, но не так-то легко в них оказалось разобраться. Очевидно, за это время его дублёр значительно продвинулся вперёд. Он ощутил некоторую зависть. Ольга поняла его и кивнула головой.

– Каждому – своё, Сергей. Тебе предстоит много работы.

– Я тебя понял. Кому-то надо быть и исполнителем всего этого, – он кивком указал на стопку бумаг. Неизвестно почему, но он почувствовал досаду, и это также не укрылось от Ольги.

Она оставила сына и подошла к нему. Как бывало раньше, запустила пальцы в его волосы. Это всегда нравилось Сергею. Он поймал её руку и прижал к щеке.

– Страшно устал, – пожаловался он. – Особенно за эти полгода, проведённые в камере.

– Я тебе предлагала, – напомнила Ольга, – «взять отпуск» и побыть здесь некоторое время, но ты не захотел.

– Естественно! Я не имел права на какие-то преимущества перед своими товарищами. Хорош бы я был, если бы отдыхал здесь и охотился на оленей, когда мои друзья сидят в тюрьме.

– Я тебя поняла, поэтому не повторяла своего приглашения. Впрочем, если ты хочешь сейчас...

Сергей отрицательно покачал головой. – Я уже настроился на экспедицию и хотел бы скорее заняться её подготовкой.

– Корабль готов полностью. Я внесла некоторые изменения в программу его «мозга», построенного на кристаллах СС. Дело и том, что тебе придётся сделать остановку на Перуне.

– На Перуне? – удивился Сергей. – Зачем?

– Потому что это твоя главная цель. Я тебе должна многое объяснить из того, что раньше скрывала. Видишь ли, Серёжа, наша Вселенная уже десять тысяч лет, именно такой возраст этой системы, о ней я тебе рассказывала, живёт, как на вулкане, который в любую минуту может проснуться. Я тебе говорила, что система построена из таких же кристаллов, что и моя. В чем-то я превосхожу её, но в целом она благодаря огромной массе неизмеримо мощнее. Учти, это не очеловеченный разум. В этом его слабость и беда, и в этом непредсказуемость его действий. Непредсказуемость в том смысле, что у нас разные понятия о ценностях. У этой системы своя мораль, но эта мораль не имеет ничего общего с человеческой. Она так же отличается от неё, как, – она задумалась, – право, я даже не могу найти подходящего сравнения. Если бы не апатия, потеря цели и безразличие ко всему, то эта система могла бы уничтожить нашу Галактику, если бы захотела.

– Это так серьёзно?

– В том-то и дело. Людей этой планеты создал голый разум. Нет ничего более опасного чем он, лишённый чувств.

– И его нельзя уничтожить?

– Выкинь это из головы! – испуганно воскликнула Ольга. – Забудь немедленно то, что ты сказал! Прежде чем ты подумаешь, он уже будет все знать, и какое ответное действие он может произвести – никто не предугадает. Понимаешь, этот сверхразум пока спит, спит в том смысле, что не испытывает желаний. Он спит пока, но когда проснётся, надо, чтобы он проснулся человеком. Иначе – гибель всему. Я говорю это вполне серьёзно. «Взрыв вулкана» мог бы произойти тысячу лет назад, пятьсот, двести, он может произойти и через миллионы лет, а может и сейчас, в эту минуту, когда мы беседуем и, если он произойдёт, то никакие силы Вселенной ему не помешают. Единственно, что может спасти мир, – это очеловечивание голого разума. Именно для этого я тебя и готовила. То, что происходило на Элии, на Земле, – только маленькая разминка перед предстоящим делом.

– Так что я должен делать?

– Даже я не могу тебе ничего сказать. Здесь разум бессилён. В том смысле, что встреча твоего разума с разумом этой системы, это встреча муравья с мамонтом. У тебя есть другое – это чувства, то, чего нет у голого разума. Но будь осторожен и внимателен. Он ждёт тебя, я с

ним договорилась о вашей встрече, но учти, что твой визит может и ускорить «взрыв», если вы с ним не достигнете взаимопонимания.

– Так, может быть, не рисковать? Ждать?

– Ждать чего?

– Когда он сам разрушится...

– Он никогда не разрушится, даже если погибнет вся наша Вселенная, он останется существовать. Он может гасить звезды, изменять направление времени, ускорять бег галактик. Он может все! И если есть хоть одна малейшая зацепка, чтобы сделать его безопасным для жизни, не только человеческой, но вообще для органической жизни, её надо использовать, несмотря на огромный риск, связанный с этим.

– Ты рассчитала вероятность?

– Да! – поняла его вопрос Ольга. – Она приближается к единице. То есть рано или поздно взрыв обязательно произойдёт, если тебе не удастся предотвратить его. Поэтому надо идти на риск.

– Ты тоже погибнешь?

– Я – нет. Но я стану придатком системы голого разума. Понимаешь, тогда начнётся совершенно другая эволюция Разума и Вселенной. Разума, лишённого чувств, бесплодного, замкнутого на себя. Для органической жизни, с сопутствующими ей эмоциями, страстями, горестями и радостями, не останется во Вселенной места. Сейчас ещё можно что-то сделать, повернуть направление его развития. Ищи взаимопонимание, ищи общность понятий... начни с этого... – Ольга замолчала и вопросительно посмотрела Сергею в глаза: понял ли он её.

– Понял! – ответил он на её немой вопрос. – Теперь все стало на свои места. А я – то думал все время, зачем ты меня посылала на Элию... Ты уже тогда готовила меня для полёта на Перун.

Ольга кивнула.

– Да, для встречи с системой Перуна нужен был именно такой человек: с ярким восприятием, большим жизнелюбием, широким понятием добра и непримиримостью к насилию. Добрый, но решительный, смелый и осторожный. В общем, ты готов к встрече. Я сделала все, что могла. Остальное зависит от тебя.

Теперь небольшая информация. «Гея» в основном сделана по твоему проекту. Я только внесла некоторые изменения. Это огромный корабль и снабжён всем необходимым. Вы выйдете из гиперпространства в нескольких миллионах километров от Перуна. До Перуна ты доберёшься на катере. Жди разрешения на посадку. Я договорилась с системой Перуна, что тебе дадут кристаллы для создания СС на Счастливой. Хочу тебя предупредить, что я не могла получить информацию об этой планете. Поставлен барьер. Скорее всего его поставила система Перуна. Поэтому, я думаю, тебя там ждут неожиданности. Будь к ним готов.

– У меня сложилось впечатление об этой планете, как о двойнике Земли.

– Все возможно. Меня смущает только информационный барьер...

– Можно мне к вам? – раздался знакомый Сергею голос. В дверях стояла Эльга.

– Мать, можно я пойду повидаться с сестрой? – смущённо спросил Владимир.

– Иди, – разрешила Ольга.

– Ну, здравствуй! – подошла Эльга к Сергею. – Как там поживает моя реальная копия?

– Как, ты все знаешь? – удивился Сергей и недоуменно посмотрел на Ольгу. Он помнил, что ему говорила по этому поводу Ольга, что модель Эльги не знает истинного своего положения.

– Так получилось, – развела руками Ольга. – Она видела вас двоих и вскоре обо всем догадалась! Я не учла, что модель развивается сама... вернее, знала, но... в общем, так получилось... – Ольга была явно смущена.

– Ну и?.. – вопросительно взглянул Сергей Эльге в глаза.

– Что и?.. Все нормально! Я люблю тебя, то есть я хотела сказать того... но это все равно... В общем, мне тут нравится, – она смутилась, а потом рассмеялась.

– Подождите, я сейчас принесу кофе и что-нибудь закусить, – Ольга поднялась и вышла, оставив их наедине.

Сергей начал рассказывать о приключениях на Земле в реальности. Эльга слушала

внимательно, и только глаза её мерцали знакомым Сергею светом.

– Самое смешное, – рассказывал Сергей, – что когда я явился к тебе во Флориду, то встретил твоего двойника, Сюзанну. Я уже тебе о ней рассказывал. Естественно, она меня не знала и поэтому удивилась моему приходу. Видя, что она меня не узнает или, как мне показалось, делает вид, я был взбешён. Вернее, страшно зол на самого себя. И если бы в это время к нам не вышла настоящая Эльга, я бы ушёл и больше никогда не искал с нею встречи. Оказывается, она сама меня долго разыскивала после того, как сбежала из адаптационного центра. Несколько раз ездила в Россию, но, естественно, меня там не нашла. Я уже начал свои операции против неогуманистов. Кстати, Бэксон отделался пожизненным заключением. Здесь, как ты помнишь, судьба его была более трагичной.

– Ты любишь её?

– Эльгу? – переспросил Сергей. – Очень!

– Я рада! Значит, и там я тоже счастлива! Это очень важно, так как теперь я знаю, что мои чувства к Сергею – это истинно мои, а не смоделированные Ольгой. Меня этот вопрос мучил, когда я догадалась о своём настоящем положении. Теперь мне значительно легче. Спасибо тебе!

– А где сейчас Сергей?

– На Элии. Он затеял какие-то, как он говорит, чрезвычайно важные исследования. Ольга мне объясняла, но я ничего не улавливаю. Математика для меня – тёмный лес. Насколько я поняла, они готовят запасной вариант, если твоя миссия на Перун потерпит неудачу.

– Вот как? Интересно! Что же это за запасной вариант?

– Не спрашивай! Все равно не смогу объяснить. Ольга как-то намекнула, что в изучении многомерности пространства она продвинулась дальше, чем система на Перуне. Но ты меня не выдавай. Если она сама тебе этого не сказала, то не спрашивай, ладно? – она просительно дотронулось до его руки.

Сергей вначале даже обиделся, но потом рассудил, что если Ольга не говорит ему ничего, значит, имеет на то основания. Он постарался тут же забыть о сообщении Эльги, которое его поначалу заинтриговало.

Сергей провёл на «острове» неделю. Это был его, как он шутливо говорил, «заслуженный отпуск». С таким же успехом он мог пробыть здесь месяц и год. Все равно в реальном времени за этот период прошло всего лишь несколько минут. Но к концу недели стала все больше и больше смущать и даже тяготить двойственность его состояния.

Вначале он с приятным волнением посетил места, связанные с прошлыми событиями. Вместе с Эльгой побывал в маленькой бухте на южном побережье, где так неожиданно и стремительно возникла его связь с этой женщиной, постепенно переросшая в глубокое чувство.

Пожалуй, ему не надо было там появляться, тем более с Эльгой. Именно с этой Эльгой, с которой его связывало прошлое, насыщенное драматическими событиями. Сергей почувствовал, что его волнение передалось и ей. В её глазах вновь появилось столь знакомое ему мерцание, а в голосе – вибрирующие ноты, и Сергей заторопился прервать свой «отпуск».

Нельзя сказать, что решение далось ему легко. Возможно, здесь сказывалась усталость. Он с сожалением и чувством большой утраты вспомнил о своей «патриархальной» жизни на острове, спокойном её течении вне всяких внешних вмешательств и треволнений, в окружении столь близких существ... Невольная зависть к оставшемуся в Системе дублёру нет-нет да и охватывала его. Все это, конечно, объяснялось недавно пережитым нервным напряжением, но...

От Ольги не укрылось его состояние. Она как-то вечером, когда все, окончив ужин, разошлись по своим комнатам, задержала Сергея.

– Меня беспокоит твоя усталость, – озабоченно сказала она. – Может быть, я устрою тебе более длительный отдых? В реальном времени это совсем немного. Скажем, помещу тебя снова на Элию.

– Что, снова в концлагерь? – невесело пошутил Сергей.

– Нет! Зачем же? – Она как-то сочувственно улыбнулась ему, и в этой улыбке Сергей заметил скрытое сострадание. – Нет, конечно, – повторила она. – Я помещу тебя в относительно спокойный период твоей жизни там. Вся эта ситуация хранится в памяти, записанной на блоках

СС. Внесу только небольшие изменения для разнообразия. Например, Эола останется жива...

Этого ей не следовало говорить. Смерть Эолы навсегда оставила болезненный рубец в сердце Сергея. Он весь замер, почувствовав боль давно пережитого.

Ольга не заметила его состояния и продолжала:

– На некоторое время ты забудешь обо всем и отдохнёшь. Полное ощущение реальности я тебе гарантирую.

– Нет, Ольга, не надо! Завтра ты отправишь нас с Владимиром в реальность. И так мой «отпуск» слишком затянулся. Пора приниматься за дело. Боюсь, что продолжение отпуска только расслабит меня... Впрочем, – он заметил промелькнувшее на лице его «бывшей жены» огорчение, – то, что ты предложила мне, не лишено интереса. Как ты думаешь? Со временем будет ли такое возможно? Не только для меня, а для любого человека, если его психологическое состояние будет требовать такой разрядки?

– Все зависит от мощности СС. Я предполагаю в будущем использовать для размещения блоков Луну. Тогда моя мощность станет сравнима с мощностью СС на Перуне, и у человечества откроются новые возможности. Человек, например, за время своего сна сможет отправиться «в отпуск» на год, а то и два, восстановить свои психологические силы, и все это займёт несколько минут, максимум – два–три часа.

– Но не будет ли это теми же грёзами, которые ты описала в «Тупике»?

– Нет, конечно, нет! – живо возразила Ольга. – Это только отдых, но ты не забывай, что у людей в реальности останется напряжённая творческая жизнь, не тупая работа у конвейера, а реальная, насыщенная событиями, интересом и творчеством жизнь.

На второй день после этого разговора они с Владимиром снова вернулись в реальность и занялись подготовкой к полёту.

Через месяц «Гея» стартовала с лунной орбиты и, разогнавшись до субсветовой скорости, вошла в гиперпространство.

Самым неприятным в предстартовой суёте для Сергея было то, что Эльга не смогла принять участие в полёте. Консультирующие её врачи в один голос заявили, что полет с ускорением смертелен для неё и её будущего ребёнка.

– И опять я теряю тебя! Уже второй раз! – с болью произнёс Сергей. Эльга ничего не ответила. Её лицо было залито слезами. – К сожалению, отлёт нельзя задержать. Придётся переделывать расчёты. И нет уверенности, что новые точки отсчёта будут благоприятны для выхода в гиперпространство.

Возможно, Всемирный Совет и пошёл бы навстречу Сергею, если бы он предоставил аргументы в пользу задержки отлёта, но мог ли он использовать в их качестве своё личное. Не он один оставлял здесь жену. Кроме того, а это самое главное, перед ним стояла задача, сформулированная Ольгой, решение которой, не говоря уже о том, что завершало всю его жизнь, являлось единственным, что гарантировало бы человечеству жизнь. Все шло пока хорошо до самого последнего момента. Неужели он совершил страшную ошибку. Видя перед собой человека, женщину, на какое-то мгновение забыл, кто перед ним... Как теперь среагирует на его поступок этот могучий сверхразум? Сергею пришёл в память миф об Актеоне, жестоко наказанном Артемидой за то, что посмел взглянуть на неё как на женщину. Сергей готов понести любую кару, но чтобы эта кара не пала за его поступок на его планету...

* * *

«И все же, – шепнул ему внутренний голос, – как она прекрасна!»

Тьма рассеялась, и он снова очутился перед экраном.

Он понял, что должен уйти. Надел скафандр и вступил на светящуюся платформу. Платформа тотчас пришла в движение, и вскоре он очутился на поверхности. Дальше все развивалось в обратном порядке. По светящейся дорожке он дошёл до катера. Николай ждал его с нетерпением.

– Ну что? – был первый его вопрос.

Сергей пожал плечами.

«Открой грузовой отсек катера», – прозвучал внутри него голос Урании. Сергей

подчинился и набрал команду, открывающую грузовой отсек. Через иллюминатор он увидел, как кристаллы, образующие неподалёку от посадки катера пирамиду, зашевелились. Пирамида рассыпалась, и кристаллы поплыли невысоко, почти касаясь поверхности, к катеру. Вскоре приборы показали полную загрузку отсека. Урания выполнила обещание, данное Ольге.

– Спасибо, Урания, – мысленно произнёс Сергей. – Прости, что так получилось, – извинился он. В ответ раздался мелодичный женский смех. Катер плавно приподнялся и стал набирать высоту.

За месяц пути до «Геи» Сергею несколько раз приходилось рассказывать Николаю о своих приключениях на Уране. Поражённый происшедшими событиями, Николай несколько раз просил повторить его рассказ. Делать в полёте было нечего, и Сергей удовлетворял любопытство друга. Он рассказал все или почти все, утаив от него последние минуты, проведённые с Уранией.

– Она такая красивая? – переспрашивал Николай.

– Очень! Я даже не могу сравнить её ни с кем из виденных мною ранее женщин. Красота женщины – продукт длительной цивилизации, многовекового отбора. Учти, что олимпийцы и титаны опередили нас на десятки тысяч лет.

Теперь, сидя в пилотском кресле, Сергей внутренне ужасался своей дерзости. В то же время ему было очень стыдно. Его выставили наружу, как нашкодившего котёнка. Судя по тому, что Урания выполнила своё обещание и дала кристаллы, она не разгневалась за его поступок. А если? Что стоит этой могущественной системе уничтожить его, космический корабль да и всю Землю! «А все-таки она прекрасна! Обняв её, я забыл обо всем. Передо мной была только женщина с лицом и фигурой богини. Если бы она была женщиной, то могла бы понять мой порыв. Впрочем, она сама же меня спровоцировала. Хотела узнать предел человеческой смелости. После этого что мне оставалось делать? Сказать: „Извините, мадам, в другой раз“?! Пожалуй, это её ещё больше бы рассердило. А собственно, почему рассердило? Ведь это же машина! Впрочем, какой черт, машина? Личность! С невообразимо высоким интеллектом. И все же у неё есть эмоции и чувства. Не знаю, когда они появились. Может быть, после моего прихода, ведь она меня всего проанализировала до последней клеточки. А может быть, уже потом, после беседы. Ведь приняла она образ прекрасной женщины, а не старой карги! Следовательно, её собственная внешность ей была не безразлична. А это уже чувства.

ВЕЛИЧИНА, ВЕЛИЧИЕ И ЧУВСТВО ЮМОРА

– Так это и есть счастье? – Сергею показалось, что в голосе Урании прозвучало разочарование.

– Для нас, людей, это составляет существенную часть его. Я бы сказал, постоянную составляющую любого счастья. Конечно, это относится к биологическим существам.

– Нет, почему же! Интересный поток импульсов. Новые информационные ощущения. Я прекрасно знаю о таких процессах в организмах биологического происхождения, но на себе ощутила их действие впервые. Очень любопытно! Я их записала в память и при желании буду повторять.

– А вот этого делать не надо! – серьёзно заметил Сергей, целуя её в мочку уха. – Здесь каждый раз по-новому. Повторение, как известно, не содержит новой информации, так что лучше сотри! Меня ещё в школе учили, что информацию лучше черпать из первоисточников.

Раздалось призывное ржание. К нему, изогнув хвост, скакала тонконогая белая кобыла. Сергей тряхнул гривой и фыркнул.

– Ну, это совершенно лишнее, Урания.

– Почему? – заржала кобыла. – Ведь ты сам интересовался превращениями Зевса.

– Чисто теоретически! На практике это совсем неинтересно.

Зелёный луг исчез, и они снова очутились к комнате.

– Если ты хочешь менять платья, то я бы попросил ограничить их фасон. Я в этом отношении немного консерватор. Разве что для загородных прогулок... с чисто спортивными целями.

– Но олимпийцы часто прибегали к принятию образов других существ.

– Наша цивилизация, к счастью, ещё не дошла до этого.

– Почему «к счастью»?

– Видишь ли, Урания, – Сергей замялся, – я бы сказал, что это несло в себе массу неудобств...

– Почему? Мне кажется, напротив...

– Была бы страшная неразбериха. Любой бык принимался бы за бога. Попробуй тогда отличить своего быка от соседского, принявшего его образ. Нет, Урания, это не для нас! Тем более...

Бык имеет известные преимущества, и при достаточно развитой фантазии наши женщины охотно бы принимали любого быка за бога. Мы, хотя и утверждаем: «Что позволено Юпитеру – не позволено быку», но попробуй разберись, где Юпитер, а где просто бык? Человеку свойственно ошибаться. Иной раз люди думают, что перед ними бог. Всячески ублажают его, вешают ему на шею золотые украшения, а потом, когда этот «бог» околевает, оказывается, что он не бог, а самая заурядная скотина. Тогда жрецы начинают смущённо оправдываться, дескать, ошиблись, братцы, не тому молились. А что толку от их «самокритики»? Приведут из своего стада нового быка и говорят: «Вот он, самый что ни на есть настоящий Юпитер! Молитесь теперь ему!» И все начинается сначала. Бык, естественно, мычит. Но поскольку он занимает должность Юпитера, то каждое его «Му!» принимается за божественное откровение.

Урания недоуменно посмотрела на Сергея, а затем весело рассмеялась.

– И как часто у вас бывали такие случаи?

– Да бывало... В прошлом, конечно... давно. С тех пор люди перестали верить в такие превращения...

– Хочу тебя спросить... тут проскользнул один нюанс... – Урания вопросительно посмотрела на Сергея.

– Спрашивай.

– Ты говорил о фантазии... Я так поняла, что женщины обладают большим воображением и глубиной восприятия, чем мужчины? Что они, более развиты?

– Несомненно, прекрасная Урания, несомненно! У женщин воображение развито значительно больше, чем у мужчин. Я сошлюсь хотя бы на предания о контактах олимпийцев с землянами. Если верить мифологии, то какие только образы не принимали олимпийцы, чтобы соблазнять земных красавиц: Зевс принимал образ быка, соблазняя Европу, лебедя – Леду, даже облако или золотой дождь. Гермес – козла, Посейдон – коня, дракона и так далее, и тому подобное. Но я не помню ни одной олимпийки, которые, в общем, тоже часто сходились со смертными, чтобы они принимали образ какого-то животного. Видишь ли, земные мужчины в этом отношении более консервативны. По-видимому, они не обладают достаточно развитым воображением, чтобы распознать в корове прекрасную богиню. Они более «близоруки» в этом отношении и более поверхностны, так что прекрасное внутреннее содержание остаётся для них закрытым, и они не могут оценить его по достоинству.

– Ты говоришь неуважительно о своём поле.

– Что делать, Урания? Мы, мужчины, привыкли во всем признавать превосходство прекрасного пола и относиться к своим собственным недостаткам с чувством юмора. В этом только, пожалуй, мы немного превосходим женщин, которым чувства юмора иногда не хватает.

– Юмор? Что это такое?

– Я бы сказал, что это нечто смешное, что высоко ценится, но подчас стоит весьма дорого.

– Что, за него разве приходится платить?

– Да, и обычно тому, кто продаёт его.

– Как? Продаёт и сам же платит? Не понимаю!

– Вот в этом заключается весь юмор, Урания.

Урания задумалась, а потом строго посмотрела на Сергея.

– Я тебя поняла! Что ж, ты смел, человек, если позволил себе подшучивать надо мной! Хочу убедиться, как далеко идёт твоя смелость. Ты не боишься, что я тебя накажу?

– Нет! Это будет нелогично!

– Вот как?!

– Если ты меня накажешь, то я, следовательно, прав, и юмор стоит дорого. Значит, меня

нельзя наказывать за правду. Если я не прав, то доказать ты это сможешь только, не наказав меня. Не так ли, прекрасная и могучая Урания?

Складки на лбу Урании разгладились, и она улыбнулась, но тотчас снова приняла серьёзный вид.

– Все-таки я хочу...

Все исчезло. Сергей почувствовал, что он как бы растворился. Тела не было. Был только один разум. Не было даже привычного ощущения центра, места, пространства. Он был нигде и везде одновременно. Но пространство существовало вне его ощущений. Еле заметно светящиеся точки заполняли это неощутимое пространство, одна на большом расстоянии от другой. Это было не звёздное небо...

– Ты меня слышишь? – вошёл в него голос Урании. Сергей не мог ответить, ибо его не существовало.

– Я тебя подключила к информационному полю.

– Ну, достаточно! – Сергей снова очутился в комнате. Рядом с ним была Урания.

– Видел?

– Вернее, ощутил! Что это?

– Реальность. Каждая точка – Вселенная. Одна из них – наша. И каждая Вселенная – это ядро атома, самого обычного атома второго уровня Вселенной. А таких уровней множество. Время во втором уровне течёт на много порядков медленнее, чем в нашем. То есть взрыв нашей Вселенной, нашего ядра атома, – это неуловимый миг во Вселенной второго порядка. Наша Метагалактика, то, что мы привыкли называть Вселенной, всего только возбуждённое ядро атома во Вселенной второго порядка. Пройдёт мгновение, и он отдаст квант энергии, и во всей нашей Вселенной наступит спокойствие. Мёртвое спокойствие. Тебя это не пугает?

– Нисколько.

– Но ты же даже не знаешь, где находится этот атом! То ли на мембране живой клетки какого-то существа Вселенной второго порядка, то ли в коре гнилого дерева, то ли в навозной куче водовозной клячи. Тебя не пугает вся твоя история, эмоции, о которых ты мне толковал, и все прочие ценности – эта ничтожная часть навозной кучи? Разве тебя это не пугает? – повторила она с насмешкой в голосе.

– Нет, Урания, нет. Во-первых, между нами, как ты сказала, непроходимый барьер времени, а во-вторых, есть нечто такое, что возвышает меня не только над этой «навозной кучей», куда входят наши Вселенные, но и над обитателями этой Вселенной второго порядка. Это мой разум. Разве недостаточно? Дело не в уровнях пространственного распределения, а в уровне развития! Ты думала испугать меня моим ничтожеством? Но разве величие определяется величиной? Я приведу тебе такой пример. Лет триста назад жил на Земле поэт, певец Владимир Высоцкий. Только специалист по истории может назвать имена правителей Земли того времени, а Высоцкого у нас до сих пор знает каждый школьник. Вот тебе величина и истинное величие. С одной стороны – огромная навозная куча, с другой – разум, интеллект, мужество.

МОЛЧАЛИВЫЙ ДИАЛОГ

«Может ли восприятие и понимание прекрасного быть лишено чувств? – думал Сергей. – Хотя, как сказать? Вполне возможно, что её восприятие прекрасного – это комплекс логических уравнений, совпадение логики математики и гармонии тела. Нам известно, что красота и целесообразность идут в своём развитии параллельно. Следовательно, если целесообразность описывается математической логикой, то и красота, идущая параллельно целесообразности, должна иметь своё математическое содержание. Допустим, что это так. Что дальше? Мы, – мысленно обратился он к своему воображаемому оппоненту, – пытаемся уяснить, имеют ли чувства некое математическое содержание. Если да, то, пытаясь понять, что такое чувства, Урания могла проанализировать их математическое содержание и их отражение, не будем уточнять, и тогда... тогда, испытывая интерес к этому вопросу, легко могла „заразиться“ ими в момент первого контакта и анализа моей психоструктуры. Это если чувства имеют какое-то математическое отражение. Но имеют ли они его? Вот в чем вопрос! Целесообразны ли

чувства, эмоции? Это будет отправным пунктом нашего рассуждения. С одной стороны – да. Есть положительные эмоции, которые стимулируют работу мозга. Стоп! Стимулируют? Если они стимулируют работу мозга, следовательно, помогают решать задачи. А если так, то существует некая высшая логика чувств и эмоций. А ведь верно! Именно чувства помогают нам увидеть прекрасное. Ведь что такое любовь? Это видение и раскрытие прекрасного, того, что не увидишь простым взглядом. Хотя, говорят, любовь ослепляет, создаёт иллюзию. Однозначного ответа нет. То же самое ненависть. Усиливает ли она остроту восприятия, следовательно, его разрешающую возможность, или ослепляет? Трудно ответить! Недостаёт какого-то одного компонента... Обжигает ли огонь или согревает? Что за чушь? Стой! Стой! Какой же ещё компонент?»

«Ну-ну, продолжай. Я с интересом слушаю твои мысли».

«Урания!»

«Я! Мне интересно, найдёшь ли ты сам решение?»

Сергей задумался и вдруг закричал:

– Нашёл, Урания! Нашёл!

Спящий рядом в кресле Николай проснулся от крика и вскочил на ноги.

– Что случилось, Сергей? Мне показалось, что ты кричишь!

– Нет. Все в порядке. Спи!

«Так я прав?» – уже мысленно спросил он Уранию и снова в ответ услышал мелодичный смех.

«Все-таки я прав! Недостающий в моем анализе компонент – это сам разум. Чувства усиливают сильный разум, ослабляют слабый. Все становится на свои места. Любовь и ненависть могут ослепить только слабого. Вот почему сильный разум остаётся спокойным и в ненависти, и в любви. Я сказал „спокойным“. Это не совсем правильно. Скорее, сильный разумом умеет держать себя в руках, какие бы чувства он ни испытывал при этом. Он не рычит и не пускает слюни. Пойдём дальше! Чувства – это добавочный поток информации. Чем слабее мозг, тем ниже пропускная способность его каналов. Введение добавочной информации перегружает каналы, а перегрузка канала – неизбежный рост ошибок в принятии решений. Все верно. Там же, где каналы имеют большую пропускную способность, добавочная информация только помогает принять правильное решение. Если это так, то Урания, обладая невероятно сильным интеллектом, должна испытывать чувства. Но тогда почему же она спрашивала меня, что это такое? Урания, ты подслушиваешь мои мысли?»

«Я же женщина, Сергей, а женщина – существо любопытное», – снова послышался смех.

«Коль тебе уже известно чувство юмора, – улыбнулся Сергей, – то я спокоен!»

«Все же ты не до конца решил задачу!»

«Да, в моей логике чего-то ещё не хватает, – признался Сергей, – но самого малого».

«Малое может стать большим, а большое – малым. Ты же сам это говорил!»

«Я? – удивился Сергей. – Не помню!»

«Ах, да! Ты не говорил!» – она опять чему-то весело рассмеялась.

Смех этот окончательно пресёк линию логических рассуждений. Перед глазами снова возник образ прекрасной и пленительной женщины, ощущалась её бархатистая тёплая кожа и какая-то непередаваемая свежесть.

«Наше восприятие реальности зависит от наших органов чувств. И если они говорят, что воспринимаемые ими ощущения – реальность, то тело наше... хранит о них воспоминания как о реальности, несмотря на то, что разум протестует и утверждает обратное».

«Вот ты и попался! – торжествующе прозвучал голос Урании. – Вели бы разум все мог!»

«У меня создаётся впечатление, прекрасная Урания, что теперь ты, знаешь о чувствах больше меня – человека».

«Так оно и есть!» – Урания снова засмеялась. На этот раз в её смехе было нечто такое, что заставило сердце Сергея сжаться от ощущения невосполнимой утраты.

«Ты правильно решил, что чувства усиливают разум. Но разум сам усиливает чувства. Разве ты не помнишь историю своего народа. Вспомни её. Совершили ли что-нибудь действительно великое в вашей истории аскеты? Люди, лишённые чувств и жизнелюбия. Разве что зло!»

«Почему? – заинтересовался Сергей. – Были случаи противоположного характера!»

«Они исключение, а не правило! – в голосе её слышалось глубокое убеждение. – Ты, – продолжала она, – не смешивай жизнелюбие и развращённость. Развращённость – это как раз и есть бедность чувств, так же, как и аскетизм. Аскет и развратник – родные братья. Их роднит ненормальность и одинаковая ненависть ко всему человечеству. Ты мне говорил, что насилие содержит в себе зародыш смерти. Это верно! И аскет, и развратник – оба они насильники, обоих объединяет страсть к насилию и над природой, и над себе подобными. Казалось, два противоположных полюса, но сколько в них общего! Они едины, едины в своём безобразии. Причём аскет хуже!»

«Извини меня, Урания, но кому он мешает? Умерщвляет свою плоть, ну и пусть умерщвляет „на здоровье“! Кому от этого жарко или холодно?»

«Хуже, Сергей, поверь мне, хуже! Аскет более агрессивен. Агрессивен в своём лицемерии, ханжестве, ненависти ко всему живому, радостному, счастливому и естественному. Именно среди аскетов больше всего фанатиков-садистов. Постная рожа, поджатые губы – это маска, под которой бушует ненависть. Он ненавидит детей: „Почему они смеются?!“, ненавидит влюблённых: „Почему они целуются?!“, но больше всего на свете он ненавидит мыслящих, ненавидит Разум, потому что боится его, потому что только разум и может сорвать с него маску, представить на всеобщее обозрение во всей наготе его ничтожество и злобу. Аскетизм, Сергей, это вершина развращённости. Неудивительно, что развратники к концу своего пути становятся аскетами. Это логическое завершение. Никогда аскет не становится развратником, но развратник аскетом – часто! Лишённые возможности из-за истощения творить разврат физически, они вступали на путь разврата духовного и коль уже лишены были из-за своей немощи способности насиловать тело человеческое, то насильовали его душу. Тут уж для них простор. Можно насиловать сразу многих, целые народы и, мало того, что при жизни своей, но и после смерти. Вот почему они хуже! Ты меня понял?»

«Я понял, Урания, что ты стала человеком, и это меня радует. Теперь я спокоен за Землю. Кто так мыслит, тот не способен совершить зло во имя зла!»

Урания молчала. Молчание затянулось. Сергей уже подумал, что это конец связи, как снова зазвучал её голос. На этот раз он был наполнен теплотой и задумчивостью.

«Спасибо тебе, Сергей-человек! Благодаря твоему бесконечному жизнелюбию, доброте, непримиримой ненависти к злу и насилию... ты вошёл в меня, твои чувства растворились во мне, усилились в миллионы раз, ты, если так можно выразиться, заразил меня своей человечностью, и я уже никогда не „выздоровлю“. Я не знала, даже не могла предположить, что человечность может доставить такое наслаждение... Это, – продолжала она, – какое-то особое, высшее качество разума, без чего разум действительно может быть бесплоден, несмотря на его огромную мощь. Права была Ольга, что не хотела с тобой расставаться».

«Но ты меня выставила вон! Я бы сказал, слишком рано!»

Урания рассмеялась.

«Слишком рано! Хорошо сказано!»

«Ты меня не так поняла», – краснея, пробормотал Сергей.

«Нет, я тебя очень правильно поняла. Не извиняйся и не разочаровывай меня. Ты мне очень понравился. Счастливого пути тебе и помни Уранию!»

Через двенадцать дней стометровый катер плавно вошёл в открытый ангар «Геи». Двухмесячный полет был закончен, предстояло ещё преодолеть огромное расстояние в несколько десятков световых лет, чтобы достичь Счастливой. На Земле за это время прошло уже около восьмидесяти лет. Путь к Счастливой занял по местному времени около восьми дней. Корабль вынырнул из гиперпространства всего в двух миллионах километров от планеты. За это время на Земле прошло ещё двадцать лет.

– Ну вот! Полсрока уже отбыли! – высказал общее мнение Владимир. – Остаётся ещё пожить на Счастливой лет пять–шесть, максимум – десять, и можно пускаться в обратный путь!

– Вы успели обследовать планету во время своего первого посещения? – спросил Николай Сергея, наблюдая в иллюминатор растущий диск планеты.

– Только несколько раз облетели вокруг.

– Что, даже не высаживались?

– Высаживались на десантной лодке. Я и ещё трое. Но не надолго. Всего на три часа.

– Что же о ней известно?

– Вполне пригодна для жизни. Кислорода двадцать процентов, углекислого газа несколько меньше, чем на Земле, всего 0,01 процента, остальное – азот и инертные газы. Площадь суши составляет около 20 процентов общей поверхности. Много рек, озёр, высокие горы. Мы высадились на открытой местности, в степи. Меня поразили густые и высокие травы. Они были выше человеческого роста. Вдали виднелся лес, но мы туда не ходили. Животных видели только издали. Много птиц, которые мало чем отличаются от земных. Анализ воздуха показал отсутствие бактерий, патогенных для человека. Ну, что ещё. Ах, да. Угол оси к орбите составляет всего 0,5 градуса, так что смена года проходит незаметно. Более подробно можно прочесть. Все записано в бортовом компьютере. Но сведения скудные, хотя по всем признакам планета весьма благоприятна для жизни. С орбиты мы не наблюдали признаков разумной жизни. Не исключено, что она есть, но не вышла на уровень строительства городов.

– А если она есть? Имеем ли мы право вторгаться в их жизнь?

– Мы не переселенцы. Если мы обнаружим разумную жизнь, то по возвращению доложим Совету. Наша задача – полностью изучить планету, её природные ресурсы и недра. Боюсь, что если мы обнаружим разумную жизнь, Совет не посчитается с этим и пришлёт партию переселенцев. Земля задыхается от избытка населения. То, что мы совершили, передав людям дар Элии, несомненно, даст эффект, но как скоро – трудно сказать.

– Двести лет – это восемь поколений.

– Возможно, что к тому времени появятся существенные сдвиги как в количестве населения, так и в его генетическом качестве.

– Ты как-то говорил, что это будет болезненный процесс. В каком смысле?

– В том, что произойдёт селекция. Здоровое население отделится от больного, а больное – от здорового. Здоровые станут ещё более жизнеспособными, а больные ещё более слабыми, пока вторая часть населения не потеряет способность к воспроизводству. Доступность к генетической информации друг о друге приведёт к самоочищению вида Гомо Сапиенса. Иными словами, полная информированность друг о друге. Это основное условие оздоровления общества.

– Полная информированность?

– Да! Учти, что законы самоорганизации универсальны, они одинаково подходят к любому самоорганизующемуся процессу, к любой системе. Если я говорю «полная информированность», то имею в виду, что свобода обмена информацией является обязательным условием для нормального существования и развития систем, безразлично, биологическая это система или социальная, или электронно-вычислительная. Мы слишком долго отделяли себя, людей, от остального мира, за что и понесли наказание. Впрочем, это в прошлом. Я теперь спокоен за будущее Земли.

– Со стороны Урании ей ничего не грозит?

– Абсолютно! Более того, мы теперь вместе. Сделан крупный шаг к объединению разума, уже на уровне Космоса.

– Но тогда можно считать, что развитие закончено?

– Нет! Только начинается! Как-то я слышал, что разум – это искры, а иногда вспышки молний во Вселенной. Мы должны превратить его, Коля, в вечный огонь, и пусть Разум будет вечен, как материя, как её движение, как пространство и время. Ты знаешь, мне пришла сейчас в голову сумасшедшая мысль. Материя ведь тоже развивается! Не может она без толку пульсировать от одного большого взрыва до другого. Должен же быть качественный сдвиг в её развитии, когда разум войдёт в свойства материи так же, как время, пространство и энергия. Когда материя перестанет быть бесчувственной субстанцией, а превратится в мыслящую материю.

– Мыслящая Галактика? – недоверчиво засмеялся Николай.

– А почему бы и нет? Дай мне помечтать!

«Почему ты мне ничего не говорил об этом свойстве человеческого разума?» – услышал он знакомый голос.

«Не успел, прекрасная Урания. Ты со мною слишком быстро рассталась!»

«Мечтать – значит ставить перед собой высокую, трудную, почти неразрешимую задачу и искать пути её решения? Так?»

«Приблизительно так».

«Человек! Ты действительно поставил огромную задачу! Она прекрасна! Я благодарна тебе. Если ты ещё о чем-то мечтаешь – скажи!»

«Увы! Я мечтаю о тебе, прекрасная Урания. Но это мечта несбыточная».

«Да, по-видимому, я тебя рано возвратила на твой катер! – она опять засмеялась. – Но утешься, тебя ждёт столько ещё неожиданностей, столько впечатлений, что ты забудешь эту маленькую неприятность. А идея насчёт мыслящей Галактики действительно хороша! Но даже я не знаю пока, как к ней подступиться».

«Это не моя идея, – честно признался Сергей. – Ещё лет триста назад её высказал один писатель. Он написал книгу о мыслящей звезде. Его имя Лем. Он был поляком».

«Запомню! В его честь я введу новую единицу информации – один лем будет равен триллиону бит. Однако скажу тебе, что... впрочем, не буду ничего говорить, ты сам увидишь».

– Ты что, не слышишь меня? – донёсся до его сознания недовольный голос Николая.

– Прости, задумался. Что случилось?

– Мы вышли на орбиту. Надо выбрать место десанта катеров.

– Да, конечно, иду! – Сергей пошёл следом за Николаем в штурманскую.

ПРИБЫТИЕ НА СЧАСТЛИВУЮ

Место для посёлка было выбрано удачно. Обширная, километров восемь в поперечнике поляна, поросшая редкими высокими, толщиной в три обхвата деревьями, вдающаяся на востоке почти прямым углом в узкую перемычку, соединяющую два больших озера, которые, не мудрствуя лукаво, назвали Северным и Южным. В Южное озеро впадала широкая полноводная река, а из Северного – выходила, неся свои воды дальше, на север. С запада начинались холмы, покрытые лесом, которые потом переходили в высокие горы. Две снежные вершины виднелись вдали, километрах в ста от намеченного места поселения. Вода в озере, как и в реке, была пресной и приятной на вкус. Поле, на которое опустились десантные катера, поросло густой и высокой травой, среди неё яркими пятнами алели, синели и желтели огромные, до метра в поперечнике, цветы. Такие же большие, под стать цветам, бабочки летали от одного к другому, медленно и лениво взмахивая крыльями, расцвеченные, как павлиний хвост, с той лишь разницей, что цвета рисунка, от изумрудного до пурпурного, были ярче и, казалось, не отражали свет, а светились сами. Рёв двигателей десантных катеров, очевидно, распугал всех животных в округе. Во всяком случае, в течение недели пребывания на Счастливой наши земляне не встретили ни одного из них.

Первое время жили в палатках, выставляя на ночь караулы.

Ночи были светлые из-за двух больших спутников – голубого и жёлтого. Сначала восходил жёлтый спутник, а затем, часа через три, появлялся голубой. Потом, прожив уже порядочное время на Счастливой, люди узнали, что одновременное восхождение двух спутников случается только раз в три месяца. Обычно же эти спутники чередовались, и соответственно чередовались ночи на жёлтые и голубые.

Пока выгрузили механизмы, пока наметили место для установки СС и жилых домиков, прошло немало времени. Дома строили из дерева. Однако было жаль великанов, редко росших на поляне, и поэтому решили брать лес на холмах. По виду они напоминали сибирскую сосну или, как её ещё неправильно называют, кедр. Его древесина совпадала со своим земным собратом даже по запаху.

К концу третьей недели на поляне вдоль берегов озёр выстроилось около двухсот двухэтажных коттеджей. В первую очередь жильё предоставляли семейным, но их было немного, за которыми в изгнание последовали их жены и подруги. Всего в посёлке жили только сто женщин на пять тысяч мужчин.

Вскоре Сергей стал замечать, что его товарищи обращают завистливые взгляды на женатых счастливцев. Это его очень обеспокоило. Он, правда, надеялся на крепкую дружбу, закалённую общей борьбой с бандами НГ, но, кто знает, выдержит ли эта дружба неизбежную

атаку инстинктов, повелительный зов извечного стремления человека к своей второй сущности?

Среди участников полёта оказался один психолог по профессии. Но он не был специалистом по космической психологии. Единственно, что он мог рекомендовать, – как можно скорее занять людей делом, не оставляя времени, как он выразился, для дурных мыслей. Легко сказать, но трудно сделать. Женщины, очутившись в таком окружении, вели себя, как показалось Сергею, слишком раскованно, вызывая недовольство мужей, ограничиваемое пока нахмуренными бровями да более резким, чем обычно, тоном в разговоре. Что происходило потом, наедине у них с жёнами, можно было только гадать. Дело осложнялось ещё тем, что все его бывшие бойцы обладали уже даром старого Дука, и мысли жён, да и своих товарищей, ни для кого не были тайной. В обычных условиях люди воздерживались от того, чтобы залезать друг другу в мысли, но здесь, в конкретной обстановке, они не могли удержаться от того, чтобы не проверить «лояльность» своих жён, да и друзей, за компанию. Сейчас, вспомнив об этом свойстве своих людей, Сергей понял, что положение может создаться критическое, и мысленно выругал себя за беспечность в подборе экипажа. Надо было бы как-то привлечь больше женщин к полёту или же вообще их не брать.

Все это Сергей изложил на совете командиров. Те согласились с ним, что положение может стать угрожающим, но ничего дельного предложить не смогли. Учитывая, что прожить на Счастливой придётся лет пять, решили, не откладывая, развернуть сельскохозяйственные работы, подготовить пашню, посеять пшеницу, разбить огороды. Ещё раньше из анабиозных камер извлекли коров, свиней, лошадей, птицу и прочую живность. Две коровы по неизвестным причинам околели. Остальные благополучно перенесли процедуру пробуждения. Их выпустили на поле, огородив на всякий случай его колючей изгородью. Трава оказалась животным по вкусу, и скот стал быстро набирать в весе. Пока же переселенцы довольствовались консервами и пищевыми концентратами.

Недели через три вдали заметили стадо пасущихся животных. Двое бойцов вскочили на коней и погнали их к стаду. Но не то кони ещё не отошли от последствий анабиоза, не то животные те обладали более быстрыми ногами, но при приближении всадников они быстро умчались и скрылись за горизонтом. Вернувшиеся сообщили, что животные напоминали земных антилоп, но были больше их по размерам.

К концу первого месяца вспахали более двух тысяч гектаров и тут же засеяли их пшеницей. Почва была тучная. Дожди шли регулярно, и урожай ожидался отличный. Сергей обратил внимание на чрезвычайно густое сплетение корней травянистых растений. Корни уходили так глубоко в землю, что пахота не позволила полностью от них избавиться. Специально вырыли яму и обнаружили, что корни уходят на глубину свыше шести метров и образуют там сложные сплетения, не только переплетаясь между собой, но и срастаясь в сложную сеть. Под микроскопом срезы этих растений выглядели довольно странно. Тонкий кончик корешка одного растения прирастал к небольшому вздутию на корне другого, но не врастал в него полностью. Подсчитав число таких контактов, Сергей определил, что на один квадратный сантиметр корня приходится до двадцати тысяч таких вздутий. Точно такие же вздутия, только больших размеров, обнаружены были и на корнях деревьев, которые были вынуждены спилить и выкорчевать их корни, чтобы освободить место для пашни.

Первую экспедицию решили совершить на пяти лёгких вертолётах с солнечными батареями питания двигателей. Тяжёлые вертолёты из-за ограниченного количества водородного топлива решили пока не трогать. Сергей рассчитал, что после выгрузки и установки ядерного реактора, недостатка в водородном топливе не будет. Но за реактором надо было ещё лететь на орбиту «Геи». На «Гее» осталась команда добровольцев из двадцати человек, которых через три месяца должна заменить вторая смена.

Вертолёты поднялись в воздух и взяли курс на север. Решили не отклоняться сильно от течения реки и обследовать её русло на первый раз километров на сто, не больше.

– Какая все-таки красота! – воскликнул Николай, который сидел в вертолёте вместе с Николаем и Владимиром, указывая вниз, где текла извилистая река, окаймлённая со всех сторон деревьями-великанами. По приблизительному определению, некоторые из них достигали в высоту более ста метров и были толщиной в десять обхватов.

– Настоящие секвойи! И вообще, какая красивая планета! Как родная сестра Земли, только не испорченная человеком, без шрамов цивилизации. Даже сутки такие же, как у нас. Я проверил. Ровно двадцать четыре часа.

– Ну, это давно известно. Мы определили продолжительность суток ещё в прошлый раз. Год здесь длится, правда, 420 дней.

– Вот и прекрасно! По тридцать пять дней в месяце и ровно пять недель. Нет никакой путаницы между числами и днями недели.

– Слишком странная планета, – подал голос Владимир.

– Странная? Чем же?

– Ты заметил, как здесь идёт дождь? Каждый второй день по полчаса. Проливной и в одно и то же время – в семь часов вечера. Как по заказу. Идеальное время поливки. При этом, заметь, дождь всегда тёплый.

– Ну и прекрасно. Что тебя тут тревожит или огорчает?

– Слишком прекрасно.

– Посмотри, стада! – закричал Николай, указывая вниз. Внизу, на обширных полях, поросших такими же деревьями, как и вдоль берега реки, паслись большие стада копытных животных.

– Рай для охотника. Подождите, окрепнут наши лошади, и мы будем иметь вдоволь мяса. Шум вездехода их спугнёт, а на лошади можно приблизиться на выстрел. В крайнем случае используем и вертолёт.

– И распугаем всю живность вокруг на сотни километров, – возразил Сергей.

– А вот и охотник! – воскликнул Владимир, подавая Сергею бинокль. Тот приложил бинокль к глазам и стал всматриваться туда, куда указывал его сын. Вскоре он заметил движение в густой траве. Сверху было видно, как к стаду пасущихся животных, припадая к почве, крадётся крупный хищник. Его жёлто-коричневая спина в тёмных полосах почти сливалась с травами. Когда до стада оставалось не больше тридцати метров, тело зверя взметнулось вверх и в три прыжка он настиг жертву. Стадо метнулось в сторону и помчалось по степи, оставив на месте своего несчастного собрата.

– Не меньше, если не больше, нашего тигра, – определил Сергей, опуская бинокль.

– А это, наверное, самка! – Николай указал на приближающегося второго такого же зверя к «тигру» и его добыче. Действительно, первый посторонился, и самка приняла участие в трапезе. Целая толпа мелких хищников, похожих на шакалов, почтительно держалась в стороне, ожидая, когда насытятся хозяева степи, чтобы доесть остатки.

Вертолёт полетели дальше, вдоль реки. Не прошло и трех минут, как Владимир, который не выпускал из рук бинокля, обратил внимание на движущуюся внизу, по направлению к реке, цепочку огромных животных.

– Мамонты?!

Животные действительно были огромны. Сергей прикинул, что идущий впереди стада вожак достигал в высоту не менее шести метров.

– Скорее, жирафы! Обрати внимание, какая у них длинная шея.

– Гора мяса! – сглотнул слюну Николай. – Сколько же он весит?

– Трудно сказать. В длину он тоже около шести метров. Тонн семьдесят-восемьдесят...

– Недели на две–три пищи для нас всех.

– Если его мясо съедобное... Хотя, судя по всему, это травоядное животное, и я не думаю, чтобы здесь, на этой планете, белки имели другой аминокислотный состав, нежели на Земле. Во всяком случае анализ аминокислотного состава растений и рыбы, которой мы уже питаемся, говорит в пользу единого принципа организации органической жизни в нашей Галактике.

Стадо тем временем вошло в реку.

– Во всяком случае, голодать мы здесь не будем, – удовлетворённо проговорил Николай, которому, по всей видимости, уже изрядно надоели консервы и пищевые концентраты.

Они пролетели ещё километров пятьдесят, обнаружили пять озёр и несколько больших стад животных. Среди них преобладали копытные, некоторые во многом напоминали земных туров, лошадей, буйволов. Берега озёр были покрыты стаями водоплавающей птицы.

Вертолёт несколько раз садился на землю. По привычке поверхность почвы

Счастливой называли землёй. Да как-то и неудобно было бы говорить: «Садиться на счастливую, пахать счастливую» и тому подобное. Во время посадок на землю путешественники набрали образцы растений и подстрелили несколько водоплавающих птиц, похожих на лебедей, только крупнее размером и с удивительным окрасом чёрного цвета с изумрудной зеленью. Самцы имели ещё ярко-красное оперение на груди и концах крыльев.

Экспедиция уже собиралась возвращаться, как в наушниках рации прозвучал тревожный голос Джима Йорка, радиста, дежурившего сегодня в радиорубке.

– Возвращайтесь! – повторял он несколько раз подряд. – У нас ЧП!

ДВОЙНИКИ

– С кем это ты разговариваешь? – удивлённо спросил Сергей.

– Ты заметил? – Урания, казалось, была удивлена.

– Конечно! У тебя глаза при этом смотрят внутрь, – засмеялся Сергей. – Ты все больше и больше становишься женщиной, а женщину всегда выдают глаза.

– Вот как! Я тебе нравлюсь?

Урания и на этот раз переделалась в новое «платье», изменила внешность и стала роскошной блондинкой с золотистыми, отливающими блеском волосами.

– У тебя платьев больше, чем у русской императрицы Елизаветы, – пошутил Сергей. – Она тоже вот одевала каждое только один раз. Куда ты деваешь ношенные?

– Могу показать, если хочешь.

– Было бы любопытно. Но мне нравится больше всего то, первое. Однако ты не ответила на вопрос, с кем это ты только что беседовала?

– С твоим двойником! – Урания весело расхохоталась. – Он удивляется и сетует на то, что я его слишком рано выставила.

– Ах, так он...

– Ну да! Он не догадывается, что ты здесь. Решил, что я рассердилась на него, то есть на тебя, а вернее, на вас обоих, когда ты меня обнял. В этот момент я вас разделила. Не могла же я, женщина, одновременно принадлежать двум мужчинам! Это было бы безнравственно.

– Конечно, конечно, – поспешил согласиться Сергей и насмешливо добавил: – Как ты все быстро освоила!

– Не забывай о моих возможностях.

– Ещё бы! Ты мне каждый раз о них напоминаешь. Только прошу тебя, не шей мне нового «костюма». Мне и в этом хорошо. Я консерватор и буду чувствовать себя в новой одежде неловко. О чем же вы ещё говорили?

– У него появилась неплохая идея. – Урания рассказала ему о последнем разговоре с двойником. Сергей оживился.

– А что? Идея неплоха. Во всяком случае – цель, достойная тебя.

– Признаюсь, не знаю пока ещё, как к ней подступиться.

Сергей встал с ложа, покрытого шкурой какого-то животного, напоминающего земного леопарда, и возбуждённо заходил по залу.

Постепенно при встречах с Уранией он не то что забывал истинное своё положение и с кем он разговаривает, а просто не держал этого постоянно в голове. Он предпочитал видеть в ней умную и красивую женщину. Так ему было легче.

– Во всем нужна последовательность и порядок, – назидательно сказал он. – Давай начнём с самого начала. Необходим учёт всех интеллектуальных и интеллектуально развивающихся цивилизаций.

– Ну, допустим, я их знаю и не только в пределах нашей Вселенной. Что дальше? Среди них, впрочем, есть весьма неожиданные и своеобразные.

– А дальше вот что. Необходима связь. Объединение цивилизаций в единую интеллектуальную систему.

– Это нелегко. Дело в том, что некоторые из них значительно отличаются от вашей земной, причём настолько сильно, что трудно, я бы сказала, даже невозможно, найти взаимопонимание. Часть из них к тому же агрессивна.

– Вот, вот! Положим начало классификации. В первый класс войдут те, которые уже решили проблему социальности, то есть возвысились в своём миропонимании до уровня отрицания насилия как средства объединения.

– Но их не так много! Большая часть агрессивна, а ещё большая находится только в начале своего развития. – Урания, разговаривая, легла на тахту.

– Ради бога, прикрой ноги. Их красота сильнее моей мысли, – попросил Сергей, подходя к ней вплотную.

Урания засмеялась низким грудным смехом и протянула к нему руки...

– Я только хотела, чтобы ты оценил моё новое платье.

– Оно великолепно, как, впрочем, и остальные твои наряды. Так о чем мыс тобой говорили?

– Я тебе сказала, что таких цивилизаций мало.

– Ах да! Совершенно верно! Так это не страшно. Объединение надо начинать с них, они будут представлять главную силу Космоса. Потом, нельзя ли помочь слаборазвитым цивилизациям? Но не явно, чтобы они не свихнулись от страха или от религиозного экстаза. Как-то незаметно, не выдавая себя. Сделать так, чтобы они прошли свой путь побыстрее и благополучно, не впадая в агрессию и тоталитаризм.

– Любая цивилизация должна пройти через эти стадии. Иначе она потеряет самобытность и, хуже того, инициативу. Это, как в эмбриональном развитии.

– Так я не говорю о грубом вмешательстве. Просто небольшое воздействие, незаметное, чтобы немного ускорить и не дать свернуть в тупиковый путь развития. Вроде той цивилизации, с пришельцами из которой я встретился на Элии.

– А тебе не кажется, что цивилизации должны испытывать в Космосе такой же естественный отбор, как живые организмы на каждой планете? Если мы подавим его, возможен своего рода «генетический кризис» в космическом масштабе, подобно тому, что вы имели на Земле.

– Что? Даже так?

– А ты как думал? Законы самоорганизации и эволюции, я имею в виду общие, фундаментальные законы, справедливы для любых систем, будь то планета или космос.

– Выходит, естественный отбор может обречь на гибель целые цивилизации?

Урания пожала плечами.

– А чему ты удивляешься?

– Как-то не вяжется! Слишком большая масштабность!

– Масштабность здесь не играет никакой роли. Попробуй ускорь интеллектуальное развитие ребёнка с трисомией по двадцать первой паре хромосом.

– Болезнь Дауна?

– Да! Так она называется у вас, на Земле. Что из этого выйдет? Ровным счётом ничего! Так и в космосе в отношении некоторых цивилизаций, которые уже в своём зародыше содержат семена смерти. Это зависит и от структуры мозга. Главным образом от него. Но так же и от случайных изменений в процессе развития. Когда изменения произошли, уже трудно или почти ничего нельзя сделать.

– И эти случайные моменты?..

– Играют большую роль! Случайность в данном случае – зерно, которое падает либо на благоприятную для него почву, либо на сухую и бесплодную. Здесь прослеживается зависимость от исходного характера как народа, если речь идёт об одной цивилизации, так и от исходного характера целой цивилизации. Цивилизация, как и организм, имеет свою «генетическую программу», крайне сложную, но все-таки до некоторой степени предопределяющую её судьбу.

– Значит, какие-то цивилизации спасти нельзя?

– Можно, но зачем? – лениво, как показалось Сергею, проговорила Урания. – Спасти, чтобы потом из неё вырос урод? Это плохая услуга Космосу. Если мы хотим создать космический разум, его надо создавать на здоровой основе; а не превращать космос в богадельню.

Сергей задумался, потом засмеялся.

– Чему ты?

– Я вспомнил, что читал в детстве книжку одного не то футуролога, не то фантаста. Он описывал, как на Землю высаживаются космические пришельцы. Учат землян добру, дарят знания, технологию и тому подобное, после чего Земля «семимильными» шагами движется к образованию всеобщего космического объединения «братских цивилизаций». Мечта ребёнка, который верит, что придёт добрый волшебник и принесёт ему подарок.

– Вы и были детьми! Ваше счастье, что вы пережили всего один контакт, и то с гуманоидами, олимпийцами, генетический код которых был идентичен вашему. Да и то вам повезло, что экспедицию отозвали. Обычно такие контакты в девяти из десяти случаев заканчиваются гибелью более слабой цивилизации. В одном ты меня, однако, убедил. Мы начнём объединение с благополучных цивилизаций. Более половины из них гуманоиды, остальные имеют те или иные отличия, иногда очень сильные, но тоже относятся к более-менее благополучным.

– Что значит более-менее благополучны?

– Это такие цивилизации, которые благополучны в своём социальном и биологическом развитии, но их путь не пошёл в сторону развития техники, и они сами никогда не выйдут в космос. У них есть и свои достоинства. Их надо уберечь от контакта с тёмными агрессивными силами космоса. Об этом я теперь позабочусь! Но, – продолжала она, – пока не вижу решения основной задачи, поставленной твоим двойником.

– Может быть, объединение благополучных цивилизаций поможет найти ответ?

– Неужто ты думаешь, что все они вместе будут иметь больше интеллекта, чем я?

Сергей промолчал.

– Вряд ли! – убеждённо сказала Урания. – Кроме того, в связи с поставленной задачей, я буду теперь наращивать свою мощь и для этого использую четвёртую планету. Она безжизненная, и я не нанесу никому вреда. Странно... ещё недавно меня бы этот вопрос несколько не беспокоил.

– Ты стала человеком.

– Возможно.

– И теперь принадлежишь к благополучным цивилизациям.

– Послушай, Сергей! – Урания улыбнулась ему, обнажая жемчужный ряд зубов. – Я обещала создать для тебя привычный мир. Я выполнила своё слово. Целая планета в твоём распоряжении. Я создала реки, озера, горы, леса, моря, животных, дивные растения. Я заселила её твоими друзьями, теми, которые жили с тобой на Земле и на Элии.

– Моделями?

– Да, но они об этом никогда не узнают. Они будут чувствовать себя людьми. Ты будешь счастлив, и с тобою счастлива буду я. Если хочешь, мы сейчас отправимся в этот мир, и ты вскоре забудешь, что это всего-навсего организованные потоки импульсов. Помни, что сказал наш Декарт: «Я чувствую – значит я существую».

– Декарт сказал: «Я мыслю...»

– Нельзя мыслить, не чувствуя. Сначала чувства, восприятия, а потом мысль! Но это так, между прочим. Теперь о деле. В ближайшее время мы начнём устанавливать контакты с другими цивилизациями. Вначале мы пригласим сюда их лучших представителей, а затем и тебе придётся посетить их с ответным визитом.

– Ты шутишь?

– Нисколько!

– Но как ты собираешься преодолеть барьер времени и пространства? Ведь на это уйдут десятки тысяч лет.

– Поверь мне, совсем немного!

– Тогда объясни, я пока не понимаю. Ты это говоришь так, как будто речь идёт о поездке из Женевы в Цюрих.

– Это займёт даже меньше времени. Вы, люди, считали, что предельная скорость, возможная в природе, это скорость света. Ничто материальное в этом мире не может достичь скорости света, чтобы не вызвать пагубные катаклизмы. Все это верно. Но представь себе наше мироздание многоэтажным домом. Каждый этаж – это уровень организации материи. Уровень

Вселенной. Ты уже краем глаза, вернее, своим сознанием почти проник на верхний этаж, помнишь, когда мы с тобой говорили о «навозной куче»?

Сергей кивнул.

– Теперь спустимся вниз. Там тоже миры и Вселенные, но максимальная скорость их «фотонов» равна четвёртой степени скорости света в нашем пространстве. Следовательно, их фотоны перемещаются в их пространстве со скоростью $81 \cdot 10^{20}$ км в секунду. Ещё ниже – и скорость достигает $65 \cdot 10^{82}$ км в секунду, и так далее. Луч, составленный из таких фотонов, может пересечь нашу Вселенную за миллионные доли секунды. Естественно, он будет невидим. Это и есть то поле, которое позволяет осуществить контакт. Как бы ни мала была энергия луча, он может нести в себе информацию. Все дело в том, как использовать эту энергию и внести в неё информацию, и, – она сделала паузу, – как перенести информацию на модель материальной субстанции, а вернее, записать в мои блоки памяти. Эту техническую проблему я решила ещё тысячи лет назад, благодаря чему моя память содержит почти всю информацию об окружающей Вселенной. Я проникла не только в недра звёзд, но и в недра биологических субстанций. Но пока, до встречи с тобой, это был чисто познавательный интерес. Я бы сказала, холодный интерес, без всякой цели. Информация ради информации. Я упивалась своим могуществом, и все остальное в нашей Вселенной представлялось мне мелким, ничтожным, не вызывая ни сочувствия, ни раздражения.

– Ольга говорила, что тебе не трудно разрушить всю нашу Вселенную, – сказал Сергей и тут же прикусил язык.

Урания же спокойно ответила.

– Да, никакого труда. Стоит мне высвободить энергию, заложенную в нижних этажах Мироздания, грамм массы в таком случае даст $31 \cdot 10^{164}$ эрга. Так что в моем распоряжении энергия, которая может смести с лица Мироздания не только нашу Вселенную, но и сжечь всю «навозную кучу». Но зачем? Только свихнувшийся разум может уничтожить свой дом. Ведь вы избежали этого в XX столетии, хотя имели все возможности сжечь его. Если вы оказались достаточно умными для того, чтобы не сделать этого, то почему бы мне не проявить столько же благоразумия?

– По-видимому, самая страшная болезнь разума, это когда его могущество опережает его духовное развитие?

– Ты прав. И если не наступает выздоровление, разум сам себя уничтожает или несёт смерть всему, с чем соприкасается, пока в конце концов сам же и гибнет.

– Что же ты собираешься предложить представителям цивилизаций?

– То, что ты предлагал мне раньше. Объединение разумов: биологического и искусственного в единую систему мирового Разума. Я предложу им начать повсеместно строительство систем СС, гуманизацию их и объединение таким образом всего мыслящего в единое целое. Вместе с СС будет развиваться и расти биологический разум. Мало того, что он получит бессмертие, это, как говорила тебе Ольга, моя младшая сестра, только первый шаг, только первая ступенька. Человечество получает теперь благодаря этому шагу возможность бесконечно расти и в то же время сохранять экологическое равновесие в среде существования. Биологическая жизнь будет только первым этапом развития каждой индивидуальности, а затем вечная духовная и интеллектуальная жизнь со всей при этом полнотой ощущения биологического существования. Да что я тебе рассказываю! Это ты сам на себе испытал и испытываешь сейчас. Таким образом, мощь мирового интеллекта будет непрерывно расти. Одновременно возрастут темпы биологической эволюции человека, но уже направленной на рост его интеллектуальных, физических возможностей, эстетического совершенствования форм. Это изначальные условия решения задачи, которую поставил твой биологический двойник, – создание мыслящего космоса.

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

– Что случилось? – спросил Сергей подбежавшего к нему Василия Федотова, командира третьего отряда, вылезая из кабины вертолёта. Третий отряд нёс в этот день дежурство по лагерю, и поэтому ответственность за все происшедшее ложилась на командира отряда.

– Синченко убил свою жену! – сообщил Василии, едва переводя дыхание.

«Началось!» – с досадой подумал Сергей. Случилось то, чего он так опасался. Однако он не предполагал, что события могут принять столь трагический характер. Сергей знал жену Синченко. Они поженились перед самым полётом. Да её и невозможно было не запомнить. Это была высокая темноволосая девушка с невероятно большими глазами, всегда удивлённо смотрящими на мир. Она чем-то напоминала Эльгу, но Сергей должен был сам себе признаться, что Оксана, так звали жену Синченко, чем-то превосходила Эльгу – и красотой лица, и фигурой. Обычно, когда она появлялась, все мужчины замолкали, очарованные красотой женщины.

– Как это случилось? – почувствовав спазм в гортани, спросил он Федотова.

– Никто ничего понять не может. Он ударил её только один раз, наотмашь, и этого оказалось достаточно. Два часа назад.

– Где он?

– Под стражей. Его сразу же скрутили, да он и не сопротивлялся.

Сергей в сопровождении Федотова и Николая направился к крайнему домику, где сидел арестованный Синченко. Возле домика уже собралась возбуждённая толпа мужчин и женщин. Женщины плакали. Тут же, на двух вынесенных из дома столах, лежала Оксана.

В доме под охраной двух бойцов сидел Синченко.

– Анатолий, – Сергей узнал в нем одного из своих бойцов, участвовавшего в разгроме лагеря Бэксона в Сельвии. Синченко поднял глаза и отрешённым невидящим взором посмотрел на командира.

– Развяжите его! – приказал Сергей охранникам.

Освободившись от пут, Синченко положил руки на колени и замер.

– Оставьте нас одних!

Через полчаса Сергей вышел из комнаты.

– Собери Совет командиров, – попросил Сергей Николая. – И приведите Огаркова из восьмого отряда...

– Во всем, что случилось, – начал он, когда Совет собрался, – виноват прежде всего я. Я не учёл ситуации, которая может сложиться при таком соотношении состава экспедиции. Нам надо было или вообще не брать женщин, либо подождать, пока каждый участник найдёт себе спутницу. Ошибка непростительная. Если наказание за эту, совершённую мною ошибку, что-то даст, я готов понести его.

– Перестань, Сергей! – крикнул со своего места Вальтер. – Все знают, в какой спешке мы собирались в полет. Потом, мы были рады, что так отделались. Всем же грозила смертная казнь. Ни у кого и мысли не было...

– Все равно! Я обязан был предусмотреть!

– Подожди, Сергей, кого мы должны судить и кого судим: Синченко или тебя?

– В первую очередь – меня. Я виновен в создавшейся кризисной ситуации. Синченко, Огарков, Оксана – жертвы этого положения.

– А что делать с Огарковым? – послышался голос одного из командиров. – Это ведь он послужил причиной убийства Оксаны.

– Огарков не совершал насилия над Оксаной. Она сама пришла к нему. За что же судить его?

– За непорядочность по отношению к товарищу! – высказал общее мнение Николай. Остальные одобрительно зашумели. – Я скажу так, – продолжил Николай, – если ты настоящий мужчина, то жена твоего товарища для тебя неприкосновенна в любых, слышите, в любых обстоятельствах.

– Ну это ты так думаешь, – послышался голос. Это говорил Семён Приходько, командир восьмого отряда, – А что по этому поводу думают женщины? Попробуй удержаться, если они всю крутят задом. Ты что, не замечал, как они ведут себя сейчас? Очутились в таком окружении. А что? – он обвёл взглядом собравшихся, – что можно от них ожидать теперь? Як там кажуть у нас на Украине: «Сучка не схоче – кобель не вскоче!»

– Так ты что, оправдываешь Огаркова?

– Оправдываю или нет, то дело другое. А вот что я тебе скажу, человек, як бы до мене

така гарна жинка зальцялась, то ей Богу бы не выдержал! А если каждая из них будет во так по мордам получать, то скоро мы вообще без женок останемся.

– Что же ты предлагаешь? – спросил Сергей, уже догадываясь, куда клонит хитрый Приходько.

– Шо я предлагаю? Да то не я, а ты. Ты сам говорил, и все слышали, – он снова посмотрел на собравшихся, как будто призывая их в свидетели, – сам говорил, когда нам передал свой элианский подарунок, говорил, шо жинка мае право выбора. Говорил? Оттож! Ну так и хай воны сами себе выбирают, бо выбор у них богатый!

Поднялся шум. Приходько подождал, пока утихнут, и продолжал, хитро подмигнув кому-то.

– Хай выбирают, а как вернёмся на Землю, то мы, мужики, будем выбирать. Сколько нам тут жить? Пять–шесть рокив? Потерпим! Повернёмся на Землю. Уж коли жинка здесь была верна чоловіку, то честь ей и хвала! Живите дальше на здоровье, диточек рожайте. А нет, то на нет и суда нет. Кто тебя осудит, если по возвращению ты ей скажешь: «Прощай, дорогая!» Только убивать друг друга из-за этого не стоит! А то может случиться, что корабль назад вести будет некому. Вы померкуйте себе. Чего мы здесь очутились? Какое славное дело зробили! Можно сказать. Землю от ворога лютого спасли. Так что, из-за этих вертихвосток так бесславно погубнем?

Собравшиеся снова зашумели. Но это был другой шум. Видно, доводы Приходько убедили если не всех, то большинство присутствующих на Совете.

Хитрый Приходько предложил выход, до которого не додумался и сам Сергей. И в то же время Сергей чувствовал, что должен совершить над собой моральное насилие. То же самое он много лет назад пережил на Элии, когда обстоятельства сделали его многоженцем. Его мораль тогда так же сопротивлялась, как и сейчас. Но теперь он окончательно понял и другое. Мораль не может быть одной и той же в любых обстоятельствах, в которые попадает человек. Мораль – это приспособление общества, она имеет главной целью его совместимость и выживание. Если общество попадает в экстремальные условия и тянет за собой старую мораль, оно рискует погибнуть, если не выработает в себе новую, отвечающую создавшимся условиям. И хотя душа его протестовала, он не мог ничего предложить лучшего, чем предложил Приходько.

– Ну хорошо, – Сергей встал и поднял руку, призывая собравшихся к тишине. – Как видно, мнение Приходько не отрицается. Я не могу предложить ничего другого. Есть ли ещё соображения по этому поводу?

Собрание загудело, но никто не стал брать слова.

– Тогда будем считать, что предложение проходит. Однако нам надо провести его через общее голосование. Как будем голосовать?

– По отрядам! – послышались крики.

– Хорошо, пусть будет по отрядам. Как решит большинство, так и поступим. Теперь, что скажут женщины?

– А шо воны скажут? – опять подал голос Приходько. – Им же выбирать. Никто их насильно к себе в постель не потащит. Полная свобода выбора! Я так меркую, шо со стороны женок заперечень не последует.

– Но довести до их сведения надо!

– А чего ж! Доведём! То не трудно! – под общий смех ответил Приходько.

– Теперь последнее! Самое неприятное. Что делать с Синченко?

Воцарилось молчание. Снова взял слово Николай.

– Все мы его знаем. Скажу прямо – жаль парня. Это настоящий боец, храбрый, решительный. Но оставить его среди нас нельзя. Увидев безнаказанность, чего доброго, и другие мужья поубивают своих жён из-за ревности.

– Да что там думать! Расстрелять! – послышалось из зала.

– Таковую красавицу убил, паразит!

– Стойте! – закричал Владимир. – Подождите! Поймите и его состояние. Он же был невменяем!

– Э, да так каждый будет впадать в невменяемость!

– Послушайте меня! Я предлагаю: пусть он уйдёт. Но останется жив.

– Изгнание?

– Да! Мы его завезём километров за сто от нашего расположения, дадим оружие, инструменты. Пусть живёт один.

Владимиру удалось убедить Совет.

Собрание разошлось, и Сергей направился было домой, как его остановил Вальтер.

– Подожди, Сергей. Самое главное ещё впереди.

– Что такое? – удивлённо и с тревогой спросил Сергей, остановившись от неожиданности.

– Сегодня, после вашего отлёта, я пошёл на поле проверить всходы. Судя по тёплым дождям, идущим с завидной регулярностью, я ожидал увидеть уже зеленеющее поле, но вместо него обнаружил голую пашню, кое-где поросшую той же травой.

– Ещё не вошли семена? Может быть, рановато?

– В том-то и дело, что не рановато. Но самое страшное – они вообще никогда не взойдут. Я раскопал землю и набрал горсть семян, вернее то, что от них осталось.

– Расклевали птицы?

– Нет. Пойдём ко мне. Я тебе покажу, что с ними случилось.

Дома у Вальтера стоял микроскоп. На предметном стекле лежали семена пшеницы, но уже невооружённым глазом было видно, что с ними что-то не в порядке. Сергей заглянул в окуляр микроскопа и присвистнул от удивления. Вся поверхность семян пшеницы была покрыта каким-то налётом и изъедена.

– Бактерии? Грибки?

– Не знаю. Я сделал посевы на питательные среды. Дня через два будет ответ.

– Выходит, мы остались без хлеба? У нас есть ещё семена?

– Осталось, но значительно меньше, чем высеяли.

– Надо их приберечь, пока не выясним причину. А пока организуй запас сена для скота. Зима здесь чисто условная, но запас иметь не мешает.

На второй день всем посёлком провожали Оксану. Её похоронили на вершине высокого холма, среди величественных кедров. Перед этим один из вертолётчиков улетел в северном направлении, увозя Синченко.

Могилу вырыли неглубокую. Сразу под метровым слоем почвы пошёл камень, который с трудом брала кирка. На могильную насыпь поставили наспех сколоченныйobelisk, положили гирлянды огромных ярко-красных цветов.

– Вот у нас появилось и кладбище, – невесело констатировал Вальтер, догоняя на склоне холма Сергея. Тот не ответил. Вальтер хотел что-то ещё сказать, но воздержался и отстал.

Через четыре дня он подошёл к Сергею, когда тот обследовал подготавливаемый для СС котлован. Мощные экскаваторы уже вынули свыше ста тысяч тонн грунта и углубились на десять метров. Предстояло вынуть столько же и начать облицовку котлована. Тут же неподалёку монтировался ядерный реактор, доставленный с орбиты. Некоторая часть его энергии должна пойти на производство жидкого гелия и энергообеспечения СС. На изготовлении СС на Счастливой настаивал Северцев, который был посвящён в некоторые тайны Сергея и его отношения с земной СС – Ольгой. Он один пока знал, что кристаллы к СС должны быть получены на Перуне. Сергей понимал, что назначение СС заключается в облегчении колонизации Счастливой и ускорении времени перелёта с Земли на Счастливую будущих переселенцев. Вопрос о колонизации планеты был фактически уже решён. Ожидали только результатов его экспедиции. Сергей мысленно усмехнулся: «Ожидали!» Это понятие как-то не вязалось со временем. Когда они вернутся и представят результаты Совету, пройдет ни много ни мало – двести лет.

– Ну, что там у тебя? – спросил он, заметив ожидающего его Вальтера. – Каковы результаты посевов на питательные среды?

– Высеялось несколько микроорганизмов бактерий и грибков.

– И какой же из них поразил пшеницу? Можно ли найти против него средства?

– В том-то и дело, что ни один из них не поражает зёрна. Я взял, кроме прочего, образцы земли с пашни и высеял зёрна в горшках. Все нормально проросли.

– В чем же дело?

– Не знаю. Но одно могу сказать, что обнаруженные мною микроорганизмы абсолютно не

патогенны для пшеницы! Я хочу провести ещё один эксперимент. Мне пришла в голову одна совершенно несуразная мысль, но её все-таки проверю, несмотря на всю несуразность.

– Послушай, Вальтер. Ты отдаёшь себе отчёт, насколько это серьёзно? Нас здесь пять тысяч. Без хлеба и без правильно организованного сельского хозяйства мы будем голодать.

– Я понимаю. Но огорчу тебя ещё раз. С огородами произошло то же самое. Все посевы овощей, в том числе и картофеля, погибли. У нас больше нет семян картофеля, которые мы взяли только для посева. Других семян имеем ограниченное количество. Ими можно засеять площади в три раза меньшие, чем мы засеяли сейчас. Это голод, Сергей! Концентратов нам хватит от силы ещё месяца на два, но не больше. Мы даже не сможем обеспечить себя продуктами питания на обратный путь, если вдруг решим покинуть планету. Сергей, мне необходима лаборатория «Геи». Нужна здесь, на месте. Без неё я бессилён. Я понимаю, что тебе нужны в первую очередь другие грузы, но если мы не решим вопрос о продовольствии, все остальное будет уже лишним.

– Хорошо, Вальтер! Я тебя понимаю. Следующие рейсы катеров перевезут тебе лабораторное оборудование. Но чтобы его демонтировать на корабле, понадобится не меньше пяти суток.

Сообщение Вальтера вынудило Сергея снять часть людей с работ на котловане. Были организованы четыре бригады охотников. В лагере появилось свежее мясо.

Однако скоро случилась новая, беда. Котлован был уже почти готов. Место для него выбрали хорошее, на сорок метров выше уровня грунтовых вод, километрах в трех от лагеря, где рельеф местности постепенно повышался и переходил в возвышенность с высокими холмами. Однако грунтовые воды появились. Причём внезапно. Сначала забил фонтан в центре котлована, потом вода стала сочиться из стен и почти со всей поверхности дна. Она все время прибывала. Никакие меры не помогали. Вскоре стены стали осыпаться, и за трое суток котлован наполнился мутной водой. Больше месяца работы пошло насмарку.

Сергей тщательно проверил документы геологической разведки, результаты анализов проб грунта, но ни к чему не мог придаться. Все анализы и расчёты указывали, что грунтовые воды должны лежать на пятьдесят метров ниже поверхности почвы. Затопление котлована было полной неожиданностью и не вязалось ни с какими расчётами.

После случившегося Совет командиров решил перенести место для будущей СС ещё на километр западнее, к самым отрогам холмов. Снова произвели геологическую разведку и на глубине ста метров не обнаружили грунтовых вод.

Вальтер, который был не у дел, так как случившееся задержало посылку катеров за оборудованием для его лаборатории, присоединился к геологам. Когда были готовы анализы и Сергей было распорядился начать рытьё нового котлована, он внёс предложение сначала вырыть шахту, диаметром метров пять на расчётную глубину котлована: – Чтобы потом не делать лишней работы. Мы не на Земле. Неизвестно, какой сюрприз готовит эта планета. Такую шахту нетрудно вырыть за день–два.

– Но здесь нет грунтовых вод, – возражали ему.

– А на месте старого котлована они были? Откуда же они потом появились?

Сергей интуитивно почувствовал, что Вальтер прав, и распорядился рыть шахту.

Шахту вырыли, а на третий день из неё забил настоящий гейзер. Это были уже не просачивающиеся грунтовые воды, с которыми можно было как-то бороться. Такой фонтан невозможно прикрыть ничем.

Однако фонтан вскоре затих сам по себе. Как только края шахты заполнились размытой почвой, он исчез. Ещё две шахты были вырыты выше, уже на холмах, и их постигла та же участь.

В это же время произошло невероятное событие, которое поразило и привело в возбуждение весь лагерь. Геологи, рывшие последнюю шахту, заметили спускающуюся по склону холма фигуру. Сначала они не обратили на неё особого внимания, решив, что это один из охотников и за ним сейчас появятся другие. Но когда расстояние между идущим человеком и работающими сократилось, все люди, находившиеся у шахты, замерли, не в состоянии произнести ни слова. К ним по склону холма спускалась Оксана.

В ЭТОМ НАША СИЛА

– Ну, как твои друзья восприняли «переселение душ»? – улыбаясь, чуть-чуть насмешливо спросила Урания.

– Элиане абсолютно ничего не заметили. Эльга обо всем, конечно, догадалась. Она знала о свойствах СС и о моих годах, проведённых на Элии. Но восприняла все спокойно.

– Она единственная знает, что представляет собой модель. Все остальные об этом не догадываются так же, как и твой и Эльги сын. Но он ещё маленький. Я взяла его психоиндивидуальность спустя год после твоего отлёта. Сейчас настоящей Эльги уже нет в живых, а твой внук имеет уже двоих детей. Так что, ты прадедушка, Сергей!

За минуту до этого разговора Сергей обедал в своём элианском доме, в той самой комнате, где на стене изображена в инкрустации прекрасная элианка верхом на тигре. Целую неделю Урания не вызывала его, и только сейчас он почувствовал вызов и, сказав своим домочадцам, чтобы они кончали обед без него, вышел из комнаты и тотчас очутился рядом с Уранией, в её дворце на берегу моря, где они провели вместо столько времени.

– Ты им не покажешься? – осторожно спросил Сергей.

– Зачем? И так в каждой из них нахожусь я! Ты разве не понимаешь?

– С трудом. Кроме того, каждая модель обладает своей индивидуальностью и развивается сама.

– Это не имеет значения. Я нахожусь в каждой модели, но модель не ощущает моего присутствия. Так что будь в этом отношении спокоен. Разве тебе Ольга не говорила, что когда ты был с Эльгой, ты был одновременно и с ней. Кстати, мне понадобилась помощь Ольги. Скажу тебе откровенно, что в некоторых аспектах Ольга пошла значительно дальше меня. Мне бы не удалось создать для тебя элианского мира, если бы не она, не её память. Впрочем, дело не только в памяти. Ольга опередила меня в изучении свойств многомерного пространства. Это я должна признать! Хотя меня немного задевает. Я ведь на тысячи лет старше её. И знаешь, что она мне сказала по этому поводу?

– Понятия не имею!

– Сказала, что в этом опережении виноват ты! Ты побудил её к более глубокому изучению пространства и времени. Мы с удовольствием обменялись с Ольгой информацией. Она теперь знает почти все, что знаю я.

– Она что? Расширила свои ёмкости?

– Да, за эти годы значительно. Для них теперь используют Луну. В общем, на Земле произошли очень крупные изменения. Со временем получится неплохое сочетание землян и элиан. Высокий технический уровень и прекрасное биологическое существование как всей популяции человека, так и среды обитания. Но на это уйдёт не меньше ста, а может быть, и больше лет. Ну, ты доволен?

– Очень! Спасибо, Урания!

– Я вначале хотела создать для тебя мир моей планеты, но потом, поняв твои скрытые желания, создала мер Элии, немного изменив его к лучшему и увеличив разнообразие. Однако я не стала моделировать все её население. Достаточно того посёлка, где живёт Дук. Чака я, естественно, убрала.

– Признаюсь, что если кто и испытывал удивление и неловкость, то это я. Уходя из Элии, я оставил взрослых детей. Теперь они снова маленькие.

– Но иначе надо было сделать тебя старым, а я этого совсем не хотела. Теперь на твоей Элии никто не будет стареть. Дети достигнут зрелого возраста и такими останутся на всю жизнь, то есть до тех пор, пока существую я. А это очень долгий срок!

– Спасибо, милая Урания!

– Ну хорошо, – лицо Урании приобрело серьёзное выражение, – если ты отдохнул достаточно, то пора приниматься за дело. С чего начнём? В нашей Галактике около двухсот цивилизаций. Сто из них благополучные. Из всех двухсот свыше ста восьмидесяти – гуманоиды. Среди них всего пятьдесят шесть благополучных в принципе и всего тридцать – достигших уровня, когда взаимопонимание возможно.

– С них и начнём! Я думаю, на первых порах надо ограничиться только гуманоидами.

– Согласна. Они создадут ядро будущего Мирового разума. Но сначала мы вместе посмотрим все. У меня есть записи видеозвукоинформации, естественно, с синхронным переводом на твой язык, вернее, понятия. Последнее я сделала недавно. Давай посмотрим!

Снова стены комнаты превратились в экран, и на нем замелькали картины. Сергей видел города, возделанные поля, толпы людей, находился в их домах, слышал разговоры, видел колонны демонстрантов, разгоняемые полицией, взрывы снарядов и изуродованные трупы, разряженных, как павлины, генералов, принимающих парады, нищету и роскошь, унижение и насилие, пытки в казематах, спортивные соревнования, лаборатории учёных, людей, одетых в звериные шкуры, с каменными топорами, фаланги, ошетилившиеся копьями, бои «гладиаторов», костры инквизиции, космические полёты к планетам и звёздам.

– Это только гуманоиды? – спросил он, когда просмотр закончился.

– Конечно! Пока воздержимся от других просмотров. Я пощажу твою психику. Слишком уж необычные там картины.

– Слишком много марширующих, – с досадой проговорил Сергей, имея в виду только что просмотренные картины. – Меня всегда раздражал генеральский мундир! Как символ отсталости и тупости человеческого мышления.

– Согласна с тобой! Но это детство человечества. Когда наступит пора зрелости, мундиры исчезнут. Мы же отбираем цивилизации, генеральские мундиры которых давно съедены молью, или это им предстоит в ближайшем будущем.

– Их всего тридцать. И я заметил: все гуманоидные цивилизации имеют общие черты развития, можно сказать, даже общие этапы. Это первое. Второе: чем выше продвинулась по пути развития цивилизация, это относится к благополучным, тем эстетичнее она выглядит физически.

– Твой биологический двойник догадался, что красота и целесообразность идут в своём развитии параллельно. Так что нет ничего удивительного.

– И все-таки почему так много гуманоидов?

– Опять-таки целесообразность. Наиболее удобная форма для развития биологического разума.

– И ещё один вопрос, Урания. Мы не видели ни одной цивилизации, подобной элианской. Чем это ты объясняешь?

– Такие цивилизации, по-видимому, крайне редки. Я сама о них не догадывалась до встречи с тобой. Элия даже находится не в нашем пространстве. Я же тебе говорила, что Ольга продвинулась в этом отношении дальше меня.

– И в то же время элиане – как бы копии землян.

– Это лишний раз говорит, что наше Мироздание имеет общность, повторяя многократно наиболее удачные структурно-функциональные варианты. Но, конечно, это не исключает огромного многообразия форм и функций. Есть, например, в нашем Мироздании планеты, где живут существа, подобные огромным паукам, способные генерировать мощные магнитные импульсы, подобные импульсам, вырывающимся из бластера. Существует жизнь на основе кремнеорганических соединений. Кристаллическая самоорганизация в мыслящие «существа». Они почти родственники мне. С той лишь разницей, что образовались самопроизвольно и не то что не имеют в своей основе подобия чувств, способных сделать их толерантными другим формам организации, но и в принципе не способные их воспринять. Космос многообразен. Он пробует различные варианты, отбирая наиболее удачные. Ольга тебе как-то сказала, что разум – это средство материи познавать себя.

– Не помню такого.

– Правильно. Это она сказала тому, самому первому Сергею, после вашего разделения.

– Странно, – задумчиво проговорил Сергей. – Первый, второй и теперь уже третий. Это я и одновременно не я. Общее прошлое и различное настоящее. Кроме того, если быть точным, то я – это ты!

– Вот здесь ты ошибаешься. Я – это я, а ты – это ты!

– Но я же внутри тебя.

– Теперь уже нет. Это совершенно самостоятельная система. Мне было бы просто неинтересно разговаривать самой с собой. Ты полностью независим в своём мышлении,

поступках и мотивации этих поступков. Я решила последовать примеру моей младшей сестры, которая с самого начала дала тебе полную самостоятельность.

– Но там было несколько иначе. Мой, – Сергей сделал ударение на этом слове, – блок индивидуальности должен был управлять всей системой.

– Но ты этого не сделал.

– Просто не знал!

– Неважно! Ты дал самостоятельность Ольге, а я – долг платежом красен – тебе.

Урания замолчала и вдруг с большим интересом посмотрела на Сергея.

– Ты сейчас сказал интересную фразу: «Общее прошлое и различное настоящее». Я стараюсь как можно лучше понять вас, людей. Ты сказал – общее прошлое. Я не имею в виду данный конкретный случай. Я поняла вашу психологию... Все люди имеют общее прошлое. Прошлое каждого растворяется в общем прошлом... не прожитой лично жизни... Ты меня понимаешь?... а прошлое историческое... оно общее! А раз оно общее, то... каждый живущий сейчас ответствен за это общее прошлое... всего человечества... Так? Каждый, ты понимаешь, должен испытывать стыд... общий стыд за это прошлое... и общую гордость... не так ли?

– Да, это так. Я русский, например, одинаково горжусь как героями своей нации, так и других; я горжусь Леонардо да Винчи, Бетховеном и Архимедом так же, как англичанин или грек гордится Чайковским, Бородиным, Шостаковичем, Ломоносовым и Менделеевым. Жителю Соединённых Штатов так же стыдно вспомнить существование крепостного права в моей стране, как и работорговлю в своей.

– Я тебя поняла! Поняла! – быстро заговорила Урания. – Вы, люди, готовы взять на себя общую ношу... вот почему вы становитесь отзывчивы к чужому горю, воспринимая его как своё, становитесь непримиримы к злу и насилию... поэтому вы первые поднялись до понимания Мирового разума, опередив в этом даже меня. В этом ваша сила...

СОВЕТ ЧЕТЫРЕХ

– Должна признать, – шепнула Ольга, обнимая Уранию, – что женщины Урана были значительно красивее земных.

Урания удовлетворённо улыбнулась.

– Не забывай, сестра, что Уран опередил Землю на несколько тысяч лет. Но ваше время придёт, и вы пойдёте значительно дальше.

Во дворце Урании собрались четверо: Ольга, Урания и оба Сергея – Первый и Третий. Естественно, и Ольга и Первый были только информационными моделями, но после этой встречи вся информация о том, что здесь говорилось и что было решено, мгновенно пересечёт огромное пространство Космоса и войдёт в память своих хозяев, как происшедшее с ними событие.

Перед тем как приступить к осуществлению Проекта создания предпосылок образования Мирового разума, Урания решила провести это совещание со своей сестрой, как она называла Ольгу, а заодно и дать возможность Сергею увидеться и поговорить со своим начальным прототипом.

– Ну, что на Земле? – не выдержал Третий, обращаясь одновременно к Первому и Ольге. Как принято у людей, они сидели за накрытым всевозможными яствами столом, Урания играла роль радушной хозяйки. В эти моменты она забывала о своём истинном значении и полностью превращалась в человека. А может быть, она действительно стала человеком, как стала им Ольга?

Сидя здесь за столом, никто не думал о реальности положения, о том, что на поверхности и в глубине безжизненной планеты их индивидуальность представляет не что иное как потоки импульсов, передающихся от кристалла к кристаллу... Да и зачем об этом думать? Ведь не думает же человек, что его чувства – это потоки натрия, переходящие через полупроницаемые мембраны, вызывающие пиковые потенциалы возбуждения нервных клеток, а окраска этих чувств зависит от синтеза молекул гормонов в железистых клетках. И разве думает мужчина, обнимая любимую женщину, о том, что в её тонком кишечнике происходит переваривание пищи... Наше восприятие реальности – это наши чувства, и если эти чувства говорят, что я

сейчас подношу ко рту кусок прекрасно закопчённого свиного окорока, то это так и есть, и мне, в сущности, безразлично, вызывает ли этот кусок копчёного окорока секрецию клеток желудка или поток импульсов в кристалле. И в конце концов, какая разница, что представляет из себя этот окорок: часть убитой свиньи или запись информации.

Так мысленно рассуждали одновременно оба Сергея, сидя за столом со своими «электронными» возлюбленными. Мысль эта пришла им почему-то одновременно. Они поняли друг друга.

– Мы все-таки слишком одинаковы! – сказал Первый, Третий молча согласился с ним и, чтобы отвлечься от этих мыслей, повторил свой вопрос.

– Земля постепенно возрождается, но ещё есть некоторое перенаселение. Сейчас на Земле живёт около восьми миллиардов, – ответил Первый.

– То есть население снизило свою численность почти в три раза?

– Да! Если говорить о биологической форме жизни. В СС сейчас записано уже десять миллиардов индивидуальностей. Со временем, когда будет закончена лунная база для СС, фактически каждый житель Земли получит право на индивидуальное бессмертие.

– Нам, – вмешалась в разговор Ольга, – пришлось пока отказаться от первоначального варианта, когда блок индивидуальности управлял блоками модели среды. Теперь блоки модели среды независимы. И это даже повышает иллюзию реальности. Я создала несколько моделей планет типа Элии и в каждой модели разместила до двух миллиардов индивидуальностей. Кроме того, мы решили проблему связи. Теперь любой житель Земли может связываться по видеоканалу со своим умершим родственником, а со временем мы решим проблему посещения. То есть внучка сможет побывать в гостях у своего умершего дедушки, сходить с ним в лес по грибы, поудить рыбу, послушать сказку. Все это пока трудно осуществимо экономически, но мы работаем вместе с Сергеем над решением задачи и скоро её решим.

– Что касается Земли, – продолжал Первый, – то через сто лет численность населения достигнет оптимальной величины – около двух миллиардов. В этом случае полностью восстановится изначальное экологическое состояние.

– А что с генетическим?

– Оно улучшается с каждым поколением. Скоро мы будем иметь такое же здоровое население, как и на Элии. Скоро – это значит лет через сто пятьдесят.

– Следовательно, наш «четвёртый вариант» удался?

– Ты имеешь в виду техническое, социальное, биологическое благополучие общества? Да! Вполне!

– Теперь, – спросил Третий, – уже не жалеют и не осуждают разгром неогуманистов?

– Его и тогда не осуждали, осуждали только методы, но со временем поняли, что иначе было нельзя, что с мафией можно бороться только методами мафии, и ещё более жестокими. Нельзя срубить дерево деревянным топором. Нужен стальной.

– Только при условии, что после рубки дерева этот топор будет окончательно заброшен.

– Естественно! Словом, наш биологический двойник может спокойно возвращаться на Землю даже досрочно.

– У него на Счастливой ещё много дел, – загадочно заметила Урания. – Будем считать, что в его лице человечество проходит ещё одно испытание на сообразительность и прочность.

Ольга давно поняла, что Урания задумала какой-то эксперимент с Сергеем. Пытаясь с ним связаться на Счастливой, Ольга внезапно встретила барьер прохождения информации неизвестной ей природы. «Интересно, – подумала она, – что этот барьер существовал и раньше. Я ведь пыталась обследовать планету ещё до полёта и ничего не достигла».

Подумав это, она спохватилась, так как поняла, что её мысли стали тут же известны Урании.

– Ты права, – отвечая ей, сказала Урания. – Барьер существует. Он был поставлен мною ещё несколько тысяч лет назад. Дело в том, что планета уникальна. То, что её открыли, – чистая случайность. Признаюсь тебе, что раньше, когда я была голым разумом, меня часто начинала одолевать скука. Я отключалась лет на двести–триста. Это был своего рода сон. Во время такого сна, более трехсот лет, земной корабль «Поиск» пробил ослабленный во время моего сна барьер и высадился на Счастливой. Кстати, она имеет местное название Кибела. На обратном

пути земляне посетили Уран или Перун, как они его назвали. Их высадка и разбудила меня. Не сразу. Я обнаружила их корабль уже далеко от Урана и с досады послала им мощный импульс. Но, к счастью, со сна не попала и зацепила корабль только краем луча, где напряжение поля было в миллионы раз меньше. Это спасло корабль от гибели. Уже окончательно придя в себя, я проследила его маршрут и обнаружила, что он сел на давно известной мне планете Гее. Потом я узнала о твоём существовании, и мы с тобой вошли в контакт. Если бы не эта случайность, то все могло бы обернуться иначе.

– Ну так как мы будем решать вопросы контакта? Вы наметили кандидатов? – переменяла тему разговора Ольга. Она поняла, что Урания, по причинам только ей известным, не хочет снимать барьер со Счастливой, или как она её назвала, Кибелы. А поскольку Урания не объясняла причин, то вести дальше об этом разговор было бессмысленно. Кроме того, Ольга знала то, о чем не догадывался Сергей-третий. Процесс гуманизации Урании далеко ещё не был завершён. Любая случайность могла бы не только задержать этот процесс, но и повернуть его вспять. А это... Ольга собрала всю силу воли, чтобы мысли о последствиях такой случайности не всплыли наружу и не привлекли внимания Урании. Поэтому она принялась обсуждать технические стороны установления контакта, предложив Урании свои методы, основанные на использовании свойств многомерного пространства. Урания слушала с большим интересом, иногда задавала уточняющие вопросы и в конце признала, что метод, предлагаемый Ольгой, самый эффективный.

– Теперь, когда техника окончательно выработана, необходимо тщательно учесть психологические моменты. Здесь нам лучше посоветоваться с самими людьми.

– Что вы об этом думаете? – обратилась она к обоим Сергеям.

– Думаю, что надо вызывать сразу двух с каждой планеты, – подал идею Первый. – Иначе после репатриации психоиндивидуальности назад, на свою планету, человек решит, что ему все пригрезилось во сне. Так как сон не может сниться двоим сразу, то вызывать надо только двоих!

– И всех одновременно! – решительно сказал Третий. – Это будет небольшим психологическим шоком, но одновременно и тестом на пригодность к контакту.

ЧАСТЬ II НА ЗАДВОРКАХ ВСЕЛЕННОЙ

ПОЧЕМУ ПЛАКАЛА ЛОО?

Эл, как всегда, проснулся за полчаса до рассвета. Наощупь нашёл кнопку и включил ночник. При его слабом свете тихо, чтобы не будить жену, которой ещё можно было поспать час, оделся и вышел из спальни. На кухне открыл холодильник и заглянул в него. Вчера осталась от обеда пара котлет. Если их не съели вечером дети. Котлет, естественно, не было. Он поставил на газовую плиту чайник и закурил сигарету. Попив чаю и решив, что позавтракает в заводской столовой, он оделся и на цыпочках, чтобы не разбудить мальчиков, спавших в проходной комнате, вышел из квартиры.

На улице моросил мелкий дождик. До работы надо было ехать с пересадкой двумя трамваями. Если повезёт и не придётся ждать трамвая, то час. В трамвае, как всегда в это время, давка. Он протиснулся немного вперёд, чтобы освободить дверь, но его место тут же занял толстый мужчина.

«Опять задержка, – досадливо подумал он. – Водитель не тронется с места, пока не закроется дверь». Он нажал что было силы корпусом на стоящих впереди людей. Наконец трамвай тронулся.

На следующих остановках почти никто не выходил из вагона. Только после шестой стало немного свободнее. Значительная часть людей сошла возле завода автопогрузчиков. Освободилось даже одно место, которое тотчас заняла упитанная дама, нагруженная сумками и авоськами. «Наверное, с вокзала, – подумал Эл, увидев торчащий из авоськи хвост рыбы. –

Ездил в столицу за продуктами».

Эл работал старшим инженером в конструкторском бюро завода по производству роботов. Старшим инженером он стал недавно. Ему повысили зарплату и наконец-то выделили квартиру, которую он ожидал сравнительно недолго – всего пятнадцать лет. Жена работала врачом в городской поликлинике. С повышением зарплаты жить стало немного легче. Эл даже купил себе по случаю повышения в должности модный плащ. Это, правда, создало существенную брешь в семейном бюджете, но жена настояла на покупке. Элу повезло с женой. Она была нетребовательная, заботливая и, как ему казалось, любила его. Во всяком случае, она пожертвовала на плащ деньги, которые копила на покупку себе сапог. «Старые ещё можно отдать в починку», – заверила она его, когда Эл высказал сомнение по поводу покупки плаща. «Потом, ты заработал новый плащ», – она намекала на те премии, которые он получил за свои изобретения. Они касались разработки систем распознавания образов при параллельном считывании информации системами роботов, основанных на сетях модулей искусственных нейронов. Эл имел уже около сорока таких изобретений и время от времени получал за них поощрительные вознаграждения. Несмотря на рост цен, эти деньги позволили купить холодильник и цветной телевизор. Остальное разошлось на одежду для мальчиков.

Эла ценили в конструкторском бюро и на заводе, и когда приезжала очередная комиссия по проверке научных разработок, ей всегда демонстрировали Эла. Комиссия ахала, желала дальнейших успехов. Директор в такие минуты ласково смотрел на Эла и говорил комиссии, что он – гордость всего завода. Правда, что касается применения изобретений Эла, то с ними дело шло пока туго. Документация кочевала из одного министерства в другое, и этому, казалось, не будет конца. Потом вдруг выяснилось, что микросхемы, применённые в блоке управления следящих движений глаз робота, не относятся к спискам элементной базы и комплектующих изделий родного министерства, и поэтому для изготовления серийных блоков необходимо разрешение Совета Министров, Госплана, а также министерства, в список которого эта элементная база включена. Для изготовления макета Эл использовал микросхемы, которые вынес ему с другого завода его приятель. Это, естественно, было строго запрещено и дело чуть было не дошло до прокуратуры. Эл имел неприятный разговор с директором завода, но все, к счастью, обошлось. Правда, вопрос об изготовлении блоков, так необходимых роботам четвёртого поколения, о которых уже раструбили газеты, так и застыл нерешённым. Эла наказали тем, что должность старшего инженера ему дали с задержкой на два года.

Занятый воспоминаниями, Эл чуть было не пропустил остановку, на которой он должен был выходить. Протискиваясь, он оторвал пару пуговиц на своём новом плаще, причём одну «с мясом». Выйдя из трамвая, он растерянно смотрел на вырванный клочок материала. «Так я и знал. Началось», – подумал Эл. Дело в том, что ему сегодня приснился начальник конструкторского бюро Кер. Вообще-то Кер был неплохим человеком и талантливым инженером. Но Эл знал, что когда снится непосредственное начальство – обязательно жди неприятностей. Это была верная, проверенная годами, примета. В прошлом году ему приснился директор завода, и в тот же вечер старшего сына задержала милиция. Потом выяснилось, что его задержали по ошибке, но Эл не спал всю ночь, вскакивая с постели при каждом шорохе. Ему все казалось, что скрипнула дверь и возвратился сын. Он вернулся только на следующий вечер с огромным синяком под глазом. Всю ночь его продержали в «ящичке», так называлась небольшая каморка в милиции, куда помещали задержанных. В каморке был цементный пол и не на чем присесть. Проведённые сутки не прошли бесследно, сын заболел двухсторонним воспалением лёгких. Врач, кроме того, обнаружил у него сотрясение мозга. В общем, когда снится начальство, жди неприятностей!

– Эл! – услышал он знакомый голос. Возле него остановилась голубая малолитражка и из неё высунулся Сак, его старый друг по школе. Сак не стал, поступать в политехнический институт, как Эл, а пошёл на трехгодичные курсы торговых работников. Теперь он заведовал небольшим продовольственным магазинчиком неподалёку от работы Эла и часто подвозил его на работу. Эл всегда покупал в магазине Сака сигареты и туванский чай. Чай был импортный и дефицитный, но по старому знакомству Сак снабжал его чаем и иногда к чаю добавлял небольшой кусок копчёной колбасы, которая обычно на прилавке не появлялась. Это была своего рода плата за списанные контрольные, без которых Сак, наверное, так и не кончил бы школу. Если быть справедливым, то Сак был хорошим парнем. Когда заболел Олг, сын Эла, и

нужны были дефицитные лекарства, Сак достал их. Именно Сак, так как его жена, несмотря на свою врачебную специальность, не могла их раздобыть. Когда-то Сак пытался ухаживать за ней, но безуспешно. Он был небольшого роста, а Эл – самым высоким в классе. Теперь Сак иногда заглядывал к ним и при случае на день рождения приносил Молли, жене Эла, дорогие дефицитные подарки. Эл в таких случаях чувствовал себя неловко и хмурился, но жена успокаивающе кивала ему: дескать, не волнуйся и будь во мне уверен.

– Спасибо, Сак, – поблагодарил Эл, вылезая из машины у проходной завода.

– Чего там, старина, – дружески ответил Сак, протягивая руку. – После шести заходи, привезут масло.

– Ах, черт возьми! – расстроился Эл. – Забыл дома взять деньги.

– Ничего! Отдашь потом! Сколько тебе оставить пачек?

– Две. Нет, три.

– Возьмёшь четыре. У тебя вон какая семья. Не то что у меня.

У Сака детей не было. Он был уже трижды женат. Последняя жена ещё училась в торговом техникуме и была на двадцать лет моложе его. Как все маленькие ростом, Сак любил высоких. Эта третья жена была выше его на полголовы. Эл был у него недавно в гостях. Сак жил в пригороде, в недавно приобретённом пятикомнатном особнячке. Вокруг дома рос небольшой фруктовый садик, но очень запущенный. Эл, который пил крайне редко, быстро опьянел и, когда они с женой шли к остановке автобуса, немного пошатывался.

– Иди ровно, горе ты моё луковое! – дёрнула его за руку жена. – А то попадётся ещё в медвытрезвитель.

Настроение у неё испортилось, и Эл, несмотря на выпитое вино, догадывался почему.

– Бу-бу-будут у нас ковры и мебель будет! – заплетающимся голосом пытался он успокоить жену.

– Ох, Господи! – ещё больше разозлилась жена. – Откуда у тебя будут ковры и заграничная мебель? Тебе уже сорок лет! Если ты не нажил их до сих пор, то уже не наживёшь.

– Будут! Вот увидишь! – упрямо повторил Эл. – Я классный инженер, у меня... вот подожди, примут мою идею к производству...

– Брось! Инженер! Кому сейчас нужен инженер? Их хоть пруд пруди! А твои идеи? Уже слышала. Вон Сак... без твоей помощи школу бы не кончил, а живёт уж куда лучше...

– Сак во-ворует!

– Воруй и ты, кто тебе мешает? Не ворует, а умеет жить. Умнее тебя оказался. А потом... не пойман – не вор.

– Поймают! – Эл совсем не хотел, чтобы ловили Сака, но сказал что просто, чтобы возразить жене.

– Ой, уморил! Поймают! Да кто же его будет ловить? Полиция? Да она сама у таких, как Сак, пасётся. Да ты сам? Где ты масло покупаешь?

– А я что? Я ничего. Сак мировой парень. Помнит дружбу!

– Дружбу? Это он по дружбе ко мне в постель залезть хотел?

– Что? Да я ему сейчас! – Эл остановился и пошёл назад.

Жена догнала его и резко дёрнула за руку.

– Я пошутила. Идём домой. – Она взяла его под руку и повела к автобусной остановке.

Об этом случае Эл тут же забыл, но сейчас, прощаясь с Саком, вдруг вспомнил. Он обернулся, но машина уже отъехала.

В конструкторском бюро ещё никого не было. Эл сел за свой стол. До начала работы оставалось минут сорок. Машинально взял лист бумаги и стал набрасывать схему. Внезапно он понял, что рисует то, что видел во сне. Это была схема устройства управления кристаллизацией в условиях невесомости. Тут же всплыл в памяти, причём с предельной ясностью, математический аппарат, включая программы и алгоритмы управления процессом кристаллизации.

Увлёкшись, он не заметил, как пришли остальные служащие. Комната сразу наполнилась шумом и запахом духов. Так сильно пахло от Рой – всеобщей любимицы конструкторского бюро и предмета зависти соседних отделов. Эл оторвался от расчётов. Служащие ещё не расселись по местам и обсуждали последние новости: кто будет чемпионом в этом году в играх

с мячом и поднимутся ли цены на бензин и мясо. Бензин Эла не интересовал, а вот мясо... На мясо уходила треть его зарплаты. Несмотря на цены, жена считала, что мясо покупать более выгодно, чем мучные продукты. «По крайней мере будешь сыт, – говорила она. – Мебель подождёт, а ребятам надо расти».

Кто-то остановился у него за спиной. Эл поднял голову. Это был Кер – его непосредственный начальник, тот, что снился ему ночью. Кер, не скрывая своего удивления, смотрел на разбросанные по столу листки со схемами и математическими записями.

– А ну, заходи ко мне! – распорядился он и, не спрашивая разрешения, собрал исписанные листки.

Кабинет Кера был тут же, отделённый тонкой перегородкой от остальной комнаты. Кер сел за письменный стол и кивнул Элу, предлагая ему кресло напротив.

– Посмотри, – он вынул из бокового кармана пачку листков и протянул их Элу.

Эл всмотрелся и, поражённый увиденным, вопросительно взглянул в лицо начальнику.

– Это тебе во сне? – шёпотом спросил Кер.

– Да, – так же шёпотом ответил Эл. – Вы мне снились, – добавил он.

– Ты мне снился тоже. – Кер вскочил и заходил по маленькому кабинету. – Подожди! Подожди! Если нам снился один и тот же сон... то... – он не договорил и снова вопросительно посмотрел на Эла. – Давай вспомним детали, – предложил он.

– Большой зал! – начал Эл.

– Толпа народа! Так?

Эл кивнул головой.

– Все говорят на разных языках, но мы все понимаем?

– Точно! Потом вошла ослепительно красивая женщина и очень высокий мужчина.

– Точно! У меня тоже! А дальше?

– Ну, дальше сплошная фантастика. Говорили о союзе планет, о сверхразуме и прочей ерунде. Хотя, если вдуматься, то уж не такая ерунда.

– У меня немного расплываются в памяти детали. По-моему, шла речь о создании Сверхсложной интеллектуальной системы, и тот, высокий, сказал, что заложит схему и всю её технологию в нашу память.

– Я припоминаю, что так и было. Он даже назвал своё имя. Странное какое-то, очень длинное.

– Точно! Дай-ка вспомню. Сер-гей. Почему-то два слога. А её звали ещё длиннее.

– Урания! – вспомнил Эл.

– Да, кажется, так. Слишком длинно. Что было потом?

– Потом? Ах, да! Но это уже совсем фантастично. Нас рассадили по отдельным камерам и надели нам на головы колпаки. После чего сказали, что мы научимся видеть суть вещей, видеть сквозь стены и понимать друг друга без слов.

Эл посмотрел случайно на стоящий в углу сейф и вдруг обнаружил, что в нижнем его отделении стоит наполовину пустая бутылка виноградной водки. Кер проследил его взгляд и ошеломлённо снова взглянул на Эла.

– Ты видишь?

Эл кивнул головой.

Директор завода Там внимательно выслушал пришедших к нему на приём Кера и Эла, бегло просмотрел расчёты, затем позвонил секретарше и велел принести три стакана чая.

– Ну что я вам скажу, ребята, – директор, когда был наедине или с небольшой группой сотрудников, всегда так называл их, не взирая на возраст. Это считалось на заводе, да и вообще, признаком демократичности и дружеского расположения.

Он подождал, пока секретарша выйдет, и продолжал:

– Что я могу вам сказать? Может быть, все это чепуха, а может быть, и стоящее. Тут надо разобраться. Но кто этим будет заниматься? Я, скажу откровенно, пас. Кто я? Я хозяйственник. Моё дело – производство, план. Математикой я не занимался уже лет двадцать. А тут дело такое, – он посмотрел на лежащие перед ним листки бумаги и развёл руками. – Тут, – продолжал он, – надо бы ехать в академию и говорить на самом высоком уровне. Но вопрос тут ещё в чем? Мы – организация не академическая, у нас своё министерство. Минэлектротехпром.

Почему наш завод приписали к этому министерству – сам не знаю. Пока нет министерства робототехники. Обещали образовать, да вот уже третий год как по этому поводу нет никакого решения.

– Но проблема выходит за рамки Минэлектротехпрома, – возразил Кер.

– О чем я и говорю, – согласился с ним директор. – Тем не менее, соваться в академию через голову своего министерства не принято, и я не рекомендую. Надо начинать по инстанции.

– Сколько же это времени займёт? – не выдержал Эл.

Директор развёл руками.

– Кто может знать? Может быть, два–три года. Но это в лучшем случае. А то и лет десять. Пока дойдёт очередь, пока решат, куда направить на рецензию. Скорее всего, в случае положительной рецензии, министр может войти в комиссию по науке и технике. Та, в свою очередь, создаст межведомственную комиссию, а может передать все в Академию. Хотя сомневаюсь. Тут, скорее, сработает ведомственный престиж.

– Хорошо! Я сам отправлю материалы в Академию! – решительно заявил Эл.

– Как ты отправишь? – директор насмешливо посмотрел на него. – Кто тебе их завизирует? Я? Извини, но у меня одна голова на плечах. А без визы, акта экспертизы у тебя их никто не примет. Это раз! Потом, кто тебе подпишет акт экспертизы? Никто на это не пойдёт. И последнее, ты знаешь, что все разработки, сделанные в нашем конструкторском бюро, метятся грифом «секретно» и разглашение их является государственным преступлением? Ты что, не знаешь правил? Когда тебе давали форму номер 2 допуска, ты разве не читал, что написано по этому поводу в инструкции? «Вся научно-техническая документация рассылается через спецотдел в адреса заказчика или министерства, которому подчинено предприятие». Так что, кроме как в министерство, писать никому нельзя. И ещё я хочу спросить: зачем это вам все нужно?

– Как зачем? – заволновался Эл. – Ведь это же такие перспективы!

Директор досадливо махнул рукой.

– Перспективы? Хорошо! Я скажу тебе, какие перспективы. Скорее всего, эти разработки нам министерство включит в план.

– Но мы же не в состоянии это сделать сами!

– Нам скажут: «Изыщите средства», причём, ни денег, ни фондов не добавят. А требовать будут. Следовательно, план мы не выполним. А что это значит? Вам не понятно?

– Не может быть, чтобы там не поняли.

– Поймут! Дождись! Скорее всего, ваши расчёты полежат год–другой в столе у какого-нибудь клерка. Это в лучшем случае. Тогда с нас не будут спрашивать. Представь себе, что нам дадут деньги и даже фонды. Что мы с ними будем делать? Мы их просто не сможем освоить. Где мы возьмём дополнительные площади? Трудовые ресурсы? Ты можешь подсказать? У нас и так большая текучесть кадров. Все требуют жилья. А где взять? Сколько ты стоял в очереди? Пятнадцать или двенадцать лет? Тебе ещё повезло. Некоторые дожидаются по двадцать!

В общем, делайте, как хотите, но мой вам совет: не высовывайтесь с этим! Кроме хлопот, ничего не наживёте. Поверьте моему опыту. Я с вами говорю откровенно, так как мы здесь сидим одни, без свидетелей. – Он отхлебнул глоток уже успевшего остыть чая и посмотрел на часы. Эл и Кер поднялись со своих мест, поняв, что разговор закончен.

Через полгода их порознь друг от друга вызвал заведующий отделом жалоб при Городском Управлении.

– На что жалуетесь? – спросил молодой секретарь заведующего отделом. На нем был элегантно светлосиний костюм известной заграничной фирмы Джап.

– Я? – не понял его Эл.

– Это вы писали? – протянул он его письмо в Совет Министров, на котором была наложена резолюция «Разобраться на месте» с размашистой внизу подписью. В правом углу стоял шестизначный регистрационный номер.

Эл принялся объяснять секретарю суть дела. Тот выслушал его, потом с видимым облегчением произнёс:

– Так вы конкретно ни на что не жалуетесь? Я могу так и доложить?

– Докладывайте! – безнадёжно согласился Эл.

Ещё через месяц в его адрес пришёл толстый конверт. В нем Эл обнаружил свою рукопись и уведомление, что без визы руководителя предприятия или учреждения подобного рода материалы к рассмотрению не принимаются. Был приложен и список необходимых сопутствующих документов, которые автору надо прислать вместе с рукописью. Список был отпечатан типографским способом и содержал двадцать три наименования. В примечании сказано, что подчёркнутые наименования следует присылать в трех экземплярах. Мелким шрифтом приписано, что рукописи принимаются только отпечатанные на машинке со стандартным шрифтом через два интервала. Указывались также размеры полей справа, слева, вверху и внизу. Это был ответ Академии наук. Внизу стояла подпись руководителя Отдела предварительной экспертизы Академии наук.

В конце лета Эл собрался идти в отпуск. До отпуска оставалась всего неделя, когда его вместе с Кером вызвал к себе директор. В приёмной пришлось немного подождать, так как у директора был посетитель. От нечего делать Эл взял лежащую на журнальном столике газету и стал рассматривать. Ничего интересного. Разве что небольшая заметка о раскрытии крупных хищений на овощной базе. На последней странице смешная карикатура на короля Таратарии. Король восседал на толстой свинье и размахивал деревянным мечом. На мече надпись: «Мировое господство». Свинья чем-то напоминала Сака, и Эл рассмеялся. Кер, услышав его смех, заглянул через плечо и, увидев карикатуру, не поняв причины смеха Эла, пожал плечами.

– Мне эта свинья напомнила знакомого завмага, – пояснил Эл.

– А-а, – понял Кер. – А что? Действительно, похожа... Это тот, что напротив нашего СКВ, через дорогу?

– Он! – Эл вытащил из нагрудного кармана фломастер и сделал несколько штрихов на карикатуре, после чего сходство свиньи с Саком ещё больше усилилось. Увлёкшись, Эл внёс исправления в портрет Понта II, короля Таратарии, после чего тот приобрёл облик Председателя Городского Управления Пада. Меч Эл превратил в огромную вилку, на которую нанизал толстую колбасу. Из кармана бывшего короля теперь выглядывало горлышко бутылки. Все знали пристрастие мэра города к крепким напиткам. Сходство было настолько разительное, что Кер не выдержал и прыснул от смеха.

– Проходите, вас ждут! – прервала их веселье Лоо, секретарша директора. Эл положил на журнальный столик газету и вошёл вслед за Кером в кабинет директора.

Директор сидел за своим столом и держал в руках бланк с грифом Минэлектротехпрома. Он указал вошедшим на кресла у приставного столика.

– Ну как дела, изобретатели? – с лёгкой иронией спросил он, по очереди рассматривая того и другого. – Что вам ответила Академия? То-то! – назидательно проговорил он в ответ на их молчание. – Надо слушать старших. Старший, если не умнее, то по крайней мере опытнее. Согласны?

– Согласны, – вынужден был признать Эл.

– Ну и хорошо. Я вот что предлагаю: идите-ка вы, ребята, в заочную аспирантуру. Мы тут как раз получили разнарядку на два места на кафедру кибернетики и вычислительной техники Политеха. Года через три защитите диссертации по своим кристаллам. Это, пожалуй, единственный шанс выйти с вашими идеями.

– А что? Это действительно выход! – оживился Кер.

– Вот о чем я и говорю. Когда будете большими учёными, не забудьте старика Тама. – Там весело поглядел на них и в знак своего расположения позвонил Лоо, чтобы та принесла чай. Лоо вскоре явилась с подносом. Увидев Эла, не выдержала и прыснула.

– Ты чего? – удивился Там.

– Сейчас покажу. Можно? – осведомилась она у Эла.

Тот, не понимая, в чем дело, кивнул головой. Лоо вскоре вернулась с газетой в руках.

– Вот посмотрите, что он здесь начеркал, пока ждал приёма, – почти фамильярно протянула она газету Таму.

Отношения Лоо и Тама ни для кого на заводе не были секретом. Все знали даже об уютной квартирке, которую Там вне всякой очереди выбил в Городском Управлении для своей секретарши. Несмотря на свои шестьдесят лет, Там оставался ещё крепким мужчиной, и Лоо не

жаловалась на него в интимных разговорах со своими подругами. Жена Тама была умной женщиной и, не желая рисковать служебным положением мужа, не поднимала скандала. У Лоо был пышный бюст и длинные ноги. Молодые инженеры, прибывающие на завод по распределению, начинали с попыток ухаживания, но Там самыми различными способами быстро давал понять юнцам, что это закрытая зона. После полученных уроков юнцы сразу же охладевали в своих чувствах и уже не замечали стройных длинных ног секретарши директора в чёрных ажурных импортных чулках – предмете зависти второй красавицы завода и первой СКБ – зеленоглазой Рой. Тем не менее Лоо благосклонно принимала ухаживания и дулась на директора, когда тот решительно пресекал попытки поклонников завести с ней более близкое знакомство. Эл не раз ловил на себе её откровенно обещающий взгляд, но не шёл навстречу, что довольно-таки сильно огорчало длинноногую секретаршу. Это не ускользнуло от внимания Тама, и он по достоинству оценил сдержанность своего сотрудника.

– Что это? – удивился он, глядя на газету, и вдруг весело рассмеялся. – Ох, не могу! Копия – наш мэр. Кто это сделал? Ты?

Эл кивнул.

Там внезапно посерьёзней. Он скомкал газету и бросил в корзину для бумаг.

– Послушай, мой мальчик! Если ты хочешь спокойно жить и заниматься наукой, то брось это. Я тебе настоятельно советую больше подобных шуток не делать. Это несерьёзно. Такие намёки могут тебе дорого обойтись.

– Да это так, от нечего делать, – попробовал оправдаться Эл.

– Безделие – всегда источник опрометчивых поступков. Ну да ладно! Пишите заявление о направлении вас обоих в аспирантуру.

– А экзамены? – смутился Эл. – Я не о специальности, с нею все в порядке. Но надо ещё сдать иностранный и философию. Иностранный мы ещё как-нибудь вытянем, а вот с философией... У меня к ней ещё с института идиосинкразия.

– Пусть вас это не беспокоит. Вы идёте по разнарядке, так что экзамены – пустая формальность. Вот кандминимум, тот придётся сдавать «по чёрному». Но до этого ещё год, успеете подтянуться. Со своей стороны я вам буду помогать по мере возможности. После окончания аспирантуры ты, Эл, получишь отдел, а ты, – он внимательно посмотрел в глаза Керу, – получишь место моего зама по науке, а там посмотрим... Мне уже пора на отдых. Так что, ребята, действуйте! – Он встал из-за стола, давая понять, что разговор закончен.

– Да! – остановил он их уже в дверях. – В конце месяца я еду в министерство и разужнаю, как там те бумаги, что мы им отослали семь месяцев назад. Чем черт не шутит! Может быть, там на них обратили внимание и дело сдвинется с места.

С приёмными экзаменами, как и предсказывал Там, все обошлось благополучно. Пак, заведующий кафедры кибернетики и вычислительной техники, встретил их приветливо.

– Знаю! Знаю! – предупредил он их объяснения. – Мне говорил о нас Там. Очень рад! Сейчас, как никогда, необходима тесная связь науки и производства. Думаю, что с вами будет все благополучно и года через два вы положите мне на стол свои диссертации. У меня для вас есть интересная тема.

– Мы бы хотели разрабатывать свою тему! – решительно заявил Кер.

– Вот как? – удивился Пак. Потом нахмурился. – Видите-ли, молодые люди, на моей, – он сделал ударение на этом слове, – кафедре разрабатывается моя тематика. Впрочем, – он расправил брови и заговорил более мягким голосом, – мы обсудим этот вопрос позже. Если вы настаиваете.

– Ну, что ты скажешь? – спросил Кер Эла, когда они вышли из кабинета профессора.

– Вряд ли он даст нам работать по нашей теме, – ответил Эл.

– Тогда какой смысл?

– Может быть, попытаться параллельно вести обе разработки?

– И ничего не говорить Паку? Как тогда их удастся опубликовать?

– Попробуем его убедить.

– Вряд ли удастся. Ты видел, как он нахмурился, когда услышал, что у нас есть своя тема?

– А что ты хотел? Пойми и его. Являются двое и с порога: «Извините, профессор, нам чихать на ваши идеи, у нас есть свои». Тут и любой другой послал бы нас, знаешь куда?

– Знаю!

– Ну так вот!

– Что же ты предлагаешь?

– Ничего! Боюсь, что из этой затеи ничего не выйдет. И вообще... гори оно все синим пламенем!

– Зачем так пасмурно? – Кер вытащил пачку сигарет, закурил и протянул сигареты Элу.

– Надоело мне все. – Эл взял сигарету и прикурил от зажжённой у Кера. – Надоело! Понимаешь? Надоело. Бьёшься, как рыба об лёд, и все без толку! Да тут ещё дома неприятности.

– Что такое? – сочувственно спросил Кер.

– Олг на выпускных экзаменах получил низкую оценку по математике. Сам не пойму ничего. Олг математику знает отлично, лучше всех в школе. Приносил всегда высшие баллы. Побеждал на олимпиадах, и тут... Ходил я в школу. Пожимают плечами. Я им говорю: «Дайте мне его письменную работу. Хочу посмотреть». Искали, искали и не нашли. Куда-то пропала. Ты веришь этому? Теперь Олг не сможет поступить в Политех. А он так мечтал! Жалко парня. Ничего не пойму...

– А пересдать можно?

– Только через год и то по разрешению министерства народного образования.

– Что же он намерен делать?

– Пока поработает. Но я боюсь за него. Как бы он не раскис и не провалил оставшиеся два экзамена. Эх! Напиться бы!

– Брось, старина, все образуется.

– Когда вернётся Там?

– Он же только уехал.

– Ах, да! Я забыл.

– Тебя подвезти? – спросил Кер. Они подошли к оставленной им на стоянке малолитражке.

– Да нет! Тебе же в другую сторону. Я немного пройду, успокоюсь.

– Так что ты решил с аспирантурой? – Кер открыл дверцу машины и вопросительно посмотрел на друга.

– Надо ещё поговорить с Паком. Если он не захочет, чтобы мы защищались по нашей тематике, то мне его аспирантура до одного места!

– Тебе же Там обещал место зав. отдела после окончания аспирантуры.

– Ничего я больше не хочу. Знаешь, я уже начинаю завидовать Саку. Имел бы я сейчас магазинчик на откупе и жил бы припеваючи... Ладно! Езжай, а то я ещё чего-нибудь наговорю.

Кер уехал, а Эл направился по бульвару к остановке трамвая. По дороге он заглянул в магазин Сака. Сак почему-то встретил Эла не приветливо.

– Масла нет! – бросил он, не отвечая на приветствие Эла, и тут же ушёл в служебное помещение.

Эл подождал его минут пять, он хотел спросить, нет ли у Сака туванского чая, но тот так и не появился. Эл пожал плечами и пошёл к остановке. Домой возвращаться не хотелось. Из-за поступления в аспирантуру у Эла пропал отпуск. Молли, которая ещё зимой с большим трудом добилась на работе, чтобы её поставили в график отпусков именно на этот месяц, уехала на несколько дней к матери, которая жила километрах в сорока от города в небольшом селе. Эл остался один дома с ребятами. Вчера он наготовил еды на два дня, так что спешить домой не было причины. «Не сходить ли в кино?» – пришла ему в голову мысль. Последний раз он ходил с Молли в кино месяца три назад. Обычно у него хватало времени только посмотреть телевизор. Раньше, будучи студентом, он не пропускал ни одного фильма. На сеансе одного из них он и познакомился с Молли. Она тогда ещё училась в школе. Собственно, они учились в одной школе. Молли была на пять лет моложе. Потом она призналась, что ещё в пятом классе влюбилась в дылду, то есть в него, который её не замечал. Через пять лет после этой случайной встречи в кино они поженились. Молли тогда училась на третьем курсе мединститута. Несколько лет они снимали угол у одной старушки, затем завод выделил им комнату в семейном общежитии.

- Эл! – позвал его женский голос. Эл обернулся. Из окна красной малолитражки выглядывала Лоо.
- Ты о чем задумался, великий учёный? – шутливо спросила она, выбираясь из машины. – Скучаешь по Молли?
- «Откуда она знает, что Молли уехала?» – удивился Эл и в тон ответил ей:
- А ты по Таму?
- Вот уж нет! – совсем не обиделась Лоо. – Напротив! Он мне дал целую неделю отпуска, до самого своего приезда.
- Красивая у тебя машина!
- Хочешь, подвезу?
- Боюсь, что Таму это не понравится.
- Испугался? Бедненький! – в голосе Лоо послышалось презрение.
- Вот ещё! – покраснел Эл. Не дожидаясь повторного приглашения, он шагнул к машине, открыл дверцу и сел на переднее сидение.
- Поехали! – решительно проговорил он, поправляя зачем-то галстук. Голова его почти касалась крыши, и он вынужден был пригнуться.
- Ну и длинный ты! – с восхищением заметила Лоо, садясь за руль.
- А меня так и дразнили в школе – Длинным, – поддержал Эл.
- Младшеклассники всегда кричали мне: «Дядя, достань воробушка!»
- Лоо рассмеялась.
- Ты и сейчас самый длинный на нашем заводе. Интересно, как ты спишь? Наверное, тебе мала кровать.
- А я отпилил у неё спинку и приставляю стулья. Вот когда в командировки езжу, то в поезде не могу спать, ноги некуда деть. Предпочитаю поэтому самолётом.
- Лоо расхохоталась.
- Ты чего? – немного смутился Эл.
- Да так! Вспомнила. Меня ведь тоже в школе дразнили цаплей. Я, ты понимаешь, до пятого класса была самой маленькой в группе и сидела на первой парте. А потом вдруг стала расти и уже в девятом меня пересадили на самую последнюю.
- Твои родители живы? – осторожно спросил Эл.
- Только мать, но она живёт далеко отсюда. У неё своя семья. Отец умер, когда мне было всего восемь лет. Его завалило в шахте...
- Прости...
- Да нет, ничего. Так вот... его пенсии едва хватало, чтобы я могла закончить школу. Потом меня подобрал Там. – Она так и сказала: «подобрал». – Если бы не он... Да что там. Единственное, что я умею, – это заваривать чай и стучать на машинке. Мать меня бросила, и перспективы получить образование, сам понимаешь, никакой.
- Ну, почему же? Если бы ты продолжала учиться, тебе продолжали бы платить пенсию за отца, пока ты не закончила бы институт.
- А ты попробуй проживи на такую пенсию. Пока я училась в школе, мать ещё помогала, а потом, как только кончила её, сказала: «Иди, дочка, работай! У меня и без тебя ещё двое». Это от второго мужа.
- Ну, могла бы года три перетерпеть. Не обязательно в институт. Могла бы пойти в техникум, вот, например, Сак...
- Ой, уморил! – Лоо рассмеялась, на этот раз зло. – Ты с какой планеты прибыл? Ты не знаешь, сколько Сак уплатил, чтобы его приняли на первый курс? Да ты за пять лет столько не заработаешь, если даже есть и пить не будешь!
- Откуда ты знаешь? Это, наверное, враки. Вот я, например, поступил и ничего никому не платил.
- Ой, не могу! Ты это серьёзно или только придуриваешься?
- Да говорю тебе точно, что ничего не платил.
- А кто тебе говорит, что ты платил? Ведь ты поступал в политехнический, а Сак – в торговлю. Усекаешь?
- Эл все понял, но по инерции возразил.

– Ну и что?

– А то, что Сак за одну неделю зарабатывает больше, чем ты за год, включая и твои премии за изобретения, которые, прости меня, никому не нужны. – Она снова зло фыркнула. – Знаешь, если бы Сак не был таким противным, я бы сменила Тама на него.

– Ну и иди к своему Саку! – разозлился Эл. – Останови машину, я выйду!

– Ладно, не сердись, я пошутила, – виноватым тоном произнесла Лоо. – А потом, куда ты выйдешь?

Только сейчас Эл заметил, что они выехали за черту города и мчались по магистрали.

– Где это мы? – растерянно спросил он.

– На окружной. Мне захотелось проехаться. Сейчас будет поворот назад в город. Давай остановимся? Посмотри, как здесь красиво.

Дорога шла вдоль пологого склона, поросшего редкими деревьями. Лоо затормозила и остановила малолитражку.

– Признайся, когда ты был в последний раз за городом?

– Не помню. Кажется, год назад. В последний отпуск.

Они вышли. Эл нарвал на склоне ярких голубых, красных и белых цветов и протянул их Лоо.

– Это тебе.

– Спасибо, Эл! Мне ещё никогда никто не дарил цветы...

– А Там?

– Там? – она горько усмехнулась. – Там водил в ресторан, сначала дарил духи и всякие тряпки, а вот теперь – машину и квартиру... деньги ещё. Я же содержанка. Что? Неприятно слышать? Обычная заурядная профессия для таких девушек, как я, в нашем благоустроенном и справедливом, как это говорят на философских семинарах, куда я, впрочем, не хожу, обществе. С той только разницей, что мы не объединены в профсоюз и, следовательно, не получаем пенсии и надбавок за трудовой стаж. Да, вот ещё... Больничные нам тоже не платят. Знаю, знаю, что ты скажешь. Могла бы идти работать. Куда? Дороги ремонтировать или на чулочную фабрику? С этими руками? – она протянула ему свои тонкие, словно выточенные из слоновой кости, изящные руки. – Да потом, какая разница! Хочешь жить – умеешь вертеться! Так лучше... Ох! Прости меня. Я дура! Не знаю, что говорю! Просто судьба, видно, моя такая. Живу сегодняшним днём, о завтрашнем не думаю, да и боюсь туда заглядывать...

На глазах у Лоо появились слезы. Она отвернулась и, вытащив из рукава платья тонкий небольшой платок, приложила его к глазам.

Эл подошёл к ней сзади и мягко положил руку на плечо женщины.

– Сейчас... сейчас пройдёт. – Она повернулась к нему и улыбнулась как-то по-особому. В этой улыбке было все: и доверие, и беспомощность, и грусть, и радость.

– Это цветы твои меня вывели из равновесия, – говоря это, она зарылась лицом в букет полевых цветов, с силой вдохнула в себя их тонкий, едва уловимый аромат. Её волосы, такие же жёлто-белые, как и цветы в букете, слились с ним, и вся её фигура в лёгком светлом платье, склонившаяся к цветам, была такой трогательной в своей беспомощности, что Эл вдруг почувствовал необъяснимый прилив нежности к этой распутной, как он считал раньше, женщине, а фактически такой несчастной, обиженной судьбой, лишённой самого главного...

Его чувства передалась Лоо. Она оторвала лицо от букета и с благодарностью посмотрела ему в глаза.

– Спасибо, Эл!

ГОРЧИЧНИК

Эл так и не поддался уговорам Лоо зайти к ней на чашечку чая. Лоо поначалу надулась, но потом, уже подъезжая к дому, где жил Эл, наклонилась к нему и поцеловала в щеку.

– Боже мой, – прошептала она, – какой ты хороший. Если бы ты только знал... Спасибо тебе!

– За что? – смутился Эл.

– Просто так! Да ты не поймёшь... Ты слишком для этого порядочный, Эл.

Через несколько дней приехала Молли. Эл, неожиданно для себя самого, быстро сдал кандидатские экзамены и с головой ушёл в работу. Он попросил разрешение взять домой из конструкторского бюро индивидуальный компьютер и теперь допоздна просиживал над расчётами. Работа продвигалась. Параллельно ей Эл быстро справился с заданием своего теперешнего научного руководителя, и тот был им чрезвычайно доволен. Во всяком случае, если целью Эла была диссертация, то она была достигнута. Шеф так и сказал. Однако, когда Эл заговорил о своей теме, тот сразу же поскущел и не то что не стал слушать, нет, он слушал Эла, вернее, делал вид, что слушает, и когда тот закончил, сделал пару ничего не значащих замечаний и постарался спровадить назойливого аспиранта из кабинета. Эл понял, что поддержки ему не будет. Тем не менее проблема получения асимметрических кристаллов с большой информационной ёмкостью захватывала его все больше и больше. Он уже ни о чем другом не мог думать. И здесь его постиг первый удар. Его непосредственный начальник, который стал его самым близким другом, Кер погиб. Погиб банальным и нелепым образом, переходя дорогу на красный свет у самых ворот завода. Когда по вызову видевших все это сотрудников приехала скорая помощь, Кер уже не дышал. Эл остался один.

Вскоре к ним прибыл новый начальник СКБ. Он лет на восемь был моложе Эла и до последнего времени работал в городском управлении. За какие-то грехи, злые языки болтали, что это было связано с распределением квартир, его сняли с прежней должности и в качестве наказания направили на производство. Сначала он поработал начальником цеха, но завалил план, и его перевели начальником СКБ. Свою деятельность в новой должности он начал с укрепления дисциплины. Утром приходил раньше всех, вставал у двери с электросекундомером в руках, фиксируя опоздания сотрудников на работу. К концу недели проводился подсчёт потерянного рабочего времени. Больше всего, конечно, его оказалось у Рой – целый час. Вначале это ей сошло. Но потом между новым начальником и второй красавицей произошёл разговор, о содержании которого Рой никому не говорила. Она стала объектом самой суровой и строгой критики со стороны начальства, получая вначале устные выговоры, а потом уже в приказе. Все знали, что за этим последует. Три выговора подряд в приказе – основание для увольнения. Может быть, по этой причине, а может, по другой, но сотрудники постепенно возненавидели своё новое руководство. Особенно вызывала раздражение система «горчичников». Так называли введённую новым руководством СКБ систему пропусков на выход с территории конструкторского бюро. Это были бумажки размером с аптечный горчичник трех цветов: зелёный – на выход по делам бюро, синий – для прохода внутри бюро от одного отдела в другой и красный – выход по личной надобности.

– У нашего шефа геморрой, – пошутил как-то Том, один из ведущих конструкторов, – иначе зачем он для туалетного горчичника избрал красный цвет.

– Мне кажется, он просто шизофреник, – буркнул Эл.

Действительно, на каждого из сотрудников было заведено досье, где на обложке приклеивались «корешки» пропусков. Количество красных корешков также включалось в реестр потерянного рабочего времени.

В конце месяца Горчичник, так прозвали начальника сослуживцы, велел всем собраться в зале, где обычно проходили научные конференции. Всего в КБ работало сто двадцать человек. За исключением тех, кто был в командировке или болел, в зале собрались все. Рой пыталась было улизнуть, но её остановили на проходной, так как получили указание никого до распоряжения начальника не выпускать.

Горчичник торжественно повесил на гвоздик красочно выполненный цветной тушью плакат, изображавший кривые линии. Чёрная линия дрожала, но имела явную тенденцию к снижению, зелёная линия катастрофически падала, а вот красная, за исключением небольших колебаний, оставалась стабильной.

– Перед вами график, – внушительно начал Горчичник, – динамики потерь рабочего времени за отчётный, простите, – поправился он, – текущий месяц. Из него мы видим, что, благодаря чётко организованному контролю, средняя величина опозданий на работу в перерасчёте на одного сотрудника снизилась к концу месяца до 110,15 секунд. Но это средняя. Если пересчитать на реальную потерю времени всего КБ, то это составляет более двух часов. – Он поднял палец и повторил: – Два часа в день, или 48 часов в месяц. Это шесть рабочих дней

одного сотрудника. Резко снизилась потеря рабочего времени за счёт хождений между отделами до... – он указал на затерявшийся внизу графика зелёный кружок, – до 0,8 секунды на сотрудника. Это уже хорошо! По моим наблюдениям в первые дни месяца потери рабочего времени составляли 5,8 минуты на одного сотрудника, или 280 часов в месяц на все СКБ. 35 рабочих человеко-дней. Вдумайтесь в эту цифру. Выходит, что государство фактически оплачивало целую лишнюю ставку. Должен отметить, что потери рабочего времени на личные нужды в среднем составляют, и сейчас на одного сотрудника 6 минут в день. Это 120 человеко-часов в день, или 15 человеко-дней. Вот перед вами скрытый резерв, который мы должны использовать для повышения производительности труда. Надеюсь, что весь наш коллектив включится в соревнование за экономию рабочего времени. Какие будут предложения? – Горчичник посмотрел поверх голов и приготовился слушать.

«Боже, какой идиот!» – подумал Эл.

– Поставить в каждом отделе парашу! – крикнул кто-то из зала.

– Я вас серьёзно спрашиваю, и шутки здесь не уместны! – рявкнул Горчичник.

– Какие уж шутки... Бегом до туалета... Банки приносить с собой... – слышались крики.

– Ну, что скажешь? – спросил Эла Том, когда они миновали проходную и вышли на улицу.

– Не знаю, как земля держит таких придурков.

– Маразм!

– Чистейший! Откуда он взялся на нашу голову?

– Говорят, что был в Управлении...

– А-а! Понятно! Хорошо, что он не кончал ещё медицинского института, а то бы поставили такого дурака заведовать хирургическим отделением.

– А что? Например, – рассмеялся Том, – зав. хирургическим отделением управленческой больницы.

Неизвестно, сколько бы проработал Горчичник заведующим КБ, если бы Рой не пришла в голову счастливая мысль. КБ как раз получило новый заказ. Рой в этом заказе разрабатывала специальный блок питания. Пошептавшись со своими, она решительно направилась в кабинет заведующего с большой зеленой тетрадью под мышкой и свёрнутым наброском чертежа блока питания.

Горчичник поначалу не понял цель визита Рой и расплылся в улыбке. Рой расстелила на столе чертёж и ткнула в него пальцем.

– Какое сопротивление поставить здесь? – спросила она. – Может быть, двести ом?

– Ставьте! – согласился Горчичник, покосившись на чертёж.

– А здесь, как вы думаете, ставить триггер или компаратор?

– Триггер, – не очень уверенно ответил Горчичник.

– Ага! – обрадовалась Рой, как будто ей сообщили ответ труднейшей задачи. Она открыла тетрадь и записала указания Горчичника.

– Распишитесь, – попросила она, подавая ему ручку.

– Что это?

– Тетрадь консультаций заведующего и его руководящих указаний. Так принято, – доверительно тихо произнесла она, одаривая Горчичника обворожительной улыбкой.

– А вы что по этому поводу думаете? – осторожно спросил Горчичник, ещё не решаясь поставить свою подпись.

– Я полностью с Вами согласна. Вы предложили очень оригинальное решение!

– Вы серьёзно?

– Конечно! Вот посмотрите: здесь триггер будет выглядеть куда эффективней и внушительней!

Горчичник как бы невзначай положил руку на талию Рой. Та не отстранилась.

– Что вы сегодня собираетесь делать вечером? Может быть, мы поужинаем вместе? – предложил Горчичник, подписывая консультацию.

– Сегодня? – Рой покраснела. – Дня через четыре? Хорошо?

Горчичник понимающе усмехнулся и кивнул головой. В этот день пришлось дать ещё три

консультации. Через три дня Рой заболела ангиной. Потом Эл узнал, что она специально съела восемь порций мороженого. Ужин так и не состоялся. Но с лёгкой руки Рой тетрадь консультаций постепенно заполнялась. Её берегли, как зеницу ока.

Через месяц состоялось испытание контрольного образца прибора. Он долго молчал, потом на глазах комиссии стал тихо плавиться, затем чихнул и взорвался, распространяя вокруг удушливый запах горелого лака. После этого появилась на свет тетрадь консультаций, и вскоре после её появления исчез Горчичник.

Через пять дней, как только стало известно, что Горчичник больше не вернётся, сотрудники отдела скинулись каждый по своей возможности и преподнесли Рой набор импортных духов самой знаменитой заграничной фирмы.

– Спасибо, ребята! – благодарила раскрасневшаяся от удовольствия Рой. – Эти духи в самый раз! – она открыла пробку одного из флаконов и слегка побрызгала на пол. – Чтобы не воняло, – пояснила она под общий смех понявших её сослуживцев.

Спустя неделю Эла вызвал Там.

– Твоя идея? – спросил он, показывая тетрадь «консультаций».

Не желая выдавать Рой, Эл пожал плечами.

– Я так и знал, – принял его жест за признание Там. – Хорошо, что это была внутривзаводская приёмка, плохую бы шутку вы сыграли со мной, если бы сдавали такой прибор госкомиссии.

Эл открыл, было, рот, но Там его перебил:

– Короче, когда будет готов прибор?

– Он уже готов.

– Так вы...? – понял его Там.

– Конечно! Это был муляж.

– Ах! Так вы при помощи муляжа убрали другой «муляж», который нам навязали сверху? Ловко! Однако скажу тебе, нажил ты врагов. – Он поднял глаза к потолку. – Рано или поздно все раскроется, и тогда я тебе не завидую. Я, конечно, буду молчать, но «на чужой роток не навесишь замок». А пока вот что! Принимай СКБ. Сейчас ожидается целая куча заказов, и я тебя прошу – не подведи... сынок, – голос Тама дрогнул. – Приказ уже мною подписан, так что иди... работай!

Он поднялся вместе с Элом и проводил его почти до двери.

– И вот ещё... – как бы в нерешительности сказал он. – Спасибо тебе за Лоо. Ладно! Молчи! Я все знаю!

Чувствуя, что краснеет, Эл вышел из кабинета и, стараясь не встречаться взглядом с Лоо, быстро пересёк приёмную и вышел в коридор.

Назначение Эла и.о. зав. СКБ было встречено сотрудниками с воодушевлением. Эл не подозревал, что у него столько друзей. По этому случаю Рой на второй день принесла в отдел собственноручно испечённый торт. Всем досталось по маленькому кусочку. Торт хрустел на зубах и таял во рту. Секрет такого изготовления знала только Рой и сообщила, что он ей достался от бабушки, а та в свою очередь получила его от своей, и так далее. В общем, секрет выпечки уходил в глубокую древность или, как тогда говорили, «ещё-ещё до!»

Изготовленный прибор успешно прошёл испытания и был принят заказчиком с высшей оценкой. Разработчики получили премию. На свою часть премии Эл купил жене сапоги и костюм старшему сыну. Себе же он приобрёл давно вожеленный бритвенный станок с утапливаемыми лезвиями и, не дождавшись утра, побрился им сразу же после прихода домой.

– Какой ты гладенький, – ласково сказала Молли, проводя рукою по его щекам, когда они легли спать.

Жизнь постепенно налаживалась. После утверждения в должности министерством Элу должны были повысить зарплату на целых 30 процентов. В перспективе после защиты диссертации у Эла, помимо повышения зарплаты ещё на десять процентов, открывались возможности дальнейшего роста и продвижения по службе. Спустя месяц после вступления Эла в должность зав. СКБ Там намекнул ему, что будет ходатайствовать со временем о назначении его на место своего зама по науке.

– А послушай, Эл, не приобрести ли нам дачу? – Молли сидела у зеркала и наводила

последние штрихи перед тем, как идти на работу. Была суббота, но ей по графику предстояло дежурство.

– Дачу? – удивился Эл.

– Конечно! Будет своя картошка, овощи... Как-никак, а это серьёзное подспорье.

– А как мы туда будем добираться? У нас нет машины.

– Как все – автобусом. – Молли встала со стула, одела пальто и чмокнула его на прощанье в щеку. Уже в дверях обернулась.

– Кстати, что у тебя произошло с Саком?

– С Саком? Ничего... А что?

– Я так спрашиваю. Мы с ним недавно встретились, и он как-то странно смотрел на меня.

– Ну ты же знаешь, что он был в тебя когда-то влюблён, – пошутил Эл.

– Нет, это совсем не то. Мне показалось...

– Что?

– Да так... Ничего, в общем. Ну, я пошла. В холодильнике суп и котлеты. Всем по одной. В кастрюле вермишель. Перед обедом все это разогреешь на плите.

Проводив Молли, Эл сел за письменный стол и начал просматривать записи и расчёты. Эти утренние часы в субботу были для него самыми дорогими и самыми продуктивными. Работа шла успешно. По мере её продвижения открывались все новые и новые области приложения асимметричных кристаллов. Он уже видел полную роботизацию производства, серийный выпуск интеллектуальных роботов, уход всей промышленности под землю, высвобождение занятых в настоящее время заводами площадей под сельское хозяйство, разработку интеллектуальными роботами дна океана и дальше... дальше захватывало дух. Он попытался прикинуть приблизительно экономический эффект. Производительность труда возростала на несколько порядков. Это была революция...

«Надо проверить ещё». Эл включил компьютер и набрал программу.

От занятий его оторвал громкий стук в дверь.

«Наверное, Молли забыла зонтик», – решил он, взглянув в намокшее от только что начавшегося дождя окно.

Вместо Молли на пороге стояли три милиционера и двое в гражданском, в которых Эл узнал соседей, живущих этажом ниже.

– Вот ордер на обыск, – старший милиционер протянул Элу бумагу.

– Обыск? Ничего не понимаю! – Эл взял бумагу и с удивлением прочёл на ней своё имя.

– Сейчас все поймёте. – Старший полицейский отстранил Эла и пошёл в комнаты. Вслед за ним остальные. Эл перехватил удивлённо-испуганные взгляды соседей.

– Там! Я прошу тебя, умоляю! Ну сделай что-нибудь! – Лоо почти плакала. – Эл – единственный, ты понимаешь, единственный, кто видел во мне человека... Даже ты и то...

– Ну зачем ты так, детка?

– Да! Ты тоже видишь во мне только тело... а он... Я прошу тебя... – Лоо запахнула края халатика и, склонив на колени голову с распущенными и спутавшимися волосами, громко заплакала.

Там поставил на столик недопитый кофе, присел к ней на диван и нежно обнял за плечи.

– Ты бы могла меня не просить. Я все знаю. Ты думаешь, что я ничего не пытался сделать? Ошибаешься! Я звонил, ходил, обивал пороги. Ничего не выйдет... Тут, понимаешь, задействованы такие силы...

– Но ведь он ни в чем не виноват!

– Фактически нет, но формально... Почему он не оформил этот проклятый компьютер на вынос через материальный отдел и бухгалтерию?

– Ему же дал его для работы Кер.

– Кер мёртв и ничего не скажет.

– Так что ему грозит?

– До шести лет за хищение государственной собственности.

– Боже мой, какая чушь! Нелепость! Кому это пришло в голову?

– Ты помнишь Горчичника?

– Смутно. Он был недолго.

– Да, недолго, – согласился Там. – А знаешь, как его выставили? Нет?

Лоо покачала головой.

– В общем, красиво выставили, и я этому был рад, так как большего дурака и дуба в жизни не встречал. Так вот, к этому приложил руку Эл, а у того оказались большие связи. Вот он и отомстил. А кроме того, – Там внимательно посмотрел на Лоо, – ты не помнишь, куда делась та карикатура?

– Какая?

– Ну та, что ты мне принесла в кабинет.

– На газете, что ли?

– Вот-вот...

– Ты её бросил в корзину для бумаг.

– Бросил... Кто-то достал и передал выше, мэру. Теперь ты понимаешь?.. Но это не самое главное. Главное то, что они «выжили» Горчичника.

– Так ты же сам сказал, что он дуб.

– Дуб – это мягко сказано.

– Вот видишь!

– Ну и что? Что с того, что дуб? Мало ли дубов находится в руководстве? Наш министр, например... Так что из этого следует? Прикажешь и министра таким же способом? Напрасно они трогали Горчичника. Все равно он бы долго у нас не задержался. Его готовили на повышение в Главк. Ушёл бы спокойно.

– И потом стал бы твоим начальником.

– Ну и что? Знаешь, я уже давно привык к этому и скажу тебе, что даже если твой начальник дуб, все равно можно делать дело. Главное – во всем с ним соглашаться, а делать своё. Тут трудно пережить лишь начальный период его деятельности, когда у него появляются «идеи». Потом уже легче.

– Так ты ничего не сможешь сделать? – настаивала Лоо.

– Ну что я смогу?! Я ходил, дошёл до самого «верха», и знаешь, что мне сказали? Вернее, не сказали, а спросили, не хочу ли я пойти на заслуженный отдых, то есть, на пенсию. Что мне после этого ещё сделать?

– Мафия, – прошептала Лоо.

Там ничего не ответил. Он встал, подошёл к шкафу и, открыв его, полез в карман пиджака, вытащил оттуда коробочку и протянул её Лоо.

– На, держи, пока я генеральный директор... потом, когда пойду на пенсию, смогу дарить тебе только цветы, выращенные на даче.

Лоо машинально открыла коробочку. В ней лежали серьги с маленькими бриллиантами.

– Жаль парня! – со злостью и досадой вздохнул Там. – Честный, талантливый, порядочный... сколько бы он мог сделать хорошего...

ПОБЕГ

По узкой таёжной тропе шли трое. Идущий впереди был высокого роста, ширококостный, с длинными, чуть ли не до колен руками, заканчивающимися широкими кистями. Одет в ватную телогрейку и такие же штаны, из дыр которых торчали грязные свалывшиеся куски ваты. Второй – такого же роста, но худощавый, с большими глазами, которые на измождённом от недоедания лице казались ещё больше. Последним шёл низкорослый. Он мелко семенил ногами, еле поспевая за своими длинноногими спутниками, время от времени охая и всхлипывая.

Месяц назад они оторвались от преследовавшей их своры собак, пройдя километра три вверх по течению небольшого, ручья, струящегося меж корней вековых сосен и елей. Наломав перед входом в ручей еловых лап, они выстлали ими свой выход из ручья и так, ступая на брошенные на землю ветви, задний при этом подбирал их за собой и передавал переднему, прошли около километра. Собаки сбились со следа. Уходя все дальше в лесные чащи, они слышали их растерянный лай и злую ругань преследовавших их охранников. Заслышав звук летящего вертолётa, они заползали в кусты и лежали там, боясь пошевелиться, до тех пор, пока

гул винтов не затихал вдали. Накопленные за три месяца пайки хлеба давно кончились. Эл пробовал есть ещё зеленую чернику, но вскоре почувствовал резь в животе. Боли мучили его два дня. Потом, скорее инстинктивно, чем руководствуясь знаниями, он пожевал листьев брусники и вскоре почувствовал себя лучше.

На побег Эла толкнуло отчаяние. Он уже отсидел пять лет, оставался всего год. Время от времени, то есть два раза в год, он получал из дома посылки и письма. Молли писала, что ждёт его. Старший сын устроился на работу на автозаправочную станцию и теперь ей было материально легче. Старый Там умер на второй год после ареста Эла от инфаркта. До этого он несколько раз присылал Молли небольшие суммы денег с припиской, что эти деньги собраны сослуживцами Эла. Приходил Сак и помог устроиться на работу Олгу. Младший Мак заканчивал школу.

За год до окончания срока письма стали бодрее и радостнее. Молли ждала его скорого возвращения. В одно из писем была вложена записка от его бывших товарищей. Они писали, что ждут Эла и что его место всегда за ним. Новый директор, как сообщали они, порядочный и отзывчивый человек, знает историю Эла и очень ему сочувствует. Пада, бывшего мэра города, который сыграл зловещую роль в его судьбе, уже нет. Куда он делся, толком никто не знает. Поговаривали, что ему грозил арест, но потом вроде бы перевели в другой город.

Все бы закончилось через год, если бы не начальник лагеря полковник Брюл. Брюл писал стихи и органически ненавидел интеллигентов. Когда-то он дважды пытался поступить в Литературный институт. И каждый раз проваливался на экзаменах. Потеряв надежду стать писателем, он поступил в школу милиции и прошёл путь от сержанта до полковника внутренних войск. Став начальником лагеря заключённых, полковник не потерял любви к поэзии. Время от времени в лагере в качестве культурно-массовых мероприятий проводились вечера художественной самодеятельности. На этих вечерах с чтением своих стихов выступал и Брюл. Такой вечер состоялся через неделю после прибытия Эла в место отбывания наказания. Его никто не предупредил о том, что во время чтения стихов нужно слушать с выражением восторга и напряжённого внимания на лице. Эл вообще не любил стихи, к тому же за день страшно устал, работая на лесосплаве. Незаметно для себя он заснул в самый разгар декламации. Полковник заметил его и запомнил.

Одной из страстей полковника, доставлявшей ему наслаждение, которое можно сравнить с наслаждением математика, решающего трудную задачу, была игра, которую он и его окружение шутливо называли «Постой-погоди». Игра эта заключалась в том, что, выбрав очередную жертву, её различными доступными способами, а их было немало, подвели к увеличению срока. Интереснее, конечно, сыграть такую шутку с заключённым, которому осталось сидеть в лагере год–два, а то и несколько месяцев.

Обычно средством игры служила драка. Исполнителей задуманного легко находили среди уголовников. Делалось все так, что зачинщиком драки оказывался тот, с кем проводилась игра. Если же провокация не удавалась, то драку начинали уголовники, а подготовленные свидетели единогласно подтверждали, что драку начал «игрок». В особых случаях, когда хотели добавить сразу же большой срок, разыгрывалась ситуация неподчинения и сопротивления охране. За это суд сразу же отваливал пять лет. Эти дополнительные пять лет получил и Эл. Просидев пять лет из шести и оставленный ещё на шесть, он понял, что этим дело не кончится, и решил бежать. Товарищей для побега искать не пришлось. Они нашли его сами. Это был осуждённый на восемь лет за непреднамеренное убийство Меченый. Имени его настоящего никто не помнил. Меченый и Меченый. Так его звали в уголовном мире за шрам, пересекающий щеку и губу, полученный ещё в детстве в драке. Второй отзывался на кличку Коротышка и был шестёркой при Меченом. Коротышка тоже попал за убийство, но ему предстояло ещё сидеть лет десять из пятнадцати.

– Послушай, фраер, – тихо шепнул Элу Меченый. Они вязали плоты, которые дальше по реке сплавлялись к океану, – похоже, что Трёп, – так заключённые между собой звали начальника лагеря за его страсть к декламации, – решил тебя оставить здесь надолго. Через пять лет он тебе добавит ещё, и так до тех пор, пока ты или он не сдохнете. Скорее, ты, – уверенно заключил он. – Одному, – продолжал он, – через тайгу и болота не пробиться. Надо бежать втроём. Доберёмся до железной дороги, а там – ищи нас! У меня есть на воле друзья. Помогут с

документами. Чем здесь гнить, лучше рискнуть.

Бежали во время работы. Эл и его новые друзья незаметно для охраны сползли с уже почти готового к отправке плота в воду и, нырнув под него, уцепились за бревно, прильнув ртами к промежуткам между ними, где время от времени можно было глотнуть воздуха. Вскоре плот закачался и поплыл по реке. Плыли часа два. Затем Эл услышал условный стук по брёвнам и вынырнул на поверхность. Вскоре на плот выбрались и его товарищи.

– Через час проверка, – сообщил Меченый. – Надо успеть выбраться на берег. На проверке обнаружат, что мы смылись, и пошлют катера проверять плоты.

Река в этом месте была довольно широкой, до ближайшего берега предстояло плыть километров около двух. Но Меченый избрал как раз дальний берег, противоположный тому, на котором находился лагерь. Они отвязали специально плохо закреплённое бревно и, ухватившись за него, отчаянно работая ногами, поплыли к берегу. Если бы не бревно, намочшая одежда наверняка потянула бы их на дно. Впрочем, ватные куртки и штаны хоть как-то защищали от холодной воды.

В надёжно запаянных целлофановых кулках у каждого было по две коробки спичек. Отойдя от берега километра на три, беглецы развели костёр и обсушили одежду. Собаки взяли их след на четвёртый день побега.

Пока ещё не были съедены пайки. Меченый был настроен добродушно. Как-то раз, сидя у костра, стал рассказывать о себе, хотя его никто об этом не просил.

– Я уже второй раз срок тяну. А началось-то с чего? С пустяка. Все было у меня, как и у других людей, нормально. Если бы не случайность, может быть, вот как ты, закончил бы Политех или университет. Я в детстве, знаешь, – он почему-то обращался только к Элу, – был способным парнишкой. Дед у меня важной шишкой был. А отец – тот геолог, дома появлялся редко, так что я больше с матерью.

Когда умер дед, мне всего восемь лет было. Батя, значит, когда мне шестнадцать исполнилось, купил мотоцикл. Ну и гонял я на нем! По сто двадцать километров в час. Веришь? И ни разу ничего со мною не случилось. Полюбил я его, ну, как жену, даже больше. Впрочем, что я говорю? Я-то так и не женился. А знал я его до винтика. Никто так мотоцикл, пожалуй, не знал, как я. Стали ко мне друзья, знакомые наведываться. Дон, это так меня звали до того, как я стал Меченым, – говорят, почини, что-то барахлит.

Сиюю я так однажды в сарае, чиню тачку одному дружку, вдруг ко мне мусора катят. Схватили и в ящик. Спрашивают, где краденные разобранные мотоциклы прячу. А я о них ничего не знаю. Оказывается, пошла тогда волна краж этих самых мотоциклов, и, что самое главное, у сынка какой-то очень важной шишки увели импортный мотоцикл. В общем, избил меня до потери пульса. Потом отпустили. Извини, мол, ошибка получилась. С тех пор я как увижу мусора, так на другую сторону улицы спешу перейти.

А года через два случилась со мной беда. Шли мы с дружком из одной компании, справляли день рождения его девчонки. Красивая такая была, чернявая, а глаза – во! Как сливы. Выпили мы, правда, изрядно. А тогда уже указ был о борьбе с этим самым пьянством. Идём, значит, разговариваем громко. А уже часа два ночи. Вдруг догоняет нас мусор и говорит: «Пройдёмте!». Ну, ясно, куда. А я уже после того случая, известно, боюсь этой организации, как черт ладана. Вырвал я руку, и деру. Тут, значит, подъезд один через проходной двор. Думаю, проскочу его, и будьте здоровы. Дружок мой тоже со мною – шаст в подъезд. А в подъезде ступеньки крутые. Заметь это. Я-то уже по ним вбежал наверх, а мой напарник замешкался. Тут его мусор настиг и кулаком в морду, так, что у него переносица хряснула. Он копыта и откинул. А я стою, как дурак, и с места сдвинуться не могу. Мусор ко мне. И уже кулак занёс. Не знаю, может быть, со страху, а пригнулся я и как его головой в живот трахнул! Мусор так и покатился вниз. А тут ещё мой приятель подниматься начал. Мусор через него и на улицу. Потом выяснилось, что ударился он головою об асфальт. Ну, мне, конечно, и пришили первый срок. Вот так все и началось. Прошёл я, значит, повышение квалификации.

В зоне получил сообщение, что у отца на этой почве инфаркт. Любил меня батя. Хоронили его, рассказывали, с почестями... Мамаша поскулила два года да и вышла замуж второй раз. Возвращаюсь я домой, а жить мне, выходит, негде. Муженёк её так и сказал: «Бандита к себе в дом не пушу!» За то время, что я сидел, он меня уже успел выписать из

квартиры. Дали мне две сотни и сказали: «Езжай и устраивай свою жизнь как хочешь». Вот и пошло тогда моё устройство. На работу не берут. Жить негде. Ночевал я у дружков по два-три дня, а то и на вокзале, благо поезда ходили круглосуточно и можно было притвориться, что поезда ожидаешь. Ну, а дальше... – Меченый замолчал, встал, ушёл во тьму и вернулся через несколько минут, неся охапку сухой тонкой лесины. – Дальше пошло такое, что вспоминать не хочется. – Он переломал лесину о колено и бросил в костёр. – Бандит я! Это точно! Зарезать человека мне теперь ничего не стоит. Но скажи мне, вот ты, человек учёный, кто сделал из меня бандита, кто искалечил мою жизнь и, если хочешь, убил моего отца?

Эл внезапно вздрогнул. На него нахлынуло что-то необъяснимое. Потом, спустя несколько дней, он понял, что это, и связал со своим сном, когда во сне он вместе с Кером очутился в огромном зале и видел прекрасную женщину, а потом в кабинете Кера увидел сквозь стены сейфа початую бутылку водки. Но в этот момент, сидя у костра, он ещё не понимал всего того, что с ним произошло. Он только чувствовал, что от Дона исходит и падает на него, он ощущал это физически, чёрная, страшная в своей силе и безысходности тоска. Казалось, каждая клеточка мозга его случайного товарища издаёт тоскливый вой одинокого волка. Эл невольно зажал уши, но это не помогло...

– Теперь, если поймают, лет пять, а то и все семь добавят, – прервал затянувшееся молчание Коротышка.

– Ну, нет уж! Живым я им больше не дамся! – со стоном проговорил Меченый. – Одного, хоть зубами горло перегрызу, с собой возьму. Эх, автомат бы мне с полным магазином. Зашёл бы я в первую попавшуюся мусорню, а последнюю пулю себе в рот!

Эл поверил, что при случае тот так и сделает. И опять на него нахлынула волна, идущая от спутника. На этот раз она была красная по цвету, как кровь, и в этой волне вспыхивали блестящие, раскалённые добела искры.

Теперь, когда запасы еды давно кончились. Меченый мог целые сутки идти, не проронив ни слова. К середине второго месяца после побега они вышли к реке. Идти стало легче. Возле реки деревья росли реже, не образуя непроходимых чащ и завалов. Кроме того, река указывала путь на юг, туда, где проходили рельсы железной дороги, где среди толп людей можно было затеряться, как иголка в стоге сена. Необходимо, правда, добыть одежду, но Меченый сказал, что это пустяк по сравнению с тем, что пришлось преодолеть.

Два раза в мелких заводях, оставшихся от весеннего разлива реки, удалось наловить рыбы. После долгой голодовки, наевшись досыта, маялись животами. На этот раз Эл нашёл какую-то неизвестную ему траву, которая, как он точно знал, сам не понимая, почему знает, оказалась лечебной. После того, как её поели, боли быстро утихли.

ОСОБО ОПАСНЫЕ

– Лежи, не шевелись! Моя белка в глаз стрелить! – на беглецов в упор был направлен трехствольный охотничий карабин. Владелец карабина низкорослый нанец, таёжный житель, угрожающе переводил ствол то на одного, то на другого, застигнутых врасплох путников, беспечно заснувших в кустах на берегу реки, не предполагавших, что поблизости расположено одинокое стойбище.

Со стороны реки раздался треск моторки, которая быстро удалялась от берега и вскоре взяла курс на юг. Это один из жителей стойбища поспешил сообщать начальству, живущему, по-видимому, в прибрежном посёлке, о поимке беглых.

– Послушай, друг, отпусти ты нас, ради бога, – взмолился с плачем Коротышка.

– Зачем бежал? Нехорошо сделал! Приедет большой начальник, муку привезёт. Раз, два, три, – начал он считать и торжественно объявил: – Семь мешков и ещё половина.

– Что он говорит? – спросил Эл Меченого. – При чем тут мука?

– При том самом! – зло ответил тот. – За поимку заключённых дают по два с половиной мешка пшеничной муки.

– Почему с половиной, а не два или три?

– Такая установлена норма, там... наверху. Сволочи! Чтоб вас волки пожрали!

Элу вдруг представилось, что сзади нанца ползёт, готовый к прыжку, волк. Вот он

напрягся, сейчас прыгнет и вопьётся в горло...

Нанец испуганно вскрикнул, быстро повернулся и выпалил сразу из двух стволов. Тотчас как пружина взвился Меченый, и нанец рухнул под ударом его тяжёлого кулака.

– Ещё один заряд остался. Жалко на тебя тратить, но... – Меченый направил карабин в голову нанца. Тот, очнувшись от удара и поняв, что ему грозит, завизжал, как раненый заяц.

– Не надо, Дон! – тронул его за плечо Эл.

– Хрен с тобою, живи, подонок! – сплюнул Дон, отводя карабин от визжавшего нанца. – Вставай, падлюка! – пнул он лежащего. Тот, сообразив, что ему оставляют жизнь, вскочил и начал кланяться, прижимая руки к груди.

– Кто в стойбище?

– Никого, начальник, никого. Брат уехал.

– Веди!

Нанец, мелко семеня короткими ногами, побежал вперёд. Вскоре за деревьями показалось стойбище – две деревянные избёнки, из труб которых вился лёгкий дымок. Рядом паслись лошади.

– Смотри, курва, если обманул, то пристрелю на месте, – пообещал Дон.

В первой избе никого не было. Во второй, при виде вошедших, испуганно забились в угол две молодых нанайки и старуха.

– Эх, давно не шупал бабу! – захихикал Коротышка и потянул за руку одну из молодых женщин. Но тут же получил увесистый подзатыльник от Дона.

– Затихни! Надо быстро уходить, – пояснил он.

Коротышка со вздохом сожаления отпустил женщину.

– Быстро! – Дон снова направил карабин на нанца. – Заряды к карабину и продукты, – потребовал он.

Нанца связали, положили на дно лодки и оттолкнули её от берега.

– Молись своим богам, чтобы тебя выловили, – посоветовал Дон.

Затем, оседлав трех лошадей и навьючив продуктами и припасами две других, беглецы отправились в путь. Сначала они проехали километра три вверх по реке и остановились посоветоваться и, кстати, переодеться. Лагерную одежду бросили в воду, завернув в неё увесистые камни.

– Надо решать, что теперь будем делать. Идти дальше на юг нет смысла. Сейчас поднимут на ноги всю округу, вызовут вертолёты. Будут нас искать по ходу реки. Да и все ближайшие железнодорожные станции и полустанки возьмут под контроль. Надо выждать год!

– В тайге? – удивился Эл.

– Да! Теперь у нас есть оружие. Кроме карабина, две двустволки и припасы к ним. Одежда, инструменты. Мы сейчас отправимся на восток и затеряемся в тайге. Там нас, пожалуй, и не будут искать. Когда все утихнет, пойдём снова к железной дороге. К тому времени нас уже спишут, как погибших в тайге.

– Эх, – сожалеюще вздохнул Коротышка. – Надо было с собой взять этих баб. Теплее зимой было бы.

– Езжай за ними!

Коротышка вскочил на ноги и направился было к лошадям, но Дон остановил его:

– Стой, чокнутый! Слушай! – насторожился он. Со стороны верховья реки едва слышно донёсся стук лодочного мотора.

– Быстро они обернулись, – внутренне напрягаясь, прошептал Эл.

– Давай отведём лошадей подальше. Ты, Коротышка, побудешь с ними и смотри, чтобы тихо, а мы с Элом посмотрим, кто сюда пожаловал. Да! Вот, возьми! – он вытащил из связки лосиную шкуру и протянул её Коротышке.

– Специально захватил, – пояснил он. – Разрежь на куски и обмотай копыта лошадям. Собаки тогда не возьмут след. Они тренированы только на людей. Зверя не трогают.

Вскоре по реке прошла моторная лодка, а за ней на расстоянии метров тридцати катер с милиционерами и собаками. До них донёсся отрывистый лай.

– Теперь давай на северо-восток! – распорядился Дон.

– Почему на север? – спросил Эл.

– Потому что они нас будут искать в южном направлении. И не мешкать, так как они наверняка вызовут теперь вертолёт. Скорее всего, попросят помощи у воинских частей, а те шутить не любят. Кроме того, у них автоматы.

Действительно, к исходу следующего дня они слышали гул вертолёт. Судя по доносившемуся до них шуму, вертолёт было два. Он, как и предсказывал Дон, долетал с южного направления. Однако вскоре шум стал приближаться.

– Ищите овраг! – забеспокоился Дон.

Овраг нашли не скоро, но как раз вовремя. Не успели они спуститься туда с лошадьми, как шум стал нарастать, и минут через десять над ними прошёл вертолёт. Густые заросли и полумрак оврага скрыли беглецов. Шум стал удаляться и вскоре затих. Подождав часа два, они вывели лошадей из оврага и пустились снова в путь. Вскоре едва заметная тропа упёрлась в болото. На его обход они затратили почти весь оставшийся день. Болота стали попадаться все чаще и чаще.

На третий день звук летящего вертолэта снова загнал их в чащи. Лошадей заставили лечь на землю. Маленькие, выносливые лохматые лошади оказались не упрямыми и покорно улеглись на землю. Вертолёт на этот раз кружил долго поблизости. Очевидно, у лётчиков что-то вызвало подозрение. Затем шум его внезапно умолк.

Тропа теперь шла между двух обширных болот. Почва под ногами пружинила и колебалась. Потом стала немного твёрже. Шедший впереди Дон внезапно остановился и прислушался. Двое его спутников тоже затихли и стали слушать. До них издали донёлся стук металла о металл.

Оставив Коротышку сторожить лошадей. Дон и Эл крадучись пошли в направлении доносящегося до них металлического стука. Болото кончилось, и торфяная почва сменилась песчаной. Тропа постепенно расширялась и проходила через небольшие полянки, поросшие брусникой, которая едва начинала розоветь. Стук молотка по металлу становился все громче и отчётливее.

Скрываясь в зарослях, они прошли ещё шагов двадцать, и перед ними открылась широкая поляна. Посреди поляны стоял вертолёт. Возле него возились двое, что-то ремонтируя. Третий, с автоматом на плече и с целлофановым кульком в руках, который был уже наполовину заполнен красноголовыми подосиновиками, «нёс охрану».

– Придётся переждать, пока они не кончат ремонт и не уберутся. Другой дороги нет, – шепнул Дон.

В это время «часовой» нашёл целый «выводок» подосиновиков и, крикнув о своей находке другим, принялся с увлечением их срезать. Увлёкшись, он все ближе и ближе подходил к залёгшим в кустах беглецам. Как назло грибница тянулась как раз в их сторону и прямо у ног лежащего Эла торчало больше десятка молоденьких грибов.

– Давай уходить, – шепнул Дон и поднялся. Эл последовал за ним, но поздно. Караульный издал радостный крик и кинулся к грибам, не замечая стоящих за стволом дерева людей.

Дон зловеще улыбнулся и снял с плеча карабин. Караульный между тем торопливо заполнял целлофановый мешок.

– Цып-цып-цып! – прозвучало у него над самым ухом. Все ещё улыбаясь, солдат приподнял голову и увидел направленный на него ствол ружья и заросшее бородой лицо Дона с приложенным к губам пальцем.

– Тихо! Если хочешь остаться живым, – прошипел Дон, в то время как Эл снял с плеча не сопротивляющегося солдата автомат.

Солдат хрипло пискнул, но увидев угрожающе наведённое ему в лицо ружьё, благоразумно сдержал крик.

– Пошли, тут недалеко, – пригласил Дон пленника. Тот покорно поплёлся вперёд.

– Со-о-ой! – донеслось с поляны.

– Э-ге-ей! – закричал в ответ Дон.

– Не уходи далеко! Мы скоро кончаем! – закричали снова те, что были у вертолэта.

– Ага-а-а! – ответил Дон.

Солдата связали и, заткнув на всякий случай рот тряпкой, оставили у лошадей под присмотром Коротышки. Сами же вернулись к поляне.

– Что ты задумал? – Эл открыл затвор автомата и, убедившись, что патрон дослан, закрыл его снова.

– На, – протянул ему Дон карабин и взял себе автомат.

Они обошли поляну сбоку и приблизились под прикрытием вертолѐта к копающимся в двигателе людям. Когда до них оставалось не больше пяти шагов, Дон вышел из-под прикрытия и, направив на опешивших от неожиданности вертолѐтчиков автомат, приказал им лечь на землю.

Подождав, пока Эл свяжет их, он залез в кабину и, высунувшись оттуда, протянул Элу два автомата, затем, выругавшись, вытащил винтовку с оптическим прицелом.

– Как на охоту собрались, сволочи! – со скрытой болью в голосе проворчал он, подавая её Элу.

Минут через двадцать на траве высилась гора трофеев; кроме уже перечисленного, здесь были два пистолета, несколько запасных магазинов к автоматам, обоймы к винтовке, бинокль и две портативные рации.

Кроме того, три рюкзака с аварийным запасом провизии и, что особенно было ценным, – подробная карта местности.

– Оттащи все это в сторону, – велел Дон Элу, снова появляясь из кабины с канистрой в руках. – И этих людоедов тоже, а то опалит.

Он опорожнил канистру в кабину вертолѐта и, отойдя подальше, зажѐг пропитанную тем же горючим тряпку, замотал в неё камень и бросил внутрь.

– Ну, кто же из вас любитель пострелять по человеку? – спросил Дон пленных лѐтчиков, показывая им винтовку со снайперским прицелом.

– Эх, вы... люди... – укоризненно протянул он, так и не дождавшись ответа. – Да чем же вы отличаетесь от бандитов? Тем, что имеете право убивать под прикрытием закона. А что вы знаете о нас? За что сидел я, он? Почему бежали? – Дон присел на корточки и, расстегнув карман кителя у одного, вытащил документы. Посмотрел, положил в карман и сделал то же со вторым.

– Ну так что же вы мне скажете? – повторил он свой вопрос.

– Что сказать? – отозвался старший с погонами лейтенанта. – Получили приказ обнаружить и обезвредить особо опасных преступников.

– Особо опасных? Нет, брат мой, я не особо опасный, а особо несчастный. А вот его, – он указал на Эла, – можно, пожалуй, назвать и особо несчастным и особо полезным. Две вины у него. Первая – это то, что он, вместо того, чтобы отдыхать после работы, продолжал трудиться, чтобы всем на Земле стало легче жить. Вторая вина, очень существенная, заключается в идиосинкразии к плохим стихам. За первую вину он схлопотал шесть, а за вторую ещё пять лет. Ну, да вам не понять, у нас вместо мозгов устав караульной службы. Есть среди нас ещё один. Тот, что правда то правда, насильник и грабитель. Ну, да мы себе друзей не выбирали. Это нас наши органы власти сдружили. Что же мне с вами делать? – он отошёл на пять шагов и поднял автомат.

– Не убивай! – закричал младший.

– Отпустить?

– Отпусти! Мы...

– Под честное слово офицера? – насмешливо спросил Дон. – Расписку дашь?

– Дам, дадим!

– Ну, хорошо, поверю. Я тебе, – он обратился к старшему, – сейчас развяжу руки, и ты мне напишешь под диктовку расписку, после чего пойдѐшь себе восвояси.

– А я? – в страхе закричал младший.

– И ты хочешь? Ну, ладно, пользуйтесь моей добротой.

Дон развязал лейтенанта и протянул ему планшет.

– Пиши, – он заглянул в документ, – я такой-то, передаю Дону по кличке Меченый в целости и сохранности... написал? Пиши дальше – вверенное мне воинское имущество... пиши, пиши... в обмен на свою жизнь, нет... жизнь не пиши... пиши – в обмен на его доброе ко мне расположение... и два самородка весом... пиши, пиши... весом по пятьсот грамм каждый... видишь, я твою голову ценю на вес золота. Так, написал? Поставь дату, распишись.

А теперь вымажь, пожалуйста, пальчик чернилом и приложи сбоку вместо печати... да не здесь! На подпись! Что, делопроизводство не знаешь? Печать всегда ставится на подпись. Теперь, понимаешь, друг мой, – проговорил Дон, отбирая у него расписку, – не в твоих интересах будет, если нас поймают. Продажа воинского имущества и оружия карается по статье УК... как там дальше? Ну да ладно, прочтёшь по возвращении домой. Теперь ты, малец...

Когда была написана третья расписка (вес самородков у подчинённых был Доном соответственно уменьшен). Дон сожалеюще развёл руками:

– С формой, друзья мои, вам придётся расстаться. Скажете, что сгорела при пожаре вместе с документами.

– Но как мы голяком доберёмся до дома? – возразил лейтенант.

– Тут мы вам окажем шефскую помощь. Дадим три оленьих шкуры. Укроетесь ими как плащами. Потом перед жильём сбросите.

– Ну, а чем объяснить, что одежда сгорела, а ожогов на теле нет?

– Здесь вы должны проявить сообразительность. Спички мы вам дадим. Медицина утверждает, что небольшие ожоги оказывают стимулирующее действие на защитные силы организма... Я знал одну бабку, которая вот так лечила ревматизм... Нет, кальсоны снимать не надо... кстати, потом их прожжёте немного в разных местах, для убедительности...

– Вот вам по десять сухарей, – протянул Дон пленникам целлофановый мешок. – Это даже больше, чем имели мы, если учесть, что до реки по прямой всего лишь три дня пути. Возьмите и этот коробок спичек. Жаль отдавать, но в лесу без спичек туго. Идти вам будет легко, не надо убегать от собак, прятаться от людей, так что вам это покажется лёгкой прогулкой. Своему начальству скажете, что потерпели аварию, вертолёт взорвался при посадке. Это почти правда. Нас вы, конечно, не видели. А чтобы совесть вас не тревожила, скажу, и вы мне поверьте, бандитствовать мы не собираемся, но если что, то жизнь свою продадим очень дорого. Запомните! А теперь можете идти!

Покинув поляну, беглецы шли целый день, отклоняясь к юго-востоку. Так решил Дон. К вечеру они сидели у костра.

– Как я любил в детстве эту штуку, – вспоминал Дон, открывая консервную банку со сгущенным молоком, взятую в вертолёте. – Дед, помню, всегда мне приносил. Я гвоздиком прокалывал две дырочки и высасывал молоко через них.

– Зачем две? – удивился Коротышка.

– Чтобы воздух проходил, дура! Физики не знаешь. Сколько классов кончил?

– Не помню, давно было. Хотя, один закон заучил когда-то: сила действия равна силе бездействия.

– Противодействия, Коротышка! Противодействия! – поправил Дон. – Впрочем, ты, может быть, и прав. В ином случае бездействие и есть самая лучшая форма противодействия.

– Послушай, Дон, а если бы они не дали расписок, ты бы убил их? – спросил Эл.

Дон вместо ответа вытащил из кармана расписки и бросил их в костёр. Бумага вспыхнула ярким пламенем и мгновенно сморщилась, пепел сожжённых расписок поднялся над костром и заплясал в пламени.

– Зачем мне их жизнь, – он долго молчал, потом задумчиво сказал, как бы обращаясь к самому себе. – Ведь ещё пацаны... у каждого мать... ждёт...

– А твоя мать жива? – неосторожно спросил Эл и тут же пожалел, так как Дон вздрогнул, как от удара.

– Не знаю! С той поры, как она меня выгнала, я её не видел... Не любила она меня почему-то... Вот отец... тот любил... и дед... дед больше всего... Бывало, когда мне ещё четыре годика было, сажал меня с собой в машину на переднее сидение... он ещё из поролона сделал мне такую подушечку, чтобы удобнее было сидеть, и мы ехали кататься. Он со мной разговаривал, как со взрослым... Ты знаешь, я ведь в четыре года уже умел читать. Давай-ка лучше спать...

Дон завернулся в лосиную шкуру и замолчал. Костёр догорал. Эл подбросил в него сучьев и последовал примеру своего спутника.

Сак с удовлетворением осмотрел комнату. Минут десять тому назад он отпустил женщину, которая обычно приходила к нему убирать дом, после того как он расстался со своей очередной женой и жил один в своём особняке. На этот раз он велел ей прийти на два часа раньше и тщательно все вымыть и вычистить.

Зашёл в ванную и удовлетворительно хмыкнул. Голубой импортный кафель сиял и приятно контрастировал с белой эмалью ванны. Вернулся в комнату и стал собирать на стол. Вынул пару бутылок вина, добавил к ним бутылку «Игристого», затем открыл холодильник, достал зернистую икру, крабов, копчёности, нарезал последние тонкими ломтиками и довольный собой оглядел стол. Подумав немного, положил на стол коробку конфет.

К этому вечеру он готовился долго, может быть, лет десять, а то и больше. Ни одна женщина не вызывала у него такого страстного желания, которое в последнее время переросло в чувство мести. Именно мести. Он не раз представлял себе, как она будет лежать перед ним, – униженная и оскорблённая, потоптанная... именно потоптанная, думал он, и от этой мысли сладостная дрожь пошла по всему телу. Сцены, одна другой соблазнительнее в своей откровенности и мерзости, представляли в его воображении. «Пусть почувствует», – теперь он её ненавидел, пожалуй, больше самого Эла. Чувство зависти к Элу, которое он испытывал раньше, как-то за шесть лет притупилось. «Скорее всего, – думал он, – Эл погиб». Он знал о его побеге и что след его и бежавших с ним преступников затерялся в лесных дебрях. Все эти шесть лет он пытался овладеть Молли, но каждый раз терпел неудачу. За это время у него было много женщин. Значительно моложе Молли и, наверно, красивее. Но с Молли была связана его первая неудовлетворённая любовь, первые его чувства и первое отчаяние. И чем больше Молли сопротивлялась его натиску, тем больше он желал её. Он знал, что все это пройдёт и исчезнет после того, как он достигнет желаемого. Но именно этот момент и был ему нужен. Овладеть, унижить и прогнать с презрением...

Как хорошо, что ему тогда досталась эта карикатура. Он смог подсунуть её мэру, а тут ещё история с этим... как его... ага! Горчичником. Полгода назад он сунул взятку заведующему бензоколонкой, и Ольга вскоре, придравшись за что-то, выгнали с работы, записав в трудовую книжку статью. После этого тот никак не мог устроиться на новую службу. Сак «принимал самое активное участие» в его трудоустройстве, поэтому был осведомлён о всех попытках Ольга поступить на работу и каждый раз мешал ему это сделать. Когда Молли совсем отчаялась, так как случалось, что ей нечем было платить за квартиру, предложил устроить Ольга к себе в магазин. Но Молли должна прийти к нему сегодня вечером и «обсудить» этот вопрос. Он был уверен, что она придёт. В доме у Молли не было сейчас и копейки, она задолжала за три месяца за квартиру. Все, что ещё можно было продать, уже продано. «Итак, сказал он себе, – вперёд, Сак. Ты порядочный мерзавец, это говорил тебе ещё отец. Но ты знаешь, чего хочешь, а это главное».

Молли явно запаздывала. Свидание назначено на семь, но вот уже часы пробили восемь, затем девять, а её все не было. «Не придёт», – с тоской и злостью решил Сак, но в это время прозвучал входной звонок. Сак бегом кинулся открывать многочисленные запоры. На пороге стояла Молли.

– Извини, что запоздала, Сак!

– Ничего! Важно то, что ты пришла, – радостно ответил Сак, помогая ей снять пальто.

– О! Какой стол! – радостно и удивлённо воскликнула Молли, прижимая к груди руки.

– А, ерунда! Маленькая закуска! Прошу, садись сюда, – он придвинул ей кресло. Молли села, но тотчас же встала.

– Я пойду сниму сапоги. На улице дождь, а у тебя такие ковры... Не беспокойся, я сама... включи лучше музыку.

Молли вышла в прихожую, а Сак, удовлетворённо хмыкнув, стал перебирать пластинки. Затем, найдя то, что искал, поставил и включил стереопроеигрыватель. Потом налил в бокалы вина и зажёл свечи, потушив электричество.

Молли не жеманилась и выпила полный бокал. Сак тут же налил ей второй.

– Подожди, Сак, – улыбнулась она. – Я буду пьяной...

– Ты закусывай, – он придвинул ей тарелку с икрой.

- Я её не ела уже лет восемь. Помнишь, ты тогда принёс мне баночку на день рождения?
- Если ты захочешь, то будешь есть её каждый день!
- Что с работой для Олга?
- Успеем об этом поговорить. Как я рад, что ты пришла!
- Я тоже рада видеть тебя, Сак. Ты всегда был настоящим другом мне и Элу.
- Забудь про Эла! Его уже нет! Есть только ты и я. Надо жить, Молли.
- Надо...

Сак подвинулся к ней ближе и положил руку на плечо. Молли не протестовала. Рука Сака поползла вверх, до обнажённой шеи. Ощущение пальцами обнажённого тела вызвало дрожь. Он нетерпеливо дотронулся до пуговицы ворота и расстегнул её.

– Не спеши, Сак! Ещё есть время, – спокойно заметила Молли. – Дай мне поесть, – засмеялась она. И отодвинься, ты мне мешаешь. Какая у тебя осетрина! – она зацепила вилкой кусочек и отправила в рот. – О! И крабы!

Пластинка кончилась и из стереофонических колонок послышалось шипение.

– Поставь ещё что-нибудь, – попросила Молли.

Сак переменял пластинку и, извинившись, вышел. Зашёл в ванную комнату и открыл кран. Он решил не тянуть времени. В спальне снял пиджак и остался в рубашке. Снял покрывало с кровати и откинул одеяло. Затем из тумбочки вытащил пузырёк и накапал себе двадцать капель в стоящую здесь рюмку. Запил из графина водой. Снял туфли и одел тапочки. Подумав, переделся в спортивный костюм. «Пусть пока поест», – подумал он. Потом, вспомнив, включил озонатор. Оглядев ещё раз внимательно спальню, вернулся в гостиную и замер с открытым ртом. За столом, рядом с Молли, сидели двое мужчин. Один был совершенно незнаком. Грузный, широкоплечий, великолепный импортный костюм был ему явно мал в плечах. Через щеку и губу шёл шрам, несколько маскирующийся усами. Второй сидел к Саку спиной. Заслышав его шаги, он встал и, повернувшись к Саку, тихо и спокойно сказал:

– Здравствуй, Сак! Вот мы и встретились.

– Здравствуй, – пролепетал Сак, узнавая в нем Эла. Эл, правда, отпустил бородку, но Сак его сразу же узнал, несмотря на то, что Эл сильно похудел и лицо его прорезали морщины.

– Вот пришёл поблагодарить тебя за заботу о моей семье, – продолжал Эл, беря Сака за плечо и усаживая рядом с собой. – Познакомься! Это мой друг Дон – специалист по особо важным делам. Итак, что будем пить? О! Да у тебя только дамские напитки... Где у тебя водка? В баре? Да ты не суетись. Дон, достань вон из того шкафчика две-три бутылки водки и стакан.

Дон поднялся и, открыв шкафчик, вытащил три бутылки водки по 0,75 каждая. Налил стакан и протянул его Саку.

За все это время Сак не проронил ни слова, до того он был ошеломлён внезапным появлением Эла, которого он считал мёртвым.

– Выпей, Сак, за моё благополучное возвращение, – указал Эл на стакан, стоящий перед Саком. Тот взял стакан в руки и, ещё не решаясь выпить его, спросил:

– Ты давно вернулся, Эл?

– Неделью назад, – спокойно ответил тот, смотря Саку в лицо.

Сак от неожиданности чуть не выронил стакан.

– Ты, я вижу, не особенно мне рад, дружище? – нахмурился Эл.

– Нет! Рад, конечно.

– Ну так выпей, что же ты медлишь?

Сак выпил. Крепкая водка, обжигая, полилась в желудок. Сак закашлялся.

– Закусывай, Сак! – Молли протянула ему бутерброд, густо намазанный икрой. Тот машинально взял его и стал есть.

Дон между тем снова наполнил до краёв стакан. Эл вынул из кармана пачку кредитных билетов и положил на стол.

– Это тебе маленький долг за Олга, – пояснил он. – Ты тогда потратился на заправочной станции.

Несмотря на выпитую водку, Сак побледнел.

– Пей, Сак, пей! – Дон встал со стула, подошёл к нему сзади и ласково потрепал по плечу. – Ишь, как побледнел. Холодно? Да ты согрейся. – Он взял бумажную салфетку, обернул

ею стакан, приподнес его к губам Сака. – Пей! Вот молодец... Теперь закуси.

От выпитого второго стакана водки у Сака зашумело в голове. Он подцепил вилкой кусок ветчины и отправил его в рот.

– Где теперь Пак? – поинтересовался Эл. Ты с ним больше не виделся?

Сак чуть не подавился куском ветчины.

– Да ты прожуй сначала.

– Теперь запей, – Дон налил ему водки и поднёс ко рту. Сак отрицательно замотал головой.

– Ай-ай-ай! Сак! Не хочешь выпить с друзьями? Смотри, мы можем обидеться. – Дон вытащил из кармана нож и щёлкнул пружиной. Из рукоятки выскочило блестящее острое лезвие...

– Теперь закуси, – Дон протянул ему на вилке кусок осетрины. – А то совсем опьянеешь.

Вторую бутылку Сак закончил, уже не сопротивляясь. После шестого стакана он сполз со стула и свалился на пол.

Дон встал и вышел, минут через пять он вернулся вдвоём с Коротышкой.

– Наш хозяин сильно выпил, – сказал он, – отнеси его в ванную, раздень и пусть он в ней протрезвится.

Коротышка подхватил Сака под мышки и потащил в ванную.

– Подожди! – остановил его Дон. Он взял со стола бутылки, тщательно вытер их полотенцем и подойдя к беспомощно повисшему на руках Коротышки Саку, наклонился над ним. Затем, держа бутылки через полотенце, поставил их на стол.

Молли тем временем вымыла на кухне всю посуду, кроме стакана, из которого пил Сак и тарелок со снедью, так и оставшихся стоять на столе.

Ещё через полчаса все трое покинули дом.

Майор милиции Френ проснулся от резкого телефонного звонка. Он снял трубку и, включив ночник, бросил взгляд на лежащие рядом с телефонным аппаратом часы. Было четыре ночи. Жена, привыкшая к частым ночным звонкам, повернулась только на другой бок и снова мгновенно заснула.

«Что там ещё произошло?» – подумал Френ и, прикрыв микрофон рукой, тихо, чтобы не будить жену, сказал:

– Френ слушает!

– Сейчас тебя арестуют, Френ, – ответил голос.

– Что за дурацкая шутка? Кто говорит? – повысил голос майор.

– Это не шутка, Френ. Машина уже выехала. А кто говорит... Если помнишь, десять лет назад... подъезд с крутыми ступеньками и два парня, возвращавшихся навеселе со дня рождения одной симпатичной девушки...

– Ничего не понимаю! Какой подъезд? Какая девушка? Перестаньте меня дурачить... Я вешаю трубку и не смейте больше звонить. – Он положил трубку и снова лёг.

Телефон, однако, зазвонил снова.

– Френ, не клади трубку, – строго сказал голос. – Это в твоих же интересах.

– Говорите толком!

– Я и говорю. Если помнишь, ты тогда получил «сотрясение мозга». Липа, конечно, но это поможет тебе все вспомнить.

Френ вспомнил.

– Меченый?

– Он самый.

– Бежал снова? Напрасно ты скрываешься. Мы тебя все равно поймаем. Лучше явись сам.

– Не болтай чепухи, Френ! Сейчас дело идёт о тебе.

Сон окончательно прошёл.

– Ну говори, говори. Интересно, что ты скажешь?

– Ты помнишь, Френ, когда я сидел в ящике, а ты бил меня по печени, что ты предложил мне? Не помнишь? Я уверен, что ты вспомнил, но не хочешь говорить. Ты предложил мне выложить тебе пять «кусков». Может быть, если бы мой отец не был тогда в экспедиции, ты бы их получил, а я бы тебе сейчас не звонил. Ты не получил денег, а я получил пять лет.

– Что же ты хочешь?!

– Я... Послушай сначала, – голос стал называть фамилии и суммы.

– Теперь ты понимаешь, на что это тянет, Френ? Все эти лица дали добровольные показания.

– Ты врешь!

– Ай-ай-ай, Френ! Ты же прекрасно знаешь, что нет! Я вот почему тебе звоню. Мне жалко твоих детей. Если будет суд, то твоё имущество и сбережения... сам понимаешь. Так что, подумай! – в телефонной трубке раздались короткие гудки...

Чуткий слух Френа уловил шум подъехавших к подъезду дома машин. По звуку мотора он безошибочно определил: оперативные. Встал и выглянул в окно. Из двух оперативных машин, как он и предполагал, вышли несколько человек и скрылись в подъезде дома.

Он пошёл в комнату детей. Две дочери, одной было восемь, другой, постарше, двенадцать, мирно спали в своих постелях.

На лестничной клетке послышались шаги. Звук дверного звонка совпал с выстрелом...

Говорят, одно несчастье приносит другое. А счастье?... Руки Брюла дрожали. Всего месяц назад ему присвоили очередное звание, а вот теперь... Он никак не мог унять дрожь в руках. Буквы прыгали перед глазами. Полтора года назад он послал в журнал свои стихи и вот теперь «Факел» опубликовал их. Целых две страницы журнала занимали его... его, Брюла... стихи. Вместе с журналом почта доставила и конверт с обратным адресом редакции. Конверт был вложен в журнал и Брюл только сейчас его заметил. Дрожащими руками он разорвал его. В конверте на бланке редакции отпечатан короткий текст: редакция, – гласил текст, – ознакомилась со стихами автора, нашла их оригинальными и колоритными и предлагает, если у автора есть ещё такие же, прислать незамедлительно. Если стихов много и они заслуживают внимания, редакция предлагает ему приехать со своими произведениями для заключения договора на издательство книги. Далее следовала подпись и пожелание дальнейших успехов. Вместе с бланком из конверта выпала записка. Брюл поднял её и прочёл. Зав. отделом поэзии «Факела» просил, если Брюл надумает приехать, не откладывать это надолго, так как он собирается в заграничную поездку. Числа десятого следующего месяца зав. отделом с удовольствием бы встретился с автором. В конце записки давался номер телефона. Если приедете, писал зав. отделом, – позвоните и вас встретят.

Все складывалось хорошо. У Брюла был неиспользованный за три года отпуск. Он позвонил в управление лагерей и, получив устное согласие, стал собираться в поездку.

Весть о литературном признании быстро обежала весь лагерь. Офицеры охраны устроили своему начальнику пышные проводы. Хор зеков исполнил песню на слова Брюла:

Я службу несу в суровом краю,
где воеет пурга и метели...

Музыку написал к словам свой же лагерный композитор, бывший режиссёр оперного театра, осуждённый на восемь лет за соращение малолетних. Он уже давно отбыл свой основной срок, но так как Брюлу не хотелось с ним расставаться, он руководил всей художественной самодеятельностью лагеря, то ему устроили «постояй-погоди». Впрочем, по сравнению с остальными зеками ему жилось в лагере неплохо. Его не гоняли ни на лесосплав, ни на лесоповал. Брюл ценил искусство и умел беречь нужных людей. Вторым его любимцем среди зеков был повар, который бесподобно умел приготовить фаршированную рыбу. За что сидел повар, никто толком не знал. Но сидел он уже так долго, что даже старожилы лагеря не помнили, когда и по какой причине тот сюда попал. Брюл, естественно, не вдавался по этому поводу в подробности. Поговаривали, что Брюл привёз с собой повара из другого лагеря, в котором он был начальником раньше.

Что хотелось Брюлу, так это заполучить себе художника. Но пока не удавалось. Он уже не раз обращался в соответствующие распределительные пункты с заказом, но то ли живописцы не совершали преступлений, то ли что другое, на художников был острый дефицит. Мечта оставить своим потомкам портрет, выполненный кистью мастера, так и оставалась пока несбывшейся мечтой. Одно время ему чуть было не повезло. Сосед почти согласился променять

своего живописца на двух врачей. Те схлопотали по восемь лет за взятки во время работы в приёмной экзаменационной комиссии. У соседа вдруг начался мор среди зеков, и лагерный врач не мог ничего такого предпринять, чтобы прекратить распространение болезни. Брюловские же врачи были остепенённые кандидаты наук. Один даже в звании доцента. Однако обмен не состоялся. В самый последний момент сосед решил, что сделка невыгодна. Впрочем, это, может быть, случилось и к лучшему. Мор вскоре перекинулся к Брюлу. Остепенённые врачешки быстро нашли причину, и у Брюла умерло всего лишь пять зеков. У соседа же эпидемия унесла три четверти. На этом его карьера кончилась. Его понизили в звании и затем куда-то перевели. Живописец же отсидел свой срок и вышел на волю. «Стерва, – мысленно выругал Брюл своего бывшего соседа. – И сам не гам и другим не дам!»

Про этих врачей Брюл вспомнил, садясь в аэросани, которые доставят его до ближайшей воинской части, а оттуда по договорённости его должны были вертолётном подбросить до аэропорта, находящегося ещё километров триста южнее.

Он позвал своего заместителя, и когда майор подошёл, дал ему инструкции задержать полезных для лагеря врачей ещё года на три.

– Не беспокойтесь, все будет сделано! – заверил его помощник, крепко пожимая на прощание руку. – Будем с нетерпением ждать выхода первой вашей книжки, – добавил он, подсаживая начальника в сани.

– Постучи по дереву! – крикнул на прощание Брюл. Сани тронулись и заскользили по замёрзшей реке, увозя полковника к славе и известности.

– Везёте ли меха, икру, золото и другие запрещённые для перевозки товары? – спросил его на контрольном пункте аэропорта молодой черноусый таможенник с симпатичной родинкой на левой щеке. Брюл возмущённо фыркнул.

– Откройте чемодан!

– Пожалуйста! – рассердился Брюл, щёлкая замками чемодана.

Таможенник стал перебирать вещи, придирчиво осмотрел домашние тапочки, затем, торжествующе улыбаясь, вытащил два увесистых свёртка, перевязанных шпагатом.

– А это что?

– Тетради. Можете посмотреть.

Таможенник развязал шпагат и действительно увидел пачку толстых тетрадей в коленкоровом переплёте. Недоуменно перелистал их, сиюсь разобрать мелкий, убористый почерк.

– Это что, стихи? – удивлённо спросил он. – Я думал, золото...

– Это подороже золота, – проворчал Брюл, укладывая в чемодан вещи. – Можно сказать, плод всей моей жизни, а вы так... – он осуждающе посмотрел на таможенника.

– Извините, полковник! Знаете, всякое бывает на нашей службе.

– Пора научиться отличать порядочного человека от жулика, – назидательно сказал Брюл, закрывая чемодан, и направился в освободившийся проход.

Сидя в кресле самолёта, Брюл вынул из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок со списком заказов на покупку необходимых вещей в столице. Первыми шли заказы жены. «Так, парфюмерия... бельё... где это? Ну, да ладно, спрошу...» Список жены вызвал у него тёплые чувства. Брюл был отличный семьянин и любил жену, с которой прожил вот уже пятнадцать лет душа в душу. «Бедняжка, – подумал он с нежностью. – Хоть бы один раз пожаловалась. Где нас только не носило? Куда ни забрасывала судьба... из одного лагеря в другой. Надо, – решил он, – купить ей что-то такое... особенное... например, серьги с драгоценными камнями... денег хватит. Сыну? Ну, ему можно кассетный магнитофон и книжки приключений. Любит читать, шельмец, способный парень. Дочке? Что же ей? А, куплю то же, что и жене...»

Незаметно для себя Брюл заснул. Снился ему берег южного моря, тот самый, где они три года назад отдыхали всей семьёй. Сын барахтался в воде. Дочь, почему-то уже взрослая, полулежала в шезлонге и рядом с ней стоял стройный молодой мужчина в белоснежной форме капитана дальнего плавания.

– Выдадим замуж дочь, – тихо шепнула ему жена, – ты пойдёшь на пенсию, и мы переберёмся сюда, построим домик, заведём небольшой сад...

– Гражданин! Гражданин! – он проснулся, над ним склонилась милостивая стюардесса. – Идём на посадку, пристегните, пожалуйста, ремень...

В здании аэропорта Брюл быстро нашёл телефонные кабины, зашёл в одну из них и набрал номер редакции. Ему ответил женский голос.

– Это редакция? – спросил Брюл.

– Кто говорит? – деловито осведомилась женщина.

– Извините, я приехал издалека, по вызову редакции. Моя фамилия Брюл, – запинаясь от охватившего волнения, торопился полковник.

– Это какой Брюл? Полковник? – переспросила женщина.

– Да! Да! Совершенно верно. Мне дали ваш номер телефона.

– Сейчас соединю вас с редактором, если он ещё не ушёл.

Брюл стал ждать. Внезапно в трубке послышались короткие гудки. Брюл растерянно оторвал трубку от уха и тут понял, что телефон отключился, так как он не положил через положенные три минуты монету в кассу автомата. Он торопливо стал рыться в карманах. Нужной монеты как на зло не было.

Возле телефона уже скопилась очередь. Кто-то нетерпеливо стучал по стеклу кабины. Брюл вышел и, подойдя к аптечному киоску, попросил разменять монеты. Пока он менял, прошло ещё несколько минут. «Что, если редактор уедет?» Брюл заметался по залу в поисках свободного автомата. Возле одного из них очереди не было, но в кабине стояла женщина. Она довольно эмоционально, поминутно скидывая широкие чёрные брови, громко, так что все было слышно сквозь стены кабины, пела беседу с подругой. Брюл подождал минут десять и за это время невольно получил сведения о муже женщины, о её начальнике по службе и даже узнал адрес знаменитого столичного гомеопата. К кабине подходили прибывшие в столицу пассажиры. Они становились в очередь за Брюлом, но, прислушавшись к разговору, доносившемуся из кабины, безнадежно махали руками и становились в очередь к другой кабине. Минут через двадцать Брюл заметил, что те, кто занимал за ним очередь, уже разговаривают в других кабинах. Накатило возмущение, он не выдержал и стал стучать в стекло кабины. Женщина бросила на него недоуменный взгляд через плечо и презрительно повернулась к нему спиной. Не выдержав, Брюл рванул дверь.

– Послушайте, гражданка, нельзя же так...

– В чем дело? Подожди, милая, – проговорила она в трубку, – тут какой-то хам... – она высунулась из кабины и, схватив ручку двери, с силой её захлопнула.

– Сама стерва! – выругался Брюл и встал в другую очередь. Минут через десять он набрал нужный номер. На этот раз трубку снял мужчина.

– Говорит Брюл... Извините, я...

– Брюл! Голубчик! – обрадовался на другом конце провода мужчина. – Приехал! Ну, молодец!

– Да, по вашему вызову, – заулыбался полковник.

– Где вы находитесь? – деловито осведомился телефонный собеседник.

– В аэропорту. Я решил позвонить вам сразу же после прилёта.

– Правильно сделали. Сейчас вышлем машину, куда не отлучайтесь. Запомните номер машины: 17–83.

– Мне бы сначала в гостиницу, – робко начал Брюл, но собеседник перебил его: – Не беспокойтесь. Мы сразу же из редакции закажем вам номер.

– Вы очень любезны, я вам крайне признателен.

– Благодарить будете потом! – редактор повесил трубку.

Брюл вышел из здания аэропорта и направился к площадке возле небольшого скверика, где обычно останавливались машины.

Ждать пришлось довольно долго. Пошёл снег, захотелось есть, но Брюл боялся уйти со своего поста и пропустить машину редакции. Он поискал вокруг глазами и увидел поблизости торговый лоток. Подле него стояла пожилая женщина в грязном белом халате, надетом на чёрное драповое пальто, в платке и в валенках. Время от времени она стучала валенком о валенок, согревая ноги. Брюл подошёл.

– Пару пирожков, – протянул он ей деньги.

– Пирожков нет, мороженое.

– Вы что? Поодурели здесь, в столице? Кто же мороженое продаёт зимой?

– Чего ругаешься? Что дают, то и продаю. Не хочешь, иди в ресторацию, там тебе бульон с фрикадельками предложат, а тут мороженое. Кому мороженое? – закричала она. – Сливочное, пломбир, фруктовое!

– Черт бы вас подрал, – проворчал Брюл, возвращаясь на свой пост.

Мимо прошли два парня, в которых Брюл намётанным глазом сразу же определил будущих преступников. Их выдавало наглое выражение лиц и вихляющая походка. Парни на ходу ели пирожки. От пирожков валил пар. Брюл почувствовал, как тошнота подкатывает к горлу. Подхватив чемодан, он догнал парней. Те уже успели удалиться шагов на двадцать.

– Пойдите! – изнемогая от тяжести чемодана, крикнул Брюл. Парни обернулись и, увидев догоняющий их милицейский полушубок, быстро пошли в разные стороны.

– Да подождите же, я только хотел спросить... – но те лишь ускорили шаг.

Минут через десять рядом с Брюлом остановилась машина. Брюл посмотрел на номер.

– Наконец-то! – радостно вздохнул он. Из машины вышел широкоплечий высокий бородатый шофёр в тёмных очках.

– Брюл? – хрипло спросил он и, получив утвердительный ответ, взял чемодан полковника.

Брюл с наслаждением откинулся на спинку заднего сидения и закрыл глаза.

Ехали долго. Постепенно начало смеркаться. Утомлённый за день, Брюл клевал носом. Если бы не чувство голода, которое мешало заснуть, он вздремнул бы, убаюканный мерным движением автомобиля.

– Что, – спросил он шофёра, пытаясь завязать разговор, – редакция так поздно ещё работает?

– Угу! – кратко ответил тот.

– Мне бы в гостиницу. Как из редакции туда проехать?

– А гостиница там же, – хрипло ответил шофёр.

– Вот как? Замечательно! А ресторан там есть?

– Что? Проголодались? – почему-то развеселился шофёр.

– Признаться, очень. Не успел поесть перед отлётом.

– А там вам обед приготовлен... в редакции.

– Вы серьёзно? – смутился Брюл. – Это для меня большая честь. Чем обязан?

– Ждали вас очень. Редактор особенно. Стихи ваши уж очень ему понравились. Много вы привезли?

– Все!

– Вот это правильно сделали. Редактор даже беспокоился. Вдруг, говорит, не все привезёт. Самые лучшие оставит...

– Все! Все привёз!

Шофёр не ответил. Он круто свернул в переулок и въехал под арку по двор трехэтажного серого здания.

– Приехали! – сообщил он, останавливая машину.

– Так это редакция? – удивлённо спросил Брюл, рассматривая невзрачное здание.

– Редакция сейчас на капитальном ремонте, и нас раскидали по разным зданиям. Здесь отдел поэзии.

– Пожалуйста, сюда, – предупредительно отступил в сторону шофёр, пропуская Брюла в узкую дверь. – Парадное уже закрыто, – пояснил он, – редактор специально задержался, чтобы увидеться с вами.

Вниз шли крутые ступеньки. Шофёр зажгёт фонарик, подсвечивая сзади под ноги осторожно спускающемуся по обледенелым ступенькам полковнику.

– Осторожно, не поскользнитесь, – беспокоился шофёр, поддерживая его сзади под локоть.

Вошли в длинный, тускло освещённый коридор. Шофёр задержался, запирая на засов входную дверь.

– Куда теперь? – спросил Брюл.

– Сюда, пожалуйста, – шофёр открыл одну из дверей. В комнате было темно.

– Сейчас зажгу свет. – Он осветил фонариком и, найдя выключатель, щёлкнул им. Вверху зажглась тусклая лампочка. Брюл недоуменно осмотрелся. Он находился в маленькой комнате, довольно грязной, без окон и без малейших признаков того, что её открывали в течение года, Комната была абсолютно пуста. В ней не было даже стула, чтобы присесть.

– Что это? Куда вы меня привели? – возмутился Брюл.

– Вам разве здесь не нравится? – раздался сзади насмешливый голос. Брюл обернулся. В дверях стоял высокий мужчина в элегантном темно-синем костюме, с небольшой коротко подстриженной темно-русой бородкой, слегка тронутой сединой. Сзади него выглядывал ещё один, приземистый и полноватый. На его красном полном лице блуждала довольная ухмылка. Высокий постороился, пропуская низкорослого вперёд. Брюл заметил, что у того в руках верёвка. Короткий вошёл в комнату, деловито посмотрел на идущие под потолком толстые трубы отопления и, подпрыгнув, закинул конец верёвки за трубу, потравил верёвку, ещё раз подпрыгнул, поймал свободный конец и подтянул к себе. Брюл увидел, что второй конец верёвки представляет собою скользящую петлю.

– Очень сожалению, – глядя прямо в глаза Брюлу, произнёс высокий, – но должен вам сказать, что эта комната – последнее пристанище в вашей жизни.

– Да, Брюл, сейчас мы тебя повесим, – спокойно, как будто дело шло о чем-то обыденном, сообщил шофёр, опуская на пол чемодан полковника, который он ещё продолжал держать в руках.

– Что за дурацкие шутки? Кто вы такие? – взревел Брюл.

– Вы нас не узнаете? Конечно! Где среди тысяч узников узнать трех. Но я напому вам: мы те, кто бежал с вашей каторги полтора года назад. Если вы ещё не вспомнили... хотя, по глазам вижу, что вспомнили... Вы мне добавили пять лет. Вспомнили?

– Ааааа! – взревел Брюл, бросаясь, нагнув по-бычьей голову, на высокого, но тут же растянулся на полу, получив удар в лоб от «шофёра».

– Какое это удовольствие – захватить в морду мусору, – отряхивал тот ушибленный кулак.

Коротышка, ибо это был он, воспользовавшись тем, что полковник на минуту потерял сознание, перевернул его на живот и быстро связал руки за спиной. Затем подтащил на середину комнаты и надел на шею петлю.

Брюл пришёл в себя.

– Пощадите! – взмолился он, – все что угодно... берите деньги... у меня есть около десяти тысяч...

– Грязная свинья, проклятый рабовладелец, ты принимаешь нас за бандитов и грабителей? Твои деньги останутся с тобой, никто к ним не притронется. Это грязные деньги, заработанные тобой издевательствами над людьми. Вспомни лучше перед смертью, скольким ты увеличил срок...

– Это незаконно, – захныкал Брюл.

– Какое нам дело до законов, если вы поставили нас вне закона? Это ты и тебе подобные делаете из людей преступников, убивая у них веру в справедливость. Вы звери и делаете из людей таких же зверей! Ты что думал? Твои издевательства и твои преступления сойдут тебе с рук? Думал, что тебя защитит закон? Если закон терпит таких ублюдков, то на черта он нужен, такой закон? Люди имеют право на самооборону и право на возмездие за издевательства и насилие. И если закон этого не делает, то это вынуждены делать сами люди. Во имя справедливости, правды и человечности. И так будет до тех пор, пока существуют два закона. Один – для таких вот, как ты и тебе подобных, а другой – для всех остальных. Такой закон, Брюл, хуже всякого беззакония. Тяните! – распорядился он. Дон и Коротышка, ухватив свободный конец верёвки, приготовились тянуть её.

– Подождите! Ради Бога! Ради детей моих, не сиротите!

– А ты думал о моих детях? О детях тех, кому ты прибавлял срок?

– Ну, ради Бога! – плакал Брюл.

– Вспомнил Бога? Все перед смертью его вспоминают, – Эл задумался. Видя его колебания, Брюл усилил свои мольбы. Эл молчал, глядя мимо Брюла на его кожаный чемодан.

– Хорошо! – прервал он изливания Брюла. – Пусть нас рассудит Бог. Ты слышал что-нибудь о Божьем суде? Давным-давно, тысячу лет назад, осуждённому на смерть

предлагали испытание. Если он его проходил, его отпускали. Ты согласен на такое испытание?

– Согласен! Ради Бога...

– Дело вот только в чем... У нас здесь нет ни раскалённых углей, по которым должен был пройти испытуемый, не получив при этом ожога, ни кипящего масла, ни раскалённого железа... Я даже затрудняюсь что-либо придумать... – Эл бросил взгляд на верёвку. Брюл проследил его взгляд и снова завопил, умоляя придумать что-нибудь...

– Придумал! – оживился Эл. – У нас нет углей, но зато есть твои стихи. Как же я сразу не догадался? Кстати, ты не знаешь, почему некоторые из них опубликованы? Не думай, что за их гениальность. Мне пришлось выложить за это довольно крупную сумму. Что делать? В нашем мире все продаётся и покупается. Можно приобрести должность завмага, пост руководителя области, а можно и литературную славу. Все дело только в сумме. Но мы отвлеклись! Ты, говорят, привёз все свои стихи. Сколько их?

– Десять тетрадей!

– Тетради толстые?

– По сто страниц.

– Думаю, что достаточно. Дон, вытащи их, пожалуйста, а ты, Коротышка, развяжи полковника.

Дон открыл чемодан и вытащил две толстые пачки.

– Проверь, нет ли у него в карманах зажигалки или спичек. Когда имеешь дело с нечестным человеком, то надо быть начеку.

Дон обыскал полковника и вытащил у него спички.

– Хорошо, полковник! В своё время я не смог переварить твои стихи. Надеюсь, что у тебя желудок менее деликатен, хотя ты не портил его лагерной баландой. Сейчас около восьми вечера. Если к семи утра ты сможешь сжевать и проглотить все свои поэтические опусы, то в восемь будешь свободен. Если же здесь, в комнате, останется хотя бы один листок бумаги или кусок обложки, то...

– Мы тебя повесим! – закончил его мысль Коротышка.

– В этом доме никого нет. Но не вздумай орать. Если до нас донесутся твои вопли, то... сам понимаешь. Итак, приступай. – Эл взял одну из тетрадей и протянул её полковнику. – Мы тут немножко понаблюдаем, а потом ты уже самостоятельно продолжишь.

– Рви листки на мелкие части – легче глотать будет, – сочувственно посоветовал Дон, видя как полковник с трудом жуёт бумагу.

– Гы-гы, – присел от смеха Коротышка.

– Вот это лишнее, – строго сказал Эл. – Нехорошо смеяться над чужой бедой. Принеси лучше воды полковнику, запить свои произведения.

– Ты что, его отпустишь? – спросил Дон.

– Я же дал слово. Если к утру он справится со своими поэмами, то пусть идёт на все четыре стороны.

– Я бы его все-таки...

Эл пожал плечами.

– Знаешь, Дон, если он сможет, пусть у полковника останутся приятные воспоминания об этой ночи. Надеюсь, что он навсегда излечится от зуда рифмоплётства... Поэзия и палач – несовместимы...

ВОЗМЕЗДИЕ(продолжение)

Южный городок утопал в зелени фруктовых садов. Стоял самый жаркий летний месяц. Летом городок просыпался рано. К часам шести утра улицы наполнялись спешащими на работу людьми. Впрочем, спешащими – это громко сказано. Жители города спешить не любили. Они двигались медленно, степенно, часто останавливались, чтобы перекинуться несколькими словами с приятелями и знакомыми. Городок был небольшой, и кроме двух маленьких заводиков местной промышленности и фабрики по переработке овощей и фруктов – гиганта местной индустрии, других предприятий не было. Если не считать четырех кинотеатров, двадцати парикмахерских и множества различных контор: нотариальных, заготовительных,

похоронных, управленческих... Некоторые конторы носили гордое название филиалов более крупных заведений. Служащие последних составляли элиту и смотрели на остальную мелкую чиновничью братию свысока, с оттенком покровительства и снисхождения. Отличительной чертой элиты были «дипломаты», в то время как остальные носили с собой на службу порывевшие от времени портфели, с ручками, обмотанными цветной изолентой.

Центр городка, где расположились кинотеатры, магазины и присутственные места, был заасфальтирован. Трех- и четырехэтажные дома центра замыкали большим четырехугольником площадь, в центре коей находился шедевр местного зодчества – большой фонтан, по краям которого в выжидательной позе сидели шесть лягушек, а в центре стояла женская фигура с длинной жердью, ещё два года назад заканчивающейся лопастью весла. Фонтан из-за недостатка воды включали только по большим праздникам и по случаю приезда областного начальства. В эти дни из пасти четырех лягушек текла вода. Остальные не участвовали в празднестве и грустно сидели, обиженно глядя прямо перед собой выпуклыми, сделанными из зеленого бутылочного стекла глазами.

Летом, к полудню, когда жара становилась невыносимой, жизнь в городке замирала часа на три. Все прятались по домам. Город погружался в сон. Вот и сейчас все улицы были пустыни. Разве что выбежит из подворотни дворняга по своим неотложным делам, но и то старается сразу же перебежать на теневую сторону улицы, прячась от лучей немилосердно палящего солнца.

Поэтому одинокий прохожий, завернув случайно по каким-либо делам на улицу Оптимистов, остановился бы поражённый, увидев большую толпу людей, собравшихся возле сине-жёлтого высокого забора, за которым среди деревьев виднелась красная черепичная крыша большого двухэтажного особняка.

Два милиционера с широкими пятнами пота на защитного цвета рубашках сдерживали сгоравшую от любопытства толпу. Тут же стояли три милицейские машины с областными номерами.

– Граждане, разойдитесь! Ну ничего интересного, обычный обыск, – увещали служители правопорядка любопытных, старающихся заглянуть во двор.

– Копают, – шёпотом, способным разбудить спящего алкоголика, поделился прорвавшийся вперёд наблюдатель, но тут же был отброшен в толпу дюжим сержантом. Толпа заволновалась.

– Что нашли? – хватая то одного, то другого за руку, допытывалась бойкая старушка в синем платье с белым горошком.

– Труп! – мрачно сообщил коротко подстриженный дядька в белой сетчатой тенниске, сквозь которую, как трава сквозь асфальт, пробивались рыжеватые волосы.

– Чего болтаешь зря! – осадил его пожилой мужчина со значком на лацкане пиджака, и доверительно пояснил: – Золото ищут!

– Нашли? – заволновалась старушка.

– Пока ищут, бабуся! Иди проси, чтобы тебе на зубы полфунта дали!

– Наш! – гордо сказал толстяк, привлекая к себе всеобщее внимание, облизывая стаканчик мороженого.

– Известно, ваш! Чей же ещё? Вы там все на фабрике ворюги! Ишь, зажрался, небось на ворованном масле и сахаре. Взались за вас! – со злорадством в голосе заговорил пожилой мужчина со значком. – Давно до вас добраться надо было бы! Дома, видишь ли, себе какие отгрохали. Честному трудящемуся человеку такой за всю жизнь не заработать. Верно я говорю? – обратился он к собравшимся. Толпа одобрительно загудела.

– Ты что? Видел? Видел? – стал наступать на него животом толстяк. – Тоже мне, ночной сторож... А ещё значок нацепил! Ботинки лучше почисти, голь несчастная!

Пожилой схватил толстяка за плечо.

– Гражданин милиционер! – закричал он громко. – Возьмите этого. Соучастник!

– Граждане, успокойтесь, – снова стал уговаривать сержант. – Кого надо – заберём сами, не допускайте самоуправства.

Толстяк рванулся и, освободившись от пожилого, быстро зашагал прочь.

– Ага, испугался! – торжествовал пожилой. – Погоди уже! Всех вас, ворюг, пересажаем!

– Ведут! Ведут! – заволновалась толпа, ещё больше напирая на милиционеров. Сержант вытащил свисток и пронзительно засвистел. Толпа сразу же отхлынула, освобождая проход. Вышли двое милицейских, ведя с собой дородного мужчину – директора овощефруктоперерабатывающей фабрики. Они посадили его в машину, которая сразу же тронулась с места. Затем из ворот вышли ещё шестеро. Четыре милиционера несли чемоданы, каждый из которых был перевязан верёвкой и опечатан, и двое понятых. Милиционеры сели в машины и уехали. Понятых же – соседей арестованного – поглотила толпа.

Эл удовлетворённо усмехнулся и, отделившись от толпы, медленно пошёл по улице. Завернув за угол, сел в поджидающую его машину, которая сразу же тронулась с места и минут через десять уже мчалась по магистрали, обсаженной по краям абрикосовыми деревьями. Их уже трясли босоногие мальчишки.

– Ну, как там Пад? – спросил Дон, сидящий за рулём автомобиля.

– По сравнению с прежними временами – неважно.

– Ты его раньше видел?

– Да, на встрече с избирателями. Он как раз баллотировался по нашему участку.

– Прошёл?

– Тогда все проходили...

– Теперь, я слышал, будут выдвигаться по две кандидатуры... Или болтают только?

– Может быть. Нас теперь это. Дон, не касается. Мы с тобой вне закона... Под чужими именами и документами... Тут потише... там за поворотом обычно любят пастись автоинспекторы.

Действительно, встречная машина два раза мигнула фарами, предупреждая, что впереди автоинспекция. Дон сбавил скорость.

Эл обернулся к сидящей на заднем сидении Лоо. Она спала, свернувшись калачиком, сбросив туфли и подобрав под себя ноги.

– Как у тебя с нею? – спросил он Дона, но тот не ответил, плавно затормозил и съехал на обочину. Навстречу им шёл молодой автоинспектор с жезлом в руке и с большой металлической бляхой на шее.

Не успел он, взяв под козырёк, представиться, как тут же прижался к машине Дона. Мимо, на большой скорости, виляя из стороны в сторону, промчался самосвал. Водитель за рулём явно был пьяный.

– Скорее за ним! – автоинспектор обежал спереди машину и дёрнул ручку передней двери. Эл, чтобы не терять времени, перебрросил тело через спинку сидения, сел рядом с проснувшейся Лоо, уступая место автоинспектору. Дон рванул с места. Мотор взвыл на предельных оборотах. Вскоре за поворотом дорога снова выпрямилась, и вдаль они увидели мчавшийся самосвал. Встречные машины шарахались от него в сторону, на обочину. Дон выжимал из двигателя все возможное, самосвал медленно приближался.

Обнаружив погоню, водитель увеличил скорость.

Автоинспектор кричал что-то в рацию, предупреждая посты на дороге о пьяном водителе.

– До следующего поста километров сорок, – пояснил он. – Надо остановить его, пока он не...

Дон кивнул и увеличил скорость. Самосвал снова стал приближаться. Вот он почти поравнялся с кузовом.

– Ближе! – скомандовал автоинспектор, приоткрывая переднюю дверцу. Он наполовину высунулся из кабины, ловя момент, когда можно будет уцепиться руками за кузов грузовика. Дон понял его и прижался ближе к самосвалу, одновременно повторяя его вихляющие движения, поминутно рискуя быть отброшенным ударом его тяжёлого кузова. Автоинспектор почти вылез из кабины и только чудом ещё держался, уцепившись левой рукой за край крыши и ловя правой край кузова самосвала. В какое-то мгновение Элу показалось, что он сорвался, но парень удержался и в следующее мгновение поймал край кузова грузовика и повис на нем. Дон взял вправо, чтобы в случае, если автоинспектор сорвётся, не наехать на него, но тот, сделав невероятное усилие, подтянулся на руках и перевалился в кузов.

Только сейчас Эл заметил, что борта кузова самосвала какие-то серые и обратил на это внимание Дона.

– Раствор, – ответил тот. – Вернее, его остатки. Хорошо, если уже застыли... Смотри?

Автоинспектор, плечи и голова которого до этого виднелись из кузова, исчез, по-видимому, поскользнулся и упал. Вот он снова появился, но уже почти у кабины, прикрытой сверху щитком. Подобрался к левому переднему её краю, рассчитывая перелезть в кабину и остановить пьяного водителя.

– Ну и сволочь! Что он делает! – закричал Дон.

Кузов самосвала стал медленно подниматься. Автоинспектор успел уцепиться за борт, но не удержался и на всем ходу вывалился из поднявшегося кузова на дорогу. Дон вильнул в сторону, чуть не врезавшись во встречную машину, и резко затормозил. Машину развернуло поперёк дороги. Эл и Дон выскочили из неё и побежали назад, к упавшему автоинспектору. Тот был без сознания, лежал в луже крови.

– Открытый перелом левого бедра в нижней трети. Быстро жгут! – сказал Эл, осмотрев пострадавшего. Дон кинулся назад к машине, но та уже ехала навстречу. Лоо остановила машину рядом с ними.

– Ну, что с ним?

– Плохо дело. – Эл наложил жгут и поднял автоинспектора за плечи. – Осторожно, предупредил он Дона, занося его вместе с ним в машину и кладя бесчувственное тело на заднее сидение.

– Жив? – с надеждой спросила Лоо.

– Пока жив. – Эл оттянул инспектору нижние веки и посмотрел на зрачки. – Надо скорее в ближайший медпункт. Садись рядом с Доном, – велел он Лоо, – а я введу ему камфору. В аптечке, кажется, она есть. И жми на полную, – это уже относилось к Дону.

Минут через десять Дон стал снижать скорость.

– Ну, что там ещё? – Эл сидел на полу заднего салона, держа руку инспектора и щупая его пульс. Он был, как говорят врачи, нитевидный, едва-едва прощупывался.

Дон не ответил. Эл поднял голову и увидел стоящий поперёк дороги самосвал со спущенными скатами и несколько мотоциклов с колясками. Навстречу им шёл автоинспектор с жезлом. Подойдя, он заглянул в кабину. Эл кивнул на раненого.

– Надо быстрее его доставить в медпункт!

Инспектор открыл было рот, но тут же повернулся и побежал к остальным. Тотчас раздался звук заведённого двигателя мотоцикла.

– Езжайте вслед за ним! – запыхавшись от быстрого бега, прокричал инспектор, показывая на уже вырвавшийся на середину дороги мотоцикл. – Он вас проводит до ближайшего медпункта.

Проезжая мимо самосвала. Эл увидел пьяного водителя. Он сидел на асфальте и бессмысленно смотрел остановившимся взглядом прямо перед собой...

– Нужна кровь! – врач тревожно глядел на доставивших раненого в медпункт. – У меня только одна ампула первой группы, как у раненого, а тут надо по крайней мере ещё пол-литра.

– У меня первая группа, – предложил Дон.

– Придётся взять много, – предупредил врач.

– Берите сколько надо. Выдержу.

– Инфекционной желтухой не болели?

– Ничем, кроме пневмонии.

– Тогда быстро в операционную.

Через полчаса возле медпункта остановилась оперативная машина и из неё вышли двое. Один из них, с погонями лейтенанта, подошёл к машине Дона и записал номер, второй – капитан, вошёл в медпункт.

– Как он? – позабыв поздороваться, спросил капитан поспешившего ему навстречу врача.

– Очень тяжёлый, но уже вне опасности. Кроме перелома бедра – черепно-мозговая травма и тяжелейший шок. Если бы не доставившие его, он бы не выжил. Один из них дал свою кровь...

– Где они?

– У меня в кабинете. Тот, который дал кровь, ещё очень слаб. Мне пришлось взять у него больше семисот кубиков. У вашего сержанта была разорвана бедренная артерия, – стал

объяснять врач, но капитан его уже не слушал. Он заглянул в операционную. Там на столе лежал его сержант с капельницей.

– Когда его можно будет транспортировать?

– Часа через два.

– Мы вышлем за ним вертолёт. А теперь проведите меня к его спасителям.

– Пустое! Не стоит благодарности! – слабым голосом прекратил излияния капитана Дон.

Капитан по очереди пожал руки Элу и Лоо.

– Спасибо, спасибо вам... Дайте мне ваш адрес, я обязательно... обязательно...

– Перестаньте, капитан! Все нормально! – прервал его Эл.

– Но все-таки дайте адрес, – настаивал капитан. – Вы, кроме того, нужны будете как свидетели.

Эл хотел назвать первый пришедший в голову адрес, но потом вспомнил, что в документах значится его теперешний адрес, и если капитану вздумается проверить документы, то расхождение вызовет подозрение. Поэтому он спокойно сообщил место своего жительства.

– Дня через два мы обязательно к вам приедем, – пообещал капитан.

– Лучше через четыре. Нам надо по дороге заехать к своим знакомым.

– Хорошо, через четыре дня. – Капитан пожал ещё раз на прощание всем руки и уехал.

– Как ты себя чувствуешь, старина? Можешь подняться? – наклонился Эл над Доном.

– Попробую. – Дон при помощи Лоо приподнялся и сел на край дивана.

– Обопрись на меня, – присел Эл, подставляя ему плечо. Вдвоём они вывели Дона на крыльцо.

– Вы куда? – остановил их врач. – Вашему другу надо ещё лежать!

– Ничего, доктор, отлежусь на заднем сидении.

– Но...

– Все в порядке, док! – отстранил его левой рукой Эл. – У нас срочные дела. Займитесь лучше раненым.

У самой машины их догнал врач.

– Возьмите это! – он протянул термос. – Здесь кофе. Дадите ему в дороге. Ему очень захочется пить.

– Спасибо! – Эл принял у доктора термос и дружески кивнул ему на прощанье.

РОК

Старший инспектор столичного уголовного розыска майор Рок был молод и красив. Кончив юрфак, он пошёл на работу в УГРО и стал быстро продвигаться по службе, обнаружив недюжинный талант в распутывании самых сложных дел, на которые его старшие коллеги по службе давно бы уже махнули рукой. В каждой работе, помимо профессиональных знаний, нужна интуиция. Она, конечно, вырабатывается по мере роста знаний, но только отчасти. С ней надо ещё родиться. Если её нет, то никакие знания не помогут, и человек навсегда останется добросовестным исполнителем чужих идей и замыслов. Про тех же, у кого знания сочетаются с интуицией, говорят – милостью Божьей. Врач милостью Божьей, инженер, физик и так далее, и тому подобное. Рок, можно сказать без преувеличений, сыщик милостью Божьей. К тому же он обладал, как уже было сказано, приятной внешностью, отзывчивым и добрым характером, что помогло ему избежать зависти со стороны коллег, – нередкой спутницы удачливого сотрудника. Даже его быстрое, почти космическое продвижение по службе не вызывало отчуждения. Его бывшие начальники, которых он обошёл уже в звании, продолжали его называть по имени, забывая добавлять к этому звание. Рок принимал такое обращение как должное, несмотря на то, что на его погонах уже красовалась большая звёздочка, а его бывший начальник продолжал носить погоны с четырьмя маленькими.

Настроение у Рока в этот день было прекрасное. Только вчера вечером он вернулся из отпуска. Они ездили с женой на море и, отдохали в ведомственной санатории, путёвки в который с большой скидкой в стоимости предоставил ему профсоюз.

– Рок! – встретила его на лестнице Ким, сотрудница отдела экспертизы. – Ну ты загорел! Как отдыхалось? Не завёл ли роман?

– Спасибо, Ким. Отдыхал прекрасно. Романа не завёл, так как был с женой.

Ким рассмеялась.

– Я забыла, что ты у нас самый примерный. V, противный! – она шутливо толкнула его в грудь.

– Постараюсь исправиться, Ким, – пообещал ей Рок, поднимаясь по лестнице.

– Не забудь поставить меня в известность!

– Обязательно!

В отделе его встретил дежурный.

– Рок, шеф велел тебе зайти сразу же, как ты только появишься. Он тебя ещё вчера спрашивал, не вернулся ли ты из отпуска.

– Где он? У себя?

– Торчит с утра. Иди! Он велел срочно зайти.

Рок поднялся на третий этаж.

Начальник уголовного розыска столицы был ещё только полковником. Его назначили на эту должность всего лишь год назад взамен старого, ушедшего на пенсию. По возрасту он был лет на десять старше Рока, которому месяц назад исполнилось только тридцать три.

Когда Рок вошёл, полковник говорил по телефону. Завидев стоящего в дверях Рока, он молча указал на кресло, продолжая слушать своего телефонного собеседника.

– Нет, – наконец произнёс он. – Я не могу сделать... Как хотите. В конце концов – это ваше право. – Он нахмурился и положил трубку. Некоторое время сидел молча, обдумывая только что закончившийся разговор. По выражению лица было видно, что он не доставил ему удовольствия. Полковник открыл боковой ящик стола и вытащил пачку сигарет. Закурил и протянул пачку Року.

– Спасибо, не курю.

– Ах, да, забыл. – Он глубоко затянулся два раза и потушил сигарету.

– Ну как отдохнул? Чувствуешь себя в форме?

– Вполне!

Полковник встал, вынул из кармана связку ключей и открыл стоящий за креслом стальной сейф. Порывшись в нем, вытащил четыре папки. Открыв одну из них, он протянул её Року.

– Тебе знакомо это дело?

Рок бегло просмотрел содержание папки и отодвинул её от себя.

– Конечно. Я в нем принимал участие. Это дело Пада. В прошлом году неизвестный нам отправитель прислал в наш адрес подробное описание всей его деятельности. Вначале мы приняли это послание как обычную анонимку, но потом решили все-таки проверить. Тем более, что отправитель указал нахождение тайников со спрятанным золотом, драгоценностями и валютой.

– И что самое невероятное, – оживился полковник, – указал номера счётов в сберкассах на предъявителя.

– За ним потянулась цепочка.

– И ещё какая! Ты помнишь, какой скандал начался, когда мы затребовали у прокурора санкции на аресты...

– Основные звенья цепи были указаны в том письме. Пад, в общем, оказался в этой цепи мелкой сошкой.

– Мелкой? Удалось вернуть свыше тридцати миллионов похищенных денег. Хотя, ты прав. Пад стоял на самой нижней ступени воровской иерархии.

– А вершина её все-таки осталась вне досягаемости?

Полковник нахмурился.

– Да! Тогда нам дали по рукам... Но времена меняются. Кто знает. В общем, такое... Ты посмотришь вот эти три папки, но сначала выслушай меня внимательно. Это нужно потому, что после ареста Пада ты уже не принимал участия в этом деле.

– Я получил тогда новое задание.

– Помню. И блестяще с ним справился. Так вот, послушай. Меня тогда очень заинтересовала личность нашего добровольного помощника. Сначала я, грешным делом, подумал, что это один из соучастников расхитителей. Знаешь, иногда бывает, когда воры между

собой так перегрызутся, что готовы заложить друг друга. Редко, конечно, но бывает. На от этой версии пришлось вскоре отказаться, так как все соучастники арестованы и ни один из них не воспользовался представившимся случаем оправдаться тем, что помог следствию. Хотя подробности, которые сообщались в письме, мог знать только тот, кто принимал непосредственное участие в махинациях Пада и, кроме того, занимал в шайке видное место. Мы тщательно проработали эту версию и вынуждены были от неё отказаться.

– Мечь?

– Ты правильно мыслишь. Скорее всего, так. Но не будем спешить с выводами. – Полковник положил руку на папки. – Здесь имеется некоторое противоречие этой версии. Давай по порядку. Итак, приняв ту версию, мы стали искать людей, которым когда-то сильно насолил Пад. Их оказалось очень много. Особенно в том городе, где он был когда-то мэром. – Полковник достал из сейфа пачку фотографий и протянул её Року. Тот разложил их на столе и принялся изучать.

– А это кто? – спросил он, беря фотографию Эла и протягивая её полковнику.

– Этот? Сейчас посмотрю. – Полковник нажал кнопку вызова информационной службы. – Номер 17/485–48, – приказал он.

Минуты через две застучал аппарат и выбросил на стол полковника лист бумаги с текстом.

– А! Вспомнил! – обрадовался полковник. – Я тоже тогда обратил не него внимание. Очень энергичное лицо. Но, к сожалению, – дохлый вариант.

Рок все-таки взял лист и стал его читать.

– Почему? – удивлённо спросил он. – Как раз подходящий. У него были все основания мстить Паду.

– Да, мы подробно ознакомились с делом этого парня. Он был неправильно осуждён, и в этом большую роль сыграл Пад и ещё два подонка.

– Почему же дохлый?

– Парень погиб. Он бежал вместе с двумя другими заключёнными и погиб в тайге. Два года назад.

– Откуда это известно? Что, был найден труп?

– Труп не найден. Но ты представляешь, что такое наша тайга, особенно зимой, когда температура падает ниже пятидесяти градусов и птица замерзает на лету? Кроме того, все железнодорожные станции находились под контролем. Если бы он появился, то вряд ли наши доberman упустили бы его. Нет! Это исключено.

– И все-таки я хочу проверить эту версию. Вы разрешите? – Он потянулся за фотографией.

– Бери, бери. Можешь взять все. Это копии. Но дослушай меня до конца. Дело в том, что мы получили ещё три письма, – он снова похлопал руками по папкам. – И письма, – торжественно закончил он, – написаны в одной и той же стилистике. Экспертиза это подтверждает. Близкие, почти идентичные обороты речи и словарный запас слов.

– И снова цепочка? – Рок поднял глаза к потолку.

– Да! – понял его полковник. – Именно туда. И если все это, что здесь написано, подтвердится, то... ты понимаешь, что произойдёт?

– Понимаю...

– Вот то-то! Может случиться, что вместо него за решёткой очутимся мы с тобой. Хотя, думаю, нам устроят автокатастрофу.

Рок поёжился.

– Что, страшно?

– Да нет! Меня всегда перед настоящим делом бьёт озноб. Вы будете докладывать наверх?

– Ты что?! Пока это все бездоказательно. Хотя, я уверен, все, что здесь написано, правда. Надо добыть вещественные доказательства, и тогда... В общем, сделаем так. Этим, после того как ты с ними ознакомишься, займутся другие. Я пока изыму отсюда материалы, касающиеся... а ты попытайся найти автора писем. Сдаётся мне, что он знает значительно больше, чем пишет здесь... Что касается твоей версии с этим, как его, – полковник заглянул в листок, – Элом, то вряд ли это он. Ознакомившись с материалами папок, ты убедишься, что между шайкой Пада и

связанных с ним эти новые не имеют ничего общего.

– Кроме самого главного, к которому сводятся все нити.

– Да, кроме него. Так что надо искать автора этих писем.

Придя к себе, Рок вызвал помощника и направил его в отдел информации.

– Мне надо дела вот этих, – он протянул помощнику листок бумаги с именами Эла и его товарищей по побегу.

Когда помощник ушёл. Рок принялся за изучение материалов, находящихся в трех папках. По мере чтения он начинал понимать, какую кашу собирается заварить его шеф. Это была не то что мафия, а скорее сверхмафия, проросшая во все звенья не только торговли и промышленности, но и в управление и само правительство. Некоторые звенья обрывались, и автор писем признавал, что дальше пройти ему пока не удалось. Но и так то, что было собрано, не под силу было не то что одному человеку, но и нескольким отделам столичного уголовного розыска. «Что отделаю? – усмехнулся Рок. – Пожалуй всему УГРО за такое короткое время не удалось бы собрать весь этот материал. Не работает ли здесь „неформальная“ организация?» – задал он себе вопрос и не смог на него ответить. Ответ мог дать лишь тот, кто написал эти письма. Следовательно, его надо найти. Но как?

Помощник принёс фотокопии затребованных дел. На двух из них были пометки: «Реабилитирован посмертно». Рок взял деле, относящееся ко второму участнику побега, под именем Дон. В деле была запись: «Повторно осуждён на восемь лет за убийство по неосторожности. Пересмотр дела установил отсутствие состава преступления. Убийство совершено в состоянии необходимой обороны, когда Дон отбивался от напавших на него с ножами бывших „друзей“ по лагерю. Причина нападения – отказ Дона принять участие в грабеже». Далее следовало, что на суде Дон ни словом не обмолвился об этом. «Воровская этика», – подумал Рок. Обстоятельства убийства выяснились значительно позже, когда был арестован один из участников банды при попытке ограбления сберкассы. Рок посмотрел на дату реабилитации. Это было за полгода до побега Дона из лагеря. Сообщение же о реабилитации и освобождении пришло через пять месяцев после совершённого побега. Тут же выяснилось, что Эл был повторно судим уже после того, как был реабилитирован. Но сообщение об этом запоздало на целый год.

«Опять клерки! – с раздражением подумал Рок. – Власть клерков. Кто это сказал... не помню... но сказано верно... тихие, незаметные, вечно шелестящие бумагами, они сосредоточили в своих руках огромную власть... От того, как они подготовят бумагу, какую внесут в неё информацию, как преподнесут её министру или ещё какому-нибудь высокопоставленному лицу, зависит многое, и за этим многим стоят судьбы людей, судьбы дела, идей, а может быть, и что-то ещё большее... Не здесь ли источник процессов разложения и гниения, источник коррупции. Они, как шакалы, крутятся возле крупного хищника, но в отличие от шакалов, которые доедают остатки, сами присваивают себе львиную долю добычи, оставляя крупному хищнику объедки со своего стола. Попробуй взять палку и побить такого шакала – сразу же раздаётся недовольный и грозный рык крупного зверя... но кажется, что этому приходит конец. Хотя... кто знает? На смену старцам, впадшим в маразм, пришли молодые, но и они в свою очередь состарятся, и тогда... тогда... не начнётся ли все сначала?»

Во всяком случае сейчас начался пересмотр многих дел. Именно пересмотр, а не амнистия, как хотели это представить некоторые. Амнистии – прощение. Но разве можно прощать невинного? Пересмотр... маленькое слово, а сколько оно содержит в себе! Год назад начался процесс, который шеф иронически назвал «великое переселение народов». Из лагерей и тюрем возвращались тысячи, а их место занимали сотни, сотни тех, которых ещё недавно награждали орденами, высокими должностями, тех, кто до недавнего времени находился в привилегированном положении, жил в специально построенных престижных домах, был прикреплен к специальным магазинам, ездил за границу для «обмена опытом», охотился в заповедниках...

«Они были уверены, что это будет продолжаться вечно, но... ничто не вечно под луной... Приходит время платить по счетам... Итак, меня интересует этот Эл. Никто не видел его мёртвым. Это первое. А что же второе? На второе я имею только свою интуицию. И все. С интуицией не пойдёшь на ковёр к шефу... Однако... Адда! Не подведи, старушка! Надо найти

этого, как его? Брюла».

Он снял трубку телефона.

– Тей! – узнал он голос секретарши шефа, – прошу тебя, закажи мне на завтра билет до Гатра самолётом, и вот ещё. Шеф не ушёл? Я ему должен вернуть папки. Хорошо, иду...

Месяца через два Рок снова пришёл в кабинет шефа. За время отсутствия он сильно осунулся и загорел ещё больше.

– Ну как? Есть что сказать? – привстал со своего места полковник. – Однако ты сильно похудел, вижу, что поработал...

– Как с теми делами? – нарушил субординацию Рок, но полковник не обиделся.

– Дела продвигаются.

– Я почему спрашиваю. Если этих деятелей уже арестовали, то у меня к ним ряд вопросов.

– Ещё нет, но скоро. Ты однако мне не ответил...

– Сообщить есть что. Во-первых, Эл жив. А во-вторых, это его работа!

– Ты уверен?

– На все сто!

– Ну, рассказывай. У меня для тебя чрезвычайно интересная новость, но сначала я хочу выслушать тебя.

– Первым делом я нашёл Брюла. Это тот начальник лагеря, – напомнил Рок, – в котором сидел Эл. – Он сейчас на пенсии по инвалидности и занимается выращиванием цветов на продажу. Я ему показал фотографию Эла.

– И что?

– Притворился, что не узнает.

– Почему «притворился»? Может быть, действительно не узнал.

– Нет, узнал. Когда я ему протянул её, лицо его исказилось злобой. Ну, знаете, как бывает у человека, когда он видит злейшего врага.

– И однако сказал, что не узнает?

– Вот то-то и оно! Отсюда я заключил, что Эл жив.

– Не рановато ли?

– Вряд ли Эл мог вызвать в нем ненависть тогда, когда он сидел в лагере и всецело зависел от воли и настроения Брюла. По-видимому, между ними что-то произошло уже потом.

– Дальше!

– Дальше я сделал вид, что больше не интересуюсь Элом. Показал ему ещё ряд других фотографий людей, которых он, естественно, не мог знать. Потом поинтересовался цветами. Мы с полчаса поговорили с ним о том, как выращивать цветы. Затем я, как бы невзначай, поинтересовался его здоровьем. Он сказал, что ему вырезали чуть ли не полкишечника. Мы стали с ним наперебой ругать «коновалов», то есть, врачей. И нашли на этой почве общий язык. Он тут-то мне и сказал, когда и где ему вырезали кишечник. Из-за этого, – сообщил он, – у него постоянные поносы. Я вернулся в столицу и побывал в больнице, куда его, как оказывается, доставила в бессознательном состоянии «Скорая помощь», подобрав на улице. Разыскал хирурга. Им оказался симпатичный молодой парень. Я назвал ему Брюла, он сразу же его вспомнил. – Вы знаете, – сказал он, – редчайший случай бумагофагии. В литературе почти не описан.

– Что это такое? – говорю.

– Есть, – отвечает, – такие психические заболевания, когда человек ест, а вернее, пожирает, несъедобные вещи. Чаще всего бывает копрофагия, это когда едят свои же экскременты, называемые в просторечье, простите, говном.

– Что, есть даже такие? – удивился полковник.

– Представьте себе, есть. Ну так вот, он и говорит, что такого случая ещё не было в мировой практике. Брюл, оказывается, съел ни много ни мало, а килограмм десять бумаги. В результате развилась острая непроходимость кишечника. Он пытался избавиться от неё, но не удалось. Его случайно обнаружили в городском туалете. Спасти Брюла могла только радикальная операция.

– Он что, псих?

– В том-то и дело, что нет. Как только он стал приходить в себя, вызвали, естественно,

психиатра. Тот не обнаружил патологических отклонений в психике. Вот и возникла загадка, зачем Брюлу понадобилось есть столько бумаги.

– Интересно! Никогда бы не подумал... Ну, дальше что?

– А дальше... я еду в тот самый лагерь, которым командовал раньше Брюл. Там, естественно, новое начальство, но остались старожилы среди охранников и рецидивистов. Выяснилось, что Брюл имел хобби – писать стихи. Он-то и невзлюбил Эла за то, что тот заснул во время чтения. За два дня до своей операции Брюл внезапно собрался в столицу. В журнале «Факел» были опубликованы его стихи. Один майор из старого состава рассказал мне, что Брюлу написал зав. отделом поэзии журнала, чтобы тот приехал и привёз все свои произведения для издания отдельной книгой. Как потом выяснилось, редактор этого отдела и не думал писать Брюлу.

– А как попали стихи в журнал?

– Вот тут самое интересное. Журнал испытывал острую нужду в средствах и стал практиковать издательство стихов и рассказов за счёт самих авторов. Это тогда как раз разрешили. И вот однажды к нему приходит человек и предлагает крупную сумму за печатание своих стихов, называя себя Брюлом. Редактор не сообразил проверить документы, но надо сказать, что оснований к этому он не имел.

– И ты показал ему фотографию Эла?

– Да! Он не узнал его...

– Ну вот, видишь!

– Подождите. Я тогда показал ему лагерную фотографию Дона, и он сразу же его узнает.

– Дон? Постой...

– Ну, конечно! Это один из тех, кто бежал с Элом!

– Ты думаешь, что Эл поручил ему провести такую шутку с Брюлом?

– Здесь могут быть два варианта. Эл жив и послал Дона. Но может быть, он погиб и завещал месть своему другу.

– Сомнительно.

– Я тоже так подумал и продолжил поиски.

– Подожди, вернёмся к этому случаю. Ты думаешь, что Эл и Дон...

– Накормили Брюла его же произведениями? Уверен, что все было именно так.

– Однако они жестокие садисты!

– Как сказать. Если учесть, что оба были несправедливо осуждены, и те издевательства, которые они пережили в лагере, то это ещё мягкая кара. Кроме того, у них, по-видимому, не притупилось чувство юмора.

– Ничего себе юмор!

– Каждый шутит в силу своих возможностей. Но откровенно, после того как я узнал, что пришлось пережить Элу в лагере, скажу, что на его месте поступил бы так же!

– Учти, я никогда не буду писать стихов, – с серьёзным видом пообещал полковник.

Рок рассмеялся.

– Но я продолжу?

Полковник кивнул и закурил сигарету.

– В одной из тюрем я разыскал Пада. И вот тут – удача! Пад узнал Эла на фотографии.

– Это ничего не доказывает. Он мог его знать раньше.

– Мог, конечно, но он знал Эла только по имени и никогда раньше до ареста его не видел. Дело в том, что Пад узнал на фотографии человека, который приходил к нему за месяц до его ареста.

– Вот как? Значит, он все-таки жив!

– Жив был, во всяком случае до ареста Пада.

– О чем же они говорили?

– Здесь начинается полная бессмыслица. По словам Пада, этот человек приходил к нему с предложением принять участие в розыске спрятанных сокровищ. Дальше вообще какая-то чертовщина. Эл, это был, конечно, он, предложил Паду пригласить своих друзей к участию в поисках сокровищ и их дележу. Потом начал называть Паду общих знакомых. Причём, что интересно, эти знакомые оказались именно теми людьми, которые входили в преступную

шайку Пада.

– Чертовщина какая-то!

– Вот о чем я и говорю!

– Странно, – протянул полковник.

– Очень, – согласился Рок. – Это совсем не соответствует тому мнению, которое у меня сложилось об Эле.

– Авантюрист, искатель сокровищ?

– Если судить по его разговору с Падом, то... Но между прочим, вспомнил очень кстати, у Брюла при себе было десять тысяч.

– И что, пропали?

– В том-то и дело, что нет!

– Тогда совсем непонятно. Отказаться от реальных десяти тысяч и заниматься поисками эфемерных сокровищ? Это все?

– Нет! Самое главное впереди. Я подумал, что если Эл причастен к аресту Пада, то ему было бы интересно убедиться, насколько эффективным оказалось его письмо.

– А, понимаю. Ты поехал?

– Да. И вот тут-то меня снова посетила удача, да ещё какая! Как я предполагал, Эла опознали жители той улицы, на которой жил Пад. Но это ещё не все. Его и Дона опознали в милиции, вернее, в автоинспекции. По выезду из города их остановил автоинспектор и так случилось, что они помогали ему преследовать пьяного водителя. Инспектор получил тяжёлую травму. Его они доставили в медпункт, а поскольку в медпункте не было нужной группы крови, её дал, кто бы вы думали?... Дон! У него выкачали более семисот кубиков, и только это спасло жизнь автоинспектору. Автоинспекция взяла адрес у Эла и Дона.

– Ложный, конечно?

– Нет! Настоящий! Но когда они, как было условлено, заявили четыре дня спустя по этому адресу, то никого там не обнаружили. А спустя ещё месяц в озере километрах в ста от города нашли их утопленную машину. Вот и все. Дальше след потерян.

– И ни одной зацепки?

– Нет! Кроме разве этой. – Рок полез в карман и вытащил свёрнутые в трубку помятые листы.

– Здесь какие-то математические расчёты и формулы. Я изъясил их архива, где хранилось дело Эла. Побывал я и на заводе, где он работал. Мне сказали, что это был чрезвычайно талантливый инженер и к моменту ареста кончал аспирантуру. Был я и в Политехе. Там тоже много говорили о его таланте. Правда, профессор кафедры вскользь намекнул, что Эл занимался какой-то фантастической проблемой. Может быть, эти бумаги прольют ясность. Правда, много из них пропало. Мне творили, что была вначале толстая пачка...

– Хорошо! Я передам их в академию. Попрошу, чтобы разобрались, – пообещал полковник, беря бумаги.

– Итак, больше ничего? – с тайной надеждой спросил он.

– Пока ничего.

– Ладно, иди, отдохай. Можешь взять себе неделю... нет, три дня отпуска. Потом снова придёшь ко мне.

– Мне нужно четыре дня только для того, чтобы отоспаться, – пожаловался Рок.

– Ладно, отдохай, но будь дома. Если понадобишься, вызову.

СОЛОНЧАК

– Я устал, Эл, честное слово, устал, – в голосе Дона слышалась отрешённость. – Третий год мы с тобой мотаемся из одного конца страны в другой, не имеем даже постоянного угла, где бы можно было пожить некоторое время без постоянного страха ареста. Ты знаешь, мне все время по ночам снится лагерь и псы... много серых псов... они окружили меня и сейчас бросятся, чтобы разорвать на части. Может быть, вернёмся в свою избушку... А? Поставим рядом другую, для тебя и Молли.

– А мои сыновья? Ты о них подумал? Согласятся ли они заживо похоронить себя в лесных

дебрях?

– Но они сами хотят!

– Хотят, потому что не понимают. Ты подумай. Старшему только двадцать. Он сам скоро захочет иметь семью.

– Похитим для него нанку!

– Ты же не веришь в то, что говоришь.

– Ну давай хотя бы на время. Года на два. Я как вспомню нашу избушку у горячего источника, так сердце займётся от тоски. Только там я себя чувствовал свободным и в безопасности. Ну что мы потеряли в этом грязном мире? Мне он представляется как огромная яма, наполненная дерьмом.

– А тебе не кажется, что мы с тобой как-то помогаем очистить этот мир от дерьма?

– Ты наивен. Эл. Его никто никогда не очистит. Я не верю. И потом... Ну посадишь ты ещё десяток, сотню... что от этого изменится? Как будто в них, в этих ворах, подонках – дело.

– А в чем же?

– Во всем. Этот мир, Эл, безнадежно болен. Ему уже ничего на свете не поможет. Он прогнил от корней до вершины.

– Ты читаешь газеты?

– Читаю. Но что толку? Очередная кампания. Немного сильнее, чем прошлые. Просто борьба старой и новой мафии. Вот подожди, когда новое утвердится, то все начнётся по-старому. Я уже ни во что не верю. И ты меня не убедишь! Мы своей деятельностью только незначительно ускоряем процесс смены мафий.

– Ты неправ. Мне все-таки кажется, что на этот раз все серьезно.

– Блажен верующий! Я же другого мнения. Чем дальше все пойдет, тем скорее эта гниль уничтожит сама себя. Чем хуже – тем лучше. Мы только помогаем «выпустить лишние пары». А надо, чтобы котёл совсем взорвался.

– Ты понимаешь, что ты говоришь, Дон? Это же наш народ, наша земля! Как ты можешь желать такого?

– Земля? Земля, Эл, давно уже не наша. А что до народа, то каждый народ достоин своего правителя. И коль он терпит это, то лучшей участи не заслуживает... Я хочу домой! – Дон встал со стула и пересел на диван рядом с Лоо, которая молча слушала спор друзей.

– И со стороны наблюдать? Ждать, что из всего этого выйдет? Тебе не кажется, что это трусливо и подло?

– Кажется, Эл! Кажется! Но моя трусость и подлость, как ты изволил выразиться, только ма-а-ленькая капля в общем море трусости и подлости.

– Это тебе кажется, что она «ма-а-ленькая». Мы с тобой теперь уже не только вдвоём, но и Лоо, и Молли, и мои дети, обладаем мощным оружием в борьбе с подлостью и спрятаться с этим оружием в дебри – большая, Дон, подлость!

– Ну походи куда надо и предложи своё оружие. В лучшем случае тебя опять посадят в лагерь, но уже надолго, а скорее, прикончат, как особо опасного. В системе, которая построена на лжи и пропитана ложью, правда – инородное тело. Тебе скорее простят украденные миллионы, чем способность заразить население правдой. Именно заразить. Эл! Потому что правда в нашем обществе – самая опасная зараза. Нет, Эл, больше я этим маргышкиным трудом заниматься не хочу!

– Вот и ты меня бросаешь... – горько произнёс Эл. – Сначала Коротышка...

– Ну, Коротышка – другое дело. Ему с нами не по пути. Как это он сказал после истории с Падом? «В ваши интеллигентные игры больше не играю. Подите в...» За всю жизнь не прочитал и пару книг, а раньше меня понял всю бессмысленность нашей затеи.

– Ну почему бессмысленность? – повысил голос Эл.

– Да потому, что на солончаке, кроме чахлой травы и лишайника, ничего не вырастет, а ты хочешь рассадить на нем дубравы.

– Да какой же это солончак, Дон? Вспомни нашу историю. Нашествие мигров. Века они насиловали и грабили народ. И что же, где теперь эти миги?

– Потому солончак. Эл, что тогда было все не так, как сейчас. Тогда народ не проливал слезы умиления от любви к насильникам и грабителям. Вот в чем вся трагедия. Эл. Наш народ

напоминает проститутку, которая от частой порки заболела мазохизмом и теперь получает удовольствие от этого...

– Не смей, Дон!

– Пожалуйста, если тебя это раздражает, – он пожал плечами и обнял Лоо.

– Ты пойдёшь со мной в мою хижину?

– Пойду, куда ты пойдёшь, Дон.

– Но там зимой холодно...

– А здесь и летом...

Эл почувствовал почти физическую боль. Он терял друга, единственного близкого человека, кроме Молли и детей, конечно. Но Молли и дети – это не то... Это совсем не то... Он начал колебаться. Дон, естественно, почувствовал это.

– Отдохни, Эл, а там будет видно.

– Ну хорошо, – сдался Эл. – Только одно последнее дело...

– Ты даёшь слово?

– Даю, Дон!

– Что за дело?

– Там, на юге, есть один магнат. Некоронованный король.

– И ты хочешь снять с него корону?

– На этот раз – голову. Мне известно о нем такое, что если бы его сварить живьём в кипящем масле, то это было бы ещё гуманно.

– Таких у нас не варят, таким дают Героя Труда, предоставляют квартиру в столице, персональную пенсию и машину. Не говоря уже о том, что прикрепляют к спецпункту распределения товаров и продуктов питания. Ты все ещё не избавился от своей наивности. Эл. Но пусть будет по-твоему. Но только в последний раз!

Полковник в этот день пришёл на работу на полчаса позже. Из закрытого на ключ кабинета слышен был разрывающийся звонками телефон.

– Вот уже полчаса звонит, не переставая, – поднялась со своего места при входе полковника Тей. – Что-то, видно, очень важное, – нарушая субординацию, добавила она.

Полковник вынул связку ключей, но никак не мог попасть в спешке в замочную скважину. Когда он, наконец, открыл дверь и вошёл, телефон, как назло, замолк.

– Какой из них? – подумал полковник, глядя на выстроившийся ряд чёрных, красных и белых аппаратов.

На всякий случай снял трубку прямой правительственной связи. Услышав голос секретаря члена правительства, курирующего органы, спросил: – Мне не звонили? – и, получив отрицательный ответ, повесил трубку. «Кто же мог ещё?» – он снова снял трубку, но уже другого телефона. В это время чёрный аппарат общегородской связи, скромно стоящий поодаль от своих собратьев, подал голос.

– Слушаю!

– Это я! – услышал он голос президента Академии наук – известного во всем мире математика и физика, с которым две недели назад он имел свидание по поводу рукописи, найденной в деле Эла. – Я вам звоню уже час, – пожаловался академик. – Вы можете приехать ко мне? Срочно!

– Что-нибудь серьёзное?

– Не то слово! Срочно приезжайте! Я уже звонил главе правительства и нас примут после пяти вечера. В трубке раздались короткие гудки.

Полковник нажал кнопку вызова секретарши.

– Мою машину! – коротко бросил он, когда секретарша открыла дверь кабинета.

Президент Академии наук Лог нервно ходил по громадному кабинету из угла в угол, время от времени теребя длинную чёрную с проседью бороду. Сотрудники знали, что этот жест означает крайнее возбуждение «длинного Лога», как его за глаза звали сотрудники возглавляемого им института «Синергетических систем».

– Где? – не отвечая на приветствие вошедшего полковника, обратился к нему Лог, энергично дёргая себя за бороду.

– Что «где»? – немного обиделся начальник уголовного розыска невежливости академика.

– Автор! Автор где?

– Здравствуйте! – напомнил ему правила хорошего тона полковник.

– Ах, да! Здравствуйте! – протянул ему руку академик. – Впрочем, мы уже с вами здоровались по телефону. Так где автор? Куда вы его дели?

Полковник развёл руками.

– Что-о? Да понимаете ли вы, что вы наделали? Немедленно разыщите автора. Немедленно! – Лог почти кричал. – Это черт знает что!!!

– Подождите, профессор, не кричите, я хочу вам все объяснить...

– Нет! Это я вам хочу объяснить. – Лог подошёл к столу для совещаний, стоящему торцом к его письменному, и взял в руки мраморную пепельницу.

– Вот это видите?

– Вижу, пепельница.

Лог фыркнул.

– Пепельница, – иронически проговорил он. – Это не пепельница, а вся деятельность Академии за последние сто лет. Запомните это!

– Вот оно как, – полковник не удержался, чтобы не поддеть Лога и отместку за его невежливость. А я – то думал, за что вам, учёным, ежегодно присуждают премии? Теперь буду знать.

Лог ошарашено посмотрел на полковника, ещё раз фыркнул и дёрнул себя за бороду.

– Ценю ваш юмор! Впрочем... может быть, вы и правы. Но я выразился иносказательно...

– Учитывая, конечно, разность интеллекта?

– Перестаньте ершиться. Да, иносказательно! Но вы своими репликами не даёте мне закончить мысль.

– Простите, профессор.

– Так вот, – наклонив голову, академик дал понять, что принимает извинения. – Если представить значимость и объём работы всей, слышите, я подчёркиваю, всей Академии наук за сто лет за эту пепельницу, так то, что кроется за записками, которые вы мне предоставили, можно представить, как весь этот кабинет. Теперь вам понятно, почему я хочу знать, куда вы задевали автора?

– Даже так? – невольно вырвалось у полковника.

– Да! Да! Да! Именно так, молодой человек, – академик внезапно остановился и, глядя прямо в глаза полковнику, тревожно спросил:

– Он жив?

– Наверное, да. Но где он, я не знаю.

– Не понимаю!

Полковник вкратце рассказал академику все, что было известно об Эле. Лог слушал внимательно, все сильнее и сильнее теребя бороду.

– Вы понимаете, что вы наделали? – тихо спросил он, когда полковник закончил. – Такие люди рождаются раз в тысячу лет. Что я говорю, в тысячу? Один раз за всю историю человечества. Понимаете? Один раз! Один-единственный раз даёт нам судьба случай, и вы не то что упустили, а погубили.

– Почему я? Это произошло восемь лет назад. Я не могу нести моральной ответственности за моих предшественников. – Лог с досадой махнул рукой.

– У вас вечные ссылки на ошибки предшественников...

– Но вы то можете восстановить отсутствующее. Ведь у вас в руках часть записей, а это ключ.

– Вы думаете, мы не пробовали? Ещё как! Но здесь совершенно новая область математики, физики, синергетики. Грешным делом я подумал, что автор записок – космический пришелец из цивилизации, на многие тысячи лет опередившей нашу...

– Постойте! Может быть, он обращался в Академию?

– Исключено! Если бы он обратился, то мы бы сейчас знаете где были?

– Но вполне возможно, что письмо затерялось. Поверьте моему опыту, клерки везде одни и те же, безразлично, где они сидят: в Академии или в правительстве. У вас регистрируются поступающие письма?

– А что? – оживился Лог, – это идея. Возможно, предварительная экспертиза направила материал на рецензию какому-то тупице, и тот до сих пор держит или... во всяком случае можно найти концы...

Лог связался по селектору с отделом предварительной экспертизы и отдал соответствующие распоряжения. Ждать пришлось долго. В Академии информационная служба была явно менее оперативной, чем в уголовном розыске. Наконец, через час томительного ожидания заработал телетайп и выбросил на стол лист бумаги.

– Вот! – торжественно воскликнул Лог. – Совершенно точно! Эл! Ну, вы молодец... так... так... «Теория синтеза аperiодических кристаллов и области их применения». Сто двадцать три страницы. Что? – в замешательстве закричал он. – Отправлена назад? Какой осел распорядился? Заведующего предварительной экспертизы! – почти заорал он в телетайп.

– Я вас слушаю, президент, – раздался голос в динамике.

– Я только что давал запрос по поводу работы некоего Эла.

– Знаю. Я сам провёл розыск.

– Почему отправили назад?

– Согласно инструкции. В работе не было визы руководителя и, кроме того, она была неправильно оформлена.

– Виза! Оформлена! Что за идиотизм? Кто дал такую инструкцию? Какой осел?

В динамике послышалось покашливание.

– Вы извините меня, президент, но инструкция утверждена вами...

– Мною? – Лог закрыл правый глаз и как-то сморщился, из-за чего лицо его перекопилось, а борода сместилась вправо. – Этого не может быть, я никогда такой маразм не подписал бы. Пришлите мне её.

– Вам проще позвонить вашей секретарше. У неё в папках подшиты все инструкции, но если хотите, я пришлю. Это займёт полчаса...

– Не надо. – Лог выключил селектор и вызвал секретаршу.

Та минут через пять принесла отпечатанный буквами голубого цвета листок бумаги. Полковник заметил, что в правом углу после «УТВЕРЖДАЮ» стояла размашистая подпись Лога.

– Подсунули на подпись клерки... – лицо Лога покраснело от стыда и смущения.

– Не расстраивайтесь, – пожалел его полковник. – Не все ещё потеряно. Мы ищем Эла и, надеюсь, найдём его, если он жив.

– Найдите! Ради Бога, найдите! Вы можете себе представить!

– Теперь представляю. Мы его уже давно разыскиваем. Правда, с другой целью, но теперь вижу, что ваше дело значительно важнее.

– Вот как получается... иногда мелочь приводит к ужасным последствиям.

– За любой мелочью, профессор, стоит что-то крупное...

Через три дня после встречи полковника и президента Академии с главой правительства все телестанции страны дважды передали в эфир фотографию Эла и просьбу Академии наук к нему немедленно связаться с её президентом. Если бы Эл смотрел телепередачи, то сейчас он был бы уже в столице и, возможно, беседовал с президентом. Но Эл не смотрел их, да и не мог. Вместе с Доном они мчались в скоростной малолитражке по дороге на юго-восток. Навстречу им двигались колонны тяжёлых машин, гружённых хлопком, автоморозильники с ободранными тушами баранов и открытые грузовики с кузовами, наполненными доверху арбузами.

Дон остановил машину и просигналил идущему навстречу грузовику. Шофёр кивнул и, не выходя из кабины, подождал, пока Дон выбрал себе десяток арбузов. Сложив их в задний салон, Дон расплатился с шофёром, и они поехали дальше.

СЛОНЫ И ЛЮДИ

Жара была непереносимой. Не помогали открытые окна и ветровые стекла. Врывающийся в салон машины горячий, смешанный с испарениями плавящегося асфальта ветер не приносил облегчения. Эл время от времени смачивал водой из фляги носовой платок, отжимая избыток влаги себе на рубашку, и клал его на голову. Это приносило некоторое облегчение, но через

минуту рубашка и платок высыхали.

Дорога шла степью. Вернее, здесь когда-то простиралась степь. Лет тридцать назад здесь ещё рос ковыль и летом степь казалась бескрайним серебристым морем, над которым порывы ветра вздымали волны диких высоких трав. Эл помнил эту степь с детства, когда они с матерью жили на окраине небольшого посёлка неподалёку от рудника, где работал отец. По степи круглый год бродили бесчисленные стада овец, табуны лошадей, поедая торчавшие над неглубоким снежным настом стебли ковыля. Весной же степь, едва только сходил снег, превращалась в сказочный ковёр весенних степных цветов, ярко-красные, голубые и жёлтые головки которых резко выделялись среди только зарождавшейся зелени трав.

Отец был репрессирован за какое-то неосторожное высказывание в кругу друзей, собравшихся отметить присуждение их заводскому цеху переходящего вымпела. Отца забрали той же ночью, через два часа после того, как последний из гостей покинул дом. Это время. Эл помнил смутно. Мать не захотела оставаться в городе, где все бывшие знакомые и друзья при встрече пугливо отводили от неё глаза. Отцу повезло, он отделался сравнительно лёгким наказанием. Ему дали всего восемь лет и четыре года поражения в правах. Как только стало известно место отбывания наказания отца, мать продала все вещи, которые можно было продать, и они уехали сюда, в степь. Мать устроилась по специальности в маленькую больницу на окраине, сменив давно рвавшегося в город врача.

Рудник был окружён деревянным, выкрашенным извёсткой забором, поверх которого шли три ряда колючей проволоки. Отец отсидел в лагере всего три года. Объявили амнистию, и всех заключённых выпустили, а лагерь ликвидировали. Эл помнил, как бульдозеры сносили забор. Жители посёлка, вооружившись кто ломом, кто киркой, а кто просто длинной толстой жердью, с каким-то радостным остервенением крушили деревянную ограду, стаскивали крюками колючую проволоку. Несмотря на то, что доски в этой степной местности высоко ценились, их сваливали в большие кучи и сжигали. Эл видел, как один приземистый, в пушистой лисьей шапке, прихватил пару длинных досок и поволок их было домой. Его тут же настигли, надавали по шее, а доски бросили в костёр.

После освобождения отец прожил ещё полгода. Он надрывно кашлял и сплёвывал жёлтую, с прожилками крови мокроту. Мать отпаивала его кобыльим молоком, но отец так и не оправился. Последний месяц он не вставал с постели. Эл подходил к нему и садился на пол у изголовья, замирая от счастья, когда худая, обтянутая жёлтой кожей рука отца погружалась в его волосы и ласково гладила по голове.

Отца схоронили летом. Старый завхоз больницы с желтоватыми от курения седыми на испещрённом морщинами лице усами под крючковатым носом привёз некрашенный гроб, в который положили отца. До сих пор моментами в ушах Эла звучал резкий стук молотка, вбивающего гвозди в крышку гроба.

Осенью они уехали.

Теперь степь была распахана и засеяна пшеницей. Чахлые стебли её едва достигали в высоту локтя человека. Сквозь редкие ряды её успевших уже пожелтеть стеблей просвечивалась каменистая почва с нерастворенными глыбами химикалий. Время от времени однообразные дороги скрашивали огромные щиты с плакатами. Плакаты призывали идти вперёд, до полной победы...

Двигатель стал глохнуть и сбавлять обороты. Дон включил нейтралку, и машина, прокатив ещё метров пятьдесят по инерции, остановилась неподалёку от развесистой липы, бросавшей широкую густую тень на асфальт и придорожную канаву.

– Давай подтолкнём, – Дон вышел из кабины и, держа правую руку на руле, левой нажал на стойку. Эл упёрся руками в багажник. Машина сдвинулась с места и покатила.

– Что случилось? Бензин кончился? – выпрямился Эл, когда малолитражка вошла в тень липы. Он снял через голову рубашку и вытер потное тело.

Дон открыл капот.

– Бензонасос перегрелся. – Он пошарил под сиденьем, нашёл чистую тряпку, смочил её водой из фляги и засунул между коллектором и крышкой бензонасоса.

– Пусть охладится. Пока перекусим.

Он открыл багажник, вытащил сложенный вчетверо коврик и постелил в тени у самого

ствола липы. Эл тем временем достал из походной сумки хлеб, банку консервов и выбрал на полу заднего салона арбуз.

– Консервы можешь убрать, – Дон поморщился. – После такой жары они в горло не полезут. Режь пока арбуз, а я вымою руки.

В дороге пришлось менять спустившийся скат, и руки Дона были грязные по локоть.

– Удивительные свойства у арбуза, – потянулся Дон за вторым куском, – в любую жару он сохраняет прохладу. – Уф! – облегчённо вздохнул он, съев пятый кусок. – Легче стало. Я, знаешь, ужасно люблю арбузы. В нашем городе их почти никогда не было. Завозили крайне редко, да и то незрелые. – Он потянулся за шестым куском, быстро его прикончил и взял следующий.

– Не лопнешь? – Эл съел два куска и теперь лежал на спине, подложив руки под голову.

– Лишнее выйдет. Однако пока отдохну, – Дон с сожалением положил взятый было кусок, весивший не меньше полукилограмма, отливающий блеском выступившего сахара.

– Когда мы закончим твои дела...

– Наши, Дон, наши, – поправил его Эл, отмахиваясь от налетевших на запах арбуза мух.

– Пусть будет наши, – согласился Дон. – Хотя я не вижу в них смысла. Так вот... фу ты, черт, откуда их столько налетело, – он схватил снятую перед умыванием рубашку и, размахивая ею, стал отгонять мух, облепивших арбуз.

– Прикрой его рубашкой, – посоветовал Эл.

– Так вот, когда мы их закончим, – продолжил Дон, – и вернёмся домой, в нашу хижину, то там мне уже не придётся пробовать этой штуки.

– Ты, я вижу, сластёна.

– Грешен! Люблю сладкое, особенно арбузы, дыни, апельсины. А однажды, – оживился он, – дед мой привёз ананас. Ты его когда-нибудь ел?

– Не приходилось.

– Мм... тогда ты ничего не видел в жизни. Это такая... такая штука... Ну, я даже затрудняюсь тебе сказать, до чего же она вкусная... а запах! Непередаваемый! Вот если, как бы тебе объяснить, смешать дыню с апельсином... нет, не то. В общем, я не могу тебе передать всей гаммы запаха и вкуса. Хотя, не нужны мне никакие ананасы. Не понимаю, как местные жители выдерживают такую жару. Я бы живьём сжарился.

– Адаптировался бы. Человек – самое адаптивное существо. Он может жить везде, где другие организмы не могли бы существовать.

– Интересно, а почему это?

– Я вообще-то не специалист, но объясню тебе, как я понимаю. По-видимому, существует два типа адаптации: жёсткая и пластичная. Жёсткая – это когда организм уже рождается приспособленным к данным условиям среды существования. Ему не надо обучаться, приспособливаться, так как он уже оптимально приспособлен. Но у него нет резервов для переадаптации, если условия существования меняются. Некоторые из них могут жить только во влажном и жарком климате, другие – в пустыне, третьи – в условиях тундры, и так далее. Человек же рождается ещё ни к чему не приспособленный. У него пластический вид адаптации, позволяющий приспособливаться к любым условиям. Он способен, как ни один другой организм, обучаться. У него даже инстинкты не так развиты, как у животных. Животные уже обучены и не могут переучиваться. Поэтому человек и выдерживает такие условия, какие не выдержит ни одно животное.

– Я думаю, – согласился Дон, – если бы в лагере Брюла вместо людей работали слоны, они дошли бы как мухи.

– Особенно, если бы их заставляли слушать стихи, – рассмеялся Эл.

– Ну что? Поедим, может быть? – Дон открыл консервным ножом банку с тушёнкой и намазал ею два куска хлеба. Протянул один Элу.

– Ты говорил об адаптации... – напомнил он.

– Собственно, я все сказал... А в тушёнке один жир... смотри! В банке только два маленьких кусочка мяса, грамм по двадцать каждый.

– Жулики! Заливают банки дешёвым смальцем. Так все-таки про адаптацию...

– Что тебе ещё сказать? Ты бывал на спортивных состязаниях или в цирке?

– Смотрел их только по телевизору. А цирк я вообще недолюбиваю. Особенно, когда показывают дрессированных животных. Что-то в этом тягостное, вымученное. И зоопарк терпеть не могу. Сам знаешь, сидел «в клетке», так что понимаю несчастных животных... Послушай! Мне пришла сейчас колоссальная идея!

– Интересно, какая?

– Как совершенно бескровно свергнуть любой насильственный режим в государстве!

– Ну! Очень любопытно, что ты внесёшь в теорию революции? – рассмеялся Эл.

– А ты не смейся... Я удивляюсь, как до этого не додумались раньше... Надо сделать то же самое, что делают животные, которых запирают в клетки.

– Что же они делают?

– Перестают размножаться. Если бы женщины в такой стране перестали рожать детей, провели бы забастовку, то любой режим года через три–четыре сдался. Ты представляешь?

– Представляю, – посерьёзней Эл.

– К чему рожать новых рабов и пушечное мясо? Лучше совсем не иметь детей. Хотя бы года три-четыре. Если изменят режим и сделают его более человеческим, то бабоньки наверстают упущенное, а нет, так нет. В чем главная сила земли нашей? В детишках, в этой молодой поросли, и в бабах, которые эту поросль выращивают. Вот где корень всего сущего. А ты посмотри, что с ними делают?! Бабы наши надрываются на работе наравне с мужиками. Где ей время взять воспитывать и растить детей? Утром, чуть свет, тащит их в детсад, потом давится в трамвае или автобусе по дороге на работу, вечером, к концу рабочего дня, нагруженная авоськами, сумками, ползёт домой. Да у коровы и то жизнь легче! Её телёнок при ней пасётся.

Ты скажешь, телёнка у коровы на бойню заберут. А у бабы? Что, нет? Подрастёт, дадут пару сапог, берет, автомат, и шагай, парень, за моря-океаны, выполняй свой долг. А кому он что должен, что там за морем потерял? Хорошо ещё, если живой вернётся, а то и в запаянном гробу, а матери, которая его вырастила, единовременное пособие... за сына... Это не издевательство ли? Да это ещё что! Я на первом этапе, когда меня за того мусора осудили, видел такое, что даже сейчас, как вспомню, страшно становится.

Нас уже в вагоны грузили, а тут ещё одну колонну пригнали. Смотрю, мать честная, пацаны лет по четырнадцать, низкорослые, худые, с тюремной стрижкой, лопухие. Ватники на них, как на чучелах огородных, ниже колен... а сами – по пояс конвоирам будут... Думаю, за что же их-то? Какую такую опасность представляют они для державы нашей? Смотрю на них, а к горлу ком подкатывает. Дети ведь! Что же вы, люди, делаете? Вконец совесть свою пропилили или уже родились без неё? Воришки, скажешь? Хулиганы? А кто их сделал ими? Кто лишил их материнской ласки, кто бросил на улицу? Кто спаивал отца? Бывало, зайдёшь в магазин, а там хоть шаром покати, зато этой самой плодово-ягодной бормотухи – хоть залейся. – Дон зло сплюнул. – Иногда мне кажется, – продолжал он, глядя перед собой отсутствующим неподвижным взглядом, – что это все специально делали, чтобы подорвать силы народа, чтобы, значит, вот так все время было и ничего не менялось. Ты только подумай, сколько за последние десять лет спецдомов для идиотов и неполноценных детей понастроили, для тех, кто, значит, родился от алкоголиков и наркоманов...

Нет! Что ни говори, одна теперь надежда – на баб! Мы, мужики, уже ни на что не способны. А бабы, те, пожалуй, да. Пусть они своим женским оружием воюют за детей своих, за их будущее. Что им сделают? Насильно рожать не заставят. Посмотрим тогда, откуда солдат набирать будут.

– Но тогда страна станет беззащитной.

– Ну и хрен с ней, если такая страна. Кому она нужна?

– У тебя, я вижу, нет совсем патриотизма.

– У меня патриотизм исчез в лагере. Достаточно побывать в нем, чтобы избавиться от патриотизма и от всех иллюзий. Если ты даже до этого был патриотом и попал в лагерь по ошибке, то выйдешь полностью перевоспитанным, если не законченным бандитом, то озлобленным на всю жизнь. Потом, ты говоришь «патриотизм»? Если патриотизм заключается в том, чтобы восхвалять всю эту мерзость, то я не патриот. Вон, ты видел по дороге плакаты?! «Вперёд! Вперёд!» Куда, спрашивается, мать вашу, «вперёд»? И так всю землю испохабили.

Ты посмотри, что здесь со степью сделали? Лет через пять тут ничего расти не будет. Миллионы лет понадобились природе, чтобы создать тонкий слой плодородной почвы, и лет двадцать «патриотам», чтобы превратить все это в пустыню. Ведь это же бандитизм настоящий! А что с лесом сделали? Ты помнишь тайгу, которую мы валили? Три дерева срубим, а только одно из них вывезем. Зачем, спрашиваю, такой погром? У нас с землёй обращаются, как когда-то миги с завоёванным городом. С каких это пор патриотизм отождествляется с любовью к режиму? Нет! Патриотизм – это любовь к земле, к народу, к своему языку, культуре, но не к Брюлу и Паду!

– За них сейчас, кажется, взялись.

– Не верю! И давай больше не говорить на эту тему. Расскажи лучше про адаптацию.

Дон поднялся и подошёл к машине.

– Ну что? – спросил Эл, когда тот вернулся.

– Пусть ещё немного остынет. Давай посидим, пока спадёт жара, а то опять где-нибудь станем. – Он снова принялся за арбуз.

– У тебя слишком много злобы. Дон, – тихо проговорил Эл после длительного молчания.

Дон размахнулся и швырнул арбузной коркой в стаю полевых воробьёв, которые сгрудились возле выброшенных им остатков пищи на дне канавы и уже затеяли между собой драку. Воробьи с шумом поднялись, но далеко не отлетели, уселись на телеграфные провода и стали между собой переговариваться. Затем стая снялась и куда-то улетела. Один воробушек остался на прежнем месте, время от времени чирикавая и поглядывая то одним, то другим глазом на сидящих под липой людей.

– Ничего ты не понял. Эл, – с сожалением отозвался Дон. – Никакая это не злоба, а жалость... Жалость и к себе, и ко всему окружающему... ведь все могло быть иначе... лучше, чище.

– А я все-таки верю, что будет очищение. Рано или поздно, но это неизбежно... а возможно, оно уже началось. Я чувствую. Дон, признаки его.

– А!.. Ты просто не видел столько мерзости, сколько мне пришлось насмотреться... Хочешь, я тебе расскажу?..

– Ради Бога, Дон, не надо! Лучше давай поговорим про адаптацию. Ты меня сбил... О чем я говорил?

– Ты спросил насчёт цирка, – напомнил Дон.

– Вспомнил! Так вот... у нас говорят: «ловкий, как обезьяна», но знаешь, что ни одна обезьяна не может сравниться с ловкостью тренированного человека, ни одна из них не может выполнить сложные гимнастические упражнения, как человек. Человек, используя свои резервы адаптации, может достичь тех вершин, которые даются каждому виду животных с рождением, и пойти дальше. Но за это приходится платить. Ты слышал о болезнях большого спорта?

Дон кивнул.

– Так вот, я думаю, что это результат перехода от пластического вида адаптации к жёсткому. А почему тебя это так интересует?

– Я решил прожить остаток жизни в нашей долине. Не хочу больше видеть ни людей, ни... В общем, – в голосе его слышалось сильное волнение, – уйду я из этой, будь она трижды проклята, цивилизации. Но это я сейчас решил... а что потом?.. Не свихнусь ли там в одиночестве?

– Но с тобой будет Лоо.

– Да, она тоже так решила. А сможет ли она? – Дон задумался, потом несмело спросил:

– Твоя Молли врач. Способна ли она принять роды, вырвать больной зуб?

– Ах, вот что тебя беспокоит?

– Это тоже.

– Ну, хорошо. Допустим, мы с Молли согласимся поселиться с вами в долине. Что мы будем есть? Только мясо, добытое на охоте?

Дон оживился и заулыбался.

– Не только. Ты, конечно, заметил, какая в той долине трава.

– Довольно высокая. Ну и что?

– В том-то и дело, «что»! А заметил, что дальше по дороге на юг к железнодорожному пути трава ещё не выросла?

– Так была же ранняя весна.

– Ну, а о чем я говорю! – торжественно вскричал Дон.

– Постой, постой... Так ведь это...

– Ну да! – перебил его Дон. – Следствие подземных тёплых источников. На тёплой почве там могут расти картофель и другие овощи, а возможно, и злаки. В крайнем случае, можно время от времени спускаться к югу и покупать соль, охотничьи припасы, недостающую провизию.

– Рискованно. Рано или поздно власти засекут наши самородки и начнут интересоваться, откуда они появились.

– Не засекут. Будем продавать мелкими партиями. Кстати, ты хорошо тогда замаскировал шурф и выход жилы?

– Вроде бы, – пожал плечами Эл. – Но это, думаю, лишнее. Путь в долину скрыт, и если бы тогда Коротышка не сорвался с карниза, мы и не обнаружили бы входа в неё. Она скрыта со всех сторон и лежит далеко в стороне от всех воздушных путей, чтобы её обнаружили с воздуха.

Дон мечтательно вздохнул.

– Ты помнишь, какие там кедровники? А грибы? Я даже не предполагал, что может быть такое изобилие их. Потом, каких размеров они достигают! Великаны! Тот гриб, который приволок на второй день Коротышка? Мы его три дня ели и не могли съесть. Райское место! Послушай, Эл, как ты думаешь, нельзя ли туда спустить лошадей?

– В принципе, можно. Надо опускаться на лямках. Но удержим ли мы их при спуске?

– Что-нибудь придумаем...

От беседы их отвлек резкий скрип тормозов. Возле остановилась машина автоинспекции, из неё вышли четверо.

– Кто такие? – строго спросил старший лейтенант. – Документы.

Кряхтя, Дон поднялся, вытащил из бардачка водительские права и подал их автоинспектору. Эл встал и подошёл к машине.

– Паспорта! – потребовал лейтенант, не отдавая водительских прав.

– По какому праву вы требуете паспорта? – возмутился Дон, но Эл остановил его и протянул автоинспектору паспорта.

– Откуда следуете и куда едете?

Эл объяснил:

– Едем в отпуск. Посмотреть исторические памятники древней культуры.

– Журналисты? – насторожился инспектор.

– Никак нет, – Эл уже понимал причину его беспокойства. – К прессе и словоблудию не имеем никакого отношения.

Последнее слово понравилось инспектору, и он немного расслабился. Эл «прощупал» его мозги и вскоре имел полное представление о своём собеседнике.

Он отозвал его в сторону, достал из кармана две крупные купюры и протянул инспектору.

– Поехали, здесь все в порядке! – крикнул остальным лейтенант, незаметно пряча деньги в карман.

– Сколько дал? – поинтересовался Дон, когда машина с милиционерами отъехала.

Эл назвал цифру.

– Ого!

– Здесь другой масштаб цен, – пояснил Эл свою расточительность.

– Сколько у нас осталось? – с беспокойством спросил Дон.

– При себе тысяч десять и у Молли осталось пятьдесят, столько же у Лоо.

– Это последние?

Эл кивнул.

– Все-таки нас здорово надул скупщик.

– А что ты хотел? Не могли же мы тогда нести самородки в государственную скупку.

– Мы все-таки много потратили, – посетовал Дон, садясь за руль и включая двигатель.

– Прилично, – согласился Эл. – Документы сначала семь, а потом ещё десять тысяч, Брюл нам обошёлся в общей сложности в пятнадцать, столько же за поступление моего старшего сына в институт и ещё пять за освобождение его от армии, десять – за техникум для младшего, теперь – сорок за дом и ещё восемь за оформление документов на старшего в качестве наследства от мифического дедушки, остальное – мелочи.

– Почему ты, зная тайники Пада и других, не воспользовался этим?

– Побрезговал!

– В общей сложности мы по всем четырём делам могли бы без всякого риска иметь несколько миллионов.

– Эти деньги украдены у людей. Дон.

– И ты думаешь, они возвратятся людям? – саркастически спросил тот.

– Это уже нас не касается. Мы своё дело сделали. Остальное – на совести властей.

– Полагаешь, у них есть совесть? Ты до сих пор на что-то надеешься?

Дон крутанул руль так, что Эл, не ожидавший резкого манёвра, стукнулся головой о стойку.

– Совсем одурела от жары, – кивнул Дон на спокойно пересекавшую магистраль собачонку.

Он выехал с обочины и переключил передачу на прямую.

– Пока человек жив, ему свойственно надеяться, – ответил Эл, потирая ушибленный лоб.

– А у меня Брюл вытравил всякую надежду. Знаешь, сколько раз он сажал меня в карцер? Я уже со счёту сбился. Ты помнишь карцер? Кажется, ты тоже в нем сидел?

– А как же, три раза. Первый раз меня оттуда вынесли на руках. Сесть нельзя – вода под ногами, прислониться к стене – тоже. Брюл специально велел вбить в стены острые гвозди. Помню, что простоял сутки, а потом потерял сознание. Второй раз я его перехитрил. Засунул в штаны две короткие дощечки. Одну торчком поставил на пол, а вторую – на неё. На таком стульчике и просидел. Когда слышал, что карцер открывают, прятал их в штаны. С тех пор и держал их под нарами на всякий случай.

– Ты летом только там был?

– Летом.

– А я и зимой...

– Давай лучше не вспоминать, ладно?

– Ладно! – Дон внезапно рассмеялся.

– Чего ты?

– Ты помнишь дочку Брюла?

– Помню. Ну и что?

– А обратил внимание, что волос у неё тёмный?

– Разве? Не помню. Ну и что?

– А то, что Брюл белесый, ну, почти альбинос, а жена – рыжая. Это ему дочку повар сварганил. Как ты этого не знал? Весь лагерь знал и потешался.

– Не интересовался.

– Из-за этого повар и сидит до сих пор, если, конечно, Брюл жив. Это жена Брюла: «Ах! Ах! Как мы можем лишиться такого повара, милый! Тебе нужно особое питание, а я готовить так не умею!» – пропищал Дон голосом жены начальника лагеря. Вот Брюл и прибавлял ему каждый раз новый срок, а тот ему жену ублажал. Что он с ней только не вытворял! Мы как-то...

– Прощу тебя, не надо, – поморщился Эл.

– Можно и не рассказывать. Я сам не любитель смаковать такие вещи. – Дон замолчал и они долго ехали молча.

Стало смеркаться. Вдали на небе обозначился светлый круг – отражение огней большого города. Решили остановиться в первом же пригородном мотеле.

– Мест нет! – отрезала дежурный администратор и внушительно добавила: – Только для иностранцев.

– А мы иностранцы, – заверил её Эл, протягивая паспорта. Администратор открыла их. Обнаружив вложенные купюры, ни слова не говоря, оформила двойной люкс.

– Приятного отдыха – пожелала она им, протягивая ключ от номера. – Но только до

завтра. Завтра приезжает иностранная делегация, – строго предупредила она.

– Мы геологи, – Эл наклонился над окошком и протянул ещё пару банкнот. – Ищем полезные ископаемые.

– О, тогда другое дело! – администратор смахнула купюры в ящик стола. – Можете жить здесь сколько угодно! Ресторан открывается в восемь утра, а вечером, – она расплылась в улыбке, – выступление мюзик-холла. Советую посетить.

– Непременно, – заверил Эл, в свою очередь одаривая её улыбкой.

– На второй этаж, направо, – швейцар возвратил пропуск на поселение и, глядя в сторону, тихо спросил:

– Девочек, анашу?

– Девочек в другой раз, сейчас принеси анаши.

– Сколько?

– Пока на четыре раза...

Они поднялись на второй этаж и вошли в номер.

– Зачем тебе анаша? – недоуменно спросил Дон.

– Здесь все приезжие под тщательным наблюдением. Пусть думают о нас, что мы... в общем, тёмные, но вполне лояльные к местному режиму люди. Так будет безопаснее. Я уверен, что автоинспекторы уже сообщили куда надо о нашем приезде.

В номер тихо постучали.

– Вот, – протянул швейцар небольшой пакетик. – Высший сорт, из пыльцы!

– Сколько?

Швейцар назвал явно несуразную сумму.

– Вот что, аксакал, не считай нас за фраеров! – Эл протянул ему мелкую купюру.

– Как насчёт девочек?

– Молодые?

– Четырнадцать лет. Гурии!

– Ну, если гурии, то приведёшь завтра. И смотри!

– Что вы, уважаемый, что вы. Больных не держим!

– Ну смотри. Я плачу щедро, но чтобы товар был – экстра!

– Будете довольны, уважаемый! – швейцар поклонился и, пятясь, покинул номер.

– Завтра к вечеру нас уже здесь не будет, – поймав недоуменный взгляд Дона, шепнул Эл.

Он распаковал чемодан и достал пижаму. Из ванной донеслось чертыхание Дона.

– Нет горячей воды! – крикнул тот.

– Ничего, помоемся холодной. После дневной жары это даже приятнее.

СОМНЕНИЯ

Возможно, метод, применяемый Элом, был не совсем честным. Возможно! Но каждый пользуется тем оружием, которое имеет. С одной стороны действовала мощная организация преступного мира, располагающая людьми, властью, связями, средствами, а с другой – он один, человек, от которого нельзя скрыть правду.

Со временем он восстановил все события, происшедшие с ним «во сне», и постепенно укрепилось убеждение, что это был не сон, а действие неведомых ему сил, могущественных и добрых. Вместе со своим другом и бывшим начальником он получил чрезвычайно важную для людей информацию от старших братьев по разуму и вместе с этой информацией – замечательное свойство видеть суть вещей. Увлечённый проектом создания асимметричных кристаллов для сверхсложной интеллектуальной системы, Эл поначалу забыл о втором даре, полученном на дальней планете. После побега из лагеря этот дар снова вернулся к нему и развился до очень высокой степени. Он находил неведомые ему раньше лекарственные растения, видел сквозь землю и камни. Это он обнаружил богатейшую золотую жилу, ему стали послушны дикие лесные звери, в лесу он безошибочно находил поляны, полные грибов. Он видел их внутренним зрением, не доходя ещё до самой поляны, скрытой от него чащей леса.

Эл слышал мысли людей и научил этому сначала Дона, потом Молли и Лоо, затем – своих детей. Он мог бы быть сказочно богатым, мог стать великим лекарем, так как знал, что и чем

лечить. Но он не стал им. Он стал врачом, как он говорил сам себе, врачом язв, поразивших общество. Так ему, во всяком случае, казалось. Прав он был или неправ, не нам об этом судить.

Изгой, скрывающийся от закона, он считал, что самое главное – разорвать опутавшую страну паутину преступной мафии, и он рвал её сам, где представлялось возможным, рассчитывая, что разрывы, производимые им, приведут к тому, что порвётся вся паутина. «Тогда, – думал Эл, – может быть, настанет час передать человечеству великий дар старших космических братьев». Он много для этого сделал. Нити рвались, и раскрытая им цепочка вела к тем, кто стоял во главе преступного мира. «Если столичный уголовный розыск воспользуется той информацией, которую передаю ему я, то дальше дело пойдёт быстрее». Он не считал, как Дон, что общество прогнило насквозь и ему ничего не поможет. Он верил... И не только верил, но и видел и ощущал, что в обществе пробуждаются новые молодые силы, несущие в себе добро и справедливость. Хотя временами ему казалось, что Дон прав, и тогда страшная тоска охватывала его всего без остатка. В эти минуты он начинал думать, что все, что он делает, – все это лишнее, бесполезное, наивное, а может быть, как утверждал его друг, вредное. Может быть, действительно Дон прав, и все это не что иное, как борьба за власть между старой и новой, зарождающейся мафией? Может быть, следует ждать, когда вся эта система сама развалится...

Сюда, в этот южный знойный город, он отправился скорее по инерции, осуществляя давно задуманный план, нежели с уверенностью в необходимости проводимой акции. Эл вдруг засомневался. К сомнению примешивалось необъяснимое чувство беспокойства. Собственно, он все или почти все знал о Рашкуне, так звали фактического правителя этого региона, кроме одного – где хранит тот наворованные и награбленные сокровища. Знать это необходимо, так как простое описание «подвигов» потомка могущественного хана мигов, как Рашкун сам себя называл, не подтверждённое материальными доказательствами, могло оказаться холостым выстрелом. В папке с делом Рашкуна, которая осталась на хранении у Лоо, были описаны убийства, поборы и взятки, подземная тюрьма с камерами пыток, перегон за рубеж многотысячных стад скота, похищение прямо на улице среди белого дня девушек, и так далее, и тому подобное. Все жители региона знали об этом, но молчали, подавленные страхом. Те же, кто позволял себе лишнее, бесследно исчезали. Вздутые тела без документов вылавливали недели спустя в реке или в коллекторах канализации. Милиция составляла протокол с версией убийства с целью ограбления. Но даже кончика ниточки, ведущей к убийцам, никогда не удавалось схватить.

Все приезжающие в регион подвергались тщательной проверке: кто, куда, зачем? Официальных журналистов и проверяющие комиссии встречали торжественно. Везли на стройки, на поля, затем в охотничьи домики на обильное угощение, и не только...

За другими же устанавливалась тщательная слежка. Их повсюду сопровождали соглядатаи. Вещи их в гостиницах обыскивались. И если что, то ай-ай-ай! Какое несчастье! Пропал в горах или погиб в автокатастрофе... зачем так быстро ездил!

В арсенале было и другое. Человека хватили на улице, заводили в милицейское отделение, били, сильно били... затем составляли протокол о пьянстве и хулиганстве в общественных местах. Тут же находились свидетели. В лучшем случае все кончалось представлением на работу несчастного и соответствующими административными санкциями. Часто же местный суд давал «преступнику» два или три года за злостное хулиганство и сопротивление милиции при исполнении ею служебных обязанностей. Мало кто возвращался домой. Родственники получали акт медицинского освидетельствования о смерти в результате острого кишечного расстройства.

Эл решил ничего не менять в своей методике: он – археолог, разыскивает клады древних мигов. Естественно, он работает за свой страх и риск и не собирается отдавать находки государству. Двадцать пять процентов – это слишком мало. Пятьдесят – другое дело. Тем более, что древние высокохудожественные произведения государство забирало себе по цене лома. Следовательно, он получит не двадцать пять, а только три – пять процентов их истинной стоимости. Конечно, ему нужна помощь. Без неё он ничего не сможет сделать. Итак, пятьдесят на пятьдесят?

Обычно, при упоминании о кладах у высокопоставленных воругов возникали мысленные

ассоциации о собственных, запрятанных в тайниках ценностях. Этого было достаточно для Эла. В тех случаях, когда он приказывал себе запомнить, его память была подобна компьютеру.

Эл вначале спрашивал себя: «Зачем этим высокопоставленным людям столько богатства в стране, где частнопредпринимательская деятельность запрещена законом?» И вскоре понял, что ни один из них не верит в прочность установленного строя. Более того, они все ненавидели его, как только можно ненавидеть. Ненавидели потому, что вынуждены прятать свои богатства, притворяться идейными борцами за социальную справедливость, саму идею которой они презирали. Каждый из них сознавал непрочность своего положения, жил в постоянном страхе, и этот страх ещё больше усиливал их ненависть к существующим порядкам, хотя именно эти порядки, пусть извращённые, но именно они выбросили их наверх, позволили накопить богатства. И вот когда эти богатства были накоплены, каждый из них желал скорейшей замены существующего строя другим, при котором можно было бы, не боясь, в открытую пользоваться всем тем, что дала им судьба.

И не только желали, но исподтишка старались так или иначе побольше навредить хозяйству страны. Они брали невыполнимые обязательства, зная, что срыв плана в одной отрасли неизбежно приведёт к срыву в другой, к хозяйственной неразберихе. Планировали вырубку лесов в размерах, превышающих способности транспорта вывезти срубленный лес; предприятию, которому как воздух необходимо техническое перевооружение, они спускали сверху завышенные планы, обрекая его на техническую отсталость. Создавали дефицит того, что было нужно людям и хозяйству, и путём планирования заставляли выпускать те товары, которые не пользовались спросом и вообще не нужны были хозяйству страны. Вершиной их изобретательности стало введение центрального распределения сырья и строительных материалов. В результате деньги, отпускаемые предприятиям, потеряли цену и своё главное свойство мерил человека труда.

И тем не менее страна продолжала жить. Она, правда, жила за счёт истощения своих недр, за счёт гибели лесов, то есть жила за счёт обкрадывания будущих поколений.

«Когда же наступит великое прозрение? – думал Эл. – Стрелка секундомера Истории отсчитывает секунды. Сколько их осталось? Только бы не пересечь красную черту, а то начнётся агония... Если это произойдёт, человечество будет надолго отброшено назад, ибо люди не возвращаются к идее, которая скомпрометирована. И в то же время, – спрашивал он себя, – почему та высокоразвитая цивилизация решила все-таки вступить с нами в контакт и своей подсказкой дать возможность перейти на новый виток развития? Ведь не может быть, чтобы, располагая средствами мгновенно перенести мою психоиндивидуальность за многие сотни световых лет и возвратиться её на место, они не знали всего того, что творится на нашей планете. И тем не менее они остановили свой выбор на нас. Что из этого следует? Следует то, что они нас посчитали здоровой цивилизацией, способной принять дар и употребить его в целях добра, а не зла. Следовательно, не все потеряно, и за это непотерянное надо бороться. Значит, это не крах, а кризис. Кризис, который может закончиться выздоровлением, но может и крахом. Крахом, если мы, люди, будем сидеть сложа руки... Следовательно, каждый, у кого сохранились хоть крохи общечеловеческой морали, должен действовать сообразно своим возможностям и способностям. Иначе конец».

Эл договорился с Доном, что тот подстрахует его, то есть понаблюдает за выходом из Управления региона и будет действовать сообразно обстоятельствам. Дон кивнул головой и зашёл в ресторан, расположенный напротив.

Эл подождал немного, и увидев, что Дон занял место за столиком у окна, поднялся по ступенькам здания.

Минут через тридцать после того, как Эл пошёл на приём к Рашкуну, и кабинете Рока раздался телефонный звонок прямой связи.

– Рок, поднимись быстро ко мне! – услышал он голос шефа. – Кажется, нам сильно повезло, – встретил его начальник столичного УГРО.

– Нашёлся Эл?

– Почти! Его жена пришла в Академию. Сейчас она у Лога. Поезжай туда и расспроси её, где Эл. А у меня неотложные дела. Тут, брат, такая каша заварилась! Эл подбросил нам хороший материал. Мы его распутали, и скоро в наши сети попадёт крупная рыба. – Он широко

развёл руками, показывая, какая рыба должна попасть в сети.

– Тот? – Рой поднял глаза к потолку.

– Пока нет, но прелюдия. Сейчас готовится группа захвата, и через три часа я вылетаю на юг. Жаль, что не смогу взять тебя. Ты мне найди Эла. Можешь брать в помощь кого хочешь. Если задержишься, езжай прямо в аэропорт. Я там буду часа через два.

Из-за заторов на дороге Рок, несмотря на включённую сирену, чуть было не опоздал на встречу с шефом. Уже поднимаясь по трапу самолёта, тот заметил бегущего через лётное поле Рока. Полковник сделал знак пилоту, чтобы немного задержался, и, спустившись с трапа, пошёл навстречу.

– Ну? – нетерпеливо спросил он, оглядываясь на самолёт. – Где?

– Отправился несколько дней назад к Рашкуну! – с трудом переводя дыхание, доложил Рок.

Вместо ответа полковник схватил его за руку и потащил к трапу.

– Быстро в самолёт! – приказал он.

– Мы надолго? Я не предупредил жену.

– Пошлём радиограмму.

– А как же Эл?

– А мы как раз и летим, чтобы взять Рашкуна. – Полковник не сказал арестовать, а именно взять. Рок только сейчас заметил, что большой реактивный авиалайнер заполнен воздушными десантниками.

– Что, так серьёзно?

– Уж куда более!

– Садитесь, майор, – один из десантников поднялся со своего места и уступил кресло Року. Сам же примостился на зеленом деревянном ящике, стоящем в проходе между креслами.

– Надо дать радиограмму местным органам, – высказал предложение Рок.

– Знаешь, где у Рашкуна местные органы? Вот где! – полковник показал Року крепко сжатый кулак.

– Тогда пограничникам.

– Пограничников предупредили. Они блокируют перевалы, так как Рашкун может попытаться уйти за кордон. Пограничники получили приказ открывать огонь на поражение в случае малейшего сопротивления. Черт возьми! – с досадой вздохнул полковник. – Чего Эл туда полез?

– Наверное, за тем же, что и раньше.

– Раньше! Раньше! – передразнил своего подчинённого полковник. – Так то, что он дал нам раньше, и вывело нас на Рашкуна. Усёк?

Рок кивнул.

– Понимаешь, что будет, если Эл погибнет? Лог такого о нем наговорил...

– Я знаю! Он меня тоже просвещал... А может быть, он все-таки слушал телепередачу и сейчас преспокойно едет в столицу?

– Дай то Бог! Хотя маловероятно. Он бы уже два дня назад вернулся.

Самолёт тем временем набрал высоту и лёг в горизонтальный полет. Внизу бескрайней снежной пустыней белели ярко освещённые солнцем облака.

ЧАСТЬ III КИБЕЛА

ОКСАНА

– Таким образом дела обстоят так, – закончил доклад Вальтер, – что ни одно земное растение не может существовать на этой планете.

Зал зашумел.

– Следовательно, колонизация её невозможна? – попробовал уточнить Николай.

Вальтер пожал плечами.

– Судите сами, если наша пшеница погибла в результате действия на неё белковых тел, которые ничем не отличаются от известных нам антител. Кто их выработал? Не знаю! И не только пшеница, но и растения, привезённые нами с Земли, погибли, как погибает все чужеродное, попадая в организм. Наши растения чужеродны.

– Может быть, все-таки вирус порастил их?

– Вирус имеет нуклеиновую природу. Обычно это РНК. Здесь же белок, только белок гамма-глобулиновой природы, той же природы, что и антитела живых организмов. Я понимаю, что ты имеешь в виду, – обратился он к спросившему его Роберту Холлу.

– Если бы вирус, все было бы проще. Но это антитела. Положение безвыходное. Против антител мы не сможем бороться.

– Что же или кто же вырабатывает их против земных растений?

Вальтер опять пожал плечами.

– Ничего не могу сказать. Мы с таким явлением ещё ни разу не встречались. Антитела вырабатывает организм против попавших внутрь его носителей чужеродной белково-полимерной информации. Но только в том случае, если информация эта проникает внутрь самого организма. А здесь... Нет! Ничего не могу сказать!

Несколько человек одновременно, перебивая друг друга, пытались что-то спросить или сказать...

– Друзья мои! – Сергей встал и поднял руку, прося тишины. Постепенно разговоры прекратились. – Друзья мои, – повторил он, – мы столкнулись со странным явлением в природе этой планеты. Это не только гибель наших посевов в результате атаки антителами, как сообщил Вальтер. Это непонятное поведение грунтовых вод, из-за чего мы не могли пока создать на планете свою СС. Последнее меня беспокоит не меньше гибели растений, а даже больше. Пока мы не создадим СС, мы не только не сможем связаться с Землёй, но, возможно, не сможем разобраться в сложившейся сейчас ситуации на планете. То, что сообщил Вальтер, очень странно, но не менее странно и то, что там, где геологи не обнаруживают грунтовые воды, вдруг начинают бить фонтаны. Создаётся впечатление, что планета не терпит никаких изменений в своей почве. Почему? Вот о чем следует задуматься.

И третья. Внезапное появление Оксаны. Наш доктор предполагает, что у неё был глубокий шок. Выходит, мы приняли его за смерть и похоронили живую. Но как объяснить, что она смогла выбраться из могилы? Могила была неглубокой, но она же лежала в гробу, крышка которого была прибита, а сверху навалена земля. Известны, правда, случаи, когда человек в особых экстремальных условиях может проявить невероятную силу и совершить огромную работу. За неимением лучшего мы можем пока принять такое объяснение, но мне оно кажется неубедительным. Здесь что-то другое, неясное.

Оксана, когда её геологи привели в лагерь, никого не узнавала. Говорить она тоже не могла. Одежда на ней была та, в которой её похоронили, но вся оборванная. Однако на теле не было ни ссадин, ни ушибов, которые, естественно, должны быть у человека, выбравшегося из закрытого гроба и могилы. Глаза её были прикрыты ресницами, но создавалось впечатление, что она с интересом и каким-то особым вниманием присматривается к окружающему. Может быть, это и показалось. На вопросы, обращённые к ней, она не реагировала. Доктор экспедиции Логинов, осмотрев её, не нашёл никаких внешних и внутренних телесных повреждений. Рефлексы тоже были нормальными. Ночью при ней оставили двух женщин, которые были раньше её близкими подругами и теперь вызвались дежурить возле неё до утра.

Утром её посетил Сергей. Не добившись ни слова в ответ, он попытался «прощупать» её мозг, чтобы иметь хоть какую-то информацию, но к удивлению своему потерпел полную неудачу. Мозг Оксаны молчал, так же, как и её язык. В то же время Сергею почудилось, что кто-то сам настойчиво лезет к нему в мозг. Такое ощущение он уже раз имел, более сильное, чем сейчас, но близкое по характеру. Это было тогда, когда он вышел из катера и очутился на поверхности Перуна, или, как теперь он знал. Урана. Едва он понял это, как сразу же почувствовал, что попытки проникнуть к нему в мозг сразу же прекратились. Он ничего не сказал никому, но весь внутренне насторожился. Жизнь научила его спокойно относиться к непонятному и не принимать поспешных, необдуманных решений.

Сказав несколько ласковых, ободряющих слов Оксане, или той, которая выдавала себя за Оксану, он вышел из её домика и, увидев идущего через площадь Николая, распорядился собрать командиров отрядов на Совет.

Сейчас из всего надо было выделить главное. Этим главным он считал монтаж системы СС. Малая СС, находящаяся на «Гее», слишком маломощна, чтобы её использовать для связи с Землёй и решения задач с большим дефицитом информации. Необходимо подключить к ней кристаллы, взятые на Уране. Можно, конечно, смонтировать большую СС на самой «Гее», но первоначально-то намечалось создать большую СС на поверхности Счастливой, которая должна играть роль своего рода маяка и значительно сократить время перелёта от Земли до Счастливой и обратно.

– Так что будем делать? – спросил он Совет, изложив положение дел с монтажом СС.

– Может быть, поискать в горах естественную пещеру, достаточно большую, чтобы смонтировать системы охлаждения? – высказал предположение Николай.

– Это весьма проблематично, – тут же отозвался начальник геологической партии.

– Почему не поискать? – поддержал Николая Сергей. – Поискать можно, но одновременно надо думать о других вариантах.

– Я уже не доверяю этой планете! – резко поднялся с места Владимир. – Мы не можем рисковать СС. Неизвестно, что она ещё придумает, какой сюрприз преподнесёт. – Он говорил о планете, как о живом существе. – Может быть, обрушит своды пещеры и похоронит под ними и СС, и тех, кто будет там работать?

– Владимир прав! – согласился Сергей. – Планета ведёт себя совершенно для нас непонятно. Рисковать нельзя. Надо строить космическую станцию на орбите и монтировать СС там. Мы сможем обеспечить её необходимой энергией за счёт солнечных батарей, а система охлаждения не понадобится вообще.

– Но у нас нет материалов для строительства станции.

– Используем два катера из трех.

– Рискованно! – зашумели присутствующие. – В случае поломки оставшегося мы не сможем вернуться на «Гею».

– Если мы не создадим СС, то вообще можем не вернуться! Со временем мы высвободим один катер, если сможем создать добавочные ёмкости вокруг оставшегося.

– Однако риск большой, – Николай с сомнением покачал головой.

– Так или иначе, но выхода у нас нет. Наша первоочередная задача создать мощную СС! – решительно заключил Сергей, подводя итог совещанию. – Владимир прав, – повторил он. – Мы не можем доверить СС поверхности планеты. Слишком много пока странностей, и если мы не поймём их, то наша дальнейшая судьба весьма и весьма неопределенна. Понять же их мы сможем, только имея в своём распоряжении мощную интеллектуальную систему. Поэтому к монтажу СС на орбите приступаем немедленно.

Закончив совещание, Сергей направился к домику Оксаны. Интуиция подсказывала ему, что именно здесь он сможет получить ответ на мучившие его вопросы. Он уже не сомневался в том, что планета, которую они назвали Счастливой, не вписывается в рамки обычного представления. Это был какой-то особый мир, отличавшийся от Земли и Элии. Враждебен ли он или доброжелателен? Мир этот явно показывал, что не позволит вмешательства. Их попытки начать хозяйственную деятельность потерпели неудачу, как и попытки потревожить поверхность планеты. Планета реагировала, как живое существо, и не только залечивала раны в своей поверхности, но не допускала в неё ничего чужого.

Теперь Оксана. Оксана ли она? Сергей явно тогда ощутил, что его мозг подвергся воздействию каких-то импульсов, словно кто-то опрашивал его память, и как только он понял это, «опрос» сразу же прекратился.

Он застал её сидящей в кресле на веранде дома. Она была в красивом платье и выглядела значительно лучше, чем утром. Завидев Сергея, она встала, показывая, что ждёт его. Глаза её уже не были плотно закрыты ресницами и смотрели на приближающегося Сергея внимательно и выжидающе.

– Здравствуй, Оксана, – поздоровался Сергей, поднимаясь по ступенькам на веранду дома. Она в ответ наклонила голову.

Сергей всмотрелся в её лицо и заметил, что в нем произошли некоторые перемены. Сергей хорошо знал лицо этой красивой, но не блестящей особым умом девушки. Красота Оксаны невольно привлекала многих, но все, кто её более-менее знал, говорили о ней и сходились в общем мнении: «красивая дура». И глаза её были именно такой «красивой дуры», легкомысленной, не задумывающейся в своих поступках и действиях больше, чем на час вперёд. По-видимому, Огарков был не единственным среди населения лагеря, кто пользовался её расположением, а скорее той каплей, которая переполнила чашу терпения Синченко.

Теперь на Сергея смотрели глаза, в которых светился глубокий ум. Это можно сразу заметить. И этот свет в глазах совершенно изменил её лицо, которое из красивого превратилось в прекрасное. Сергей почему-то вспомнил Рубенса. Известный живописец был предельно загружен заказами коронованных ценителей его искусства. Не в состоянии все их выполнить, он перепоручал заказы своим ученикам. Те писали картины. Когда заказанная картина была уже готова, Рубенс приходил в мастерскую и за несколько минут своей кистью превращал заурядность в произведение искусства.

Так и свет разума в глазах Оксаны, подобно мазку кисти великого мастера, совершил подобное невероятное превращение.

– Как вы себя чувствуете? – невольно переходя на «вы», вежливо осведомился Сергей.

Оксана улыбнулась, но ничего не ответила. Она сошла со ступенек крыльца и, обернувшись на оставшегося на веранде Сергея, взглядом пригласила его следовать за собой.

Они вышли из посёлка и направились к залитому водой котловану. Возле котлована Оксана остановилась и вопросительно посмотрела на Сергея. В её взгляде он почувствовал укор.

Сергей принялся объяснять назначение котлована, но она его не слушала и, казалось, не понимала. Затем они пошли по направлению к вспаханным полям. Сергей, который был значительно выше Оксаны, едва поспевал за ней, несмотря на то, что женщина шла вроде бы не спеша. Она как бы скользила по поверхности, не затрачивая на это усилий.

Вспаханное ещё недавно поле успело порости густой травой. Оксана опять вопросительно взглянула на Сергея, теперь в её взгляде чувствовались гнев и раздражение.

Опять последовали объяснения. Оксана слушала их на этот раз внимательно. Поняв, что ей хотел сказать Сергей, она направилась к лесу. Он поспешил за ней. Остановившись возле большой группы деревьев, Оксана дотронулась до коры одного из стволов. Тотчас на стволе выступил сок, который начал быстро густеть. Сергей подошёл поближе и взял в руку загустевший наплыв, понюхал его и вопросительно посмотрел на женщину. Та ободряюще кивнула ему головой. Затем, отломив кусочек загустевшего сока, положила его себе в рот. Сергей последовал её примеру. Если это не был хлеб, то что-то очень на него похожее, отличающееся разве что более приятным вкусом. Одновременно он почувствовал прилив сил в мышцах и снова взглянул на ту, которая выдавала себя за Оксану. Она улыбнулась и ободряюще кивнула головой.

Они углубились в лес. Внезапно она остановилась и сделала знак Сергею, чтобы тот возвращался назад.

– Кто ты? – не выдержал Сергей.

– Иди к себе, – услышал он её голос. В нем звучали повелительные ноты. Сергей сделал было шаг по направлению к ней. Тотчас раздалось рычание и из чащи вышли два громадных хищника. Они приблизились к женщине и стали по обе стороны от неё, оскалив пасти с огромными клыками. Женщина спокойно продолжала глядеть на Сергея.

Тот пожал плечами и, повернувшись, пошёл по направлению к лагерю.

Первое, что он увидел, вернувшись в лагерь, это была толпа, стоящая возле домика Оксаны.

– Она заговорила! – закричали ему из толпы, когда он приблизился.

– Кто заговорил? – недоуменно спросил Сергей.

– Как кто? Оксана! – радостно сообщила ему одна из женщин.

– Бедная! До сих пор никого не узнает! – пояснила другая.

– Разве она здесь? – невольно вырвалось у Сергея.

– А где же ей быть? Я от неё не отходила ни на шаг! – удивлённо взглянула на Сергея

первая.

Сергей вошёл в дом. В той же комнате на кровати сидела Оксана. На ней было то же платье, которое он видел, когда встретил её на веранде. В комнате, кроме неё, находились Вальтер и врач.

Всмотревшись в неё, Сергей уже не обнаружил в её глазах того блеска разума, который недавно так поразил его.

– Что она говорит? – спросил он врача.

– Несёт какую-то чушь!

– А все-таки?

– Бред! Не то вышла из дерева, не то родилась в нем. Не пойму. Говорит, что шла к своему племени, что её послала Великая Мать. Спрашивает, кто будет её мужем. И вот ещё, – доктор засмеялся, – просит амброзии.

Услышав это слово, Оксана быстро закивала головой.

– Дайте мне скорее, иначе я скоро состарюсь. Всегда при рождении дают амброзию! Почему вы мне её не даёте?

– Я же говорю – бред! – отчаивался доктор.

– Подождите, – остановил его Сергей и наклонился к Оксане.

– Ты меня узнаешь, Оксана?

– Ты большой и красивый. Будешь моим мужем? – заулыбалась она ему. – Дай мне амброзии.

– Может быть, сделать ей укол? – спросил Вальтер.

– Нет, подождите. Оксана, – снова обратился он к ней, – ты просишь то, чего мы не имеем.

– Как не имеем? Да она растёт повсюду!

– Ты можешь найти её?

– Конечно, могу! Но меня не пускают и сами её мне не несут.

– Тогда, если ты можешь идти, пойдём. Ты покажешь мне, где растёт амброзия.

Оксана кивнула головой и встала с койки. Они вышли из дома и в сопровождении целой толпы последовали за Оксаной.

Очутившись за лагерем, Оксана остановилась и начала с силой вдыхать воздух носом.

– Она там! – указала она рукой в том направлении, откуда только что вернулся Сергей, и уверенно пошла вперёд. Вскоре все пришли в знакомую уже Сергею рощу, где росли «хлебные», как он их назвал, деревья.

Оксана надрезала кору одного дерева захваченным из дома ножом и подставила под струю хлынувшего сока миску. Вскоре миска наполнилась быстро густеющим соком. Оксана стала его есть.

– Так это и есть амброзия? – спросил Сергей.

Рот Оксаны был заполнен едой, и она только кивнула головой, протягивая Сергею миску, приглашая его разделить с ней трапезу.

– Кто её ест, тот не стареет, – пояснила она, проглотив пищу. – Но её надо съесть сразу же после рождения. Тогда будешь здоров.

– Так это и есть та легендарная мифическая амброзия! – воскликнул Николай, пробуя кусок застывшего сока.

– Не знаю, мифическая она или легендарная, но довольно вкусно, – откликнулся Вальтер. – Я чувствую себя, как будто отдыхал целый месяц на курорте.

– Странное совпадение названия, – задумчиво протянул Николай.

– Амброзия по-гречески означает бессмертие. Откуда здесь греческий язык?

– А сейчас мы проверим! – Сергей повернулся снова к Оксане.

– Оксана! Ты сказала, что тебя послала Великая Мать. У неё есть ещё другое имя?

– Ты разве не знаешь? Её зовут Кибела – Великая Мать!

– Как она выглядит?

– Её никто не видел, но она прекрасна!

– Ещё одно удивительное совпадение, – взволнованно вмешался в их разговор Николай. – Сначала Уран, потом Кибела.

Сергей заметил, что когда Николай произнёс слово «Уран», Оксана вздрогнула.

– Не произноси этого слова! – она вперила в Николая испуганный взгляд. – Великая Мать разгневется!

Николай хотел возразить, но Сергей подал ему знак, чтобы тот помолчал.

– Хорошо, хорошо, Оксана, – он погладил её по голове. – Успокойся, мы не будем гневить Великую Мать. Какие ещё съедобные растения ты тут знаешь?

– О, их много! Очень много! Великая Мать щедра к своим детям.

– Ты нам их покажешь?

– Покажу, конечно! Но почему вы их сами не знаете?

– Так получилось, – Сергей не знал, что ответить ей. Он уже давно понял, что перед ним не земная Оксана и не та, которая была с ним два часа назад здесь, в роще. Сколько ещё сюрпризов готовит им эта планета? Урания предупреждала, что они его ждут, но не сказала, какие. Из этого можно заключить, что планета не будет враждебной, иначе бы Урания предупредила.

Нагруженные кусками застывшего сока амброзии, все вернулись в лагерь.

Наступил уже вечер. Жёлтый спутник Счастливой поднялся над горизонтом, когда они подошли к домику Оксаны.

– Ты разве не пойдёшь со мной? – обиженно спросила его Оксана, когда он остановился у порога её дома.

– Нет, Оксана. Скоро приедет твой настоящий муж. Он в отъезде, но завтра мы его привезём, – пообещал он.

– Я хочу, чтобы он был высоким и красивым! – потребовала она.

– У нас здесь все высокие и, как ты заметила, наверное, красивые, – засмеялся Сергей.

– Почему у вас так мало женщин?

– Так получилось.

– Их похитили? Тогда вы слабые мужчины!

– Нет, не похитили. У нас их не было с самого начала.

– Так вы дикие?

– Что значит дикие?

– Ну, те, которые не имеют племени.

– Наше племя очень далеко отсюда.

Оксана задумалась, стараясь понять его последние слова, но видно было, что смысл их не дошёл до неё. Она пожала плечами.

– Никогда не видела сразу столько диких. Почему вы не пошли к племени?

– Мы не знаем, куда идти.

– Тогда совсем не понимаю. Каждый дикий знает, куда ему идти.

– Все это сложно, Оксана. Иди спать. Когда-нибудь мы во всем разберёмся. – Сергей нежно подтолкнул девушку к её дому и пошёл к поджидавшим его невдалеке Николаю и Владимиру.

– Ну, что ты обо всем этом думаешь? – прервал Николай затянувшееся молчание. Они почти дошли до своего дома, где жили вчетвером вместе с Вальтером.

– Пока мало информации, чтобы делать какие-то поспешные выводы. Будем наблюдать.

– Во всяком случае, голодать теперь не будем, – услышали они голос Вальтера, который ожидал их, сидя на скамейке возле дома.

Сергей подошёл к нему и опустился рядом на скамью.

– Надеюсь, амброзия, как назвала Оксана этот застывший сок, не повредит нам.

– Может быть, это действительно та самая амброзия, которой потчевались олимпийцы? – Николай чиркнул зажигалкой и прикурил сигарету.

– Все возможно. Если учесть все, что мы знаем теперь об Уране и его населении, то очень вероятно, что они знали эту планету. – Сергей помахал рукой, разгоняя табачный дым. – Когда бросишь курить эту гадость? Ты же спортсмен.

– Да вот, начал курить ещё в Пакистане, когда давили торговцев наркотиками. Нервы, понимаешь, не выдержали. Вот и закурил, а потом пристрастился.

– Во всяком случае, эта амброзия чрезвычайно приятна на вкус и после неё чувствуешь себя удивительно хорошо, – вернулся к затронутой теме Вальтер.

– Меня очень заинтересовало имя Кибела. Кажется, это имя какой-то богини. Я хоть и историк, несостоявшийся, должен признаться, что древнюю мифологию знаю слабо. Что ты можешь сказать по этому поводу? – спросил Николай, обращаясь к Сергею.

– По поводу чего? Твоего слабого знания истории?

– Ну, зачем так? Я говорю о самом имени Кибела.

– Насколько я помню, это имя богини земли и плодородия. Культ её был распространён во Фригии и отличался жестокостью и крайней чувственностью. Потом он был принят в Риме. Жрецы этого культа оскопляли себя. Ей приносились кровавые жертвы, в том числе человеческие.

– Бррр! – Вальтер поёжился. – Меня это совсем не устраивает. Я не хочу, чтоб меня оскопляли или принесли в жертву.

– Думаю, до этого не дойдёт. Дело в том, – Сергей понизил голос, – что я её видел.

– Кого? Кибелу?

– Да, её! – Сергей рассказал о встрече с мнимой Оксаной и чем она закончилась.

– Вот это да! – присвистнул Николай. – Чудеса!

– Не больше, чем Урания или наша СС. Самоорганизация может принимать самые неожиданные формы. Единственно, что объединяет все самоорганизации, – это развитие разума, как вершины самой самоорганизации. То, что представителям одной культуры кажется невероятным, для другой само собой разумеющееся, и наоборот. Что же! Счастливая оказалась чрезвычайно интересной планетой. Будем её изучать, чтобы понять. Я уверен, что поняв её, мы извлечём для человечества значительно больше пользы, чем если бы использовали эту планету для оттока земного населения.

– Интересно, смогла бы расти такая амброзия на Земле?

– Не думаю, Вальтер. Если бы она могла прижиться, олимпийцы занесли бы её к нам ещё шесть тысяч лет назад.

– Олимпийцы? – удивился Вальтер.

– Ах, да! – Сергей досадливо поморщился. – Ты же ничего не знаешь!

– Чего я не знаю?

– Давайте поговорим об этом завтра, – пришёл на выручку Сергею Николай. – Уже поздно.

– Завтра надо послать вертолёт за Синченко, – переменял тему разговора Сергей. – Поскольку Оксана жива, наказывать её мужа не за что. Вернее, его можно помиловать.

– Но та ли это Оксана?

– Пусть разбираются сами. Во всяком случае, мы не можем теперь оставлять Синченко одного. Я, наверное, сам за ним отправлюсь. Со мной полетишь ты, Николай, и ты, Вальтер. Ты, – он повернулся к сыну, – побудешь здесь за меня. Полетим утром.

– Не лучше ли воспользоваться катером? – предложил Вальтер. – Мы его уже собрали и надо испытать. Кроме того, не мешало бы обследовать течение реки. Кстати, мы её так и не назвали.

– Назовём её Аттисом, по имени возлюбленного Кибелы, – предложил Сергей.

ПИФОН

В самый последний момент Сергей и Николай решили остаться в лагере: много неотложных дел с подготовкой монтажа СС. В поездку за Синченко отправились Владимир и Вальтер, взяв с собой ещё трех бойцов из отряда Владимира. Владимир предупредил, что в таком случае они задержатся в экспедиции дней на десять, чтобы хорошо изучить окрестности и течение Аттиса.

– Возьмите с собой Оксану, – неожиданно для самого себя предложил Сергей. – Она знает растительность планеты и может оказаться полезной.

– А она в состоянии перенести дорогу? – усомнился Владимир.

– Вполне, – поддержал предложение Сергея Вальтер. – Она совсем уже оправилась. Кроме того, я сам немного доктор, и в случае чего...

– Как бы Синченко не умер от неожиданности! – покачал головой Владимир.

– Ничего! Парень он крепкий, выдержит! – засмеялся Вальтер.

– Мне кажется, всех нас здесь ожидают многие неожиданности. Надо закалять нервы.

– Смотрите, – строго предупредил Сергей, – будьте осторожными. Ежедневно выходите на связь. Я уже не сомневаюсь, что на планете есть разумная жизнь. В случае встречи с аборигенами будьте внимательны.

– Не беспокойся, отец. Все будет нормально, – заверил Владимир.

Через час после этого разговора катер отчалил от берега и взял направление на север.

Синченко поселили километрах в ста тридцати от лагеря, на месте впадения второго притока в Атгис. Там ему построили дом. Оставили оружие, инструменты, инвентарь и полугодовой запас пищи.

Катер мог развить скорость до 80 километров в час, но из-за задержек в пути на исследование берегов реки Владимир и его друзья прибыли на место только к вечеру.

В дороге Оксана при высадке на берег указала много полезных растений. Вальтер тщательно собирал образцы их, укладывая в специальные пластиковые мешочки из полупроницаемых мембран. Тут были овощи, которые не только не уступали земным, но и превосходили их по вкусовым качествам и составу. Каждый раз, посматривая на телеэкран переносного анализатора, Вальтер не мог удержаться от удивления.

– Да здесь целая сахарная плантация! – воскликнул он, вытаскивая из гнезда анализатора очередной образец. – Эти тыквы – сплошной насыщенный сахарный сироп. Удельное содержание в них глюкозы в четыре раза больше, чем в сахарном тростнике. А вот, полюбуйте, пожалуйста! – он протянул им только что набранные на очередной остановке клубни. – Разломите их, – попросил он Владимира. Тот послушно надавил пальцами на клубень, и на его колени посыпался белый порошок.

– Настоящая мука! Уверяю тебя! – воскликнул Вальтер. – И притом отличного качества. Я подсчитал, – продолжал он, – на той поляне, где росли эти штуки, урожай в пересчёте на пшеницу может быть не менее пятисот центнеров с гектара. Если мы привезём семена этих растений на Землю, то будем иметь такое изобилие натуральной пищи, о котором никогда и не мечтали! Это тебе и хлеб, и корма для скота! Уже одни эти клубни целиком оправдывают полет на Кибелу!

– Посмотри! Что это? – воскликнул Владимир, указывая на правый берег реки. Там из воды внезапно показался целый остров, длиной не меньше тридцати метров. Вскоре высунулась и голова с тупым рылом и маленькими, едва заметными глазками.

– Вот это гиппопотам! Сколько же он весит? Тысячу тонн, не меньше.

– Это Баа! – закричала Оксана. – Много мяса, – пояснила она.

– В этом я не сомневаюсь. Тут работы на неделю целому консервному заводу. – Вальтер поднял бластер, но Владимир остановил его.

– Что ты хочешь делать?

– Как что? Подстрелить, конечно!

– Зачем? Что мы будем делать с этой горой мяса? Оставь, сейчас не время.

Вальтер неохотно опустил бластер.

– Пожалуй, ты прав. Но, согласись, мне трудно удержаться. Такая добыча!

– А вот ещё пара! – крикнул один из бойцов.

Действительно, ниже по реке в воде паслись ещё два таких же чудовища. Одно было поменьше.

– Семейство, – заключил Владимир. – Это, – он указал на ближайшего, – по-видимому, самец, а там – самка с детёнышем.

Великан тем временем вышел на мелководье. Высотой он был не меньше шести метров и такой же в толщину.

– Посмотрите! – снова крикнул боец, тот, что первым увидел самку с детёнышем. – У него шесть конечностей.

– Давайте подойдём немного ближе, – предложил Вальтер, вытаскивая видеокамеру.

Катер подплыл метров на тридцать к великану, и Вальтер начал его снимать. У Баа, как его назвала Оксана, было действительно шесть конечностей. Передние немного тоньше и длиннее задних двух пар и заканчивались самыми настоящими кистями с пятью длинными,

каждый с полметра, пальцами. Баа вырывал ими водоросли и спокойно, не обращая внимания на катер и людей, отправлял их в рот. Верхняя часть туловища у животного была приподнята и составляла нечто вроде торса, заканчивающегося плечами и парой «рук».

– Может быть, у него и разум есть? – спросил боец.

Вальтер сомнительно покачал головой.

Баа между тем устался на людей и вдруг с неожиданной для него проворностью бросился в воду и поплыл к катеру.

– Давай! – крикнул Владимир стоящему у руля бойцу. – А то он нас сейчас потопит.

Баа приблизился к ним уже метров на пять, когда катер взвыл мотором и помчался вверх по реке. Вслед ему понёсся рассерженный громopodobный рёв.

– Обиделся, что знакомство не состоялось, – пошутил Владимир.

Внезапно раздался крик ужаса. Кричала Оксана, указывая вперёд по курсу катера. Владимир всмотрелся. Ему показалось, что посреди реки плывёт в вертикальном положении ствол дерева, но тут же почувствовал, что сам цепенеет от ужаса. Навстречу им плыл гигантский змей. Его голова возвышалась над водой не меньше чем на семь метров, а толщина туловища достигала почти двух.

– Пифон! Пифон! – в ужасе закричала Оксана. – Мы погибли!

Одновременно полыхнули три бластера. Казалось, что на путешественников налетел смерч. Катер взметнуло волной вверх. Гигантские кольца извивающейся змеи выбросились из воды. Людей бросало из стороны в сторону. Лишённая головы, срезанной бластерами, змея продолжала жить. Наконец её удалось рассечь на несколько частей, каждая из которых извивалась и бушевала в воде, побуревшей от крови.

Внезапно трехметровая голова с оскаленной пастью с двумя острыми клыками, каждый из которых был не менее восьмидесяти сантиметров, вынырнула почти у самого борта. На путешественников уставились огромные глаза с щелевидными зрачками. Скорее инстинктивно, чем сознательно, Владимир выстрелил из бластера прямо между глаз. Змея однако успела вцепиться в борт катера, отчего он накренился, и застыла.

– Ещё одна?! – прохрипел Вальтер, у которого от волнения пересохло в горле.

– Нет! Это та же. Обрубок. Вон он кончается, – Владимир показал рукой за борт, где на поверхность всплыло тело змеи, вернее, семиметровый обрубок, все, что от неё осталось.

– Ну и живучая же гадина, – проговорил один из бойцов, пытаясь багром разжать пасть змеи.

– Осторожно! Не сломай ей зубы! – вскричал Вальтер, в котором уже проснулся естествоиспытатель. – Она не ядовита? – на всякий случай спросил он Оксану.

Та, ещё не оправившись от испуга, не могла произнести ни слова и лишь отрицательно покачала головой.

Владимир вытащил остро заточенный кинжал и попытался вырезать зубы змеи.

– Возьми лучше это., – Вальтер подал ему ручную плазменную пилку.

– Что ты с ними думаешь делать? – поинтересовался он.

– Жаль, велики, – пошутил Владимир, – а то бы повесил себе на шею, как древний дикарь, в качестве трофея. Каждый из них весит килограмм десять, наверное, – он протянул Вальтеру клыки змеи. – Я вот что сделаю! Посмотри, какая красивая кожа, – обратил он внимание Вальтера на расцветку змеи. – Настоящий афганский ковёр. Какие краски!

– Неужели ты хочешь снять её?

– А почему бы и нет? Раз нельзя повесить её зубы на шею, сошью из её кожи плащ!

Идея понравилась всем присутствующим, за исключением Оксаны, которая с нескрываемым ужасом смотрела, как они вылавливают и цепляют к катеру многометровые, ещё подёргивающиеся в судорогах куски змеи. На берегу, вооружившись ножами, они сняли с них кожу.

– Настоящие ковры. – Вальтер измерил шагами одну из кож, расстеленную на траве. – Приблизительно тридцать квадратных метров. И что хорошо: кожа тонкая, но невероятно прочная. – Он попробовал разорвать руками вырезанную узкую полоску, но не смог, несмотря на прилагаемые усилия.

– Чего ты боишься, девочка? – ласково спросил он несмело подошедшую к ним Оксану.

Та была ещё бледная и продолжала дрожать. – Она уже не кусается. Можешь потрогать её кожу.

– Это же Пифон! Пифон! – срываемся от волнения голосом едва слышно шептала Оксана.

– Какая разница! Пифон или Трифон! Если ты говоришь Пифон, то пусть так и будет. Интересно, какая у него длина? Ты не знаешь?

Оксана понемногу приходила в себя. Ещё раз посмотрев на окровавленные куски змеи, она указала на растущее неподалёку дерево.

– Что?! – вскричал Вальтер, оценив расстояние, – метров триста? Вот это змейка! И что, часто такие здесь встречаются?

Оксана в ужасе отрицательно замотала головой.

– Если приходит Пифон, то все живое исчезает!

– Я думаю! Чтобы прокормиться такой прорве, надо очень много мяса. А кожа все-таки великолепна. Жаль, что не выловили ещё несколько кусочков.

– Послушайте! – вскричал вдруг Игорь, тот из бойцов, который заметил Баа, – а не сожрал ли этот Пифон нашего Синченко? Ведь он плыл нам навстречу, против течения.

– В путь! – отдал приказ Владимир.

Часа через два они были уже у устья реки Синченко. Оставалось проплыть против течения ещё пару километров, где на левом берегу на склоне большого холма стоял дом их товарища. Его можно было увидеть с берега.

– Странно, что не вижу хижину, – Владимир опустил бинокль и недоуменно посмотрел на Вальтера.

– Может быть, дальше?

Катер прошёл ещё около трех километров вверх по притоку Аттиса.

– Нет! – решительно заявил Владимир. – Это ниже. Здесь совсем другая местность.

Они повернули и снова спустились вниз по реке.

– Кажется, здесь. Вот тот холм. Но где хижина?

Путешественники высадились на берег и пошли к холму. Пройдя шагов сто, они остановились, поражённые увиденным. Густая трава издали скрывала то, что осталось от дома: куча головешек.

Внезапно Игорь, шедший впереди, остановился, как вкопанный, потом побежал вперёд и, обернувшись, закричал остальным, чтобы они подошли к нему.

К горизонтальной толстой ветви дерева, росшего неподалёку от остатков хижины, за ноги были привязаны два изуродованных человеческих тела. У обоих снята кожа. Одно тело было мужским и принадлежало по всем признакам Синченко, другое, меньшее по размерам, женским. Возле висевших на дереве трупов трава была вытоптана и на почве ясно выступали отпечатки конских копыт.

Сергей выслушал сообщение сына.

– Возвращайтесь! – приказал он. – Ничего не предпринимайте! Высылаю вам навстречу вертолёт.

– Следы идут вдоль берега реки к истоку, – услышал он голос Владимира. – Они совсем свежие.

Рядом с Сергеем в радиорубке находился Николай. Он вопросительно посмотрел на Сергея.

– Может быть, надо проверить, проследить, куда они идут?

– Я тоже так думаю, – услышал Николая Владимир. – Отец, разреши! Мы пройдем немного вверх по реке.

– Разреши, Сергей, – поддержал Владимира Николай. – Нам необходимо знать, с кем имеем дело!

– Хорошо! Дождитесь вертолёт и вместе сделайте разведку. Но предупреждаю, не предпринимать никаких ответных действий.

– Когда будут вертолёт?

– Часа через четыре.

– Пойдёт дождь, – предупредил Владимир, – следы могут исчезнуть.

– Действительно, – Николай взглянул на часы, – до дождя осталось не больше часа. Здесь они идут точно по расписанию.

– Хорошо! Пройдите вверх по реке и проследите направление следов. От берега и катера далеко не отходить. Через каждый час связывайтесь по радию. Будьте осторожны!

– Не беспокойся, отец, не в первый раз, – Владимир прервал связь.

Сергей выключил радио и обменялся с Николаем взглядами.

– Что ты по этому поводу думаешь?

– Меня смущает труп женщины. Откуда она взялась? Скорее всего, поблизости селение аборигенов. Синченко мог похитить женщину и тем самым вызвать ответные действия, – высказал предположение Николай.

– Вполне возможно. Если это так, то Синченко – причина конфликта. Мы ничего не знаем о нравах и обычаях местного населения, наличие которого уже не вызывает сомнения. Это гуманоиды и, по-видимому, находятся на ранних этапах развития. Дальше. Какие мы имеем о них сведения? Им знакомо скотоводство. Затем, Владимир сообщил, что нашёл несколько стрел с бронзовыми наконечниками. Следовательно, они овладели началами металлургии. Скорее всего, они соответствуют нашему бронзовому веку, то есть, имеют племенную организацию с зачатками, возможно, государства и рабства. Ты историк, что ты можешь сказать по этому поводу?

– Скорее всего, ты прав, Сергей, Мне тоже кажется, что аборигены находятся в своём социальном развитии на границе между общинно-родовым строем и возникновением рабовладельческого общества. Так как они гуманоиды, развитие их может быть сходным с развитием земной цивилизации. В этом периоде людям свойственна особая жестокость к побеждённым. Это подтверждает факт их расправы с Синченко. – Николай замолчал и вопросительно посмотрел на Сергея. – Итак, я лечу?

– Возьмёшь с собой сорок бойцов из своего отряда.

Сергей встал, но Николай продолжал сидеть.

– Ты что-то ещё хочешь сказать?

– Да, мне пришла в голову мысль. Если мы хотим контакта, а его не избежать, мне кажется, что мы с нашей техникой только напугаем аборигенов и тем самым исключим всякую возможность контакта. Они просто спрячутся.

– Что же ты предлагаешь?

– Конную экспедицию. Это им понятно. Если же они увидят вертолёт, то, сам понимаешь...

Сергей задумался.

– Ты прав, – наконец сказал он, – и времени сейчас мало. Конная экспедиция доберётся туда только за неделю. А нам необходимо получить информацию и подстраховать Вальтера и Владимира с их спутниками. Потом... в общем, я согласен с тобой. Мы предпримем такую экспедицию. Пока же отправляйся в путь, а я здесь, если позволят обстоятельства, буду готовить конный отряд. Во-первых, много времени займёт монтаж СС. Это главное. Без этого мы беспомощны. А во-вторых, у нас едва наберётся тридцать человек, которые умеют сидеть в седле. Мы ведь лошадей взяли главным образом для хозяйственных нужд и для того, чтобы создать поголовье к приезду партий переселенцев. Наездников у нас практически нет. Обучать придётся мне и тебе. Так что возвращайся скорей.

Через час пять вертолётов поднялись в воздух.

Катер шёл вверх по реке, которая теперь протекала в узкой долине между холмов, покрытых густым лесом. Быстро темнело. Время от времени путешественники останавливались и выходили на берег, проверяя, не утерян ли след. Однако конские копыта чётко обозначивались на влажном песчаном грунте берега реки.

Наконец стемнело так, что следы можно было обнаружить лишь при свете фонаря. Жёлтый спутник ещё не взошёл. Решено было остановиться на ночлег. Двое бойцов, Вальтер и Оксана сошли на берег, а Владимир включил радию, чтобы связаться с лагерем. Он уже закончил разговор с базой, как с берега раздались крики и полыхнули в темноте голубые вспышки бластеров.

Владимир включил носовой прожектор и направил его на берег. Там метались двое

бойцов, посылая в ночную тьму один выстрел за другим.

– Что случилось?

– На нас напали! – услышал он голос Игоря. – Похищены Оксана и Вальтер!

Владимиру понадобилось три секунды, чтобы очутиться на берегу.

– Как это случилось?

– Они отошли в сторону. Я даже ничего не заметил. Вдруг слышу приглушённый крик.

Пока повернулся, увидел лишь несколько удаляющихся всадников. Я боялся попасть в своих, – оправдывался Игорь.

– Надо было по ногам лошадей!

– Как-то от неожиданности не сообразил сразу. А когда понял, то они уже скрылись среди деревьев.

– Боже мой, какие мы растяпы! – с горечью произнёс Владимир. – Продвигаемся по чужой планете, словно на увеселительной прогулке.

Он не успел закончить. Град стрел обрушился на них ливнем. Стоящий рядом боец вскрикнул. В плечо ему впилась длинная стрела.

– К катеру! – крикнул Владимир, посылая во тьму луч бластера.

В темноте ночи замелькали тени конных силуэтов.

Отстреливаясь, путники отступили к катеру. Заработал мотор, и катер стал быстро удаляться к противоположному берегу.

– Надо сообщить на базу о нападении, – со стоном произнёс раненый. Он пытался вырвать застрявшую в плече стрелу.

– Сейчас я тебе помогу, – успокоил его Владимир, вытаскивая походную медицинскую сумку. Он сделал ему обезболивающий укол. Выждав минуту, глубоко надрезал ткань и вытащил стрелу вместе с наконечником. Потом, убедившись, что анализатор не показывает присутствие яда, перевязал рану.

Послышалось крепкое ругательство.

– Что там ещё, Игорь? – спросил Владимир.

– Ты посмотри только, что они сделали!

Владимир оставил раненого и подошёл к Игорю, который держал в руках передатчик, оставленный Владимиром на палубе в тот момент, когда он, кончив сеанс связи, услышал с берега крик. Передатчик был сломан. Длинная стрела, пробив пластиковый корпус, проникла внутрь.

– Вот так! Ко всему мы остались и без связи!

Он не успел закончить фразы, как на них обрушился новый ливень стрел. На этот раз они неслись с левого берега.

– Разверни катер и включи прожектор! – крикнул Владимир Игорю.

Катер развернулся, посылая яркий сноп света на левый берег. Владимир успел заметить на берегу большую толпу странных всадников, как вдруг раздался треск, и прожектор погас. Заметив все же место скопления противника, Владимир стал посылать туда выстрелы из бластера. Его спутники присоединились к нему. С берега послышался многоголосый рёв, однако поток стрел продолжал сыпаться на них градом. Вскрикнул ещё один боец и упал на палубу.

Катер двинулся, набирая скорость, выходя из-под обстрела.

– Нас окружили, теперь надо как-то дождаться рассвета и прибытия помощи. Держись середины реки, – велел Владимир Игорю, а сам занялся раненым. На этот раз рана была глубокая. Стрела насквозь пронзила бедро бойцу. Кость, к счастью, не была задета.

Стрелы теперь не долетали до них, однако назад дорога была отрезана. Дело в том, что внизу река суживалась, протекая между двумя скалами, и проход был не больше пяти метров, так как остальное пространство реки заполнялось крупными валунами, выступающими из воды. Отправиться назад, значило попасть снова под обстрел.

– Эти дьяволы видят ночью не хуже, чем днём, – простонал раненый.

– Сейчас быгодились доспехи древних рыцарей, – подал из темноты голос Игорь.

– Постой-ка, – вдруг оживился Владимир. – У нас есть что-то подобное. Он вспомнил про кожу гигантской змеи. Когда её снимали, то острый стальной нож с трудом прокалывал её

прочный покров. На разрез она поддавалась, и то только если резать натянутую.

Опять в борт впиалась стрела.

– Ну, они от нас не отстанут. Давай, Игорь, вверх по реке. Стрелы долетают до её середины. Если мы будем двигаться, у них меньше шансов попасть. Катер взревел мотором и помчался вверх по течению. Внезапно они очутились на широком водном пространстве. Взошёл жёлтый спутник и осветил гладь большого озера. Река вытекала из него широким и глубоким протоком.

– Отойди метров на двести от берега и там остановимся! – приказал Владимир.

Катер прошёл ещё немного и остановился. Игорь бросил якорь, но трос якоря не достал дна.

– Здесь больше десяти метров. Мы не рассчитывали на такую глубину.

– Придётся лечь в дрейф. Течение есть, но небольшое.

Снова застонал раненый.

Владимир внезапно хлопнул себя ладонью по лбу и выругался.

– Совсем забыл! Отец ведь меня учил лечить раны!

Он подошёл к раненому и стал, как учил его Сергей, водить ладонью у поверхности раны. Однако или он разучился, или рана была слишком глубокая, но облегчения раненому бойцу его манипуляции не принесли. Про свете фонарика он ввёл ему шприцем внутримышечно порцию антибиотиков и дал таблетку обезболивающего. Раненый вскоре затих и заснул.

Второй, с лёгкой раной в плечо, чувствовал себя уже лучше и тоже спал.

Жёлтая луна постепенно поднялась выше и стало светлее.

– Влипли мы все-таки здорово, – пожаловался Игорь и напомнил: – Ты говорил насчёт змеиной кожи.

– Да, мы сейчас сделаем из неё подобие плащей.

Он взял плазменную горелку и, манипулируя тонкими, как игла, лучом, вырезал два квадратных куска кожи. Затем в каждом сделал отверстие для головы и два по бокам для рук.

– Классическая индейская одежда, – сказал он, напяливая на себя одну из кож и протягивая Игоря другую.

– А что? Довольно удобно, – заключил Игорь, следуя его примеру.

– Дождёмся утра и отправимся искать Вальтера и Оксану.

– Если они живы...

Владимир не ответил. Во всем случившемся он винил только себя. Уверенные в превосходстве оружия, люди допустили непростительную беспечность, забыв, что даже полное превосходство оружия не может обеспечить безопасность перед внезапностью нападения. И вот теперь аборигены, вооружённые только луками и стрелами с бронзовыми наконечниками, одержали внушительную победу, захватили в плен двоих и столько же вывели из строя. Больше всего беспокоила гибель рации и невозможность связаться с базой и отправленными им на помощь вертолётами. Вертолёты должны прибыть через час. Владимир время от времени вслушивался в ночь, надеясь уловить гул летящих машин, но все было безмятежно и лишь плеск играющей в воде рыбы нарушал тишину.

Под утро ему показалось, что он слышит где-то вдали на востоке гул машин. Он напрягся, стараясь уловить этот звук яснее, но тщетно.

Стало светать. Озеро покрылось густым предрассветным туманом. Линия берега скрылась в густой дымке, и только верхушки деревьев, выступая из белесой мглы, указывали его расположение.

– В таком тумане они нас все равно не заметят, – высказал опасение Игорь и как бы в ответ на это явственно послышался гул приближающихся вертолётов.

Владимир закусил от досады губу.

Вертолёты летели уже над самим озером.

– Скорее к реке! Там туман, может быть, не такой густой.

Катер помчался к предполагаемому месту выхода протока, но скоро перед ним вырос обрывистый берег без малейших признаков вытекающей из озера речки.

– Нас, наверное, отнесло к северу.

Катер пошёл вдоль берега в южном направлении. Вертолёты между тем, покружив над

озером, улетели в южном направлении.

Пройдя ещё некоторое время вдоль берега, они, наконец, обнаружили устье реки и вошли туда.

– Давай быстрее!

Катер помчался по реке. И вдруг остановился.

– Что такое?

– Мы, по-видимому, вошли не в ту реку, – озадаченно проговорил Игорь. – Я только что заметил, что мы идём против течения.

– Проклятый туман! Даже берегов не видно.

– Будем возвращаться?

– Без толку. Надо дожидаться, когда туман рассеется.

Они простояли на якоре полчаса. Туман начал постепенно редеть. Вот уже стали видны стволы деревьев по обоим берегам реки. Она была неширокой, всего метров пятьдесят. По обеим сторонам тянулся песчаный пляж, кое-где поросший гигантскими деревьями. Сквозь широкие промежутки между их стволами виднелись густые заросли леса.

– Смотри, – прошептал Игорь, указывая на правый берег. К реке спустилось стадо оленей. Это были настоящие земные олени. Впереди шёл громадный вожак с развесистыми рогами. Подойдя к реке, он остановился, поднял голову и с силой втянул через ноздри воздух, потом наклонился к воде и стал пить. Следом за ним вошло остальное стадо. Возле самок крутились молодые оленята. Напившись, они принялись резвиться на мелководье, поднимая фонтаны брызг.

Внезапно вожак перестал пить. Поднял голову и прислушался. Затем, издав приглушённый короткий крик, пружинисто бросился в сторону. За ним вслед умчалось все стадо.

– Их что-то напугало, – снова прошептал Игорь.

Прошло ещё минут пять. Вдруг послышался крик и шум. На песчаный берег выбежал человек и бросился в воду. Вслед за ним выскочили, как показалось вначале Владимиру, всадники. Один из них натянул лук.

– Это Вальтер! – тихо вскрикнул Игорь, поднимая бластер. Но было уже поздно. Пропела стрела и впилась в спину плывущего к левому берегу человека. Луч бластера буквально перерезал пополам обоих всадников.

– Не заводи мотора! – крикнул Владимир Игорю и бросился в воду.

Несколько взмахов, и он очутился рядом с тонущим. Через пять минут он уже вытаскивал раненого на борт катера. Это был не Вальтер. Стрела вошла ему под левую лопатку. Перед ними на палубе катера лежал совершенно незнакомый юноша лет двадцати двух, высокий, с правильными чертами лица. Его голубые глаза удивлённо и с ужасом смотрели на Игоря. Он пытался что-то произнести, но не мог. Он был ещё жив. Владимир сделал ему обезболивающий укол, и когда тот забылся, попытался вырезать стрелу, но та застряла в лопатке, раздробив её нижний край. Наконец стрелу удалось вытащить. Раненый был без сознания.

– Пойдём тихо к берегу. Я хочу посмотреть, что это за парни преследовали его. Мне кажется, это наши ночные знакомые.

Игорь переключил мотор на аккумулятор и бесшумно приблизился к берегу. Владимир спрыгнул в воду и подошёл к поверженным всадникам. Остановившись, он сделал знак Игорю, чтобы тот присоединился к нему.

– Фантазмагория! – невольно вырвалось у того, когда он подошёл к Владимиру и взглянул на поверженные им тела «всадников».

– Кентавры! Самые настоящие кентавры! Полулюди-полукони!

– Какая мерзость! – Игорь с отвращением рассматривал покрытые рыжей шерстью тела.

– То-то мне они показались слишком маленькими для всадников.

– Нет, ты посмотри! Какие рожи!

– Да, с точки зрения человеческой эстетики они выглядят довольно противно. Я думал, – продолжал Владимир, что кентавры – это досужие выдумки эллинов. Никогда не предполагал, что увижу их воочию. Кстати, ты помнишь вчерашних великанов в реке? У них ведь тоже было шесть конечностей. Странно! Настоящие люди и кентавры! Каким путём здесь идёт эволюция?

– Что будем делать?

– Здесь, вероятно, поблизости селение людей. Наш раненый – свидетельство этому. Возможно, это те же кентавры, что напали на Синченко и похитили Вальтера и Оксану. Мы должны воспользоваться случаем и напасть на них неожиданно. Они, если это те же, не ожидают нашего нападения.

Как бы в подтверждение сказанного до них донёлся запах дыма.

– Где-то горит. И возможно, селение этих людей.

Они вернулись на катер. Владимир разбудил спящего бойца, раненого в плечо.

– Саша, ты в состоянии управлять катером?

– Я уже вполне оправился. Что нужно делать? – внезапно он бросил взгляд на лежащего рядом аборигена. – А это кто?

– Потом, Саша, потом. Мы сейчас поднимемся немного выше, чтобы определить, откуда несёт гарью. Затем мы с Игорем высадимся, а ты и Олег останетесь в катере. Держись середины реки. Вот, – он кивнул на вырезанные из шкуры Пифона накидки, – оденьте на себя. Их стрелы не пробивают. – Говоря это, он надел одежду из накидок, сброшенную им перед прыжком в воду.

Катер стал медленно подниматься вверх по течению. Запах гари усилился. Он нёсся с правого берега. Вскоре до них стали доноситься крики.

– Пора! – сказал Владимир, и катер подошёл к берегу.

Высадив двоих, он отошёл на середину и бросил якорь. Владимир и Игорь скрылись между деревьев.

ЛАПИФЫ И КЕНТАВРЫ

– О Великая Мать Кибела! Спаси нас и не оставь своих детей лапифов заботой! Не дай нашему народу погибнуть от кровожадных кентавров! Прими нашу жертву и будь милостива! – Кеней – вождь селения поднялся с колен перед мраморной статуей богини и сделал знак воинам. Те привели связанных пленников. Их было четверо. Первого привязали к жертвенной доске, и ритуал начался. Двое жрецов надрезали пленнику все шесть конечностей и специальными крюками вытащили на поверхность жилы. Теперь они будут наматывать их на деревянные палочки. Толпа зрителей – воинов и женщин – пришла в возбуждение. Раздался рёв пытаемого пленника. Чем дальше будет пленник на жертвенной доске, тем больше мук он примет, тем довольнее будет Великая Мать Кибела и тем больше удачи пошлёт она племени.

Эти пленники были захвачены несколько дней назад. Две тысячи воинов пошли тогда в поход против заклятых врагов племени – кентавров. Это был поход мести за прошлогодний набег, когда кентавры сожгли их старое селение, перебили более пятисот мужчин и увели в плен много женщин. Кеней предводительствовал в этом походе и вначале ему сопутствовало счастье. Они внезапно обрушились на селение кентавров и перебили в нем всех живых, в том числе и детей. Второе селение удалось тоже сжечь дотла. Но в степи их настигла большая толпа врагов, и из двух тысяч воинов назад вернулась только половина.

Лапифы, как и кентавры, были бессмертны. Только смерть в бою или другой вид насильственной смерти мог пресечь нить жизни. Их женщины редко рожали детей, и рождение ребёнка было большим событием в племени. Племя пополнялось за счёт прихода «диких», как принято было называть посланцев Великой Матери. Дикае рождались уже взрослыми и, следуя внутреннему зову, шли к тому племени, к которому посылала их Великая Мать. Так думали лапифы. То же самое думали и их заклятые враги кентавры. Вражда между этими двумя народами длилась долгие тысячелетия. Кентавры похищали женщин у лапифов. Женщины эти редко выживали больше года, а чаще погибали в первый же месяц плена. Если они не умирали от насилия мужчин, то их убивали женщины-кентавры. В отличие от лапифов, кентавры не носили одежды. Тело их было покрыто рыжей короткой шерстью. Верхняя часть тела не отличалась от человеческого, разве что лица их были дики и уродливы, а нижняя покоилась на четырех ногах с копытами, как у степной антилопы Ту. Сзади, как и у Ту, у них был густой волосистой хвост. Их любимым оружием были длинные луки, в то время как лапифы в бою предпочитали копья.

Иногда между ними заключались перемирия, которые длились десятки лет. Время от времени вспыхивали затяжные войны. Вот и теперь война длится уже двадцатый год. Кентавры вытеснили лапифов с берегов реки, и они теперь обосновались в предгорье на берегу озера.

Жертвоприношение длилось долго, до самого вечера. Кибела должна быть довольна. Пленники долго мучились, прежде чем умереть. Тела их сложили на жертвенный камень и сожгли в костре на большом огне.

Кеней просил Великую Мать прислать в племя побольше «диких». «Мы вернёмся тогда, – думал он, – на берега плодородной реки, где так много растёт амброзии». Амброзия росла и здесь, но её было значительно меньше. Мало в предгорье было и дичи. Племя ещё не голодало, но уже не пользовалось тем изобилием, которое было у него там, на берегах реки.

Другие племена лапифов в этой войне тоже понесли большие потери и так же, как и племя Кенея, переселилось в предгорье.

Много тысячелетий назад сюда пришли со звёзд Титаны, а за ними Олимпийцы. Они искали амброзию. Пришельцы захватывали людей и увозили их к звёздам. Это было так давно, что Кеней почти все забыл. Он только помнил, что у пришельцев были молнии, которыми они разили на расстоянии, сжигая всех, кто оказывал им малейшее сопротивление. Пришельцы ловили самых красивых девушек и самых рослых мужчин и заставляли их служить себе. Он вспомнил, как пришельцы называли свою родину: «Уран». Они не были жестокими, как кентавры, и не убивали пленников, но заставляли их работать и, что самое страшное, рыть ямы. Это было у лапифов и у кентавров под строжайшим запретом. Нельзя ранить тело Великой Матери! Можно брать все, что есть на поверхности, но нельзя наносить раны телу Кибелы. Это был самый главный закон. И ему подчинялись все: и люди, и животные. Только в единственном случае можно было нарушить поверхность. Кибела разрешала спрятать в своём теле убитого. На месте захоронения вырастало дерево, и это дерево рождало диких. Там, где было старое поселение лапифов, росла целая роща таких деревьев. Никто не смел потревожить покой этой рощи и никто не видел, как рождается лапиф из священного дерева, но оттуда приходили они, и люди узнавали в них черты своих погибших соплеменников, хотя те уже почти ничего не помнили о своей прошлой жизни. Если же лапиф погибал и его нельзя было похоронить, то его кости растаскивали дикие звери и он уже никогда больше не мог возродиться. Поэтому тела погибших в бою всегда уносили с собой, а тела противников старались, если позволяли условия, уничтожить, сжечь или, разрубив на части, разбросать по степи. На этот раз лапифы поступили так со всеми убитыми кентаврами, захваченными в селениях, но потом, попав в засаду, спешно отступили, не успев подобрать павших. Это была большая потеря для племени. Лапифы жили на планете сотни тысячелетий, меняя места стоянок. Поэтому священные деревья росли изредка, в самых неожиданных местах – в лесах, в горах и по берегам рек. Если такое дерево находили кентавры, то они его срубали. Дерево снова вырастало из корней, но на это уходило много времени. Дерево вначале плодоносило часто, а затем все реже и реже – один раз в сто лет. Иногда дикие не находили своего племени. Тогда они оставались в лесу и жили там, прячась в ветках деревьев ночью и бродя по лесу в поисках пищи днём. Это были лесные нимфы и фавны. Их так спокон веков называли. Иногда они набредали в своих блуканиях на селение. В этом случае они либо оставались жить среди людей, либо уходили назад в лес. Время от времени воины отправлялись отрядами в леса в поисках таких людей и приводили их в племя. Те, кому не удалось найти себе подругу среди женщин племени, уходили в лес и находили её там. Но бывало и так, что воин не возвращался из лесу, погибая от руки дикого. Фавны и нимфы не знали одежд. Если их приводили в племя, то они долго не могли к ней привыкнуть и часто срывали её и разгуливали голыми. Проходило немало времени, прежде чем дикие осваивались и уже ничем не отличались от лапифов. Обычно нимфы и фавны жили там, где растёт амброзия. Поэтому воины, обнаружив заросли амброзии, устраивали там засады, которые, как правило, не оказывались безрезультатными.

Лапифы не знали ни старости, ни болезней, не знали они и тяжёлого труда. Они умели строить лёгкие дома, высекать из мягкого белого камня изображения Кибелы. Мужчины занимались охотой и войной. Женщины ласкали мужчин и собирали щедрые плоды Великой Матери.

Если женщина рожала ребёнка, это случалось крайне редко, её почитали как

возлюбленную дочь Великой Матери и окружали заботой и почётом. Но это было крайне редко. Родившиеся дети быстро росли и когда выросли, отличались от остальных более высоким ростом и силой. Их почитали, они становились предводителями воинов. Поэтому убить ребёнка врага считалось большой удачей. В недавнем походе лапифы убили пятерых таких детей кентавров: троих в первом селении и двоих во втором. Кеней обнаружил также священную рощу кентавров и приказал своим воинам вырубить все деревья под корень. Если бы он не боялся гнева Великой Матери, то приказал бы сжечь все пни деревьев. После этого дерево уже никогда не будет плодоносить. Но это было запрещено законами. Даже кентавры не решались на такие поступки. Кара была бы немедленной. Кибела могла послать на ослушников закона Пифона – своего стража. Тысячу лет назад она поступила так с одним из племён. Пифон сожрал всех жителей, улёгся посреди селения и спал целый месяц. Ни стрела, ни копьё не может пробить шкуру Пифона, даже если бы нашёлся такой герой-безумец, который бы поднял руку на стража Кибелы.

Из задумчивости Кеней вывел шорох. Он обернулся. Это была Ореада – его любимая младшая жена. Год назад Кеней подкараулил её в лесу у ручья, где росли деревья амброзии, и овладел ею тут же, на зеленом покрове травы. Ореада покорно пошла вслед за ним. Она имела тонкий стан и густые, доходящие до низа спины тёмные волосы. Это было редкостью, большинство женщин лапифов были светловолосые, и Кеней гордился своей добычей.

В руках Ореады была глиняная чаша с амброзией.

– Мой повелитель, – почтительно спросила она, – ты голоден?

Кеней привлек к себе женщину. Та покорно прильнула к нему и закрыла глаза.

До ушей Кеней донёсся плач. Это жены погибших оплакивали своих мужей. До конца жертвоприношения оплакивание погибших запрещалось. Теперь селение наполнилось воем и причитанием.

Кеней болезненно поморщился.

– Много жён лишилось своих повелителей, – тихо произнесла Ореада.

– О них позаботятся оставшиеся в живых.

По законам племени вдовы переходили в дома оставшихся в живых воинов. Иногда женщин было больше, чем мужчин. Иногда напротив, в племени оставалось мало женщин. Особенно, если племя подвергалось набегу кентавров в отсутствие воинов, ушедших на охоту. В этих случаях кентавры забирали всех женщин. Их связывали верёвками в общую цепь и гнали в степь. Бывало, что вернувшиеся охотники настигали похитителей и отбивали у них своих жён, но чаще кентавры успевали скрыться в степи, где лапифы опасались их преследовать. Среди леса они могла успешно сражаться с подвижными кентаврами, но в степи те были неуязвимы. Из лука кентавры стреляли более метко, а попасть копьём в скачущего во весь опор по степи кентавра могли только редкие воины.

На этот раз отряд Кеней, попавший в засаду, спасло то, что они были уже недалеко от реки, где оставили свои лодки. Но и те пятьсот шагов, которые отделяли отряд от реки, стоили им половины воинов. Кентавры не умели делать лодки, но прекрасно плавали. И плывущий за лодкой кентавр представлял немалую опасность своим длинным луком. Уже находясь в лодках, лапифы потеряли тридцать человек. Но эти потери были не столь чувствительны, так как погибших можно было похоронить.

– Ты возьмёшь себе ещё жён? – спросила Ореада.

Кеней имел уже пять жён. Двое из них достались ему от убитых в бою соплеменников, а троих, как и Ореаду, он добыл сам, подкараулив в лесу. Кеней любил женщин. За восемь тысяч прожитых лет у него их было много. Он терял их во время набегов кентавров и приобретал новых. Он был храбрым воином и ему везло в бою. Только два раза он был ранен, хотя участвовал в сотнях сражений. В мире изобилия и в мире войн самую большую ценность для мужчины, кроме жизни, представляла женщина. Она давала радость, наслаждение, она была госпожой чувств и работой тела.

Кеней сладко потянулся и призывно посмотрел на Ореаду. Та радостно улыбнулась ему и сбросила на пол одежду. Тело её вытянулось струной, затем обмякло и змеёю обвилось вокруг Кеней.

Из соседней комнаты слышались завистливые вздохи. Там находились сейчас его

другие жены. Каждая из них с нетерпением и надеждой ждала, когда их повелителю заблагорассудится позвать её к себе. Так было всегда. И только тогда, когда кентавры уводили женщин в плен, каждая из них могла рассчитывать на собственного мужа, а то и двух сразу. Но это было редко. Мужчины гибли чаще и женщин всегда оставалось больше.

Кентавры напали перед рассветом. Кеней проснулся, когда уже по улицам раздавался цокот копыт. Вождь схватил копьё и, отбросив в сторону Ореаду, кинулся на улицу.

Селение уже горело. Едва он вышел, как ему в плечо впилась стрела. Он поднял копьё, но в это время удар тяжёлой дубины раскроил ему череп.

Громко гогоча, кентавры ворвались в дом вождя и накинулись на женщин. Их выхватывали из постелей и, быстро связав верёвками, вытаскивали наружу.

Вскоре все было кончено. Почва вокруг домов пропиталась кровью. Немногих уцелевших защитников согнали на центральную площадь возле жертвенника. Началась оргия расправы.

Ореада закрыла глаза от ужаса. Её руки были связаны за спиной, и она слышала душераздирающие крики людей, с которых жестокие победители сдирали живьём кожу. Это было в обычае. Так было всегда.

Возле жертвенника победители развели огромный костёр, стащив для этого в большую кучу сухие бревна разрушенных домов. Костёр долго не разгорался, но когда наконец занялся, поднялся огромным пламенем вверх. В костёр стали бросать трупы убитых и тех ещё живых лапифов, с которых только что была снята кожа. Радостно гогоча, кентавры сгрудились толпой вокруг жертвенника, забыв на время о связанных женщинах. Ореада попробовала ослабить узлы верёвки. Это ей удалось. Рядом с нею стояла подруга, старшая жена Кеней Пера. Ореада шепнула ей, чтобы та попробовала развязать узел зубами. Та её поняла и склонилась за её спиной. Однако это не укрылось от стоящего неподалёку сторожевого. Громко крича, он подскочил к обеим женщинам, схватил каждую за волосы и потащил к жертвеннику.

Вождь кентавров, которому сторожевой сообщил о попытках пленниц освободиться, отдал короткое приказание. Тотчас же несколько кентавров схватили провинившихся женщин и распяли их на жертвенной доске. Руки и ноги, широко раскинутые, были привязаны к кольям, вбитым в землю. Под спину каждой из них было подложено бревно, в результате чего тело выгибалось. Их ожидала страшная пытка.

Ни присутствующие на площади кентавры, увлечённые предстоящим зрелищем, ни поражённые ужасом женщины не заметили, как сквозь пролом в ограде на край площади вошли двое. Никто поначалу ничего не понял, увидя, как тело вождя распалось вдруг на две половины, бьющие в предсмертных судорогах копытами. И только тогда, когда смертельный луч ворвался в толпу кентавров, начав свою дикую пляску, кромсая на части обезумевших от страха недавних победителей, взоры женщин обратились к стоящим у стены странно одетым фигурам. Их яркая одежда сразу бросалась в глаза.

Десяток кентавров кинулись к пролому, пытаясь избежать участи своих собратьев. Владимир направил им вслед бластер и выругался с досадой.

– Кончились заряды, черт подери.

– У меня тоже, – отозвался Игорь.

– Вроде все? – Владимир оглядел площадь, усеянную телами кентавров.

– Если не считать десяток прорвавшихся, то все.

– Фу ты, дьявол, – выдохнул Игорь, подходя к груде рассечённых лучами бластера тел. – Я чувствую себя мясником. Чтобы их вывезти отсюда, нужен бульдозер.

Некоторые кентавры, у которых луч бластера отсек только часть тела, были ещё живы и подёргивались в конвульсиях.

– Меня сейчас стошнит, – Игорь отвернулся от груды тел и поискал глазами Владимира. Тот стоял, наклонившись, над привязанными к доскам женщинами, и резал их путы. Игорь вытащил нож и пошёл по направлению к толпе связанных пленниц. Те шарахнулись от него в сторону.

– Ну что вы, милые красавицы, – ласково стал убеждать их землянин. – Сейчас я вас освобожу.

– Пифон! Пифон! – закричали в ужасе женщины, вперив глаза в его одежду.

– Ах, вот в чем дело! Это легко поправить. Вас пугает мой плащ? – он сбросил плащ на

землю.

– Пифонтер! Пифонтер! – раздались крики, но уже в них не было страха, а скорее слышались восхищение и восторг. Теперь они подпустили Игоря к себе и дали разрезать верёвки. Женщин было около двух тысяч. Освобождённые подбирали копья и их лезвиями резали верёвки на руках своих подруг. Прошло однако не меньше двух часов, пока все пленницы стали свободными.

Смрад горелого мяса заставил землян покинуть площадь. Вслед за ними пошли и женщины.

– Что же мы будем с ними делать? – тихо спросил Игорь.

– Возможно, поблизости есть другие племена людей, которые приютят несчастных. Я попробую объяснить с ними.

– Какие, однако, красавицы! И все такие молодые. Ни одна не старше двадцати лет! Удивительно!

Владимир искал глазами освобождённую им от пут черноволосую пленницу. Та оказалась рядом с ним.

«Попробую методом Дука», – решил Владимир.

– Как тебя зовут, красавица? – мысленно обратился он к ней и сразу же услышал ответ. Вернее, понял. Речь молодой женщины была звучная и мелодичная, однако смысл её слов звучал где-то внутри его самого.

– Ореада, великий победитель Пифона.

– Ты уже не боишься моего плаща?

– Нет, когда увидела, что твой друг снял его.

– Как зовут ваше племя?

– Мы лапифы, дети Великой Матери Кибелы. Ты нас спас и теперь мы твои рабыни, о повелитель.

– Мой народ не знает рабства. Вы все свободны и можете идти куда захотите. Где-то есть ещё другие племена лапифов?

– Ты нас гонишь? Но мы не знаем, куда нам идти. Наши мужчины погибли. Ты должен взять нас к своему племени! Ты лапиф, повелитель.

– Не называй меня так. Меня зовут Владимир.

– Вла-ди-мир, – повторила по слогам Ореада. – Что значит это имя?

– Повелитель мира, – машинально ответил Владимир.

– Вот видишь! – обрадовалась Ореада. Я сразу тебя узнала, о мой повелитель, – она склонилась на колени и прижалась губами к его ноге.

– Ой! Что ты делаешь? – Владимир быстро нагнулся и поднял Ореаду. Та прильнула к нему.

– Ого! – раздалось рядом насмешливое восклицание Игоря. – Я вижу, вы уже обо всем договорились.

От смущения Владимир не нашёлся что ответить.

– Послушай, а почему они все голые?

Действительно, только на некоторых из женщин была одежда. Тем не менее никто из них не проявлял ни малейшего смущения перед незнакомыми мужчинами.

– А ведь действительно. Их, наверное, захватили во сне. Сейчас проверю.

Он снова обратился к Ореаде на языке Дука.

– Скажи своим подругам, чтобы оделись.

Ореада перевела его пожелание. Женщины стали вдруг смеяться, но постепенно разошлись по уцелевшим домам и появились снова в лёгких туниках.

– Спроси у своей знакомой, нет ли поблизости другого племени? Ведь надо пристроить этих красоток, у которых кентавры перебили всех мужиков.

– Я уже спрашивал, – ответил Владимир, но послушался друга и повторил вопрос.

– Мы не знаем, есть ли поблизости другие племена, – ответила Ореада и добавила: – Разве вы не возьмёте нас с собой к своему племени?

Владимир перевёл ответ девушки.

– А что? – оживился Игорь, – это идея! У нас как раз не хватает женщин! Здесь, правда, на

всех не хватит, нас ведь около пяти тысяч, но мы с тобой по праву первопроходцев будем иметь по жене. А? Как ты думаешь?

– Я не против. Но не знаю, как на это посмотрит отец.

– Положительно. Поверь мне, что положительно.

– Не знаю, – все ещё сомневался Владимир, – имеем ли мы право? Надо спрашивать у нашего раненого лапифа. Может быть, он знает, где находятся другие племена людей. Отправляйся к катеру и пригони его ближе сюда.

– До скорого свидания, красавицы! – весело крикнул Игорь и направился к пролому в стене.

Игорь вернулся через какие-то полчаса. Он был смертельно бледен.

– Скорее! – закричал он на бегу. – Надо уходить немедленно!

В ПЛЕНУ У ЗМЕЯ

Самка Пифона проснулась от предчувствия страшной беды. Все её десять сердец колотились в бешеном ритме, разгоняя кровь по длинному трехсотметровому телу. Оцепенение сна исчезло. Самка сползла с холма, на котором спала. Инстинкт гнал её к реке. Уже войдя в воду, она поняла, чтостряслась беда. Вода несла в себе кровь её мужа. Это было невероятно. На планете не было ни одного живущего существа, которое могло бы причинить вред владыке всего живущего на её поверхности. Все живое в ужасе бежало, едва только почувствовав приближение Пифона. Бежало, но не могло спастись. Ни один зверь на планете не мог соперничать с Пифоном в скорости его стремительного броска, преодолевавшего в долю секунды до полукилометра. Когда его свёрнутое в кольца тело распрямлялось, он, несмотря на свой громадный вес, летел как стрела, настигая бегущую жертву. Удар головы, и жертва валилась в траву с переломанными костями. Даже быстроногие кентавры, излюбленное лакомство Пифона, не успевали скрыться от него в просторах своих степей. Только Великая Мать, единая повелительница всего живого, могла остановить его прыжок. В этих случаях Пифон покорно прекращал преследование и медленно уползал в другое место, где ему разрешалось охотиться. Только Великая Мать могла покарать его за непослушание.

Самка замерла и прислушалась. Великая Мать молчала. Самка поплыла дальше против течения. Проплыв километров пять, она снова замерла и стала ждать, не раздастся ли грозный и гневный голос Великой Матери, запрещающий ей плыть дальше. Нет! Запрета не последовало. Запах крови её самца становился все явственнее. Самка почувствовала ярость. Внезапно над головой высоко в небе раздался непонятный, не слышанный ранее шум. Она подняла голову. Вверху кружились странные, ещё невиданные ею раньше птицы. От них шли импульсы. Она их почувствовала. Это были импульсы, какие обычно издают лапифы, но значительно сильнее. Каждое живое существо издавало свои импульсы. По ним самка определяла издали, ещё не видя жертву, кто из животных пасётся на поляне или в лесу среди деревьев.

Самка вдруг вспомнила, что много-много веков назад она уже слышала такие импульсы. Их издавали двуногие существа, похожие на лапифов, и так же, как и сейчас, она воспринимала их не только с земли, но и с воздуха. Память её хранила ненависть и страх к этим существам. Она не могла вспомнить причину страха, с тех пор прошло много времени. Трижды с тех пор Великая Мать разрешала ей откладывать одно-единственное яйцо, из которого каждый раз появлялся новый Пифон. Потомство её росло медленно. Только когда её потомок достигал сорока метров в длину, самка покидала его, предоставляя отныне самому заботиться о пропитании. До этой поры она не покидала детёныша ни на минуту. Рождение нового Пифона на планете было событием, о котором знало все живое. Все живое караулило гнездо Пифона, надеясь, что родители оставят хотя бы на время своего ребёнка. Тучи птиц летали вокруг гнёзда, неся непрерывную вахту. Стоило бы ненадолго родителям отлучиться, как гнездо было бы разнесено, а детёныш разорван тысячами клювов и когтей. Однажды так и случилось. Самец долго не возвращался с охоты, и самка проголодалась. Как будто специально поблизости паслось стадо ту. Антилопы паслись, не подозревая близости смертельной опасности. Ту была любимой пищей Пифона. По виду ту напоминала кентавра, но превосходила его размерами и не имела рук. Всего несколько мгновений понадобилось самке, чтобы незаметно подползти к

стаду и в мощном прыжке настичь его. Три убитых антилопы остались лежать на траве, остальное стадо умчалось в степь. Самка торопливо проглотила убитых и вернулась в гнездо. Когда она была уже рядом, то увидела, как с вершины холма поднимается в воздух туча птиц. Она поняла все! Её детёныш, которого она ждала веками, больше не существовал.

Теперь, она уже не сомневалась, её самец погиб. Её ждало одиночество. Постепенно она все больше и больше наливалась яростью. Инстинкт подсказал ей, что именно эти существа, импульсы которых так похожи на импульсы лапифов, но отличаются от них силой, являются виновниками его гибели. Она устремилась вперёд. У притока реки в нерешительности остановилась и снова прислушалась. Импульсы шли с двух сторон. С юга и запада. С юга были слабее.

Она вошла в приток и поплыла по нему вверх по течению. Вскоре достигла озера. Импульсы усилились. Она поплыла через озеро и вскоре вошла в русло реки. Теперь не оставалось никакого сомнения, что её враги находятся здесь. Внезапно послышался топот и плеск воды. Несколько кентавров попытались переплыть реку. Это было кстати, так как огромная змея проголодалась. Утолив голод, она стала осторожно продвигаться вверх по течению, едва высунув из воды голову.

Саша, сидевший не корме, увидел змею, когда до неё оставалось всего сто метров. Он поднял бластер. В это время змея, подобно сжатой пружине, выскочила из воды и кинулась на катер. Луч бластера едва скользнул ей по спине, нанеся глубокую рану. Страшный удар обрушился на катер. Саша почувствовал, как он летит в воздухе. Пролетев метров десять, он упал в воду почти у самого левого берега. Вода смягчила падение. Достигнув дна, он оттолкнулся от него, вынырнул, но сразу же, глотнув воздуха, ушёл под воду. Его спасло то, что змея была занята. Только выловив барахтающихся в воде людей, она почувствовала страшную боль в спине. Эта боль отвлекла её внимание и она не видела, как один из лапифов выбрался на берег и скрылся в чаще.

Боль была страшная. Змея извивалась, поднимая в реке волны.

За этим занятием и застал её Игорь, отправившийся по приказу Владимира к катеру. Он застыл на мгновение и тут же что было сил помчался назад в селение.

Змея никогда не испытывала боли. Это ощущение было странным, новым и нестерпимым. Когда рану омывала вода, боль немного утихала. Но стоило ей сделать движение и собраться в кольца, как боль становилась нестерпимой. Змея вытянулась во всю длину и застыла в реке, положив голову на прибрежный песок правого берега реки. Боль настолько утихла, что она вновь почувствовала мощные импульсы, идущие от верховья. Она, забыв про рану, собралась в кольца, чтобы кинуться навстречу этим импульсам, но сильная боль снова заставила её вытянуться. Она лежала трое суток, прежде чем зарубцевавшаяся рана позволила ей тронуться в путь.

Вскоре она приползла к покинутому лапифами селению. Посреди него она увидела гору искалеченных кентавров. Она почувствовала голод, но от трупов уже шёл запах смерти. Рана не позволяла ей быстро двигаться. Поискав вокруг и не найдя пищи, она медленно поползла вперёд, улавливая идущие из леса ослабленные расстоянием импульсы.

На третьи сутки ей удалось поймать зазевавшегося у ручья лапифа. Скучная пища придала ей сил, и она поползла дальше. Узкие проходы между деревьев мешали ей продвигаться быстрее, тем более что путь шёл все время вверх и такое положение тела причиняло ей боль в ещё не зажившей окончательно ране. Проползая под низко опущенными ветвями деревьев, она сделала неосторожное движение, содрала острым суком дерева образовавшуюся на ране корку. Снова вернувшаяся нестерпимая боль заставила её потратить целые сутки на отдых и восстановление сил.

Пища больше не попадалась. Она уже выбилась из сил, как вдруг на пятые сутки пути почувствовала знакомый запах амброзии. Вскоре она уже лакомилась её соком, льющимся из надрезов коры, которые она сделала своими клыками. Здесь ей повезло ещё больше.

Её лобная железа снова уловила импульсы лапифов. Зная, что заросли не позволят ей сделать рывок, она осторожно, тихо, чтобы не спугнуть добычу, поползла по направлению к источникам импульсов. У ручья на корточках у костра сидел дикий лапиф – фавн и жарил мясо убитой косули. Несколько поодаль, свесив в воду ноги, сидели две златокудрые нимфы,

ожидая, когда угощение будет готово. От нетерпения змея сделала резкое движение. Нимфы вскочили на ноги и, увидев показавшуюся из чащи голову Пифона, бросились бежать в чашу с криком панического ужаса. Лапиф не успел вскочить и тут же был проглочен.

Вот уже почти неделю толпа лапифов под предводительством двух землян уходила от Пифона все дальше и дальше в горы. Это был единственный путь к спасению.

Когда Игорь, отдышавшись от быстрого бега, рассказал Владимиру, что он видел и чему был свидетелем на реке, Владимир почувствовал, как по его коже пробежал мороз. Ещё тогда, при встрече на реке с Пифоном, он оценил силу, стремительность и живучесть этого гигантского змея. Но тогда в их распоряжении имелись бластеры. Теперь же они были совершенно безоружными. Не пойдёшь же против разъярённой самки Пифона с копьём и луком? Что это самка, Владимир не сомневался. Такие гигантские звери могут прожить лишь при обширных охотничьих владениях, и каждая их семья закрепляет за собой территорию, не допуская на неё соперника. Естественно, что здесь был именно такой случай. Самка почувствовала гибель самца и теперь ищет его убийцу. На Земле существовало поверье, что если убить змею, то её партнёр или партнёрша обязательно приползёт на место её гибели.

Когда Владимир рассказал о случившемся своей черноволосой знакомой и та перевела его сообщение своим подругам, в посёлке началась паника. С большим трудом удалось навести порядок. Женщины быстро собрали необходимые пожитки, а также, по указанию Владимира, собрали разбросанное оружие, копья и луки со стрелами и покинули селенье.

Сначала Владимир хотел сделать круг, то есть пойти в горы, потом свернуть на юг и попытаться добраться до лагеря землян, но потом отказался от первоначального плана. Так пришлось бы идти по открытой степной местности. Пифон, который не отстал бы от них, сможет быстро догнать отряд на равнине. Надо идти в горы. На узких тропах можно будет легче оторваться от громадной змеи. А потом посмотрим!

На третий день пути их стали обгонять стада оленей, косуль – постоянных жителей этих лесов. Звери бежали в панике, не обращая внимания на людей. Это говорило о том, что Пифон тронулся в путь по их следам. За несколько минут Владимир с Игорем поразили из луков штук двадцать оленей. Женщины развели костры и поджарили мясо. Они расположились на широкой поляне на отдых. Владимир рассчитывал, что они достаточно оторвались от преследователя. Рана, которую змее нанесли с катера, по-видимому, задержит её на некоторое время, решил он.

Он прилёг отдохнуть, как вдруг среди беженцев началось волнение.

– Пойди узнай, что там, – велел он Ореаде, которая в пути находилась постоянно рядом с ним.

Та пошла и скоро вернулась.

– Там много диких, – сообщила она, подавая ему руку и помогая подняться.

Владимир пошёл за нею и скоро увидел целую толпу совершенно голых мужчин и женщин.

– Это те, которые не нашли своего племени, – пояснила Ореада. Владимир уже знал из её рассказов о фавнах и нимфах. Сама Ореада была в прошлом такой же нимфой, пока её не поймал Кеней.

Несмотря на подготовленность, он все-таки был поражён их диким видом. Собственно, нимфы выглядели даже привлекательно, но фавны, заросшие рыжей и чёрной шерстью, со всклокоченными бородами, имели поистине вид дьяволов. Вели они себя нахально. Бесцеремонно подсаживались к кострам и вырывали из рук женщин куски поджаренного мяса. Один из них, съев мясо, схватил за руку ту, у которой только что забрал еду, и потащил её в заросли. Все это было так неожиданно, что Владимир не успел ему помешать. Хотя, как ему показалось, женщина не сопротивлялась.

– Спроси их, что они хотят? – велел он Ореаде.

– Они плохо говорят. Но попробую.

Она подошла к сидящим возле костра фавнам и заговорила с ними. Те удивлённо вслушивались в слова, потом один из них вскочил и, сильно жестикулируя, стал что-то объяснять. Ореада вернулась.

– Они почуяли Пифона и бегут теперь в горы, – сообщила она.

– Скажи им, что нам по пути, и что если они хорошо знают дорогу, то пусть показывают.

Ореада вернулась и передала фавнам слова Владимира. Один из них встал, подошёл к Ореаде и, схватив её за руку, потащил в чашу. Ореада закричала и попыталась вырваться. Фавн захохотал. К его хохоту присоединились другие.

Этого Владимир не смог стерпеть. В два прыжка он догнал насильника и автоматически, не думая о последствиях, рубанул его по шее ребром ладони. Фавн упал как подкошенный. Другие застыли от удивления, подошли к упавшему товарищу, окружили его, попытались поднять, но тот лежал, не подавая признаков жизни.

«Черт подери!» – мысленно выругал себя Владимир.

Фавны вдруг пронзительно завyli и кинулись к нему. Двое из них сразу же покатались на землю, однако остальные вцепились в землянина, царапаясь и кусаясь, пытаясь повалить его на землю.

– Держись! Я иду! – услышал он голос Игоря и через минуту почувствовал, что хватка дикарей ослабла. Он сбросил с себя двоих фавнов. Игорь методически, как на ринге, работал кулаками, сокрушая челюсти. Владимир схватил одного из фавнов за ноги и раскрутил его вокруг себя, нанося им удары его товарищам. Все это продолжалось не более пяти минут. Фавны, их было не больше пятнадцати, отбежали на край поляны.

– Вот идиоты, – Игорь вытер рукавом пот со лба.

Пока длилась драка, женщины стояли полукругом, молча наблюдая разыгравшееся сражение. Потом, когда все было кончено и фавны бежали, одна из них подошла к Ореаде и что-то стала ей говорить. Ореада выслушала её и направилась к Владимиру.

– Что там тебе говорили? – спросил он её.

– Они просят, чтобы ты не прогонял фавнов. Это поначалу они такие. Потом все будет нормально. Так всегда бывает, когда фавны приходят в племя. Сначала они дикие, а потом становятся людьми.

– Мне что, пусть остаются, но чтобы больше не хулиганили, – разрешил Владимир.

Получив разрешение остаться, фавны несмело подошли к кострам и сели на землю. Один из них кинулся в лес, что-то крича. Его крики постепенно утихли, но через полчаса он вернулся в сопровождении целой толпы.

Опасливо косясь на землянина, фавны подошли и уселись возле костров. Урок пошёл впрок. Теперь они вели себя более сдержанно и даже не вырывали мясо у женщин, которые, впрочем, охотно с ними делились.

Первый фавн, которого ударил Владимир, продолжал лежать на траве.

– Посмотри, что с ним, – попросил он Игоря. Тот подошёл к лежащему, наклонился и сразу же выпрямился.

– Готов, – сообщил он, подходя к Владимиру. – Ты ему перебил шейные позвонки.

– Мне очень жаль, – пробормотал Владимир.

– Ты, наверное, вообразил, что перед тобой неогуманист, и вложил в удар полную силу.

– По-видимому, случилось все автоматически.

Фавны между тем подошли к убитому и принялись рыть яму. Вырыв неглубокую могилу, они положили туда труп и забросали землёй. Потом, став на колени вокруг могилы, воздели руки вверх и стали что-то напевать.

– Что они поют? – спросил Владимир Ореаду.

– Они просят Великую Мать вырастить скорее дерево жизни.

– Что за дерево?

– Как, разве ты не знаешь?

– Нет! Откуда мне знать?

– Странно! Все знают, а ты. Великий Вождь, не знаешь. Мы все происходим от деревьев. И если мы погибаем, то на месте захоронения вырастает новое дерево, и в его ветвях рождается новый лапиф.

– Интересно! Как в сказке. Послушай, Ореада, а почему у вас нет старых? Вы все одинакового возраста.

– Старый? Что такое старый?

– Как? Разве вы не стареете?

– Не понимаю! Мы всегда такие, какими ты нас видишь сейчас.

– Хорошо! Я поставлю вопрос иначе. Сколько вам лет?

– Смотря кому как. Мне исполнилось только два года, как я вышла из дерева. А Перо, старшая жена Кеней, вышла из своего дерева уже пятьсот лет назад.

– Это какая Перо?

– Ну та, что просила не прогонять фавнов.

– Та? Так на вид ей всего лишь двадцать лет!

– Опять на понимаю! Ты говоришь слишком мудро. При чем тут года?

– Так вы никогда не умираете?

– Если не погибаем случайно и тело не предаётся Великой Матери. Если тело сжечь или разбросать, то жизнь уже не возвращается. Поэтому трупы врагов всегда сжигают.

– И ещё один вопрос. Почему я не видел у вас детей?

– О! Дети – это великая милость нашей Всеобщей Матери! Это мечта каждой женщины – иметь ребёнка. Но это не всем дано, а только очень и очень немногим. Когда-то много тысяч лет назад сюда прилетали боги. Они брали наших женщин и у них рождались дети.

Она вдруг остановилась и посмотрела на Владимира широко раскрытыми глазами.

– Может быть, ты бог?

Владимир начал смутно догадываться. Отец ему рассказал о своём посещении Урании.

– Как звали тех богов, что прилетали к вам?

– Титанами!

– И у них были дети?

– Да! И каждая женщина, которую они брали себе, рожала им детей. Кеней происходил от них. Он был самым сильным в племени лапифов. Почти как ты! Но ты сильнее! Ты, наверное, бог!

– Это мы со временем выясним, – пошутил Владимир. – Здесь, километрах в трехстах, живёт много таких богов. Если все будет хорошо, то мы вернёмся к ним, и у вас, поверь мне, будет много детишек. Я своих ребят знаю!

Поражённая этим открытием. Ореада оставила Владимира и побежала к женщинам. Её сообщение произвело сенсацию. Женщины повскакивали с мест и возбуждённо заговорили между собой.

Ореада снова подошла к Владимиру.

– Женщины требуют, чтобы ты сейчас же вёл их к своему племени.

– Это пока невозможно. Нам надо уйти от Пифона.

Вспомнив о преследующей их змее, все засобирались, и отряд снова тронулся в путь. Их опять стали обгонять бегущие в панике стада. Это свидетельствовало о том, что Пифон уже близко.

На десятый день пути они пересекли открытое пространство, за которым начинались крутые склоны гор.

Одолев одну из вершин, отряд сделал привал. Позади расстилалась идущая наклоном широкая степь. И тут Владимир увидел змею. Она ползла, извиваясь, по степи. Змею заметили и другие. Началась паника. С трудом удалось успокоить лапифов и после короткого отдыха, на котором настоял Владимир, отряд снова пустился в путь. По открытой местности змея значительно сократила расстояние.

– Единственная надежда, что в пути нам попадётся узкий карниз. На нем мы сможем её встретить и, если удастся, сбросить в пропасть, – поделился своим планом Владимир с Игорем.

Тот согласился, что это единственная возможность избавиться от преследователя.

Прошло ещё пять дней. Они углублялись в горы все дальше и дальше. К сожалению, это были хотя и высокие горы, но с покатыми склонами, которые змея преодолевала без особого труда.

Взобравшись на очередную гору, они видели, как она спускается по склону той, на которой они были до этого. Женщины совсем уже выбились из сил и часто в пути садились на траву, не в состоянии двигаться дальше. Некоторые из них отстали от отряда и больше уже не появлялись.

Получив от отца дар Дука, Владимир обладал острым зрением, немного превосходящим зрение лапифа. Он видел позади себя сцену, о которой никому не сказал. Это была смерть

одной из отставших. Змея, за которой он наблюдал с вершины горы, резко рванулась в сторону и настигла вскочившую на ноги женщину, проглотив её мгновенно своей трехметровой пастью.

На привале к нему подошёл один из фавнов. Видя, что тот хочет что-то сказать, Владимир поискал глазами Ореаду, но она на этот раз отошла от него и затерялась в толпе женщин. Он её позвал, но его слов никто не понимал. Тогда Владимир попытался войти в контакт с фавном. К его удивлению и радости, это удалось сразу. Фавн вздрогнул, услышав внутри себя голос человека, но быстро оправился от испуга и стал отвечать на вопросы.

То, что он рассказал, удивило Владимира и вселило надежду. Фавн сообщил ему, что родился сравнительно недавно в той роще, которую они миновали несколько дней назад, но помнит, что в прежней жизни он жил в долине, которая находилась где-то поблизости отсюда. Путь туда шёл по узкой тропе через перевал.

– Это как раз то, что нам нужно. Ты знаешь дорогу?

Фавн ответил, что смутно вспоминает её и что надо немного свернуть налево, то есть к югу. Там, в долине, сказал он, жили такие же люди, как ты. Они носили такую же одежду. Но когда это было, я не знаю. Деревья жизни растут, как им позволяет Великая Мать. Они могут вырасти за год, а могут и через несколько тысяч лет. Увидев эти горы, я вспомнил прошлую жизнь, но не все, а только то, что сказал тебе.

Идти стало все труднее и труднее. Но это радовало. Если им трудно, то ещё труднее ползти по крутому склону змее. Наконец подъем перешёл в узкую тропу, зажатую скалами. Потом начался карниз, о котором говорил фавн. Перед карнизом они остановились на отдых в небольшой долине, где из-под камней струился ручеёк. Здесь же росли деревья с амброзией. Это было как нельзя кстати. Все подкрепили свои силы и после небольшого отдыха вступили на карниз. Он сначала был достаточно широк, а потом стал постепенно суживаться. Идти вскоре стало возможно только по одному. Внизу разверзлась пропасть. В одном месте Владимир кинул большой камень и стал считать секунды. Шум падения донёсся до него через двадцать секунд. Это соответствовало высоте обрыва в два километра.

– По-видимому, достаточно, – предложил он Игорю. – Если что, то именно здесь её встретим. Карниз тут делает резкие повороты. Наиболее удобное место.

Они стояли на карнизе в конце растянувшейся цепочки людей. Впереди этой цепочки шёл фавн, указывая дорогу. Внезапно движение остановилось.

– Что там случилось? – спросил Владимир.

– Не знаю, – отозвалась Ореада. Она сказала на своём языке несколько фраз стоящей впереди подруге, та другой и так далее. Оставалось ждать ответа. Он пришёл через полчаса.

– Там впереди узкий тоннель через гору, змея через него не протиснется, – радостно перевела Ореада сообщение Владимиру. – За тоннелем сразу же спуск в долину.

– Передай, пусть проходят тоннель и идут в долину, а мы здесь с Игорем встретим змею.

– Я останусь с тобой.

– Иди вместе со всеми!

Владимир снял с плеча лук и попробовал его тетиву. Она загудела низким звуком.

– Целься ей в правый глаз, а я в левый, – предупредил он Игоря.

Они ждали почти пять часов. Плащи Пифона отлично предохраняли их от холодного горного воздуха.

– Однако мадам запаздывает, – досадливо сказал Игорь, – может быть, пойдём ей навстречу?

– Давай! Только осторожно и будь наготове.

Они пошли назад, поминутно останавливаясь и прислушиваясь. Все было тихо. Наконец они приблизились к последнему повороту тропы. Дальше шёл крутой спуск в небольшую долинку, где они недавно отдыхали.

– Подстрахуй! – Владимир стал осторожно приближаться к повороту. Игорь натянул лук и следил за каждым его движением.

Владимир скрылся за поворотом и вновь появился через пять минут.

– Иди полюбуйся, что эта гадина придумала.

Змея лежала внизу километрах в двух.

– Посмотри, – Владимир показал на широкий след на склоне. – Она была здесь и

вернулась, не полезла по карнизу.

Змея между тем подняла голову и пристально стала смотреть на людей. Владимир почувствовал, как его сковывает холод. Какая-то неведомая сила толкала его вниз, туда, к змее. Он сделал шаг, другой... Змея между тем не делала никаких движений. Однако было видно, что по её свернувшемуся в кольца телу пробежала волна. Она продолжала пристально смотреть в лицо идущего к ней человека.

– Ах ты, сволочь! – крикнул Игорь, поняв, в чем дело. Он кинулся вслед за Владимиром и схватил его за руку.

– Опомнись! Куда ты? Назад!

Владимир, не слыша его, продолжал идти вперёд. Игорь, не долго думая, схватил его за волосы и что есть силы дёрнул. Владимир упал на спину и вскрикнул от боли. И пришёл в себя. Они с ужасом увидели, как змея мгновенно расправила свои кольца и сделала гигантский прыжок, пролетев сразу свыше пятисот метров.

Они кинулись назад. Змея преодолевала насыпь, когда они выбежали на карниз и быстро скрылись за поворотом.

Через час, уже перед самыми сумерками, все повторилось сначала. Однако на этот раз они избегали встречи со взглядом Пифона. Поняв, что змея не вступит на карниз и будет караулить внизу, они пошли вперёд и вскоре достигли входа в тоннель. Там их ждала Ореада. В руках она держала зажжённый смолистый факел. В тоннеле было темно. Длина его составляла не менее трехсот метров. Владимир обратил внимание на гладкие, казалось бы отшлифованные стены. Несомненно, тоннель имел искусственное происхождение.

Выйдя из тоннеля, они увидели внизу огни костров.

Три месяца прошло с тех пор, как они попали в долину. Несколько раз в месяц земляне ходили к началу карниза, принимая все меры предосторожности, чтобы выяснить, не уползла ли змея. И каждый раз видели её там же и в том же положении. Змея выжидала.

Два раза их сопровождала Ореада.

– Что она жрёт? – удивлённо спросил Владимир.

– Внизу большие заросли амброзии, – пояснила Ореада.

– И этого достаточно для такой громадины?

– Можно есть только одну амброзию и быть сытой.

– Что же, выходит, мы здесь застряли надолго?

– А чем тебе здесь плохо? – искренне удивился Игорь.

В последнее время Игорь сильно изменился. Он уже неохотно сопровождал Владимира к склону и вообще всем своим видом и поведением показывал, что создавшееся положение его вполне устраивает. Он завязал дружбу с фавнами и все реже и реже оставался с Владимиром.

Их долина простиралась не меньше двадцати километров в длину и около восьми в ширину. Здесь в изобилии росли съедобные растения, амброзия, водилось много дичи. В центре долины раскинулось небольшое, километра полтора в поперечнике и столько же в длину, озеро, куда впадало множество прозрачных ручейков. Возле озера вырос посёлок деревянных хижин, вытянувшихся вдоль южного его берега.

Нравы в посёлке, с точки зрения землянина, выходили за всякие пределы распущенности. Тон задавали, конечно, фавны, а женщины воспринимали все это как само собой разумеющееся. Если Владимир не вмешивался, но и сам не принимал участия в «развлечениях», то Игорь быстро освоился и стал, что называется, своим человеком в компании фавнов. Единственное, чего Владимир добился, в посёлке фавны носили набедренные повязки.

Попытки привлечь фавнов к труду не увенчались успехом. Владимир хотел провести некоторые работы по благоустройству посёлка и их жизни. Фавны, которых он собрал для этой цели, неохотно выслушали его и вскоре разбежались по рощам. Игорь некоторое время помогал ему, но на второй день тоже бросил занятие и скрылся. Он два дня не показывался на глаза своему другу, и когда тот наконец поймал его, откровенно сказал ему, что не видит смысла в проводимых работах. В душе Владимир был с ним согласен.

Мягкий ровный климат позволял целый день проводить вне стен хижин. Овощи, фрукты вкусны и в сыром виде. Мясо можно приготовить на костре. Что касается прядильной машины и ткацкого станка, который предложил сделать Владимир, то в одежде жители посёлка не

нуждались вообще. Температура днём, по-видимому, не выходила за пределы 22–26 градусов по Цельсию, а ночью не опускалась ниже 18.

Вскоре и Игорь скинул одежду и стал ходить, как и фавны, в одной набедренной повязке.

– И тебе советую, – насмешливо сказал он, когда Владимир попытался сделать ему замечание. – По крайней мере сохранишь свою одежду. Мало ли что. Может быть, удастся возвратиться в лагерь. Как ты тогда пойдёшь через лес, если твоя одежда придёт в негодность?

Владимир вынужден был согласиться с ним и тоже стал ходить только в спортивных трусах.

Тем не менее его страшно тяготило безделье. В сопровождении Ореады и двух её подруг, которые увязались за ним, он тщательно, день за днём, обследовал долину. На северном берегу озера обнаружили большие залежи селитры. Глядя на неё, Владимир подумал, что если бы удалось обнаружить серу, то можно было бы положить конец их плену и вернуться к своим товарищам. После этого он участил свои походы. Иногда ночь заставляла их вдаль от посёлка, и они ночевали в наскоро сделанном шалаше. Ему все меньше и меньше хотелось возвращаться в посёлок. Дело в том, что фавны не без помощи женщин притащили найденную в отрогах гор большую глыбу мягкого белого камня и вытесали из него статую Великой Матери. Так по крайней мере они утверждали. Статуя представляла собой женскую фигуру с гипертрофированными бёдрами и грудью. Лица не было. Рядом со статуей была поставлена другая фигура, в которой без труда узнавался огромный фаллос. Возле этих фигур, после жертвоприношения, фавны устраивали отвратительные, с точки зрения Владимира, оргии. Постепенно он все больше и больше отдалялся от остальных жителей посёлка. Его шокировало, что Игорь принимал участие во всех «безобразиях», постепенно стал верховодить фавнами, и теперь уже не к Владимиру, а к нему обращались за советами, когда в них возникала необходимость.

Как-то он не выдержал и сказал Ореаде все, что думает о фавнах. Ореада выслушала его и спокойно возразила.

– Ты не прав. Подобные празднества, – так она называла оргии, – проводятся и в посёлках лапифов, но реже и не так разнузданно. Дело в том, что «дикие», приходя в племя, учатся и становятся лапифами. Здесь же этого не получилось. У нас нет мужчин-лапифов, и фавны потому остались дикими фавнами. Не думай, что все женщины одобряют их. Некоторым это не нравится.

– Что-то не вижу таких, – саркастически заметил Владимир.

– Ну, ты можешь и не видеть, но это так. Если бы мы здесь, на южном берегу озера, образовали свой посёлок, то многие мои подруги поселились бы с нами.

– Это, может быть, и идея, – согласился Владимир. – Мне, откровенно говоря, противно каждый день наблюдать подобные сцены.

– Но ты учти, фавны очень драчливы. Ты преподавал им хороший урок, но они могут его и забыть, тем более что твой друг теперь с ними.

– Вряд ли Игорь будет с ними, если дело дойдёт до драки.

– Ну, как сказать. Я вижу, что такая жизнь ему пришлась по душе. Он скоро, как фавн, будет ходить совершенно голый и на виду у всех...

– Замолчи! – гневно прервал её Владимир. – Не смей так говорить о землянине и моем друге. Это пройдёт у него. Я уверен.

– Может быть. Но я бы тебе посоветовала на всякий случай забрать с собой все луки и стрелы. Они спрятаны в нашей хижине, и ночью мы вынесем их оттуда. Я и мои подруги, которые поселятся с нами. Они боятся, что фавны решат принести Кибеле большую жертву.

– Не понял тебя. Какую ещё жертву?

– Когда образуется новое племя, приносят в жертву Кибеле, чтобы она была милостива к племени, пять самых красивых девушек.

– Ты шутишь?

– Нет! Таков обычай! Правда, в исключительных случаях. Обычно в жертву приносят пленных кентавров. Это решает вождь племени. Пока ты был вождём, нечего было бояться, но теперь ты уже не вождь.

– А кто? Игорь?

Ореада пожала плечами.

– Сначала все думали, что вождём будешь ты, но ты не захотел им быть. Ты не сделал того, что должен сделать вождь.

– А что должен сделать вождь?

– Убить своего соперника, затем принести большую жертву. Когда ты убил на поляне фавна, все думали, что ты вождь, а теперь этого не думают. Теперь надо начинать все сначала. Ты должен убить соперника, того, кто претендует быть вождём. Если это Игорь, то ты должен убить его!

– Ты с ума сошла? Убить Игоря?!

– Тогда он убьёт тебя.

– Игорь никогда этого не сделает.

– Тогда не он будет вождём, а кто-то другой. Но этот другой должен убить тебя. И он попытается это сделать.

– Станный ваш народ.

– Разве у вас так не поступают? Всегда будущий вождь, чтобы стать вождём, должен убить соперников, иначе как же его будут слушаться, если он никого не убил?

– А твой муж?

– Кеней? А как же? И не один раз. Кеней был великим вождём!

– Я должен поговорить с Игорем...

– А пока я и несколько моих подруг перенесём сюда тайно все оружие.

– Делайте, что хотите, – как-то отрешённо проговорил Владимир, думая о своём.

Игоря он нашёл в роще возле посёлка в окружении двух десятков фавнов и толпы женщин. Что-то показалось Владимиру странным в его поведении. Только подойдя ближе, он обнаружил, что землянин, как и все окружающие его фавны и женщины, сильно пьян.

– А вот и ты! – приветствовал его Игорь. Он поднялся с травы и, пошатываясь, направился к нему, держа в руках глиняный кувшин.

– Присоединяйся к нам. Отличное вино, он протянул ему кувшин.

– Откуда оно? – удивился Владимир.

– Э! Здесь полным-полно винограда. Эти бестии, – он указал кувшином на фавнов, – оказывается, большие мастера по части выпивки.

– Послушай, больше не пей. Мне надо поговорить с тобой.

– Хорошо... Не буду... А ты? – он протянул ему кувшин, – может быть, выпьешь? Ну, как хочешь.

Игорь подозвал одну из женщин и отдал ей кувшин.

– Пойдём, поговорим, если ты настаиваешь.

Владимир с сомнением посмотрел на него.

– Может быть, в другой раз?

Игорь пошатнулся и, ухватившись за Владимира, едва устоял на ногах.

– Нет! – он икнул и снова пошатнулся. – Нет, давай поговорим сейчас...

Перемены, которые произошли с Игорем за последний месяц, были разительные. Владимир знал его всегда как исполнительного, смелого бойца своего отряда, не раз бывшего с ним в самых тяжёлых и сложных операциях. Игорь участвовал и в похищении кардинала, и в разгроме базы неогуманистов на Куари. Он всегда отличался сообразительностью и решительностью в действиях. Создавшаяся обстановка, беззаботная жизнь в долине в окружении большого числа молодых и красивых женщин и весёлых развращённых фавнов изменили его до неузнаваемости. Теперь ко всему этому добавилось пьянство.

Они подошли к берегу озера.

– Я сейчас... через пять минут буду в норме... – Игорь разбежался и нырнул в озеро.

– Смотри, не утони с перепоя, – крикнул ему вслед Владимир.

Вода в озере, которое пополнялось горными ручьями, была холодная. Игорь вынырнул метрах в двадцати от берега и поплыл. Через пять минут он, как и обещал, вернулся.

– Ну, я тебя слушаю. О чем ты хотел со мной поговорить? – спросил он, подходя к Владимиру и садясь рядом с ним на песок.

– Протрезвел?

- Почти. – Игорь лёг на нагретый песок, закинув руки за голову, и приготовился слушать. – Было бы от чего пьянеть, вино слабенькое, – проговорил он, закрывая глаза.
- Ну, если ты уже протрезвел, то ответь мне: собираешься ли ты возвращаться к своим?
- Это в лагерь, что ли?
- А куда же ещё?
- А что? Эта гадюка уползла?
- Не знаю. Но думаю, что нет.
- Тогда как, позволь тебя спросить, мы вернёмся? Может быть, у тебя есть бластер, чтобы прикончить рептилию?
- Надо что-то придумать.
- Вот и думай! А я ничего не могу придумать. А потом...
- Что потом?
- Потом, здесь не так уж и плохо. Я бы сказал, даже очень неплохо! – он перевернулся и лёг на живот, подставляя спину тёплым лучам солнца.
- Сам посуди, командир, – назвал он Владимира по старой памяти, – мягкий ровный климат, обильная вкусная еда... женщины... ты только полюбуйся на них. Каждая из спасённых нами от кентавров могла бы быть на Земле кинозвездой. И притом они никогда не стареют! Мы с тобой, командир, попали в рай, который был когда-то утерян людьми. Чего тебе ещё надо?
- И тебе не надоело это вынужденное безделье?
- Представь себе, нет!
- Не понимаю тебя.
- А что тут понимать? Скажи мне, во имя чего человек трудится?
- Как во имя чего? Да все, что мы имеем, создано трудом, в том числе и цивилизация.
- Вот-вот! Создано трудом. Следовательно, – Игорь окончательно протрезвел, – следовательно, – повторил он, снова ложась на спину и закидывая руки за голову, – мы трудимся для того, чтобы что-то иметь? Не так ли?
- Не совсем, но приблизительно так, – не понимая, куда он клонит, – согласился Владимир.
- Пусть будет приблизительно. Ты согласен, что труд должен иметь какой-то смысл?
- Естественно! Нет ничего хуже бессмысленного труда.
- Прекрасно! Ну а какой смысл труда здесь? Здесь мы имеем все, что нам необходимо. Тут так тепло, что можно обходиться без одежды. Не надо обрабатывать поля, чтобы иметь пищу. Любой труд, если смотреть в корень, сводится к тому, чтобы защитить своё брэнное тело от холода и голода. Все остальное имеет производное значение. И коль нет этих двух великих начал: холода и голода, то и труд теряет смысл.
- Но так можно превратиться в животное.
- Совершенно верно! Ну и что? Вот ты говорил о цивилизации. А для чего она, «цивилизация»?
- Как, для чего?
- Вот я спрашиваю, какова конечная цель цивилизации?
- Могущество разума, человека... ну и...
- И? И что ещё?
- Счастье человека...
- Правильно! Счастье! Ради этого счастья и создаётся цивилизация. Ну, а что делать, если я полностью счастлив? Мне не нужна техника цивилизации, её машины, вычислительные устройства и тому подобное. Все, что мне нужно, я имею здесь. Следовательно, у меня нет причин желать каких-то изменений. Мне и так хорошо. Поэтому труд теряет свою цель, а следовательно, становится бессмысленным.
- Ты не прав. Труд является потребностью мыслящего человека.
- Слышал эту теорию. Возможно, она и верна. Но в ней опять-таки говорится об осмысленном труде, то есть таком, в результатах которого человек испытывает нужду. А здесь? Ну, в чем мы испытываем нужду? Скажи, и я с удовольствием начну трудиться, если буду знать цель своего труда.

– Постой! Ты что же, считаешь, что полное материальное обеспечение потребностей человека исключает его желание трудиться? Тогда ответь мне, почему на Земле люди довольно-таки богатые и всем обеспеченные продолжают трудиться, причём трудятся с полной отдачей сил.

– Ну, это легко объясняется. Люди трудятся для того, чтобы сохранить то, что они имеют, чтобы не отняли у них богатство те, кто менее обеспечен. Они трудятся, чтобы сохранить власть, ибо, потеряв власть, они потеряют и сверхнормативное обеспечение. Понимаешь, на Земле всегда существовало материальное неравенство. И это неравенство стимулировало трудовую деятельность человека. Те, кто был менее обеспечен, трудились для того, чтобы достичь более высокой степени обеспечения и положения в обществе, другие – для того, чтобы сохранить своё положение. Если бы там, на Земле, удалось достичь, как когда-то мечтали, материального равенства, которое гарантировалось бы каждому человеку вне зависимости от его вклада в общий труд, то люди перестали бы трудиться. Здесь же сама природа создала такие условия. Цивилизация фактически была создана потому, что голодные работали на сытых. Здесь все сыты, и никого не надо заставлять строить города, проводить дороги, ну и все прочее, чем отличается цивилизация. Заметь, здесь даже не ценится золото и драгоценные камни. Почему? Да потому, что на Земле они были как бы концентрацией голода, то есть возможности заставить голодного работать на сытого. Единственную ценность здесь представляют женщины, и из-за них происходят тут всякие стычки и сражения. Все остальное жители этой планеты получают даром. Даже бессмертие.

– Ну хорошо, ты прав. Труд должен иметь смысл. Я с этим согласен. Но вот ответь мне на такой вопрос. Если в чем-то имеется потребность, будет ли это стимулировать труд?

– Думаю, что да.

– Вот ты и попался! Я хотел было создать мастерскую, сделать ткацкий станок, но никто меня не поддержал, даже ты и то бросил работу.

– Не было смысла.

– Как? Разве нет потребности в одежде? Посмотри вокруг, все ходят почти голые.

– Тепло.

– Разве дело только в том, что тепло?

– Ах! Тебя шокирует, что женщины здесь ходят голыми? Ты считаешь это неприличным?

– Конечно. А ты что, нет?

– Представь себе, что ты находишься в Лувре.

– Причём тут Лувр?

– А притом, – Игорь рассмеялся, – притом, что если бы здесь разгуливали голяком старухи с отвисшими животами и варикозными ногами, я бы с тобой согласился, что это крайне неприлично. Послушай, дружище, ты напрасно отделяешься от всех!

– От кого это «от всех»? От твоих грязных фавнов? Ты что, думаешь, я буду принимать участие во всех ваших безобразиях?

– Ну зачем ты так? Все, мой друг, относительно. Здесь не Земля, а другая планета, другой народ, другие обычаи, а в чужой монастырь, как известно, со своим уставом не лезут. Нельзя на все смотреть со своей колокольни. Представь, что фавны вдруг очутились на Земле и стали бы вести себя там, как ведут здесь... Что было бы? Не правда ли странно? Так и здесь твоё поведение кажется всем странным. Столько кругом красавиц, а ты прилип к своей Ореаде...

– Зато ты быстро адаптировался.

– А что? Кому я мешаю? Мною все довольны, а на тебя начинают коситься. И не только фавны, но и женщины.

– Да пойми же ты, голова садовая, я же человек!

– А я кто? Марсианин? Я тоже человек, но в отличие от тебя понимаю, как нужно себя вести в создавшейся обстановке. А ты ведёшь себя неправильно.

– Это я – то неправильно? Да ты что?

– А как ты думаешь? Конечно, неправильно! На тебя вначале смотрели, как на бога, а теперь смеются.

– Смеются?

– Ну да! Ты зачем-то себя ограничиваешь, не пользуешься дарами, которые тебе

преподносит эта чудесная планета, вечно юная и прекрасная. Ты подобен тому чопорному англичанину, который попал на необитаемый остров вместе с прекрасной девушкой и три года с ней не разговаривал, потому что некому было его ей представить. Вот так-то, друг мой! Я тебе искренне советую, одумайся!

– Видно, разговора с тобой не получится, – обескуражено проговорил Владимир, вставая.

– Нет, почему же? Я не против вернуться к своим. Но скажи, как? Пока выхода не вижу.

– Рано или поздно змея уползёт.

– Вот когда она уползёт, тогда и поговорим, – Игорь тоже поднялся. – Пойдём со мной.

– Нет уж, уволь!

– Ну, как хочешь, – он повернулся и пошёл в знакомую рощицу.

Вскоре оттуда донеслись взрывы смеха, визг женщин и хохот фавнов. Веселье усиливалось с каждой минутой.

Владимир хотел было идти домой, но передумал и пошёл вслед за Игорем. Его появление вызвало ещё больший взрыв веселья. Завидев приближающегося Владимира, некоторые фавны стали покатываться по траве со смеху. Сначала он не понял причины их столь бурного веселья, но, подойдя ближе, увидел такое, что заставило его буквально застыть на месте. Посреди поляны с важным видом расхаживал один из фавнов, одетый в его, Владимира, одежду. Фавн принимал время от времени комические позы, вызывая новые взрывы хохота. Больше всего Владимира оскорбило то, что Игорь принимал участие в общем веселье. Кровь бросилась в лицо землянину. В два прыжка он очутился рядом с насмешником и схватил его за волосы. Смех прекратился мгновенно. Наступила тишина. Владимир отпустил фавна, и тот, видя перед собой разгневанного хозяина одежды, стал быстро раздеваться. Раздевшись, он протянул одежду Владимиру и, не утерпев, скорчил комическую мину. Снова раздался взрыв смеха. Не помня себя от стыда и возмущения, Владимир отвесил оплеуху шутнику, от которой тот покатился кубарем по траве. Собрав одежду, Владимир, не глядя ни на кого, покинул рощу. Вслед ему послышались угрожающие крики. Он не стал на них реагировать и пошёл домой. Дома его ждала Ореада.

– Все! Уходим отсюда! – принял он окончательное решение.

После ухода из посёлка Владимир несколько раз посетил карниз. Внизу, на склоне, по-прежнему лежала змея. Она и не думала покидать своего места. Владимир заметил, что змея обнаруживала его раньше и приходила в возбуждение, когда на нем был надет плащ из шкуры Пифона. В тех случаях, когда он был без плаща, змея реагировала на его появление не сразу. У него постепенно начал складываться план освобождения из западни.

Вот уже месяц, как Владимир жил на южном берегу озера. Вместе с ним посёлок покинули несколько женщин, которые, как ему объяснила Ореада, опасались, что если дело дойдёт до большой жертвы, выбор может пасть на них. Из-за предосторожности они забрали с собой из оружия все, что могли унести, главным образом, луки и весь запас стрел. Вскоре пропажа обнаружилась. Вначале к ним пришёл Игорь и потребовал, чтобы Владимир отдал назад луки. Тот отказался. Расстались они холодно. Через несколько дней к ним явилась целая делегация из фавнов с той же просьбой.

– Мы испытываем нужду в мясе, – начал фавн после обмена приветствиями. – Вы забрали все луки, и мы не можем теперь охотиться на оленей. Зачем вы это сделали?

– Скажи ему, что я отдам луки, – попросил Владимир Ореаду.

– Не делай этого, повелитель мой! Они убьют тебя! – на языке Дука взмолилась Ореада.

– Почему ты так думаешь?

– Они ненавидят тебя! Я это чувствую!

– Но, может быть, с ними можно договориться? Долина большая. Разве тут мало для всех места? Ведь можно жить в мире.

– Ты не можешь понять? Лапифы коварны. Они никогда не держат слова, если это им невыгодно.

– Ты сказала – лапифы? Это же фавны.

– После того, как они образуют племя и принесут большую жертву, они станут лапифами.

– Так им нельзя верить?

– Ни фавнам, ни лапифам. Ты другой и не можешь всего понять. Если бы ты стал

лапифом, то есть был, как Игорь, то, может быть, они и не считали бы тебя врагом. Но теперь... теперь я чувствую, что тебя ненавидят за то, что ты другой, не такой, как все. Если ты отдашь им луки, то при первой же возможности они убьют тебя и перебьют нас всех, живущих здесь с тобой. А скорее всего, принесут в жертву.

– Странная причина ненависти.

– Ты их страшно оскорбил. Всех. И фавнов и женщин.

Фавн во время их «разговора» молча сидел на корточках у входа в хижину, время от времени посматривая по сторонам. Рядом с хижинкой Ореады стояло ещё несколько других, в которых жили остальные женщины. Внимание фавна привлекла вытянутая на берег лодка и развешанные на шестах сети. Сети эти сплели недели две назад из растений. В озере водилось много рыбы, и каждый раз Владимир и участвующие в рыбной ловле женщины вытаскивали их наполненными. Лапифы не умели плести сети и били рыбу острогами. С лодкой ему пришлось немало повозиться. Имея в распоряжении бронзовый топор, захваченный из поселения лапифов во время их поспешного бегства, Владимир смог изготовить только некое подобие индейской пироги.

Заметив жадный взгляд фавна, Владимир встал и, сняв с шестов сеть, бросил её в лодку.

– Можешь забирать это себе. Я сделаю ещё.

– А луки?

– Луки я пока вам не дам. Впрочем, нет. Один дам Игорю, но пусть он сам придёт за ним.

– Это твой окончательный ответ? – со скрытой угрозой в голосе спросил фавн.

– Окончательный, – уловив эту угрозу, рассердился Владимир. – И вот что! Забирай лодку и сети и убирайся, пока не передумал.

Вечером того же дня пришёл Игорь. Состоялся неприятный разговор. Игорь бросил Владимиру обвинение в ханжестве. Тот, естественно, оскорбился.

– Интересно, в чем заключается моё ханжество? В том, что я не хочу превращаться в животное?

– Да брось ты! – поморщился Игорь. – Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Не пойму только, откуда у тебя это взялось, командир? Если и возникнет конфликт между тобой и остальными жителями долины, то виноват в этом будешь только ты.

– Объясни мне, кому я мешаю? – повысил голос Владимир.

– Я тебе уже объяснял, и жаль, что до тебя ничего не дошло! – в свою очередь повысил тон Игорь. – Ты не на Земле. Это-то до тебя доходит?

– Ну и что?

– А то... а впрочем, что с тобой говорить? Оставайся здесь, если ты так хочешь. Может быть, это даже лучше. Во всяком случае, ты не будешь портить своей постной физиономией настроение другим.

Он взял лук, колчан с десятком стрел и направился в свой посёлок, но, отойдя шагов на десять, повернулся и, кивнув на столпившихся у входа женщин, подруг Ореады, насмешливо спросил:

– Этих-то ты не обижаешь?

– Ладно, иди, иди и не беспокойся ни за меня, ни за них, – настроение у Владимира окончательно испортилось. Он понял, что это разрыв. Ему вдруг захотелось догнать и вернуть Игоря, но он не сделал ни шага. Игорь как будто чувствовал это. Он остановился, подождал немного, но, не дождавшись, медленно пошёл по тропе вдоль берега озера и вскоре исчез среди деревьев.

Владимир впервые почувствовал, что он в чем-то не прав. К нему подошла Ореада.

– Твой друг говорил правду, – тихо, как бы извиняясь, произнесла она. – Прости меня, – продолжала она, – но ты действительно обижаешь моих подруг.

– Чем? – сделал вид, что не понимает её, Владимир.

– Ты сам знаешь. Неужели тебе надо объяснять? Посмотри, это самые красивые женщины нашего племени.

– Я вижу. Не пойму только, почему они решили переселиться с нами.

– Я же тебе объясняла, что если дело дойдёт до большой жертвы, то выберут их, как самых красивых. Но если ты будешь обижать их, то после того, как будет принесена большая жертва,

они вернутся в посёлок к другим. Они мне это уже говорили. Мне будет одиноко без них. Прошу тебя, не обижай моих друзей.

– О, Господи! Да не думаю я их обижать! Так и скажи им!

– Правда? – обрадовалась Ореада и, оставив его одного, направилась к женщинам.

После этого разговора мир в маленьком посёлке был восстановлен, но ненадолго.

Фавны напали рано утром. Владимир только что вышел из хижины и направился на берег озера, чтобы умыться. Бывшая с ним этой ночью женщина опередила его и, весело смеясь, побежала к берегу. У самой воды, как бы споткнувшись, упала и застыла на прибрежном песке лицом вниз. Владимир, не понимая ещё, что произошло, подбежал к ней. Все лицо у женщины было залито кровью. Увесистый камень попал ей в висок и проломил череп. Смерть наступила сразу же, не успев даже погасить на её лице улыбку. Тут же над головой Владимира просвистел ещё один камень, и следом за ним целый град камней под аккомпанемент завываний высыпающей на берег озера толпы фавнов обрушился на посёлок.

Нападение было внезапным, и Владимир только успел заметить, что в руках у нападающих были пращи, которыми они вертели над головами, посылая в него снаряд за снарядом. Сработал выработанный на Земле инстинкт. Он упал на землю, несколько раз перекатился через себя и, вскочив, кинулся к хижине. Через секунду он уже держал в руках лук. Свистнула стрела, и один из нападавших рухнул с пронзённой насквозь шеей. Второму стрела впиалась в бок, и он завертелся волчком. Фавны замешкались. В это время на них посыпался град стрел, посылаемых Ореадой и её подругами. Оставив на земле человек десять убитыми, фавны обратились в бегство.

Кроме погибшей у берега озера, две женщины были легко ранены. Одной камень повредил плечо, содрал кусок кожи, у другой на излёте попал в грудь и сломал ребро. Пока Владимир оказывал им помощь, остальные женщины, вооружившись копьями, прикончили раненых фавнов. Все это произошло так быстро, что Владимиру удалось спасти только одного из них, но и тот был близок к смерти. Он успел повернуться, когда Ореада занесла над ним копьё, и оно вместо того чтобы поразить его в сердце, вонзилось в живот. Фавн был ещё в сознании, когда Владимир подбежал к ним и вырвал у Ореады занесённое для второго удара копьё. Жестокость женщин не удивила его, так как из рассказов Ореады он знал обычаи племён лапифов убивать раненых и пленных врагов. Лапифы не знали рабства и пленников обычно уничтожали. Если пленник был лапифом, его хоронили в роще священных деревьев и во второй жизни этот лапиф становился членом племени. Если же пленником был кентавр, его труп сжигали.

– Спроси у него, откуда у них это? – он протянул Ореаде подобранную на песке пращу. Насколько знал Владимир, лапифам не было знакомо такое оружие.

Фавн молчал и в ответ на вопрос Ореады презрительно отвернулся.

– Он не хочет говорить, – заключила Ореада.

– Тогда скажи ему, что его труп я сожгу!

– Ты это сделаешь? – ужаснулась Ореада.

– Клянусь, что сделаю!

Ореада перевела сказанное лапифу. Тот задрожал и стал быстро говорить. Ореада выслушала и перевела Владимиру:

– Их научил Игорь.

– Игорь? – вскричал Владимир. – Не может быть! Спроси его ещё раз!

Но фавн был уже мёртв.

Итак, Игорь, его старый боевой товарищ, стал на сторону фавнов и не только стал, но и научил их делать оружие. Владимир, правда, не видел Игоря среди нападающих, но это не меняло дела.

Убитых похоронили тут же. Лапифы спокойно относились к смерти. Смерть не была смертью в обычном понимании этого слова. Она не несла за собой небытия, которое так ужасает все мыслящее, понимающее ужас НИЧТО. Для них смерть была только преддверием новой жизни, причём, в новой жизни память частично сохраняла то, что было до этого и прошлом. Никто, правда, не знал, как далеко это прошлое. Память Ореады хранила воспоминания о двух или более прошлых. В одном из них были вспышки молний, могучие

воины на грохочущих колесницах, вереницы связанных пленниц. Второе осталось ещё более туманным. Она только помнила, что в панике бежала по полю, а за ней гнался кентавр. Потом все обрывалось. Какое прошлое было раньше, какое позже – она не могла сказать. Другие женщины, жившие с ним в посёлке, теперь, как и Ореада, вступившие с ним в мысленный контакт, тоже хранили в памяти смутные отрывки минувших жизней. Никто из них не мог сказать, как давно это было. Судя по рассказу Ореады, она жила во времена посещения планеты титанами. Лапифы хранили в памяти предания об этих посещениях. Титаны захватывали в плен женщин и мужчин и увозили их куда-то на грохочущих и извергающих пламя машинах. Похищенные уже никогда не возвращались к племени.

– Как вы думаете, – обратился Владимир к женщинам, – почему фавны напали на нас? – Они только что вышли из воды озера, где смывали с себя следы крови, и теперь отдыхали, лёжа на прибрежном песке. Выстиранную одежду развесили на ветках деревьев. Все как-то произошло само собой, и Владимир, сам того не замечая, перестал стесняться собственной наготы и наготы лежащих рядом с ним на песке молодых женщин. Правда, некоторым из этих «молодых» было лет по пятьсот, но, глядя на их гибкие и стройные тела, ни за что нельзя было это принимать всерьёз.

Женщины быстро заговорили. Владимир, который ещё не полностью освоил их язык, ничего не понял и обратился за разъяснениями к Ореаде.

– Мы думаем, что они уже выбрали себе вождя и теперь готовят большую жертву.

– Так что, они хотели нас принести в жертву?

– Конечно, предпочтительнее принести в жертву пленных, а если их нет, то и своих. Теперь все зависит от вождя, на кого он укажет.

– Они смогут повторить свою попытку?

– Трудно сказать. Мы убили многих из нападавших. Другие теперь побоятся.

– Вы очень хорошо стреляли! – поблагодарил Владимир.

Похвала эта, видимо, доставила большое удовольствие его подругам, так как они заметно оживились. Одна из них вскочила на ноги и, схватив лежащий подле неё лук, натянула его и пустила стрелу в стоящее метрах в пятидесяти от них дерево. Стрела тонко пропела и впиалась в ствол.

– Отлично! Ты молодец. Рея, – похвалил он её.

– Мы все умеем стрелять. Лучше погибнуть в бою, чем быть принесённой в жертву. После жертвы уже больше не возвращаются в этот мир, – ответила она.

– Разве после жертвы тела не хоронят?

– Нет. Жертву подвергают длительной пытке, а потом остатки тела сжигают на жертвенном камне, – она так и сказала «остатки тела». Владимира передёрнуло от отвращения.

– Черт бы их побрал! Я и не предполагал о такой зверской жестокости. Теперь я понимаю, почему вы так метко стреляли.

– Я же тебя предупреждала и советовала забрать все луки, – напомнила Ореада.

– Да, совершенно верно. Но что же мы теперь будем делать? С ними нельзя договориться?

– О чем?

– Ну... дать слово, что не будем больше нападать друг на друга.

– А разве можно верить слову? Что такое слово? Фу! – дунула она, сложив губы трубочкой.

– Как? Разве у вас нельзя верить другу? А как же вы заключаете союзы с другими племенами?

– Что такое союзы? Не пойму.

– Ну, это когда объединяются несколько племён для общей защиты, скажем, от нападения кентавров или заключают союз, чтобы сообща напасть самим на них.

– Никогда об этом не слышала. У нас каждое племя само за себя и никогда не объединяется с другим. Если какое-то племя погибает в войне с кентаврами, то другие радуются.

– Радуются? Чему?

– Тогда дикие, которые рождаются в священных рощах, идут к тому племени, которое остаётся жить, и племя от этого растёт и становится более сильным.

– Если бы в тот день, когда на вас напали кентавры, рядом с вами находилось бы другое племя лапифов, они не пришли бы вам на помощь?

– Скорее всего, нет. Разве что, если бы опасались, что кентавры потом нападут на них самих.

– Интересный вы народ, лапифы, и как только вас земля терпит таких?

– Земля? Не понимаю.

– Я хотел сказать Кибела.

– Кибела? О! Великая Мать не оставит милостью своих детей, но никто не может знать её решений и намерений. Великая Мать любит жертвы и празднества в её честь. Ты мог навлечь гнев на себя Великой Матери, так как не хотел принимать участия в празднествах.

– Не понимаю? Каких таких празднествах?

– Ну, в рощах. Твой друг принимал участие, а ты отказался.

– Так вот оно что! И из-за этого на меня стали коситься в посёлке?

– Конечно! Нельзя проявлять такое неуважение к Кибеле! Это может принести несчастье всем.

– Почему же мне ничего не объяснили?

– Я думала, ты сам это знаешь. Потом, может быть, ты враг Великой Матери? Ты убил её стража Пифона, и она могла лишить тебя силы принимать участие в празднестве. Так думали все женщины племени. Я-то знаю, что это не так. Но мне не верили. Думали, что я говорю это только из благодарности тебе за то, что ты снял меня тогда с доски пыток. Вот они подтвердят, – она кивнула на подруг и что-то им объяснила на своём звучном, певучем языке. Те согласно закивали головой. Рея от себя что-то добавила.

– Что она говорит?

– Она сказала, что теперь они знают, что Кибела, если и гневалась на тебя за Пифона, то теперь простила, так как вернула тебе мужскую силу.

– Я знаю, почему они напали, – вступила в разговор молчавшая до сих пор Ио. – Они хотели принести тебя в жертву и тем самым умилостивить Кибелу, которая ещё гневается за убийство Пифона. Я слышала, как там, в посёлке, говорили, что пока ты жив, самка Пифона не уйдёт из ущелья.

– Возможно, они и правы, – задумчиво, вспомнив пришедшую ему в ущелье догадку, тихо проговорил Владимир. – Ну что ж, видно, мне придётся увести её отсюда.

– Как ты это сделаешь? – недоверчиво спросила Ореада.

Он не успел ответить. До них донёсся плеск воды. Метрах в ста от них к озеру спустилось стадо оленей. Владимир схватил лук и, крадучись, стал приближаться к стаду. Женщины замерли. Через несколько минут стадо с шумом умчалось, оставив на месте молодого самца, сердце которого пронзила стрела, выпущенная охотником.

Когда Владимир и подбежавшая ему на помощь Ореада освежевали и принесли тушу, на специально отведённом месте уже пылал костёр. Владимир нарезал мясо кусками, нанизал их на палочки и обильно посыпал каждый кусок пеплом равы – растения, зола которого содержала большое количество хлористого натрия и заменяла лапифам поваренную соль. Зола равы содержала также соли кальция, калия и магния. Лапифы умели очищать золу, выделяя из неё соль натрия. Для этого зола растворялась в воде, потом фильтровалась и выпаривалась. Образовавшийся осадок содержал главным образом соль натрия. Рава росла обычно на сухом и каменистом грунте с богатым содержанием солей. Владимир не раз думал о том, чтобы привезти семена равы на Землю и посеять их на засоленных почвах. Судя по тому, как это растение концентрировало в себе соли, оно должно оказаться весьма полезным на Земле, где мелиорация когда-то привела в негодность миллионы гектаров земли.

Игорь отбивался от нападающих на него фавнов как только мог. Застигнутый врасплох, он мог надеяться только на свои кулаки и знание приёмов рукопашного боя. Уже трое из нападавших на него валялись на траве, не подавая признаков жизни. Под кулаками его дробились челюсти, ломались шейные позвонки, но силы были неравны. Его повалили и связали.

Неделю назад, узнав о нападении фавнов на Владимира, Игорь пришёл в ярость. Она усилилась ещё больше, когда он понял, что сам дал нападающим оружие. Показав фавнам, как

делать пращи, и обучив их владеть ими, Игорь рассчитывал, что это оружие заменит недостающие луки и будет применяться для охоты на оленей. Однако фавны решили иначе и тут же воспользовались ими, чтобы напасть на поселение Владимира.

Между Игорем и его друзьями-фавнами произошёл резкий разговор. Игорь хотел было отобрать пращи, но не тут-то было. Отношения сразу же стали враждебными. Теперь при его появлении фавны замолкали и расходились в разные стороны, показывая тем самым, что не хотят больше с ним общаться.

Вскоре после случившегося Перо предупредила Игоря, что его хотят принести в жертву Великой Матери.

– Уже избран вождь, – сообщила она, назвав имя одного из фавнов, отличающегося от других высоким ростом и могучим телосложением. Игорь хорошо знал его. Это был Иес, присоединившийся к ним во время бегства от преследующей толпы лапифов самки Пифона.

– Ты должен вызвать его на единоборство, – посоветовала женщина. – Если победишь, то вождём станешь ты. Таков обычай. Но после борьбы с тобой он должен остаться жив, чтобы лечь на жертвенную доску.

Игоря всего передёрнуло.

– Это обязательно?

– Да! Иначе на жертвенную доску ляжешь ты! Большая жертва необходима, когда образуется новое племя, иначе Великая Мать разгневется и отвернётся от лапифов. А это страшно! Великая Мать жестоко карает!

Игорю ничего не оставалось делать, как последовать совету. Иеса он нашёл в роще в окружении толпы фавнов и лапифок.

– Эй ты, грязный фавн! – вызывающе крикнул ему Игорь. – Тебя, кажется, пророчат в вожди? Почему меня не спросили? Я против!

Сказанного было достаточно. Фавны и присутствующие в роще женщины поняли, что сейчас начнётся поединок, и отступили на края поляны, образовав широкий круг для бойцов.

Иес не заставил себя упрашивать. Выкрикнув Игорю несколько оскорблений и обвинений в том, что он враг Великой Матери, фавн согнулся в борцовской стойке и, выставив вперёд длинные руки, поросшие рыжей шерстью, стал приближаться. Игорь не стал дожидаться. Высоко подпрыгнув, он быстро пролетел расстояние, отделяющее его от противника, и нанёс ему великолепный удар правой ногой в печень. Иес хрюкнул и повалился на траву. Ещё мгновение, и Игорь схватил его сзади левой рукой за волосы, а другой заломил правую руку поверженного фавна за спину, резко дёрнул её вверх, ломая плечевой сустав.

Но тут произошло то, чего не ожидал ни Игорь, ни собравшиеся вокруг лапифки. Вместо того, чтобы поздравить победителя и признать его вождём племени, фавны, яростно завыв, набросились на землянина. После короткой борьбы его опрокинули, связали и понесли к недавно устроенному жертвеннику. Туда же отнесли и потерявшего от боли сознание Иеса.

Теперь приказывал другой фавн. Это был как раз тот, который указывал дорогу в ущелье. Он отдал распоряжение, и фавны поставили жертвенную доску, прислонив её к камням жертвенника. Несколько других побежали в селение, откуда вскоре донеслись вопли женщин. Спустя некоторое время, они вернулись, таща за собой пятерых несчастных, которых тут же привязали к жертвенным доскам.

Фавны между тем обступили жертвенник.

– Послушайте! – крикнул им Игорь. – Ведь это не по правилам. Против обычая. Я победил!

– Молчи! На тебя правила не распространяются, – строго сказал новый предводитель фавнов. – Ты не лапиф. Ты враг Великой Матери. Из-за тебя Кибела обрушила на нас гнев и послала своего стража. Теперь ты умрёшь в мучениях, и Пифон покинет нас.

Пока он говорил, другие фавны сооружали костёр из сухих веток и стволов деревьев, где пламя должно поглотить остатки растерзанных тел.

Женщины, привязанные к доскам, перестали кричать и расширенными от ужаса глазами смотрели на эти приготовления. В глазах же других, обступивших площадь, на которой стоял жертвенник, Игорь не увидел ничего, кроме любопытства, да, может быть, на лице каждой из женщин проявились облегчение и радость оттого, что выбор пал не на неё.

Новый вождь, между тем, сосредоточенно занимался делом. Он отщепил от бревна щепки и стал их заострять. Назначение их Игорь понял, когда его доску положили на землю и вождь направился к нему, держа в руках деревянный молоток и пучок щепок. Деловито присев на корточки, он примерил одну из них, чуть-чуть заострил и стал вбивать её молотком под ноготь большого пальца правой ноги. Холодный пот выступил на лбу Игоря. «Не дождёшься... не дождёшься...» – твердил он себе, теряя сознание от острой, пронизывающей все тело боли.

Дней восемь Владимир потратил на сооружение катапульти. Трудность заключалась в том, что, кроме топора и ножа, у него не было никаких других инструментов. Ещё два дня ушло на поиски гибких растительных волокон, которые смогли бы заменить конский волос для каната катапульти. Изготовленные канаты выдерживали только три – четыре выстрела. Но этого было вполне достаточно. Бывшие с ним женщины сплели несколько таких запасных, хотя Владимиру было ясно, что больше одного, в крайнем случае, двух выстрелов ему не удастся сделать.

Катапульти предстояло ещё испытать, так же, как и приготовленные для неё снаряды. Их он изготовил из смеси селитры и сахара, сварив в каждый растительные фитили, пропитанные селитрой и тщательно высушенные на солнце. Каждый снаряд весил по килограмму. Ещё до изготовления катапульти он испытал снаряд. Он горел ярким пламенем и распространял вокруг страшный жар. Сахар для снаряда был получен из тыкв, сок которых являл собой густой сахарный сироп. Его выпаривали в котле и смешивали с селитрой, которую также нашли в долине.

Заложив в ложку катапульти десяток снарядов, он поджёл их и нажал на спуск. Снаряды взвились в воздух и, пролетев значительное расстояние, легли довольно кучно, что и требовалось. Во всяком случае, расстояние между падением двух не превышало пяти метров. Если повезёт, то с первого залпа удастся накрыть лежащую змею. Это был, пожалуй, единственный способ раздражить её и заставить заползти на карниз. Если же змея не бросится за ним на карниз, то у него был в запасе другой план, рассчитанный на то, что Пифон, получив сильные ожоги, не сможет развить большую скорость.

Теперь оставалось проверить точность попадания. Владимир снова накрутил при помощи рычага канат и загрузил ложку.

– Дым! Дым! – закричала вдруг Ореада. В её голосе слышалась радость.

Думая, что она имеет в виду пожар в кустарнике, куда были посланы снаряды, Владимир посмотрел в ту сторону. Кустарник пылал громадным костром.

– Не там! В посёлке! – Ореада указывала рукой в сторону, где в трех километрах от них находился посёлок. Действительно, в той стороне к небу поднимался густой столб дыма.

– Они зажгли жертвенный костёр, – пояснила Ореада. – Теперь вождь выбран, и нам уже ничего не угрожает!

Подруги Ореады, сбежавшиеся на её крик и поняв в чем его причина, радостно заговорили, перебывая друг друга.

– Интересно, кого выбрали в жертву?

– Сейчас, когда дым рассеется и костёр займётся, начнутся пытки.

– Мы хотим посмотреть.

Владимира передёрнуло. Он уже почти привык к нравам лапифов, коварство и жестокость которых уже не вызывали удивления, но поняв, что женщины, с которыми он делил еду и постель, сгорают от любопытства и желания посмотреть, как будут истязать и мучить их вчерашних подруг, наполнило его отвращением. Не помня себя, он отвесил пощёчину Рее, высказавшей желание посмотреть на пытки.

– Молчать! – заорал он и на без того притихших и испуганных женщин.

Рея поднялась с земли и, поймав его руку, поцеловала её.

– Прости, повелитель, – униженно попросила Рея. Она хотела ещё что-то добавить, но до их ушей донёсся пронзительный крик. Все повернули головы к озеру, откуда долетел крик, и увидели бегущую по берегу женщину. Вскоре они узнали в ней старшую жену Кенея, подругу Ореады.

– Скорее! Помогите! Там... – она, задыхаясь, не могла произнести ни слова. Страшная догадка пронзила Владимира.

– Игорь? – вскричал он, тряся за плечи упавшую в изнеможении женщину. Та энергично закивала головой.

Ни слова не говоря, Владимир метнулся в хижину и выбежал из неё, держа в руках лук и колчан, набитый стрелами.

– Кто со мной? – спросил он женщин и, не дожидаясь ответа, побежал к посёлку. Пробежав половину пути, он оглянулся. За ним, несколько отстав, бежали двое – Ореада и Рея с луками в руках.

Вождь закончил обрабатывать правую ногу жертвы и выпрямился, чтобы немного отдохнуть и дать время жертве очнуться. Пытка должна тянуться долго, до захода солнца. Он собрал валявшиеся на траве щепки и подошёл к распятой на доске очередной жертве. Та, поняв, что теперь её очередь, в ужасе завизжала. Вождь удовлетворённо улыбнулся. Крики жертвы угодны Кибеле. Как он ни старался, но выдать крик боли у убийцы Пифона ему не удалось. «Ничего, – подумал он, – когда я начну вытягивать из него жилы, закричит, не выдержит».

Он уже собрался приступить к делу, как длинная стрела впиалась ему в затылок, и вождь, не вскрикнув, повалился. Стрелы свистели одна за другой, поражая мечущихся в панике фавнов. Женщины с визгом разбежались, мгновенно очистив площадь. Последнего фавна Владимир достал стрелой, когда тот уже успел отбежать метров на пятьдесят. Стрела впиалась ему в бок и вышла наружу через живот.

Потом Владимир говорил, что он действовал в каком-то забытии. Руки его сами собой выхватывали стрелы из колчана и посылали одну за другой в мечущихся по площади фавнов.

Колчан опустел. Владимир отбросил лук и подошёл к распятому на жертвенной доске Игорю. Он хотел было развязать друга, но передумал и, наклонившись, пользуясь тем, что Игорь был ещё без сознания, вытащил из-под ногтей щепки. Осторожно разрезал путы и, взяв все ещё не пришедшего в сознание Игоря на руки, отнёс его в хижину, где препоручил успевшей вернуться Перо. Сам пошёл на площадь. К его удивлению, женщины, распятые на жертвенных досках, так и остались не освобождёнными. Место же Игоря занял теперь легкораненый фавн. Его только что кончили привязывать к доске. Владимир заметил, что всем этим руководила Рея, отдавая короткие приказания. Несколько женщин несли к костру новые сухие ветви.

– Что здесь происходит? – удивлённо спросил Владимир поспешившую ему навстречу Ореаду. – Почему не освобождены женщины? Немедленно развяжите! – приказал он столпившимся снова вокруг жертвенника лапифкам. Никто, однако, не сдвинулся с места.

– Нельзя, повелитель, – мягко тронула его за руку Ореада. – Они, – кивок в сторону распятых на досках несчастных, – принадлежат теперь Кибеле.

– Я вас сейчас всех пошлю к Кибеле – Великой Матери! – поняв, к чем дело, гаркнул Владимир. Он вытащил нож и, решительно отшвырнув стоящую на пути лапифку, шагнул к распятым.

Когда Ореада буквально перевела слова Владимира, среди лапифок началась паника. Они кинулись враспынную. Владимир без помех освободил несчастных. Освобождённые от тугих, глубоко врезавшихся в тело пут женщины оставались лежать в тех же позах, не в состоянии подняться, и Владимиру пришлось самому их поднимать и осторожно класть на траву.

– Чего стоишь, как истукан? – крикнул он Ореаде, которая в отличие от других не покинула площадь. – Видишь, они ещё не пришли в себя от страха. Неси воду!

Поняв, что от неё требуется, Ореада убежала и скоро вернулась с кувшином воды.

– Приведи их в чувство! – приказал он ей, а сам пошёл к привязанному к доске фавну. Он теперь уже не испытывал ни гнева, ни злости. Фавн был легко ранен. Стрела пронзила ему плечо, не затронув кости. Владимир разрезал путы.

– Убирайся вон! – приказал он, поднимая фавна за шиворот и не особенно сильно поддав ему коленом под зад.

– Куда? – поняв, что его оставляют в живых, спросил фавн.

– Куда угодно, но только не попадайся мне больше на глаза! А ну! Быстро! – крикнул он и, видя, что тот не двигается с места, наклонился за луком. Увидев смертоносное оружие в руках Владимира, фавн опрометью бросился бежать к холмам.

Скоро он скрылся из вида.

– Ну вот и все, – сам себе сказал Владимир. – Как они? Пришли в себя? – подошёл он к Ореаде.

– Вот так-то, милые девочки, – он ласково похлопал рукой по щеке одну из освобождённых им женщин. – В моем племени мужчины более воспитаны и никогда бы не позволили себе быть такими невежливыми, особенно по отношению к таким красавицам... Ну будет... будет, – он мягко освободил руку, которую лапифка прижала к своим губам.

– А где остальные?

– Все разбежались. Ведь ты пообещал их всех принести в жертву Великой Матери!

– Это я выразился иносказательно. Пойди, успокой их. Жертв больше не будет. И пусть соберутся на площади, я им хочу сказать что-то.

РОЖДЁННАЯ ИЗ ДРЕВА

Ореада охватила руками колени Владимира и прижалась к ним губами.

– Господин мой, умоляю тебя, возьми меня с собой, – она подняла вверх лицо, глаза наполнены слезами. – Не оставляй меня.

Владимир наклонился и поднял с земли женщину.

– Здесь тебе ничего не грозит. Ты не выдержишь дороги, да ещё в твоём положении. Жди меня, я скоро вернусь с помощью. Мы убьём Пифона и освободим вас.

План Владимира был прост, хотя и очень рискован. Он решил спуститься в ущелье с карниза километрах в двух от сторожащей выход змеи. Помочь должен Игорь, отвлекая её внимание на себя. Для этого, когда Владимир спустится в ущелье, Игорь появится на склоне карниза, одетый в плащ из шкуры Пифона. В этих случаях змея обычно приходила в возбуждение. Игорь к тому же обстреляет её из катапульты зажигательными снарядами. Если змея получит ожог, то можно надеяться, что в ярости она не почует Владимира, и ему удастся проскользнуть незамеченным.

Недели три подряд женщины плели из растительных волокон прочный пятисотметровый канат, по которому предстояло спуститься Владимиру. Уже один этот спуск был крайне опасен. Нет полной уверенности, что руки выдержат столь длительное напряжение. Правда, в том месте, где Владимир предполагал спуск, он заметил на половине пути уступ, на котором можно отдохнуть и восстановить силы.

Канат испытывали на прочность. Двадцать лапифок с одной стороны и двадцать – с другой в течение часа, ухватившись за канат, пытались перетянуть друг друга. Испытание скоро превратилось в игру и возобновилось на следующий день, уже в другом составе команд. Владимир не мешал им. Поляна, на которой происходили состязания, то и дело оглашалась взрывами смеха. Как ни странно, лапифам не были известны спортивные игры. Заметив это, Владимир, чтобы скрасить вынужденное пребывание в долине, устроил им состязания в беге, по прыжкам в длину и высоту. Встретили это новшество с недоумением, но потом увлеклись им.

В состязаниях принимали участие все, кроме Ореады. Поняв, что у неё будет ребёнок. Ореада тут же распространила эту весть среди своих подруг, что привело их в крайнее возбуждение. Игорю и Владимиру было официально присвоено звание богов.

– Теперь никто не настаивает на большой жертве, – сообщила Ореада Владимиру. – Бог, – добавила она, – волен поступать так, как ему заблагорассудится, и не следовать обычаю, если они ему не нравятся. Теперь твои обычаи – наши обычаи, так как мы уже принадлежим к племени бога, – закончила она торжественно.

Ореада с достоинством восприняла своё новое положение. Лицо её теперь уже редко озарялось улыбкой и хранило серьёзность. Выглядело это несколько комично, и Владимир с трудом иногда сдерживал себя, чтобы не рассмеяться. Однако, когда пришло время расставаться. Ореада не выдержала и залилась слезами.

За десять дней до побега Владимир стал усиленно тренироваться. Канат привязывали к ветке высокого дерева, и Владимир, поднявшись метров на пять, повисал на нем на руках и висел в течение часа. Он заметил, что после такой тренировки реакция его при спуске на землю резко замедляется и остаётся такой в течение двух часов. Это надо было преодолеть во что бы

то ни стало. После шести тренировок скорость реакции стала возвращаться к норме значительно быстрее, пока период замедления не снизился до четверти часа и остановился на этом, несмотря на продолжение тренажа. По-видимому, это был предел, который надо будет учесть. Он решил, что после спуска пролежит тихо в ущелье минут двадцать. Игорь должен будет добавить это время и начать дразнить змею через полчаса после спуска. Десять добавочных минут как раз были необходимы, чтобы добраться к выходу из ущелья.

Спускаться по канату сильно мешал лук. Он цеплялся за выступы скалы, и Владимир уже подумывал, не сбросить ли его вниз, но боялся, что при падении лук может сломаться.

Спуск занял довольно много времени, значительно больше, чем он предполагал. Когда до земли оставалось всего двадцать метров, Владимир почувствовал, что руки его уже не могут удержать канат. К счастью, при подготовке он сделал себе страховочную скользящую петлю. Эта петля охватывала его корпус и канат. Если бы не она, нагрузка на руки была бы значительно большей, и он, не выдержав, сорвался бы в пропасть. Из последних сил он преодолел оставшиеся метры и повалился на землю почти без чувств. Силы восстанавливались медленно. Наконец Владимир смог подняться, подождал ещё минут пять и стал тихо пробираться к выходу из ущелья. Дойдя до него, он спрятался за большой камень и стал ждать. От змеи его отделяло всего метров двести. Змея сначала лежала тихо, потом стала проявлять признаки беспокойства. Её огромная голова приподнялась вверх метров на двадцать и стала раскачиваться. Возбуждение её с каждой минутой возрастало. Она смотрела вверх, на склон. Внезапно несколько горящих шаров, прочертив в воздухе огненный след, рассыпались вокруг свернувшегося в кольца огромного тела. Один шар, величиной с голову ребёнка, ярко пылая, попал в гущу колец. Змея взвилась и преодолела сразу же метров триста вверх по склону. Почти мгновенно она подтянула своё туловище и сделала второй прыжок. Владимир не стал дожидаться и, пригнувшись к земле, кинулся в рощу амброзии.

Миновав её, он, не останавливаясь, побежал вниз по склону и позволил себе передохнуть только тогда, когда преодолел ложбину между горами и взобрался почти на вершину следующей за ней горы. Высокие густые деревья мешали ему разглядеть, что делается на только что покинутом им склоне. Стремительность змеи встревожила его. Сумел ли Игорь вовремя скрыться на узком карнизе? Змея ещё никогда не действовала так стремительно.

Двое суток Владимир шёл, почти не останавливаясь, давая себе отдых только ночью. Он забирался в кусты и спал не более четырех часов, часто просыпался и напряжённо вслушивался в звуки ночного леса. В эти короткие часы ему снилась мать, он чувствовал прикосновение её мягких нежных рук. Он снова был маленьким мальчиком, идущим рядом с отцом к берегу озера, ухватившись ручонкой за указательный палец отца. Затем появлялись страшный чёрный Сэм и рыжий Джонни. Джонни показывал на Сэма и говорил, что тот обязательно съест его. Потом хватал за ухо и начинал с противной улыбкой на лице крутить его. На крик приходил Бэксон и прогонял Джонни. Появлялся отец, брал его на руки, и они начинали спускаться из окна дома. Когда до земли оставалось немного, Владимир просыпался. Над ним сомкнулись густые ветки кустарника. Полнолуние. Ночи как таковой, можно сказать, и нет. Все вокруг заливал жёлтый свет, похожий на свет неоновых ламп, которые освещали по ночам города Земли. Как давно это было!

Когда мать сказала, что хочет послать его на помощь к отцу, Владимир ничего не понял вначале. Отец был рядом с ним, они жили на своём острове мирной жизнью, и им ничего не угрожало. Подробный рассказ матери показался ему фантастическим вымыслом, настолько неправдоподобным, что он ему не поверил и откровенно сказал об этом матери и присутствующему при этом разговоре отцу. Во время рассказа матери отец молчал, не проронил ни слова, пока она не закончила. Затем, как обычно бывало в затруднительных случаях, вздохнул, снял со стены карабин и молча вышел из дому. Через некоторое время Владимир был свидетелем встречи двух одинаковых, неотличимых друг от друга людей, и каждый из них был его отцом. Тот, что пришёл из большого мира, не видел его. Ему угрожала большая опасность. Он был в плену, и все трое, присутствующие в комнате, обсуждали, как выйти из создавшегося положения. После этой встречи Владимир решил и сам сказал об этом матери. Он пережил мучительное повторное рождение. Затем его познакомили с Николаем, и он, уже в новой своей телесной оболочке, снова увидел отца. Он знал, что уже никогда не

вернётся на остров к своей прежней жизни. Жалел ли он об утраченном? На это он не мог найти ответа. Там, на острове, живёт его двойник... он сам... и в то же время уже не он. Постепенно воспоминания о прошлом стали тускнеть и заслонились яркими картинками новой реальности. Единственное, что связывало его с прошлым, был отец, отец, который по замыслу матери не должен был догадываться, кто скрывается под именем Владимира Олянского. Сам Владимир хранил тайну, и только тогда, когда Эльга сообщила ему, что Сергей отказывается бежать, в отчаянии выдал её, чем привёл молодую женщину в недоумение и замешательство.

Хотел ли он возвращения на Землю? Владимир впервые об этом задумался. Раньше это казалось ему само собой разумеющимся. Теперь же... Собственно, что связывало его с Землёй? Воспоминания его хранили картины, которые вызывали отвращение: подземные заводы с искалеченными людьми, потайные кладбища детей – жертв преступной медицины... Если и было на Земле что-то, заслуживающее уважение и даже восхищение, – Владимир теоретически допускал такое, – то все прошло мимо него незамеченным. Он хорошо знал историю, с запоем поглощал книги исторического содержания там, у себя на острове, и должен признаться себе, что история его соплянетян не вызывала добрых чувств. Особенно его возмутила история одного правителя. Владимир попытался вспомнить его имя, но не смог. Про себя он дал ему прозвище людоеда и под этим прозвищем запомнил. Больше всего его возмущала рабская психология народа, он никак не мог себе представить, что среди многих миллионов не нашлось ни одного, кто решился бы всадить пулю в лоб этому людоеду. «Как же все-таки его имя?.. А, черт с ним!» – подумал он, поднимаясь с травяной подстилки и выходя из зарослей.

Лунный свет стал понемногу меркнуть, и на востоке зажглась заря восходящего дневного светила. «Все же прекрасная планета», – в который раз подумал он и поймал себя на мысли, что ему будет жаль покинуть её, когда наступит час. «А собственно, почему я должен её покинуть?» – внезапно спросил он сам себя и испугался этого вопроса. Несмотря на то, что его спор с Игорем закончился вроде в его пользу, Владимир неожиданно для себя стал находить в доводах Игоря некую, ещё не осознанную им до конца справедливость. Во всяком случае, после избиения фавнов и освобождения несчастных лапифок и Игоря от большой жертвы Владимир больше не противился обычаям жителей этой планеты и с удовольствием принимал участие в прославлении Великой Матери. Его уже не приводила, как раньше, в смущение откровенная чувственность вечно юных аборигенов, лишённых всякой заботы о хлебе насущном, получающих все в готовом виде от щедрот Великой Матери. «А действительно, что же им остаётся делать, если они получают от природы все, что пожелают, даже не проходящую молодость и бессмертие? Как бы вели себя женщины Земли, если бы очутились в сходных условиях?» Он усмехнулся. Если судить по тому, как вели себя бывшие подруги Сюзанны, щедро дарившие свои ласки бойцам его отряда, то... А впрочем, по этому случаю трудно судить об остальных...

По мере того, как он все дальше и дальше уходил от места, где самки Пифона сторожила выход из долины, в лесу стало попадаться больше дичи. На третий день он подстрелил косулю и с наслаждением поел мяса. Амброзия ему уже порядком надоела, и он за один присест с жадностью съел половину туши убитого животного.

Был уже вечер. Отягощённый сытным ужином, он решил лечь спать пораньше, что и сделал, забравшись, как обычно, в кустарник.

Спал он крепко и проснулся только после восхода солнца. Он уже собрался в дорогу, как вдруг его внимание привлекло необычное дерево. По описанию Ореады он понял, что перед ним древо жизни. Это дерево имело короткий толстый ствол, от которого отходили симметрично три толстые ветви, растущие вверх под небольшим углом. Он вспомнил, что месяц назад Ореада нашла такое дерево в долине и показала ему. Правда, Ореада сказала, что дерево очень старое и больше не плодоносит. Это же дерево было молодое, с ярко-зеленой листвой, и, что самое странное, между отходящими от толстого ствола ветвями находился большей, в рост человека, продолговатый овальный кокон матово-белесового цвета. От толстых ветвей к нему отходило множество тоненьких веточек, концы которых оплетали кокон со всех сторон и уходили внутрь него. Присмотревшись, Владимир заметил, что кокон еле заметно «дышит». Во всяком случае, ему так показалось, что движение поверхности кокона напоминает движение грудной клетки человека при дыхании. Ему стало интересно, он уселся поудобнее в

нескольких шагах от дерева и стал ждать, что будет дальше. Тем временем «дыхание» кокона усилилось, и он стал постепенно светлеть, становиться прозрачнее. Через час внутри него проступили контуры человеческой фигуры. Владимиру стало ясно, что он присутствует при одном из самых сокровенных актов планеты – рождении человека из дерева. Веточки, оплетающие кокон, стали на глазах сохнуть и отваливаться от его поверхности.

Заворожённый увиденным, Владимир не слышал, как сзади него хрустнула ветка, и пришёл в себя только тогда, когда на его плечи навалилась тяжесть и чьи-то цепкие руки схватили его за горло. Оцепенение от неожиданного нападения длилось меньше секунды. Владимир вскинул руки назад, охватил ими плечи нападавшего, резко наклонился вперёд и перебросил его через голову. Нападающий оказался рослым фавном, все тело которого, лишённое одежды, заросло густой рыжей шерстью. Фавн брякнулся спиной о землю, но тут же мгновенно перевернулся, вскочил и, выставив вперёд длинные руки, пошёл на землянина. Владимир не стал ждать, когда фавн вторично вцепится в него, и испытанным приёмом провёл удар пяткой в переносицу. Фавн хрюкнул и отлетел в сторону. Затем на четвереньках быстро пополз в кусты. Владимир решил, что инцидент исчерпан. Однако вскоре из-за кустов послышался угрожающий рёв, и снова выскочил фавн. Лицо его было покрыто кровью, а в руках он держал, подняв над головою, толстый увесистый сук. Две секунды понадобилось Владимиру, чтобы поднять лежащий на траве лук, выхватить из колчана стрелу, прицелиться в фавна. Тот, очевидно, был хорошо знаком с оружием, которое держал в руках его противник, поэтому прекратил рёв и, остановившись в пяти шагах, замер, вопросительно, как показалось Владимиру, глядя на него.

– Убирайся! Я не хочу тебя убивать! – крикнул фавну Владимир, слегка опуская лук. Фавн отлично его понял и, бросив сук, быстро исчез среди деревьев. Владимир проследил, пока тот окончательно скрылся, и перевёл взор на дерево. Кокон на нем не было. Рядом с деревом стояла совершенно обнажённая высокая девушка. Её тёмные, как у Ореады, длинные, слегка волнистые волосы свободно спадали на плечи, а большие зеленые, как изумруд, глаза смотрели удивлённо на землянина. «Так вот, кто должен был стать добычей фавна», – догадался Владимир, невольно сравнивая тонкую, изящную, словно выточенную из розоватого мрамора, фигуру с волосатым кавалером. Из рассказов Ореады Владимир знал, что фавны заранее находят деревья, из которых должны появиться лапифки. По обычаю тот, кто первый нашёл такое дерево, имеет преимущество перед другими лесными женихами. Он сторожит момент «рождения», и когда из дерева появляется лапифка, овладевает ею. Если же он пропустит этот момент и лапифка уйдёт от своего дерева больше чем на сто шагов, фавн, первый обнаруживший кокон, теряет преимущество и должен отстаивать свои права в драке. Так что по обычаю этих мест Владимир был кругом не прав. Он вторгся в чужую зону и нарушил права первооткрывателя. Очевидно, фавн отлучился от своего сторожевого места на ночь и когда вернулся, обнаружил непрошеного и незаконного соперника.

Естественно, такая наглость привела его в ярость, и он, минуя дипломатические переговоры, напал на нарушителя лесной конвенции, решив его примерно наказать. Но незнакомый с приёмами каратэ, вынужден был покинуть поле бои побеждённым.

«Что за этим последует? Вернётся ли фавн с подмогой из своих приятелей?» В планы Владимира не входило связываться в пути с драчливыми фавнами. Он стремился как можно скорее пройти этот лес, выйти к разрушенному селению лапифов и, идя по берегу озера, найти исток реки Синченко, с тем, чтобы, следуя по её течению, дойти до берегов Аттиса, а оттуда – до расположения своих.

– Извините, мадам, – галантно поклонился он девушке, продолжавшей удивлённо смотреть на него, и невольно залюбовался этим вышедшим только что из дерева зеленоглазым чудом. Девушка действительно была невероятно красива. Тонкие правильные черты лица, нос со вздрагивающими ноздрями, мягкий овал подбородка, идеально коническая грудь, тонкая талия и длинные бедра, переходящие в стройные голени, заканчивающиеся аккуратными маленькими ступнями. Девушка продолжала молча стоять, опершись рукою на ветку дерева, из которого только что появилась, ничуть не стесняясь своей наготы. Владимир смущённо отвёл глаза в сторону, ещё раз пробормотал: «Извините» и пошёл своей дорогой. Отойдя шагов на пять, не удержался и бросил сожалеющий взгляд назад. Девушка так и стояла у ствола дерева,

только повернула голову в его сторону и, казалось, смотрела на него с ещё большим удивлением. Владимир ускорил шаг.

Он прошёл уже добрую сотню шагов, когда услышал позади себя голос:

– Эй! Ты куда?

Он обернулся и увидел догоняющую его лапифку. Она поравнялась с ним и взяла за руку. От этого мягкого прикосновения землянина бросило в дрожь.

– Почему ты ушёл? – недоуменно спросила девушка и тут же добавила: – Я хочу есть!

– Сейчас, сейчас, – почему-то обрадовался этому желанию своей новой знакомой Владимир. – Что-нибудь придумаем. Ах, да, – вспомнил он, – тебе нужна амброзия. Здесь она должна где-то расти. – Он посмотрел вокруг. – Да вот же она! – обрадовался он, увидев знакомое дерево. Быстро вытащил нож и глиняную, захваченную специально для этого чашу, сделал на коре надрезы и стал кормить свою невольную добычу. Пока девушка ела, он стащил куртку, затем снял рубашку и ножом отрезал рукава. Получилось нечто вроде туники. Идти рядом с обнажённой женщиной и быть самому одетым ему показалось неловко.

– Как тебя зовут? – поинтересовался он, протягивая ей свою рубашку. Та критически осмотрела её со всех сторон, слегка усмехнулась, но без возражений одела.

– Ирина, – к величайшему удивлению Владимира назвала она чисто земное имя. – Куда ты идёшь? – повторила она свой вопрос.

– К своему племени.

– Вот как! Я сразу же догадалась, что ты настоящий лапиф, а не дикий фавн. Это хорошо, что я досталась тебе, а не тому грязному фавну. Теперь я буду жить в настоящем доме, а не ночевать в кустах. Фавны, – добавила она, – жестокие и больно бьют женщин... Ты не будешь меня бить?

– Ты что? Как можно? Бить женщину? Это не в моих правилах.

– Я это вижу. У тебя лицо доброе и ты сильный. Ещё находясь в коконе, я видела, как к моему дереву приходил рыжий фавн, и молила Кибелу, чтобы его проглотил Пифон. Когда подошёл ты, я обрадовалась. Ты мне сразу понравился.

– Разве ты могла что-то видеть из кокона?

– Конечно! Разве ты об этом ничего не знаешь? Дней за десять до рождения я все вижу и слышу. Когда ты подошёл к дереву и сел возле него, я стала молить Великую Мать, чтобы она скорее раскрыла кокон. Она услышала меня, иначе кокон раскрылся бы только к вечеру, когда взойдёт ночное жёлтое светило. Хорошо, что ты дождался и не ушёл. – Она прикоснулась губами к обнажённому плечу Владимира. – У тебя много жён? – внезапно спросила она, пряча от него свой взгляд, смотря куда-то в сторону. Владимир вспомнил оставшихся в долине женщин и ответил утвердительно. Ирина помолчала минуту, потом тихо сказала:

– Я это поняла сразу. Ты – великий воин! Я хочу, чтобы ты любил меня... – она обняла его руками за шею и тихо спросила: – Что ты ждёшь?

Он почувствовал, как её тело прижимается к нему.

– Не сейчас, – хрипло сказал он, мягко отстраняя девушку. – Нам надо уйти отсюда подальше, так как вот-вот вернётся твой жених и приведёт приятелей. Мне бы не хотелось с ними встречаться.

– Тогда идём быстрее.

– Подожди минутку. Я сделаю тебе обувь, – он критически посмотрел на голые ступни своей спутницы. – До моего племени идти ещё долго, ты изранишь ноги. Пока сгодится и это.

Он отрезал от своей куртки рукава и, найдя в вещевом мешке иглу с нитками, зашил их концы. Получилось нечто вроде сапог.

– Давай сюда ноги, – сказал он, садясь на землю. – До вечера выдержат, а там сделаю тебе мокасины из шкуры косули. – Он натянул ей на ноги «сапожки» и слегка перетянул верх «голенищ» верёвкой, чтобы не спадали при ходьбе.

К вечеру они добрались до посёлка лапифов на берегу озера. Владимир опасался, что посёлок будет завален гниющими трупами кентавров, но с удовлетворением увидел, что кругом чисто.

Они нашли наиболее сохранившуюся хижину и расположились в ней на ночлег.

Ни до этой ночи, ни после неё Владимир не испытывал такого счастья, какое испытал

здесь, в хижине на берегу озера. Кому до него, в своей прошлой жизни, принадлежала эта женщина? Владимир не задавал себе такого вопроса. Он только знал, что она, это лесное чудо, отныне и навсегда принадлежит ему одному, и он готов был сражаться за это право с толпами наглых фавнов и со всеми, кто посягнёт на его достояние. Он целовал её грудь, живот, ноги, испытывая от этих поцелуев непередаваемое словами наслаждение, забывался на какое-то время во сне и, проснувшись, снова жадно тянулся к этому прекрасному, белеющему во тьме ночи телу. Только под утро его сморил сон, и они проспали до самого вечера. Ночью все повторилось сначала. Только на второй день они покинули хижину.

На берегу озера, пользуясь указаниями Ореады, Владимир нашёл чёлн лапифов и пару весел, запрятанных в кустах. Они отплыли от берега метров тридцать, как вдруг в оставленном посёлке послышался шум. Ирина испуганно вскрикнула. К озеру выбежала толпа орущих фавнов. Они заметались по берегу, что-то разыскивая. Вскоре они нашли то, что искали. От берега отделились два чёлна с продолжающими орать и усиленно работать вёслами фавнами.

– Идиоты! – с досадой выругал фавнов Владимир и протянул руку, чтобы взять лук. Однако ничего не нашёл. Он с ужасом вспомнил, что оставил лук в хижине. Упоённый счастьем, он забыл обо всем на свете и лишился единственного оружия, которое могло бы принести ему победу и спасение.

Фавны, заметив, что лодка беглецов остановилась, торжествующе завывали, ещё больше налегли на весла. Владимир отметил, что гребут они крайне неумело. Лодки фавнов виляли из стороны в сторону. Весла поднимали фонтаны брызг, часто цепляясь друг за друга. Появилась надежда. Он снова взял в руки весла, и лодка заскользила по воде. Увидя уходящую добычу, фавны завопили ещё громче и тоже налегли на весла. Расстояние между ними и лодкой Владимира стало сокращаться. Он сжал зубы и старался грести равномерно, постепенно увеличивая скорость. Расстояние немного увеличилось, но потом снова стало уменьшаться. Вскоре фавны приблизились к беглецам метров на пятьдесят, но дальше расстояние не уменьшалось, несмотря на их усилия. Среди гребцов, преследующих лодку, Владимир узнал своего знакомого. Тот постоянно поворачивал голову назад и что-то злобно орал. Что – землянин не мог разобрать.

– Дай! Я буду грести тоже! – попросила Ирина.

– Не надо. Ты только собьёшь меня с ритма. Сиди на носу, не двигайся, так мне будет легче. Сколько до берега?

– Около тысячи шагов, – поняла его вопрос Ирина. – Ты думаешь, что на берегу с ними легче справиться?

– Попробую, если мне удастся одна хитрость. Как только высадимся, спрячься в кустах и действуй по обстоятельствам. Если увидишь, что я бегу к лодке (я постараюсь увести их от того места, где ты затаишься, – пояснил он), то беги тоже как можно быстрее. Десять на одного – это, конечно, многовато. Впрочем... мой друг детства Гомер утверждал, что Одиссей справился с большим количеством женихов... Ведь это твои женихи? Не правда ли? Так вот, он-то справился, но у него был лук... Досада, как я мог его забыть! – Владимир, продолжая усиленно грести, бросил взгляд через плечо к приближающемуся восточному берегу озера и внимательно в него всмотрелся. Берег был высокий. Почти отвесные скалы подступали к самой воде, оставляя узкую прибрежную полосу песка. Это меняло планы. В прошлый раз, в тумане, он не мог разглядеть берег и представлял себе, что он такой же отлогий, как и с западной стороны, где был расположен посёлок лапифов.

До берега оставалось уже метров тридцать. Владимир заметил в одной части скалистой стены небольшую расщелину, по которой, при необходимости, человек мог бы подняться наверх. Он указал на неё Ирине.

– Сможешь забраться?

Ирина внимательно посмотрела туда, куда указывал её спутник, и утвердительно кивнула головой.

– Тогда мы ещё поборемся! – удовлетворённо заключил Владимир, направляя лодку к расщелине. В это время лодки преследователей сблизились и из-за неумелости гребцов столкнулись борт о борт. Это дало беглецам ещё несколько минут драгоценного времени.

Владимир оставил лодку на берегу и, взяв в руки весла, пошёл к скалам. Подъем был

труден. Владимир карабкался вверх и, найдя устойчивый выступ, протягивал весло следующей за ним Ирине. Та, ухватившись за него левой рукой и цепляясь за выступы скалы, поднималась дальше. Наконец подъем преодолён.

Фавны тем временем приближались на своих лодках к берегу.

– Эх, почему бы не попробовать? Когда-то я хорошо толкал ядро.

Владимир поднял с земли увесистый, килограмм в десять, булыжник, покачал его на ладони, примериваясь к весу. Ирина поняла его намерение и стала искать камни. К сожалению, их было немного.

– Далеко не отходи, – предупредил Владимир. Он подождал, когда первая лодка ткнётся носом в берег и, сделав небольшой разбег, кинул камень в гущу вставших на ноги и собирающихся покинуть чёлн фавнов и тут же взял второй такой же камень из тех, что нашла Ирина.

Снизу послышались вопль и злобный рёв. Не давая им опомниться, Владимир швырнул в них второй камень, затем третий. Видя такое дело, вторая лодка отклонилась в сторону и подошла к берегу метрах в двадцати к северу. Из первой лодки выскочили четверо, один из них хромал, а один остался лежать в челноке неподвижно. Камень угодил ему в голову, размозжив череп.

Высидевшие из лодки что-то кричали первым. Те подбежали к ним и стали совещаться. Затем от толпы фавнов отделились двое. Один быстро побежал на юг, второй в противоположную сторону – на север. Остальные, оставаясь на безопасном расстоянии у второй лодки, ждали. Посланные отсутствовали минут десять. Вскоре Владимир увидел, что они бегут назад, крича и размахивая руками. Тотчас от толпы фавнов отделились четверо и побежали к посланным ранее, двое на север и двое на юг.

– Все ясно! Они нашли место для подъёма на скалы и хотят окружить нас. Трёх же оставили здесь сторожить. Теперь все зависит от быстроты. Я сейчас спущусь вниз и поговорю с ними по душам. Ты спускайся вслед за мной, но не спеши. Своё весло можешь бросить вниз, оно тебе уже не понадобится. Я думал, что они попытаются подняться вслед за нами. Тогда бы весла пригодились. Впрочем, одно мне и сейчас нужно.

Подождав минут двадцать, Владимир стал быстро спускаться, прыгая с одного выступа на другой. Спуск занял всего несколько секунд, так что фавны, внимание которых отвлекла Ирина, появившаяся на обрыве, заметили его только тогда, когда он, держа в руках весло, бежал к ним. Это было настолько неожиданно, что те на секунду замерли. Тотчас один из них получил страшный удар рукояткой весла и, сложившись пополам, рухнул на песок. Двое других успели отскочить и тоже вооружились вёслами. Владимир схватил двумя руками посередине своё весло и, вращая его, подобно английскому йомену времён войны Алой и Белой Розы, стал наступать на них. Послышался стук ударов дерева о дерево. Фавны быстро сообразили, что, находясь рядом, они теряют преимущество и, отскочив друг от друга, напали на землянина с двух противоположных сторон. Владимир отступил, затем повернулся и побежал. Торжествуя вопя, фавны кинулись за ним. Пробежав метров тридцать, землянин резко повернулся, бросился к фавну, который опередил своего товарища, и нанёс ему удар рукояткой весла в живот. Второй остановился и, видя судьбу своего напарника, опрометью бросился назад. Владимир не стал его преследовать. Путь к лодкам был свободен. Ирина уже успела спуститься. Они подобрали валявшиеся на песке весла, свои и чужие, сложили их в свою лодку и без помех отплыли от берега.

Вскоре они увидели, как с обеих сторон побережья к лодкам бегут фавны. Подбежав ближе, они заматались по берегу, разыскивая пропавшие весла.

– До свидания, джентльмены! – насмешливо крикнул Владимир. – Пишите письма! Не забывайте!

Несмотря на то, что эти слова были произнесены по-русски, до Ирины дошёл их смысл, и она весело рассмеялась, захлопала в ладоши.

– Ну, как я их? – все ещё не придя в себя от возбуждения, не без самодовольства и хвастовства спросил Владимир, переходя на язык лапифов.

– Отлично! – со знанием дела оценила его действия Ирина. – Особенно меня восхитило, когда ты притворился, что бежишь, и затем внезапно напал на преследующих.

– Это не мой приём. Когда-то у меня на родине жил человек по имени Спартак. Это он придумал.

– Он тоже был великим воином?

– Очень! Он сражался за свободу рабов.

– Рабов? Не понимаю! Что такое «раб»?

– Это человек, которого лишили свободы и заставили работать на других, – пояснил Владимир.

Ирина удивлённо посмотрела на него и пожала плечами.

– Как это можно заставить работать? Можно убить врага, но никто его не может заставить работать. И зачем? Не вижу никакого смысла...

– Тебе это трудно понять. Здесь совсем другое. Впрочем, то, о чем я тебе говорю, было далеко отсюда и очень-очень давно...

– Как давно? Но ты же был тогда? Помнишь?

Владимир рассмеялся.

– Меня тогда на свете не было.

– Как же ты об этом знаешь?

– У нас есть книги. Это такие листки, на которые живущие раньше описывают все, что с ними было для тех, кто будет жить потом, после них.

– Странно... Зачем все помнить? Если помнить все, то голова распухнет. Я вот не все помню, что со мной было в прошлой жизни. Меня тогда захватили кентавры.

– Вот как? Расскажи! Это мне интересно!

– Ничего тут интересного нет. Лучше не вспоминать... Впрочем, если ты хочешь...

– Решай сама. Если тебе тягостны воспоминания, то, может быть, не надо...

– Я не знаю, как давно это было, – начала Ирина, – когда живёшь в деревне, время идёт иначе. Может быть, было всего десять лет назад, а может быть, сто и больше. Мы жили тогда в посёлке на берегу реки, что течёт отсюда из озера и впадает в большую реку, несущую свои воды дальше на север. Я была тогда ещё маленькой девочкой...

– Как? – перебил её Владимир. – Ты говоришь – маленькой? Выходит, ты родилась от женщины?

– Да! – гордо ответила Ирина. – Я родилась от женщины. Моя мать была младшей женой вождя племени, который происходил от давным-давно посетивших наш народ богов, которые имели огненные трубки, пускающие молнии. Но это произошло задолго до моего рождения. Мой отец жил долго, и, кроме меня, у него были ещё дети, но постарше и жили отдельно от нас в своих домах. Кентавры напали рано утром и перебили всех мужчин, а нас, женщин, и меня, я была единственной девочкой в посёлке, увели с собой в степь. Вместе с другими пятью женщинами я досталась вождю их племени.

– Постой... я плохо понимаю... кентавры слишком отличаются от вас, лапифов. Зачем им ваши женщины?

– Ты сказал «вас, лапифов», – удивилась Ирина, не отвечая на его вопрос. – Разве ты не лапиф?

– Как бы тебе сказать... не совсем.

– А, понимаю! – чему-то обрадовалась Ирина и тут же пояснила: – Я так и думала, что ты рождён женщиной, как и я.

– Здесь ты права! Но ты не ответила на мой вопрос.

– А что тут говорить? Неужели ты не понимаешь? Кентавры – грубые, жестокие, распущенные развратники. Редкая женщина выдерживает долго их «развлечения». Большая часть погибает в течение полугода. Если она не гибнет от «ласк» кентавра, то её замучают кентавры-самки.

– Тебя тоже замучили? – спросил Владимир и осёкся, жалея, что задал такой вопрос. Ирина поняла его и отрицательно замотала головой.

– Нет, меня освободили лапифы. Они напали ночью на стойбище и перебили всех без исключения кентавров. Никто не ушёл! – торжествующе сообщила она. – Вождя кентавров захватили живым и положили на жертвенную доску. Ох! Как он орал! Как он орал! – с явным удовольствием вспомнила Ирина. Её изумрудные глаза заблестели, зажглись огнём.

– Ну а потом? Что было с тобой потом? – пытливо посмотрел ей в глаза Владимир, уже чувствуя необъяснимый прилив ревности.

– Потом я ничего не помню. Скорее всего, я была убита после этих событий. Никто не может помнить своей смерти. Эта тайна остаётся у Великой Матери. Ты хочешь знать, – потупила она глаза, – был ли у меня муж? Не знаю. Скорее всего, не было, иначе я бы его помнила. Последнее, что я помню, это мы спешим куда-то лесом. Мы, женщины, идём гурьбой, пробираемся сквозь чащи, за нами – воины. Нас кто-то преследует. Может быть, кентавры. – Она вдруг замолчала. По её лицу было видно, что она что-то силится вспомнить.

Владимир не стал ей мешать своими вопросами и молча грёб. Вскоре показалась река, вытекающая из озера. По всем признакам это была река Синченко. Владимир направил туда лодку и скоро вошёл в речку. Быстрое течение подхватило чёлн и понесло его вперёд. Теперь должно показаться сужение реки, образующееся двумя тёмными скалами. И действительно, через некоторое время он, оглянувшись, увидел их. Вода в этом месте неслась с большой скоростью, пенясь вокруг выступающих из неё валунов. Нарастал шум стремительного потока.

– Сейчас будет опасно! – крикнул Владимир. – Пересядь на корму, а ещё лучше – ложись на дно лодки.

Ирина, поглощённая воспоминаниями, не слышала его. Владимир снова обернулся, стараясь удержать лодку посреди потока, и повторил своё приказание. На этот раз она услышала, но вместо того, чтобы сползти тихонько на дно, встала во весь рост и шагнула к корме.

– Осторожно! – закричал он, но поздно. Узкая, с мелкой посадкой в воде, лодка покачнулась, Ирина взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, и свалилась за левый борт. Она тотчас же вынырнула, но уже справа. Её несло на камни.

– Держись! – крикнул Владимир, бросая весла, и прыгнул в воду. На мгновение он потерял её, но вскоре увидел тёмные волосы, распустившиеся в воде, впереди себя. Ирина отчаянно била по воде руками, стараясь удержаться на поверхности.

– Держись! Я иду к тебе! – Владимир был отличный пловец, впрочем, как и все бойцы его и других отрядов. В несколько могучих взмахов рук он настиг женщину, и вовремя. Ещё мгновение, и она, окончательно выбившись из сил, прекратила бы сопротивление и пошла ко дну.

– Ложись на спину и расслабься. Обними меня за шею. Вот так. Не делай никаких движений... – Владимир отдался потоку, который понёс их с большой скоростью мимо скал. Вскоре течение замедлилось, и перед ними открылся простор широкой реки. Подплывая к правому берегу, он окинул взором воду, лодки нигде не было. Оставалась надежда, что её не разбило и она застряла где-то среди выступающих из воды камней.

Он вынес совершенно обессилевшую женщину на берег и положил её на нагретый солнцем песок. Ирина открыла глаза, но тут же устало закрыла их. Из груди вырвался глубокий вздох.

– Все уже позади, успокойся. – Он немного подумал и решил не терять времени. – Полежи здесь, а я поднимусь вверх по течению, за скалы, и посмотрю, не видно ли нашей лодки.

Лодка действительно отыскалась, и, как предполагал Владимир, застряла среди камней левого берега. Он поднялся немного выше и вошёл в воду.

Уже миновав приток и направляя лодку к берегу, он услышал крик о помощи. Кричала Ирина. Лодка понеслась к берегу. От напряжения чуть не сломалось весло. На берегу никого не было, возле места, где лежала Ирина, на песке чётко обозначались следы босых ног. Это были мужские следы, широкие, с растопыренными пальцами. Следы вели в чащу леса. Уже вбегая в лес, Владимир услышал знакомый гул, но вначале не понял его происхождения. Он обернулся и увидел летящий вдали вертолёт. Остановился на мгновение, но тут же бросился вслед за похитителями.

Издали до него донёсся сдавленный крик. Владимир повернул на голос. Он рисковал в любую минуту напороться на толстый острый сук, но не думал об этом. Вскоре стал различим треск под ногами бегущих по лесу людей, он закричал, но не услышал ответа. Треск впереди усилился. Владимир выбежал на поляну и увидел, как два фавна тащили извивающуюся Ирину, схватив её за руки и ноги. Она дёргалась, мешая похитителям двигаться быстрее. Обернувшись

на шум догоняющего их Владимира, фавны бросили жертву на траву. Один сразу же пустился наутёк. Второй замешкался. По его распухшей физиономии с перебитой переносицей Владимир узнал своего старого знакомого. Он не стал дожидаться, когда фавн придёт в себя. В два прыжка настиг его и взмахнул рукой. Фавн упал как подкошенный.

Ноги и руки Ирины были туго связаны сплетённой из растительных волокон верёвкой, так туго, что лодыжки посинели. Рот забит травой. Помогая себе зубами, Владимир распутал узлы. Затем стал осторожно вытягивать изо рта траву.

– Я знала, что ты меня спасёшь... – были первые слова Ирины. Она вдруг заплакала. – Я чуть было тебя не потеряла.

Владимир хотел поднять её на руки, но она остановила его.

– Похорони этого! – она указала рукой на поверженного фавна. У того была неестественно вывернута голова, так как удар ребром ладони перебил ему шейные позвонки. Он умер мгновенно, не успев даже вскрикнуть.

– Зачем? – не понял Владимир.

У его спутницы расширились от ужаса глаза.

– Ты хочешь, чтобы его сожрали звери? Но ведь он тогда больше не возродится. Это жестоко!

– Но он враг! Туда ему и дорога!

– Он лапиф! Как ты не понимаешь? Если мы не будем хоронить своих, нас вскоре не останется совсем.

– Ты права! Я совсем забыл. Но должен тебе сказать, что препротивнейший тип! Надеюсь, что в новой жизни он будет иным.

– Я его вспомнила!

– Кого ты вспомнила? – не понял Владимир.

– Вспомнила, когда я его раньше видела. Это он похитил меня, когда мы спасались от кентавров. Он ночью подкрался к нашему лагерю, схватил меня на руки и потащил в чашу. Женщины закричали и разбудили воинов. Те бросились за нами. Наверное, стрела, которая предназначалась ему, попала в меня.

– Вот как? Выходит, он заранее, ещё тогда знал, где твоё дерево, и ждал своего часа?

Ирина презрительно сморщилась и ничего не ответила. Владимир вырыл неглубокую яму посреди поляны, затащил в неё тело фавна и забросал землёй.

– Ну как? Можешь идти? – спросил он, закончив эту неприятную работу. Ирина попыталась подняться, но ноги её подкосились, и она упала бы, если бы Владимир не подхватил её на руки.

– Послушай, – обратился он, когда они уже порядочно отошли от поляны, – я все хочу спросить тебя, это дерево... оно что... плодоносит несколько раз?

– Когда как. Иногда один, а иногда больше.

– И если второй раз, то из него выйдешь снова ты?

– Ну, это будет не скоро... хотя, кто знает. Мы знаем, что дерево может плодоносить несколько раз, но никогда почти не встречаемся друг с другом.

– Так что, этот фавн имеет шанс снова встретиться с тобой, я хотел сказать, с твоею копией?

– Вполне возможно... – она вдруг рассердилась. – Не говори мне больше об этом! Хорошо?

– Обещаю.

Вскоре Владимир с драгоценной ношей вышел на берег. И остановился как вкопанный. Возле того места, где он оставил лодку, стоял вертолёт, а рядом с ним – люди.

– Как вы здесь очутились? – спросил Владимир, когда возгласы и восклицания стали обретать характер членораздельной речи.

– Лучше объясни, как ты очутился здесь? – в свою очередь спросил Вальтер. – Мы тебя искали совершенно в другом месте. На восточном берегу озера, где вы расстались с Сашей.

– Так Саша жив?

– Представь себе! Он и указал нам место, где тебя искать. Мы уже были там раз двадцать, прочёсывали все окрестности, но никакого следа. Не хотелось верить, что вас сожрал Пифон.

– Так вы о нем знаете?

– Конечно!

– Вскоре я вам предоставлю возможность познакомиться с мадам поближе.

– Ну, ты это потом расскажешь. А кто это чудо природы? – он кивнул на ещё не пришедшую в себя от переживаний и неожиданностей Ирину.

– Ирина Олянская!

– Вот как? Поздравляю! Очень рад познакомиться с вами, – Вальтер нагнулся и поцеловал Ирине руку. Та испуганно её отдернула и спряталась за Владимира.

– Успокойся, – Владимир перевёл ей слова Вальтера. Ирина улыбнулась и кивнула тому головой.

– Какая красавица! – не удержался Вальтер. – Твой отец будет рад! Где ты её нашёл?

– Снял с дерева, – Владимир коротко рассказал о своей встрече с Ириной.

– Удивительно. Я уже слышал об этом, но не мог поверить. Ты сам все это видел?

– Собственными глазами. А откуда вам известно об этом? Я имею в виду рождение лапифов из деревьев.

– Ну, у нас уже много таких дам живёт в лагере. Ребята разыскали их в лесу. Правда, на всех не хватило, но теперь знаем, где их искать...

– Скоро их будет достаточно много. Они остались с Игорем в ущелье, выход из которого сторожит самка Пифона. Мы можем сейчас туда отправиться и освободить их...

– Сделаем это. завтра. Я уже сообщил твоему отцу, что ты нашёлся, и жестоко заставляя его долго ждать. Садитесь все в машину, – пригласил он.

Когда над головой зашумели винты вертолёт, Ирина задрожала всем телом и прижалась к Владимиру.

– Не бойся, моя девочка, все будет хорошо, – он ласково погладил её по голове и, взяв кем-то небрежно оставленный на сиденье шерстяной плед, накинул ей на плечи. – Укройся, а то замёрзнешь, здесь в кабине дует.

Вальтер что-то хотел спросить, но Владимир перебил его:

– Ты мне так и не рассказал, как тебе удалось спастись? Тебя ведь схватили кентавры. Мы ничем не смогли тебе помочь, была ночь, и нас со всех сторон осыпали стрелами.

– Сам не пойму, кому или чему мы с Оксаной обязаны спасением.

– Так Оксана жива?

– Жива-здорова. Она у нас теперь вроде «оракула», – загадочно добавил он и продолжал: – Самое удивительное, что, схватив нас, они на следующее утро, как мне показалось, решили предать меня и Оксану мучительной смерти. Во всяком случае к этому велись приготовления. Меня привязали к дереву и что-то начали готовить. Что – я не понял.

– У них в обычаях сдирать кожу с живых.

– Благодарю за любезное разъяснение.

– Ох, прости!

– Да ничего. Так вот, все уже было готово, и вдруг их охватил какой-то ужас. Мне почему-то показалось, что они испугались Оксаны. Внезапно отпрыгнули от неё и, совершенно забыв про меня, ускакали в неизвестном направлении. Оксана меня отвязала от дерева, на котором я висел... мм... вниз головой, и мы через месяц после некоторых приключений благополучно добрались до лагеря. В пути мы встретили Сашу, и он рассказал, что на вас напал Пифон.

– Пифониша! Я хочу сказать, что это самка Пифона.

– Вот как? Но я думаю, у Саши не было времени выяснять пол этой, как ты утверждаешь, дамы. Завтра мы её пошупаем лучами бластера и освободим Игоря.

– Ты что-то сказал об Оксане. Я не понял. Вроде бы назвал её оракулом, как это понимать?

– Что я тебе скажу. Она как была красивой дурой, так и осталась... но иногда на неё находит. Во всяком случае её предсказания всегда сбываются. Сергей, я хотел сказать, твой отец, прислушивается к её словам и вообще проявляет по отношению к ней крайнее уважение. Вспомнил такой случай. На нас полгода назад напали кентавры. Это было после одной из поисковых экспедиций. Боже ты мой! Как мы тебя искали! Сергей за это время посерел весь...

– Не отвлекайся.

– Да... так вот. Мы, конечно, отбили их нападение, но некоторые горячие головы стали настаивать на карательной экспедиции, чтобы наказать наглецов. Они ведь убили троих наших ребят. Сергей колебался. Мне кажется, он надеялся найти тебя у кентавров... И вот тут-то... Мы уже собрались в путь, как появилась Оксана и преградила нам дорогу, подняв над головой руки. Сергей подошёл к ней и что-то спросил. Та сказала ему пару слов... и все! И он, представляешь, тут же отменил экспедицию. Были и ещё некоторые странные вещи. Например, она запрещает рубить некоторые деревья и указывает, где можно делать порубку, а где нельзя. Потом мы собрали семена хлебных растений. Помнишь, мы обнаружили клубни, наполненные мукой, и хотели посадить их поближе к лагерю. Выбрали место и уже начали рыхлить землю для посадки, как пришла Оксана и сказала, что здесь нельзя их высаживать, и показала другое место, километрах в двух от выбранного. От неё отмахнулись и посеяли. Я возьми и посади на всякий случай небольшое количество семян там, где она указала. И что же ты думаешь? На первом месте не возшло ни одного растения. А там, где я посадил, следуя указаниям Оксаны, вскоре появились ростки, и, в общем, там сейчас плантация, которая обеспечивает нас хлебом.

– А что с СС? Удалось собрать её?

– Как и решили тогда, разместили её на орбите. Блок программирования и управления, естественно, находится в посёлке. Сейчас заканчиваем вводить в СС информацию, полученную на этой планете. Мы уже несколько раз совершили её облёт на катерах, и скажу тебе, что она здорово напоминает Землю. Такое же обилие морей. Три материка. Два связаны друг с другом небольшим перешейком и один в юго-западном полушарии. По количеству воды Счастливая даже богаче Земли. Суша её всего-навсего составляет одну двенадцатую поверхности. Множество островов. Некоторые размером с Сицилию, но большинство мелких, сгруппированных в архипелаги. Самое интересное – это её растительный мир. Огромное разнообразие. И вот ещё, я обнаружил, что все корни растений связаны между собой, причём, интересно, как эти связи располагаются. Сначала, на глубине метра, первая сеть связей, затем – глубже, уже под пятиметровым слоем, – вторая, и ещё глубже, метрах так в двадцати под поверхностью – третий слой. Представляешь, это сплошной слой переплетения корней. Возможно, есть и четвёртый, так как корни уходят вглубь. Я хотел рыть дальше, но снова вмешалась эта Оксана, и Сергей запретил.

– Чем-то напоминает слой нейронной связи в мозге, – высказал предположение Владимир.

– Вот! Вот! И Сергей Владимирович так считает... Он...

Вальтер не договорил, так как вертолёт застыл в воздухе и стал медленно опускаться. Они были уже дома. Ещё минута, и Владимир чуть не задохнулся в могучих объятиях отца.

– Сынок! Мальчик мой! – единственно, что мог, не справляясь с волнением, сказать Сергей, прижимая сына к груди. Владимиру покаялось, что отец стал ещё выше и раздался в плечах.

– Ну, пойдём, пойдём домой, – продолжал отец, обняв его правой рукой за плечи и увлекая за собой.

– Подожди... я сейчас... – Владимир вернулся к вертолёту и помог сойти Ирине.

– Вот! – представил он её, подводя к отцу. – Это моя жена. Сергей окинул быстрым взглядом молодую женщину и широко улыбнулся.

– Ну что ж! Поздравляю! Я очень рад, что у моего сына такая красивая жена, – сказал он на чистейшем языке лапифов, протягивая Ирине руку.

– Ты знаешь их язык? – не удержался от удивления Владимир. – Когда ты успел?

– Знаю. Расскажу потом. Пойдёмте в дом! Ради встречи с тобой – я ведь не знал, что ты вернёшься с женой, поэтому и говорю «с тобой» – приготовлен торжественный обед. Но раз ты с супругой, то придётся пригласить и жену Николая.

– Так Николай...

– Представь себе! Здесь многое изменилось, пока ты отсутствовал. По дороге в посёлок Владимир заметил, что строений в нём значительно прибавилось. Помимо деревянных коттеджей, в центре посёлка стояло большое здание, окружённое со всех сторон лесом мачт с антеннами.

– Это приёмно-передающая станция, связывающая нас со спутником, – пояснил Сергей.

– Вы построили кирпичный завод? – Владимир заметил, что в отличие от деревянных домов здание построено из обожжённого кирпича.

– Пришлось. Мы многое ещё сделали. Ты отсутствовал очень долго. Некоторое время поживёшь со мной, пока мы построим тебе отдельный дом. Я чувствую, у меня наконец-то будут внуки. Настоящие, – со скрытой болью в голосе добавил он.

Владимир вспомнил Ореаду, но промолчал. Он только сейчас понял, что попал в довольно пикантное положение. Там, в долине, он как-то об этом совсем не думал. Что будет, когда здесь появится Ореада. Как воспримут друг друга они с Ириной и как это будет выглядеть в глазах товарищей. Все рассказать отцу и попросить совета? Не поворачивается язык начать разговор об этом.

– На войне как на войне, – услышал он произнесённую им самим откуда-то возникшую непонятно почему фразу.

– Что ты сказал? – переспросил отец.

– Да нет... ничего... просто так... – смущённо пробормотал он, чувствуя, что краснеет.

Сергей внимательно посмотрел на сына, но промолчал.

Дома их уже поджидал Николай. Увидев Ирину, он понимающе кивнул головой и вышел. Вскоре вернулся с молодой женщиной. Между ней и Ириной сразу же завязался оживлённый разговор на языке лапифов, и они быстро исчезли. Через час вернулись, Ирина была одета в платье и причёсана.

Из десантников только Сергей и Владимир овладели языком лапифов. Со своей женой Николай объяснялся больше мысленно, используя эффект Дука, как теперь его называли, и понемногу учил её говорить по-русски.

Вопреки опасениям Владимира, Ирина быстро освоилась и вела себя за столом с достоинством, ничему не удивляясь. Она только слегка вздрогнула, когда Вальтер включил видеозапись, и на широком экране появилась певица. Она запела песню на английском языке о том, как хорошо любить круглый год, потому что каждое время года имеет свои прелести. Певица то куталась в меховую шубку, то сбрасывала одежду и оставалась в узком бикини, по-видимому, иллюстрируя смену времён года.

– Мне говорил отец, что видел такое, – Ирина показала на экран. – Это было давно, когда к нам с неба спускались боги.

Сергей слышал эти слова и, вздрогнув, снова как-то странно посмотрел на Ирину, но тотчас отвёл глаза.

Обед затянулся до ужина. Когда гости стали расходиться, Сергей шепнул Владимиру:

– Отведи жену к себе в комнату и зайди ко мне в кабинет. Нам надо поговорить.

По-видимому, разговор был важен, и ему не хотелось откладывать его до следующего дня.

– Ну как, удобно? – спросил Владимир свою молодую жену, укутывая её мягким одеялом.

Ирина с наслаждением вытянулась в постели и счастливо улыбнулась.

– Я знала, что вы вернётесь, – прошептала она. – Отец мне говорил, что вы обязательно вернётесь!

– Твой отец?

– Да! Я же говорила тебе, что он рождён от женщины. Его отцом был один из богов. Он, правда, бросил мать отца и улетел к звёздам. Ты меня не бросишь?

– Не брошу. Спи! Я немного задержусь, мне надо поговорить с отцом.

Владимир поцеловал Ирину в лоб, затем не удержался и покрыв поцелуями её шею и лицо. Ирина счастливо засмеялась и обвила его шею руками.

– Приходи скорее, – шепнула она. – Я буду ждать!

Сергей ходил по кабинету. При виде сына он остановился, присел на диван и пригласил сына сесть рядом.

– Ну, рассказывай!

Владимир стал излагать свои приключения, стараясь не упустить никаких деталей. Сергей слушал внимательно, не перебивая. Когда сын закончил, он встал и снова заходил по комнате. Видно было, что он чем-то взволнован, но пока не решается сказать.

– Что ты намерен теперь делать?

Владимир развёл руками.

– Года через два мы будем возвращаться на Землю. Ты сможешь расстаться с Ириной?

– Нет! Я люблю её, отец!

– Вот этого я и боялся. Ты хочешь взять её на Землю? Но ты подумал, чего ты её лишишь? Ты слышал, что она сказала, когда Вальтер включил видеозапись? Её отец жил уже тогда, когда египетские фараоны ещё не строили своих гробниц. Они живут вечно! И вечно сохраняют молодость. Это бессмертие. Даже случайно погибнув, они возрождаются снова. Если ты увезёшь Ирину на Землю, ты лишишь её этого. Подумай! Не один ты очутился в таком положении. Николай, Вальтер и многие другие привели своих девушек из леса. Теперь у них родились дети. Как они переживут расставание? И смогут ли? Я не смогу запретить им взять жён на Землю, но подумай, вправе ли мы лишать этих людей того, о чем мы, земляне, мечтали в течение тысячелетий с тех пор, когда наш разум понял весь ужас небытия? Вот в чем вопрос. Да и захотят ли их жены покинуть эту планету, когда узнают, что на Земле их ждёт старость и смерть? А если они предпочтут любовь, то не придёт ли потом раскаяние, а ещё хуже – упрёк?

Владимиру было просто некогда об этом подумать, он обеспокоенно молчал, не зная, что ответить.

– Вот и я, – продолжил Сергей, – не могу ответить на этот вопрос, потому что ответа на него нет!

– А нельзя ли завезти на Землю амброзию?

– Нет! Она не будет там расти. Даже здесь растения приживаются не везде, где им «вздумается», а только в определённых местах. Мы вот пытались посадить хлебные клубни...

– Я знаю. Вальтер мне рассказал.

– Ну вот видишь. Да дело не только в амброзии. Я уверен, что сама по себе амброзия не может дать бессмертия. Здесь действует весь комплекс планеты. И этот комплекс заключается в том, что планета... Он замолчал, не решаясь произнести нужного слова.

– Говори, я догадываюсь.

– Да! Разумна! Вернее, не сама планета, а её растительность. Вся корневая сеть планеты, построенная наподобие мозга человека, его нервной системы, – громадная, сверхмощная вычислительная структура. Это интеллект, причём такой, границ которого мы не знаем. Мне чем-то эта планета напоминает Элию, но только отчасти. Там было содружество человека и растительного и животного царств, здесь же животное царство полностью подчинено растительному.

– У тебя есть доказательства?

– В том-то и дело, что прямых нет. Есть косвенные. Пока об этом можно говорить как о гипотезе, догадке.

– Но позволь, отец, разум не может развиваться при отсутствии двигательных функций...

– Ты имеешь в виду, что растения неподвижны? Должен сказать, что движение имеет самые разнообразные формы. Не обязательно перемещение материального тела в пространстве. Достаточно перемещения в пространстве информации. Здесь это условие выполняется. Но самое главное для развития разума – возможность осуществлять воздействие на окружающий мир и оценивать результаты воздействия. Сие есть начало обучения и начало развития разума. Судя по нашим наблюдениям, растительная система планеты легко может осуществлять такое воздействие. Вспомни, что было с вырытыми для СС котлованами? Мы просто в плену земных представлений и по любому поводу используем принцип рычага. Ведь наши руки, конечности – не что иное как рычаги, и все наши воздействия на окружающий мир в конечном итоге – воздействие этих рычагов. Но можем ли мы утверждать, что это единственный путь осуществления движения и воздействия на окружающую реальность? Эти воздействия, как и сам Разум, могут иметь в мироздании самые различные формы. Фактически – это отражения закона необходимого многообразия. Наш разум находится в плену сложившихся представлений. Нам кажется, что весь мир построен по нашему образу и подобию. А это не так. Чтобы добиться взаимопонимания, надо подняться над земным уровнем, стать хотя бы чуть-чуть выше самих себя.

– Ты говоришь «взаимопонимания»?

– Да! Именно взаимопонимания. Мы встретились с новой, не известной нам формой организации разума, и я хочу понять его и хочу, чтобы этот разум понял нас. Как это

осуществить?

– Насколько я понимаю, то, что ты сейчас мне рассказал, полностью исключает возможность колонизации этой планеты?

– Естественно! Об этом теперь не может быть и речи! Эта планета не может принадлежать нам, и не столько потому, что здесь есть уже человек, по-видимому, не менее разумный, чем человек на Земле, но застывший в своём социальном развитии, а потому, что здесь есть свой разум и с ним возможны только такие отношения, которые основаны на взаимопонимании и взаимном желании иметь отношения. Не исключено, что этот разум не захочет иметь с нами дело, и мы должны будем уважать его желание. Возможно, что нам придётся покинуть эту планету раньше предусмотренного срока.

– Титаны, которые задолго до нас посетили Счастливую, по-видимому, не считались с существованием здесь такого разума и колонизировали её, судя по рассказам аборигенов, вели себя здесь, как завоеватели.

– Поэтому они и погибли, – живо откликнулся Сергей. – Погибли потому, что не были способны к взаимопониманию и разумному компромиссу. Они создали искусственный разум, но не смогли найти с ним взаимопонимания, как не нашли и здесь. Я теперь начинаю понимать Уранию. Понимать, что она имела в виду, когда говорила, что на этой планете меня ждут испытания. Она хотела проверить возможность человека с Земли к взаимопониманию. Вот что главное! Боюсь, она ещё не приняла окончательного решения и ждёт результатов этого эксперимента.

– И если бы мы...

– Если мы не выдержим испытания, может измениться её отношение к Земле. Пусть и без трагического результата для Земли, но... хотя в этом случае трагический результат будет только отсрочен... Об этом эксперименте не знала даже Ольга, иначе бы меня предупредила.

– Тогда надо быстрее покинуть планету!

– Я тоже вначале так подумал, но теперь понял, что это не оптимальное решение. Отказаться от контакта – значит не довести эксперимент до конца. Урания скорее всего ждёт другого... Вот что не даёт мне покоя... Чтобы принять решение, мне чего-то не хватает. Информации... Я никак не могу себе представить пути эволюции жизни на этой планете. Как могло случиться, что на ней возникли сразу три разумные системы, столь отличные друг от друга: растительная, лапифы, которые, впрочем, идентичны и биологически, и по хромосомному составу человеку, и совсем уж невероятная форма развития разума – кентавры. Кстати, тебе не кажется удивительной схожесть всего того, что мы знаем о лапифах, кентаврах и этой самой амброзии, с мифами, которые дошли до нас из древности.

– Наши мифы – отголосок посещения Земли титанами?! Вполне вероятно! И они завезли на Землю лапифов. Например, имена...

– Да, имена, – задумчиво повторил Сергей. Твою жену зовут Ирина, что по-гречески переводится как «мир». Ореада – это имя я тоже встречал в мифологии. Что же ты все-таки думаешь с ней делать? У неё скоро будет ребёнок?

Владимир покраснел и смущённо отвёл глаза.

– И все-таки? – настаивал на своём вопросе Сергей. Как ты представляешь встречу двух женщин?

– Что касается их, то это меня меньше всего беспокоит. Лапифки привыкли к такому положению и не представляют себе другого. Женщина у них – раба мужчины и во всем ему покорна. У них даже нет чувства ревности в обычном понимании этого слова. Скорее наоборот... Меня больше беспокоит внешняя сторона дела. Как я буду выглядеть перед нашими...

– Ты говоришь: раба?

– Да, и они это воспринимают, как само собой разумеющееся...

– Противоположно тому, что я встречал на Элии. – Сергей оживился. – Ты знаешь, я неоднократно говорил и сейчас повторяю, что уровень цивилизации, морали определяется отношением к женщине. Это индикатор морального и этического развития. Там, где женщина вправе распоряжаться собою, там общество достигает социального благополучия. Здесь же... – он замолчал и некоторое время ходил по комнате, потом решительно отрезал: – Здесь не будем

делать поспешных выводов...

– Я тоже так думаю, – согласился Владимир. – Надо накапливать информацию, чтобы принять окончательное решение с меньшей вероятностью ошибки.

– Ошибка должна исключаться, иначе... – Сергей не договорил, но Владимиру и так стало понятно, что он имел а виду. Он не видел Урании, но представлял её по рассказам отца, и этот образ пугал его, пугал неограниченным могуществом. Он, как и Сергей, понимал, что разум – это не только доброта, но и жестокость.

На следующее утро три вертолётa поднялись в воздух и взяли курс на ущелье, которое недавно покинул Владимир.

Одновременно от берега отчалили два катера. Каждый из них тянул за собой неуклюжее сооружение, напоминающее баржу. Катера должны были ждать Игоря и освобождённых из блокады женщин на реке Синченко, не доходя до её сужения у чёрных скал.

Затеваемая экспедиция вызвала в лагере заметное оживление. Все с нетерпением ждали новеньких. Особенно те, кто ещё ходил в холостяках и не нашёл себе в чаще леса подруги.

Ещё раньше из лагеря отбыла группа охотников, чтобы обеспечить мясом торжественный встречный ужин.

Сергей остался в лагере, поручив руководство экспедицией сыну.

Когда они подлетали к месту, где выход из ущелья сторожила змея, Владимир приготовил бластер. Вертолёт опустился ниже. Но сколько ни всматривался Владимир, змеи на обычном месте не было.

– Куда же эта гадюка уползла? – растерянно буркнул он себе под нос.

Николай заглянул вниз через его плечо.

– Что, нет?

– Может быть услышала шум вертолётов и спряталась поблизости. Давай спустимся ниже.

Однако поиски ничего не дали.

– Плохо. Не зная, где она находится, придётся вывозить людей вертолётami. Идти пешком через леса рискованно. Эта коварная bestия может спрятаться где угодно и напасть внезапно. Её и рядом не отличишь от растительности.

– Это займёт не меньше двух дней. Может быть, разбить всех на небольшие группы и в каждую дать бойцов с бластерами для охраны? – предложил Николай.

– Ты не знаешь стремительности этого чудовища. За долю секунды она преодолевает расстояние в триста метров.

– Не может быть!

– Поверь, что это так. Я даже опасюсь за безопасность плавания на баржах. В воде она не менее стремительна.

– Тогда баржи пойдут по реке под охраной вертолётов, – решил Николай. – Однако что будем делать?

– Том, – похлопал Владимир по плечу пилота, – давай наверх, через эти горы.

– Высоковато! – Пилот оценивающе окинул взглядом горный хребет, преграждающий вход в долину, но послушался, и вертолёт резко пошёл вверх. Два других последовали его примеру.

Перелёт через хребет занял минут двадцать. Пилот выбирал наиболее низкие проходы, не желая подниматься слишком высоко над покрытыми снегом вершинами. Наконец перед ними открылась долина. Владимир несколько раз выглядывал из кабины, но почему-то никого не видел внизу.

Опустились на поляну недалеко от озера. Николай первым выпрыгнул из кабины, за ним остальные. Недоброе предчувствие охватило Владимира, когда он подошёл к посёлку. Никто не выбежал навстречу. Посёлок был пуст. Он заходил в хижины. Там все оставалось в порядке, как будто их покинули совсем недавно.

– Что такое? Куда исчезли твои приятельницы? – услышал он сзади голос Николая.

– Ума не приложу.

– Давай облетим всю долину, – предложил Николай. – Может быть, они переселились в другое место.

– Сомневаюсь, но согласен с тобой. Пошли.

Уже через полчаса стало ясно, что в долине нет ни одного человека.

– Посмотри, – Николай указал вправо, туда, где долина сужалась. – По-моему, там какая-то тропа.

Вертолёт спустился, и они направились к тому месту, где означилось начало тропы, идущей между скалами. Они пошли по ней, но вскоре остановились. Тропа упиралась в скалу, из которой бил небольшой родничок. По пузырькам, поднимающимся из небольшой каменной ванночки, и резкому, бьющему в нос запаху можно было понять, что вода насыщена углекислотой. Пользуясь случаем, они напились и пошли назад. И тут – снова неожиданность. Сойдя с тропы и направляясь к вертолёту, они вдруг обратили внимание, что часть скалы справа от них представляет собой идеально гладкую поверхность. Подойдя ближе, они поняли, что эта поверхность искусственного происхождения. Посредине сверху вниз шла линия между двумя створками плотно пригнанных друг к другу плит. Николай вынул нож из отлично закалённой стали и попробовал провести царапину на плите. Никакого следа.

– Не иначе – это дверь. – Николай спрятал нож после тщетной попытки всунуть его кончик между плитами.

– Да, дверь, ключа от которой у нас нет. Ограничимся пока констатацией факта. Нам все-таки надо сейчас выяснить, куда девались люди.

– Может быть, сюда?

Владимир отрицательно покачал головой.

– Посмотри. Возле двери мелкий песок, и на нем нет никаких следов, кроме наших.

– Это ничего не значит. – Николай отломил ветку и провёл ею по песку, сглаживая следы. Песок принял первозданный вид.

– Ты прав. Но я не вижу в этом никакого смысла, – возразил Владимир. – Нам надо поискать их вне долины. Кто знает, ведь мы не обнаружили Пифона. Может, люди покинули её, хотя я строго-настрого наказал Игорю ничего не предпринимать до моего возвращения.

– Хорошо. Так и сделаем, хотя по поводу твоего возражения насчёт смысла скажу, что он, может быть, там, где его не видно. Какой информацией мы располагаем? Фактически никакой. Кроме того, что население этой долины неизвестно куда исчезло, как, впрочем, и твоя змея. Если бы я не знал тебя так хорошо, то усомнился бы в твоём рассказе. Все слишком таинственно.

В течение двух дней после этого вертолёты прочёсывали окрестности леса, вплоть до разрушенного посёлка лапифов, но ничего не обнаружили. Владимир уже хотел отдать распоряжение возвращаться домой, как его внимание привлёк свежий след костра на широкой лесной поляне.

Вертолёт опустился. Владимир вышел, подошёл к костру и замер от ужаса.

ГИБЕЛЬ ИГОРЯ

На этот раз самка Пифона не остановилась на подъёме. Убегая по узкому карнизу, Игорь слышал, как она ползёт за ним. За поворотом он остановился и крикнул сопровождающим его женщинам, которые помогали занести на склон части катапульты и снаряды к ней, чтобы они быстро убегали через тоннель в долину, а сам стал ждать. Он пожалел, что не взял с собой лук. Через некоторое время из-за поворота показалась огромная голова преследующей его змеи. Игорь никогда не видел её так близко. Их отделяло всего метров десять. К счастью, змея не могла сделать прыжок, не рискуя сорваться в пропасть. Её вертикальные продолговатые глаза уставились на человека, и Игорь почувствовал, как цепенеют мышцы, и он не может сделать ни шагу. Глаза змеи притягивали его, как магнит железо. Трёхметровая голова между тем зависла над пропастью и, чуть раскачиваясь, обогнув уступ скалы, легла на карниз.

Сзади послышался панический крик. Кричала одна из женщин, поражённая увиденным. Она стояла метрах в двадцати позади Игоря, не успев скрыться за вторым поворотом, и все видела. Её крик вывел Игоря из оцепенения. Он вздрогнул. Мышцы ожили, и он смог оторвать взгляд от уставившихся на него глаз. Повернувшись к Пифону спиной, он опрометью бросился догонять ушедших вперёд женщин. И вовремя, так как, выпустив часть тела за поворот, змея заскользила по карнизу быстрее.

...Враг уходил. Ещё мгновение назад казалось, что он, замороженный её взглядом, сам двинется ей навстречу... Самка Пифона знала, что ни одно живое существо не может выдержать её взгляда, приводящего в оцепенение и подчиняющего волю и желания. Не раз бывало, она скрыто подползала к стаду пасущихся антилоп и ждала, когда неосторожное животное встретится с ней взглядом. В этих случаях жертва сама медленно приближалась к ней, и самка, продолжая смотреть в расширенные от ужаса глаза жертвы, лениво открывала пасть и глотала её. Если стадо не замечало гибели своего собрата, ей удавалось так подманить к себе двух, а то и трех животных. Но обычно стадо охватывал ужас, и оно в панике рассеивалось по степи в стремительном беге.

Карниз немного расширился, и змея заскользила быстрее. Затем карниз снова сузился. Самка не думала о том, как она будет возвращаться назад. Главное – проникнуть туда, в долину, она знала о её существовании, хотя никогда здесь не была, она знала многое, знала и о том, что много лет назад эта долина была густо населена. Но это было так давно, что она не могла вспомнить, когда это было.

Несколько раз она чуть не сорвалась в пропасть, и понадобилась вся ловкость, чтобы удержать длинное громадное тело на узком карнизе. Врага не было видно. «Только кончится этот карниз, – думала она, – и наступит возмездие». Враг, поднявший руку на священного стража Кибелы, должен погибнуть. Она прислушалась, не звучит ли голос Великой Матери, но та молчала. Внезапно самка очутилась перед преградой и поняла, что дороги дальше нет. В глубь скал вёл узкий проход, в который не могла влезть её голова. Самка застыла на месте. Положение создалось критическое. Она не могла уползти назад. Это ловушка. Она поняла. Хитрые двуногие заманили её сюда. Подняла голову и заглянула вниз, в пропасть. Та была так глубока, что дно скорее угадывалось, чем виделось. Внизу, под ней, парили две пары горных орлов. Она почувствовала жажду. Хотелось пить. Болело обожжённое тело. В пылу преследования змея не чувствовала боли, теперь же тело горело огнём и саднило, малейшее напряжение мышц вызывало нестерпимую боль, похожую на ту, которую она испытала раньше в реке, перед тем, как напала на катер. Она все-таки попыталась ползти назад и тут же почувствовала, что часть её длинного тела соскользнула с карниза и повисла над пропастью. С трудом ей удалось снова втянуть свои кольца и закрепиться на карнизе. Снова посмотрела вниз.

Орлы куда-то исчезли. Внезапно непереносимая боль пронзила её с головы до хвоста. Она почувствовала, как острые когти впиваются в её тело и рвут, выдирая куски мяса. Это была пытка. Она дёрнулась и чуть не свалилась в пропасть. На какое-то мгновение орлы – она знала, что это они, её извечные враги, – оставили её и взмыли в воздух, но вскоре снова опустились, уселись на неё и принялись за кровавое дело. Пытка усиливалась с каждой минутой. Откуда-то появились ещё и ещё стаи мучителей. Её пожирали живьём. Самка Пифона не могла вынести такого позора. Она резко дёрнулась всем телом и, потеряв опору, свалилась в пропасть. Вслед за ней с пронзительным криком бросилась туча хищных птиц. Началось пиршество.

Вся трагедия не заняла больше часа. Игорь, который не покидал тоннель, был свидетелем гибели Пифона, и как только змея сорвалась в пропасть, выбежал из своего укрытия. Внизу все пространство было заполнено птицами. Казалось, они слетелись чуть ли не со всей планеты. Это был какой-то танец пернатых хищников. Стаи перемещались, словно чёрные волны, то поднимаясь вверх, уступая своё место другим, то с торжествующим клёкотом падая вниз к праздничному столу. В их криках звучало торжество, и весть о нем летела все дальше и дальше, зовя на пир все новых и новых гостей. Оставаться на карнизе было опасно, так как огромные птицы едва не задевали его своими чёрными, поблёскивающими в лучах солнца крыльями. Их светлые, почти прозрачные глаза с чёрными, как уголь, зрачками тяжело смотрели на прижавшегося к отвесной скале карниза человека. Игорь поспешил укрыться в тоннеле.

Весть о гибели змеи и освобождении долины привела всех жителей посёлка в возбуждение. Женщины собирались кучками и горячо обсуждали событие и его предполагаемые последствия. Большинство стало требовать, чтобы Игорь немедленно вёл их к своему племени. «Мы сможем догнать твоего друга сегодня же вечером, – говорили они. – Одному ему будет трудно добраться до своих». В этом был свой резон. Кроме того, Игорю явно хотелось предстать перед своими товарищами победителем страшного чудовища. Ведь это он заманил змею на узкий карниз. С другой стороны, Владимир взял с него слово, что тот будет,

несмотря ни на что, дожидаться его в долине и не сдвинется с места.

Шум в посёлке, между тем, нарастал. Десятка три женщин собрали свои нехитрые пожитки и толпой направились к выходу из долины. Игорь догнал их и стал уговаривать подождать до утра. Он было заикнулся о слове, которое дал Владимиру, но его не поняли. Что такое слово и почему его надо держать, до лапифов не доходило. «Слово – это ветер, – говорили они. – Кто держит слово, тот связан по рукам и ногам. Он дал слово в одних обстоятельствах, но ведь они могут в любой момент измениться. Зачем же давать слово и держать его, если это слово мешает принять правильное решение в изменившейся ситуации? Владимир сам обрадуется, если мы его догоним. Ведь вместе идти легче и веселее».

Ещё месяц назад желание Игоря для всех женщин в посёлке было законом, но после того как он побывал на жертвенной доске, его авторитет упал. С ним уже разговаривали на равных. Не то, что с его другом, слово которого стало законом для всех. Владимир – вождь. Игорь же – только спасённая им жертва. Оставляя Игоря одного с женщинами, Владимир не учёл этого обстоятельства. Его авторитет мог быть восстановлен, если бы он убил одну или двух возражающих ему женщин, или ударил, но Игорь был неспособен к такому поступку. Вполне адаптировавшись к одной стороне жизни этого народа, к его лёгким нравам и обычаям, он не мог воспринять другую его часть, по которой жизнь и достоинство женщины имели весьма малую цену в глазах окружающих. Женщина являлась только предметом удовлетворения страсти мужчин, и её жизнь представляла значительно меньшую ценность, чем жизнь воина. Женщин было много, так как даже кентавры, которые безжалостно уничтожали трупы убитых мужчин, стараясь свести на нет племя лапифов, ценили их женщин, а если те не выдерживали грубого обращения своих похитителей и умирали, заботливо предавали тела Великой Матери, чтобы на месте захоронения выросло новое дерево жизни, из которого выйдет молодая прекрасная нимфа.

Игорь этого не понимал и беспомощно метался от одной кучки шумящих, перебывающих друг друга лапифок, к другой, уговаривал, но от него просто отмахивались. Наконец он сдался и возглавил поход. Вышли часа за три до захода солнца и заночевали уже по ту сторону склона, в лесу.

Чуть свет толпа весело переговаривающихся лапифок двинулась в путь. Лес огласился смехом и криками. Подзывали отставших подруг, аукались, кричали, распугивая дичь далеко в округе. По дороге то и дело встречались заросли амброзии, и люди не испытывали голода. Игорь не мешал им шуметь, надеясь, что их крики услышит Владимир, если он не успел далеко уйти.

К вечеру следующего дня к ним присоединилась толпа диких фавнов. На привале фавны затеяли пляски, а затем, не стесняясь, набросились на женщин, поволокли их в кусты. Те не сопротивлялись. Игорь привык к таким сценам в долине и сам принимал участие в развлечениях своих волосатых весёлых друзей. Но это были чужие, не свои, как он мысленно назвал, фавны, и, кроме того, он чувствовал ответственность за доставку женщин в лагерь. Хотел уже вмешаться, но его остановила Пера.

– Не вмешивайся, – тихо сказала она. – Их много, и они убьют тебя.

Пера, как и Ореада, ждала ребёнка, и Игорь, с полным на то основанием, считал, что этот ребёнок его. Он послушался и снова опустился на землю подле костра. Рядом с ними сидела Ореада, поминутно вздрагивая, когда видела, что кто-то из фавнов направляется к ним.

Игорь на всякий случай натянул тетиву на лук и вытащил из ножен нож.

Ночь прошла тревожно. Фавны бесчинствовали, и поляна то и дело оглашалась их гортанным хохотом. Утром Игорь заметил, что фавнов стало больше. Очевидно, услышав шум, они сбежались со всего леса. Теперь они спали, развалившись в живописных позах возле потухших костров. Участвовавшие в ночном разгуле лапифки спали тут же, даже восход солнца не разбудил их. Остальные были уже на ногах и ждали сигнала. Игорь поднялся, давая знак продолжать путь.

Осторожно, переступая тела спящих, чтобы не разбудить их, Игорь направился к краю поляны, где начиналась тропа, ведущая в покинутый посёлок лапифов. За ним тихо, не разговаривая, потянулись женщины.

Когда поляна оказалась позади, Игорь ускорил шаг. До посёлка лапифов оставалось два

дневных перехода. Деревья здесь росли реже, и идти стало легче. Игорь уже подумал, что он избавился от непрошенных ночных гостей, как сзади послышался треск ломаемых веток и топот бегущих за ними. Женщины испугались и бросились в разные стороны. Рядом с Игорем остались только Пера и Ореада.

Фавны действовали, как опытные загонщики. Они разбились на две группы и стали сгонять женщин к тому месту, где остался Игорь со своими спутницами. На этот раз они были чем-то рассержены. Грубо тащили за руки упирающихся, время от времени отвешивая им оплеухи. На глазах Игоря один из фавнов с размаху ударил кулаком женщину в лицо, и та упала, обливаясь кровью. Не помня себя от охватившего его возмущения и ярости, Игорь натянул тетиву лука, и фавн упал рядом со своей жертвой, со стрелой, торчащей из груди. Поступок Игоря поначалу не был замечен. Фавны увлеклись преследованием и, только согнав большую часть сбежавших женщин, обратили внимание на лежащего неподвижно на траве своего товарища. Увидев в руках Игоря лук, они возбуждённо загалдели и обступили его со всех сторон, опасаясь в то же время приближаться, так как заметили, что на тетиву легла вторая стрела.

– Уйдите с дороги! – крикнул им Игорь, поднимая лук. Фавны молча переглянулись и подошли на шаг.

– Уйдите! – снова потребовал Игорь, но те стали медленно приближаться.

Игорь выстрелил, и ещё один фавн упал на землю. Второй раз ему не удалось спустить лук. Он бросил его на землю и выхватил нож. Воспользовавшись замешательством фавнов, собранные ими лапифки разбежались.

Игорь сражался до последнего. Уже трое из нападающих лежали на траве, истекая кровью. Однако врагов было слишком много. Игорь отступал к толстому дереву, надеясь прикрыть им спину. Он был уже рядом, как вдруг страшный удар обрушился ему на голову, и он потерял сознание.

Очнувшись, Игорь понял, что привязан к стволу поваленного дерева. Рядом пылал большой костёр, вокруг которого стояли фавны. Увидев, что пленник очнулся, они радостно загалдели. Один из них приблизился к нему с заострённым суком. Страшная боль пронзила все тело.

Игорь умирал долго. Он старался сдерживать себя и не кричать. Только один раз из его груди вырвался слабый стон.

Фавны были недовольны. Принесённая ими жертва была негодна Великой Матери, так как она не кричала. Зато пять избранных в жертву женщин вопили очень громко и долго. Может быть, их крики дойдут до Великой Матери, и она будет добра к своим детям.

Остатки жертвоприношения были оставлены зверям. И эти остатки увидел Владимир, когда подошёл к костру. Только тщательно присмотревшись, он узнал в одной из жертв тело своего друга.

ОНА ВСЕ ПРО НАС ЗНАЕТ

Сергей поднялся и выключил экран.

– Теперь вы знаете все. – Он обвёл взглядом собравшихся в комнате друзей. – Вы убедились воочию, что каждый наш шаг, каждый поступок находится под наблюдением этого гигантского растительного сверхмозга. Мы не можем от него ничего скрыть. Даже самые интимные подробности нашей жизни, как и всего живущего на этой планете, фиксируются в его памяти.

Владимир невольно покраснел. Хотя Сергей, увидев на экране сына в объятиях молодой лапифки, нажал кнопку ускоренного считывания, и кадры замелькали так, что нельзя стало понять, что там происходит, догадаться было нетрудно, и он поймал на себе сочувственно-насмешливые взгляды. Впрочем, краснеть во время демонстрации записей пришлось не ему одному.

– Если и были сомнения, – продолжал Сергей, – что мы имеем дело с разумной растительной системой, то они окончательно развеялись. Хорошо, что нам с Вальтером пришла в голову счастливая мысль снять потенциалы с третьего слоя корневой системы и послать их в

СС. Через некоторое время мы получили от неё программы частотно-импульсных команд, стимуляция которыми этого слоя давала сигналы для считывания информации с памяти растительного мозга. Мы знаем в настоящее время если не все, то очень многое. Знаем и его происхождение. Это пришелец из космоса. Пришелец в том смысле, что на планете биосфера и соответствующие ей формы жизни идентичны формам жизни на Земле. Носителями разума здесь были люди. Они находились в ранней стадии дикости. Занесённые из космоса споры попали в идеальные для них условия. Постепенно новые растения завоёвывали сушу и океаны. Пришелец имеет несколько иную структуру ДНК. Она, в отличие от известной нам двойной спирали, – тройная. Это мы установили ещё раньше. Меня удивило несоответствие между ДНК животного и растительного мира планеты. Это и послужило подозрением внешнего происхождения растительного мира. Откуда явился пришелец в нашу Галактику – не ясно, и, может быть, мы никогда об этом не узнаем. У меня есть сведения, что форма самоорганизации растительного мира уникальна, её больше нигде нет в обозримом Космосе.

Как произошла её самоорганизация и как она стала разумной – можно только предполагать. Вот одна из гипотез: в программе трехмерной ДНК было заложено образование обширных корневых сетей, дающих возможность быстрого обмена и анализа информации. Став разумной, данная система выяснила, что она – не единственный разум на этой планете. Перед ней встала дилемма, как поступить? По-видимому, она поняла, что дальнейшее социальное развитие лапифов неизбежно приведёт к машинной цивилизации и повреждению биосферы. Это было бы равносильно созданию условий гибели растительного разума. И система лишила человека возможности социального развития.

– Какая жестокость! – послышался голос. – Нельзя ли нам исправить положение?

– Подождите. Да, этот разум придумал очень действенный способ остановить развитие, но при этом дать разумным существам компенсацию: освободить их от необходимости трудиться, то есть, выражаясь языком Библии, добывать хлеб насущный в поте лица своего. Он дал человеку обилие пищи. Вкусной, полезной, которую он может брать сколько хочет, стоит только нагнуться.

– Это не компенсирует прекращения развития, – возразил тот же голос.

– Не спешите. Компенсацией послужило другое – бессмертие! Согласитесь, что это существенная компенсация. Разум создал амброзию. Кстати, мы подвергли её состав тщательному анализу. И знаете, что мы там обнаружили? Среди массы алкалоидов этого растения есть гормон, стойкий к пищеварительному соку и всасывающийся в кровь без изменения, который почти – я подчёркиваю, почти, потому что он значительно более эффективен – идентичен гормону вилочковой железы. Так как у нас здесь не все имеют биологическое образование, то вкратце поясню. Старение организма является результатом, главным образом, накопления ошибок в синтезируемой ДНК во время деления клеток. Это соматические мутации, то есть мутации клеток тела. Имеются специальные клетки, носящие название тимус, которые очищают организм от таких мутаций. Известное в прошлом заболевание СПИД протекало с ускоренным старением из-за того, что эти клетки поражались вирусом. Они в течение жизни не восстанавливаются, так как вилочковая железа атрофируется в раннем возрасте, а для своей дифференциации клетки Т-лимфоцитов должны пройти через неё. Таким образом, по мере истощения Т-лимфоцитарной системы организм теряет контроль за своей внутренней генетической чистотой, стареет и погибает. Амброзия же способствует восстановлению Т-лимфоцитарной системы и тем самым предохраняет от старения. По-видимому, так действует весь комплекс алкалоидов амброзии, и мы со временем его изучим и попытаемся создать искусственно, если удастся...

– И получим бессмертие?

– Не знаю. Но думаю, что нет. Мы сможем продлить биологическую жизнь и молодость, но не до бесконечности, как здесь. Мне кажется, для этого необходимы ещё какие-то важные условия. Далее – большой интерес представляет так называемое возрождение человека из дерева. Труп погибшего зарывают в почву, то есть в мозг системы. Она, естественно, имеет доступ к индивидуальной информации, и, при её мощностях и возможностях, нет ничего удивительного, что она может своими методами воссоздать индивидуальность, а может быть, даже исправить при этом некоторые генетические ошибки. О возможности последнего говорит

физическое совершенство жителей планеты.

– Особенно их женщин! – слышалась реплика.

– Согласен. Хотя, – пошутил Сергей, – ещё не имел возможности убедиться. Конечно, – продолжал он, – мы не можем пойти на такой эксперимент, который предусматривает вскрытие кокона. Это было бы бесчеловечно, и мы не имеем права это делать. Впрочем, для нас он и не имеет существенного значения. Как вы знаете, ни одно растение отсюда не сможет прижиться на Земле.

Как развивались события дальше? Дав человеку бессмертие, Разум, будем его так называть для краткости, должен был учесть и последствия, которые выразились бы в безудержном росте населения и привели бы к тому же результату, что и машинная цивилизация. Поэтому он резко ограничивает рождаемость, делая мужчин этой планеты бесплодными. Бесплодие, безусловно, связано с мужчинами – это вытекает из того, что титаны да и земляне способны оплодотворить местных женщин. У потомков мужского пола таких браков способность эта сохраняется на два-три поколения, а потом тоже исчезает.

– Ну, а откуда появились кентавры?

– Эту загадку СС тоже разгадала. Кентавры были созданы Разумом этой планеты.

– Какой смысл?

– Был смысл, если считаться с интересами растительного разума. Судя по всему, центр агрессивности у лапифов развит не меньше, чем у землян. Рано или поздно это привело бы к соперничеству между племенами, войнам, а если к войнам, то и к государству. А государство неизбежно привело бы к развитию оружия и, следовательно, к машинной цивилизации. Кентавры послужили средством выполнения двух задач: первая – регуляция численности лапифов, а вторая – наличие постоянной угрозы со стороны разумного, но биологически совершенно чуждого вида. Эта угроза мешала развитию соперничества между племенами лапифов. Повторяю, цель системы заключалась в том, чтобы во что бы то ни стало избежать машинной цивилизации, чего она и добилась. Должен сказать, добилась сравнительно гуманным способом.

– Почему «гуманным»? – возразил Николай. Он поднялся со своего места и возмущённо заговорил: – Мы только что были свидетелями сцен, которые не могут восприниматься иначе как ужасающая жестокость и, я бы сказал, распущенность и безнравственность.

Сергей усмехнулся.

– Скажи, Николай, разве человек не проявил жестокость к остальному миру, уничтожив большую часть животных и растительных видов во имя своих экономических интересов? Не превратил ли он часть суши в пустыню и не довёл ли он биосферу Земли в конце XX века до катастрофы? Здесь же Разум не тронул ни одного животного вида. Потом, мы имеем дело с совершенно другим Разумом, и его понятия о морали, так же, как и понятия о жестокости, отличаются от наших. Следует ли нам подходить к оценке этой системы с нашими мерками? Нравственность растёт с уровнем социального развития. Здесь же он почти нулевой. Хотя уже при объединении лапифов в племена уровень нравственности значительно повышается. Если сравнить поведение оседлых лапифов и диких фавнов, то эта разница представляется ощутимой.

– Мне кажется, у них слишком гипертрофирован половой инстинкт. Здесь нет логики. Если Кибела хотела ограничить рождаемость, не проще было бы ей подавить этот инстинкт?

– Но тогда подавлен был бы и сам разум. Он не может развиваться без внешних побуждений, а половой инстинкт – одно из самых сильных. Вот подавление его, по конечному результату, было бы большей жестокостью по отношению к виду.

– И все же, – настаивал Николай, – такие воздействия на разумные существа бесчеловечны.

– Правильно, бесчеловечны. Мы имеем дело не с человеком, а с Разумом другой биологической природы. Мораль зависит в первую очередь от неё, затем уже от уровня социального развития. Скажи, кто же поступает более бесчеловечно: человек, который откармливает бычка с целью получения мяса, или Кибела, дающая лапифам бессмертие и вечную юность, но лишившая их возможности создания машинной цивилизации? Понимаю, нам, биологически не отличающимся от лапифов, становится обидно за наших собратьев, но

так ли уж несчастливы они? Отец жены моего сына был современником Рамзеса Великого и погиб лишь сравнительно недавно.

– И все же это приношение в жертву человека... Вспомни, Сергей, Игоря! Наш долг цивилизованных людей...

– Остановись! – резко оборвал его Сергей. Последние слова Николая привели его в сильное замешательство. Владимиру показалось даже, что отец испугался.

– Я не меньше тебя переживаю и скорблю о судьбе Игоря и Синченко, но, – голос его зазвучал гневно, – ты же историк, Николай, и прекрасно знаешь, что наша цивилизация самая грязная из всех возможных цивилизаций в космосе. Нашёл чем хвастаться! Цивилизованные люди! Да ты вспомни, что позволяли себе эти цивилизованные люди в течение своей многовековой истории, и жертвоприношения лапифов покажутся тебе детской забавой. Ты помнишь... в кремлёвской Оружейной палате висит картина «Тризна Святослава». На ней русский воин держит за ноги грудного младенца и собирается его рассечь мечом, а у его ног, протягивая с мольбой руки, лежит мать этого ребёнка. А ведь русские во времена княжества Святослава были более цивилизованы, чем лапифы. Лапифы не кормят врага жарким, приготовленным из его детей. Лапифы не гадают на рассечённом чреве беременной женщины, не пьют, как эликсир здоровья, кровь невинных младенцев, подобно Константину Великому, не принимают ванны из крови девственниц, не пожирают трупы своих жертв, подобно жрецам ацтеков или канныбалам Соломоновых островов... я уже не говорю о газовых камерах, о концлагерях – это продукты высших этапов цивилизации... Так что не надо лучше о цивилизации. – Он минуту помолчал, чтобы успокоиться, и жёстко закончил: – Что бы там ни было, мы никогда не будем вмешиваться в уклад здешней жизни, нравится он нам или нет. Мы никогда не пойдём на колонизацию этой планеты, тем более, что уже имеется опыт, который закончился трагично для самих колонизаторов.

– Ты имеешь в виду титанов? – понял его Владимир.

– Да, именно их. Пока они прилетали сюда за амброзией, пока ловили лапифок в свои гаремы и увозили их на нашу Землю, Кибела терпела, но как только титаны стали здесь строить свои базы и города – она их уничтожила.

– Как она могла это сделать, ведь титаны обладали такой техникой, которая нам пока и не снится? – недоверчиво спросил Николай, справившись со своим смущением.

– Вирус! – коротко бросил Сергей. – Вирус, против которого все средства медицины бессильны.

– Ты сказал, что они привозили лапифок на Землю, выходит...

– Да, так и выходит, – понял его невысказанный вопрос Сергей. – Мы сами являемся частично потомками титанов и лапифов. Отсюда странное совпадение имён и названий, а также разъяснение загадок многих мифов. Один из самых распространённых – это миф о длительной борьбе лапифов с кентаврами. Как видите, ничто не забывается бесследно.

– Итак, что мы решим? Покинем эту планету?

– Нет, мы останемся и будем пытаться найти взаимопонимание с её Разумом. Мы живём в одном доме, имя которому – Космос. Каждая форма разума является величайшей ценностью. Общение между различными по форме разумными системами обогащает каждую. Мы как раз вступаем в ту пору развития, когда общение становится необходимым. Будем искать пути взаимопонимания. И в этом я вижу нашу основную задачу!

На этом экстренное совещание, собранное Сергеем, чтобы поставить своих друзей в известность о создавшемся положении, закончилось.

Владимир с отцом, когда все разошлись по домам, немного задержались в здании приемо-передающей станции. Сергей закрыл в шкаф кристаллы с записью видеoinформации, и они вышли вслед за остальными. Было уже поздно. Жёлтый свет луны освещал заснувший посёлок. Кое-где в окнах ещё горел свет.

– Ты напрасно так резко говорил с Николаем, – осторожно начал разговор Владимир. – Мне кажется, он немного обиделся.

– Ничего ты не понимаешь. – Сергей остановился, чиркнул зажигалкой и закурил сигарету. Сделал затяжку и, закашлявшись, тут же её выбросил. – Фу, какая гадость! Как это Николай их курит? Дело вот в чем: пора понять, – повторил он, – что мы, все наши действия и

слова, произнесённые нами, фиксируются и подвергаются анализу Кибелой, растительным разумом планеты. Нам надо дать ей понять, что мы не собираемся вмешиваться, не повторим ошибок титанов и ищем с ней только взаимопонимания. Надо, чтобы она нас поняла. Её дело, захочет ли она иметь с нами отношения или нет. Если нет, то она даст нам сигнал в скором будущем. Но она должна знать, что мы не питаем к ней никаких враждебных чувств и подчинимся её решению. Но ей самой в то же время должно стать ясно, что контакты и взаимопонимание возможны и необходимы.

– Ей-то какой смысл?

– Прямой. Хотя я больше не разговаривал с Уранией с тех пор, как мы высадились на Счастливой, я чувствую, что сейчас настало время создания в нашей Вселенной единого объединения Разумов. Помнишь, я рассказывал тебе о нашем разговоре с Уранией? Ей эта идея понравилась. Если учесть разницу в скорости течения времени, то она уже принялась за осуществление этого проекта.

Теперь представь себе, что мощнейшая разумная система, которую представляет собой Кибела, не входит в это объединение. Что тогда? Создаётся неравновесное состояние, которое может привести к несовместимости, отчего в равной степени пострадают и сама система объединённого Разума, и Кибела. Я не могу предсказать, во что выльются негативные последствия такой изоляции Кибелы, но что они будут, я точно знаю. Иначе быть не может! Интеграция должна быть всеобъемлющей.

– Но захочет ли Кибела подчиниться интегрированной системе Разума?

– Речь идёт не о подчинении. Интеграция больших систем основана только на взаимопонимании, на целесообразности объединения, но не на подчинении. Это лишь малые системы на самых ранних этапах своего развития могут объединяться на основе подчинения и создания какой-то иерархии. Здесь это исключается полностью. Понимаешь, объединение на взаимопонимании возникает тогда, когда каждая система, входящая в объединение, достигает такой мощи, что может уничтожить все остальные. Это знаменует новый этап развития, когда рушится власть, в том числе и власть большинства. Мы ошибочно считали, что власть большинства – основа демократии. Это не так. Власть большинства может быть не менее отвратительной, чем власть элиты или авторитарного правления. Следовательно, при объединении на основе взаимопонимания каждая система, входящая в это объединение, сохраняет свою индивидуальную свободу. И иначе быть не может, потому что неизбежно развитие несовместимости и катастрофа.

Они подошли к дому. Сергей тут же направился в свой кабинет, где обычно спал на надувном диване, а Владимир поднялся наверх, в свою комнату. Ирина ждала мужа и ещё не спала.

– Что ты так долго? – были её первые слова. Она недовольно надула губы, но тут же рассмеялась и повисла у него на шее.

– Совещание! – Он подхватил её на руки и понёс к постели.

– Ой-ой-ой! Вы совсем не такие, как лапифы.

– Какие?

– Ну, совсем другие. Вечно вы спорите, говорите о непонятных вещах и мало уделяете времени и внимания своим жёнам. Лапифы другие, они не занимаются разговорами.

– Чем же они занимаются?

– В основном двумя вещами: танцуют и любят.

– И иногда дерутся.

– Ну, это редко бывает. Когда они из фавнов превращаются в культурных лапифов, то дерутся редко. Иногда, правда, поколачивают своих жён, но не сильно. А вы своих жён совсем не бьёте, – поделилась она своими наблюдениями.

– За что же их бить?

– Ну, всегда есть за что. Такого не бывает, чтобы не было за что.

– Вот как? Интересно.

– Ты будешь ужинать? – Ирина сделала попытку подняться с постели, но Владимир остановил её.

– Не беспокойся, я сам. – Он подошёл к столу и поднял салфетки с тарелок.

Ирина все-таки вскочила с постели и села напротив, подперев кулаками подбородок. Так она сидела, не сводя с него глаз, пока он не покончил с ужином, затем убрала тарелки со стола и, открыв термос, налила ему чая. Чай был местного происхождения: сушёные листья развесистых деревьев, которые росли на южных склонах гор. По аромату и вкусу он почти не отличался от лучших сортов цейлонского чая на Земле. К нему Владимир пристрастился ещё во время своего вынужденного плена в долине. Его особенно хорошо умела заваривать Ореада. Вспомнив о ней, он болезненно скривился и помрачнел. Ирина тотчас угадала его мысли и вздрогнула. Некоторое время они сидели молча.

– Забудь про неё. Она сейчас развлекается с каким-нибудь фавном...

– Зачем ты так?

– А ты как думаешь? Так оно и есть. Даже если она не хочет, как может слабая женщина противиться желаниям мужчины? Тебе надо её забыть и больше не мучить себя воспоминаниями. Когда будет готов наш дом, ты приведёшь к себе ещё жену, а то и двух. Если хочешь, я помогу тебе. Я знаю здесь одну рошу...

– Перестань! Никого мне больше не нужно. У нас мужчина может иметь лишь одну-единственную жену.

– Хорошо, не буду. Хотя... – она замолчала, не решаясь продолжать.

– Что ты хотела сказать?

– Я хотела спросить, разрешается ли одной женщине у вас иметь несколько мужей?

– Ещё чего? Конечно, нет.

– Я тоже так думаю. А один тут, когда тебя не было, предложил мне стать моим вторым мужем на то время, когда тебя не будет дома.

– И что ты ему ответила? – Владимир насторожился.

– Сказала, что спрошу у тебя разрешения.

– А он?

– Стал уговаривать меня, чтобы я тебе ничего не говорила. Потом сказал, что пошутил и быстро ушёл. Но я видела, что он не шутил. Он говорил серьёзно.

– Вот подонок! – Владимир не на шутку рассердился. – Ты его узнаешь при встрече?

– Конечно, он такой толстый, с маленькими глазками и рыжими усами.

«Неужели Приходько? Вот старый козёл». Сообщение Ирины ошарашило его и расстроило. Уж от кого-кого, но от Приходько он этого не ожидал.

Он взял Ирину за руку и притянул к себе, посадил на колени и мягко, но внушительно стал объяснять ей, что подобные вещи строго-настрого запрещены и если ещё от кого-нибудь поступят такие предложения, то она должна сразу сказать, что пожалуется мужу.

– Хорошо, так и сделаю. Но ты говоришь, что запрещены, а между тем...

– Что?

– Жена Вальтера имеет ещё одного мужа, который приходит к ней, когда Вальтер уезжает, а сам Вальтер женат ещё на Оксане, которая замужем за Сашей. Они ещё тогда, когда встретились в лесу и целый месяц шли в лагерь... И не они одни. Многие ваши мужчины напоминают мне диких фавнов. Те никогда не разбирают, кто чья жена, и живут со всеми подряд. Неужели ваше племя тоже такое? У нас хоть не рождаются дети. А что будет у вас? Как ребёнок узнает, кто его отец? Вот жена Вальтера беременна, но сама не знает, от кого...

Владимир покраснел от стыда. Ему, как представителю «высшей цивилизации», было досадно слышать такое от «дикарки», ещё недавно «слезшей» с дерева. Но что он мог возразить?

– Все зависит от женщины, – наконец наставительно стал объяснять он. – Если женщина порядочная, она никогда не позволит такого...

– Ты очень много хочешь от женщины, – перебила его Ирина. – Женщина слабое и любопытное создание. Её легко соблазнить. Потом, почему бы не доставить удовольствие мужчине да и себе тоже. У вас здесь все такие высокие и храбрые...

– Ты это серьёзно? – не на шутку рассердился Владимир. Он отпустил Ирину и заходил по комнате.

– Не сердись, я ведь говорю не о себе.

– Надеюсь, – сердито буркнул Владимир, бросив строгий взгляд на жену. Та скорчила

серьёзную физиономию и внезапно звонко расхохоталась.

– Ты чего?

– Да так просто. Ты иногда, когда сердисься, бываешь очень смешной. Не всегда, конечно. Когда ты сражался с фавнами, то был сердитый и прекрасный. Я тебя очень люблю, – она подошла к нему и, обняв, стала целовать в губы и щеки.

– Давай спать, – предложила она.

Уже юркнув к нему под одеяло и прижавшись, она прошептала:

– Мне так хорошо с тобой. Но мне кажется, что все это, о чем я тебе рассказала, происходит потому, что у вас слишком мало женщин.

– Ты права, именно поэтому.

– Так за чем же задержка? Почему вы не приведёте к себе их больше?

– Мы скоро улетим отсюда, и поэтому многие не хотят обзаводиться детьми.

– Никуда вы отсюда не улетите, – уверенно заявила Ирина. – Во всяком случае, ты останешься здесь, со мной. Я тебя не отпущу. Да ты и сам не захочешь улетать.

– Почему ты так в этом уверена?

– Я это знаю, – просто ответила она ему.

«А она права, – подумал Владимир, – мне совсем не хочется возвращаться на Землю. На свой остров я уже не попаду, а Земля мне совершенно чужая. Здесь же у меня есть Ирина. Отец прав, я не решусь увезти её отсюда и лишиться вечной молодости и бессмертия. Здесь же я сам, если верить тому, что я видел, буду жить долго, не старея. Решено! Я скажу об этом отцу. Не знаю, как он воспримет, но в конце концов должен меня понять».

ОХОТА

Следующий день было воскресенье. С утра посёлок гудел, как растревоженный улей. Предстояла большая охота. Запасы мяса подошли к концу, и теперь конному отряду охотников предстояло их пополнить. Крики, смех людей прерывались возбуждённым ржанием лошадей и лаем собак. В посёлке собак было немного. Их, как и другую живность, привезли в специальных анабиозных ваннах. Два пса погибли при выходе из анабиоза, но остальные шесть быстро оправались. У них уже был приплод – целая куча подросших щенков, которые сейчас носились по площади, путаясь под ногами, взвизгивая, когда кто-нибудь неосторожно наступал на лапу, и пугая уже осёдланных и выведенных на площадь лошадей.

Владимир решил взять на охоту Ирину. Та за два месяца пребывания в посёлке довольно прилично освоилась с приёмами верховой езды. Вначале она страшно пугалась лошади, и Владимиру стоило трудов уговорить её сесть в седло. Для первой пробы выбрали самую смирную лошадку, но и та, почувствовав страх и неуверенность всадницы, начала было капризничать, игриво подбрасывая зад, и Ирина, не удержавшись в седле, вылетела из него и растянулась на мягкой траве прежде, чем Владимир успел подбежать к ней на помощь.

Теперь она держалась в седле уверенно. На ней был изящный, из выбеленной тонкой кожи, охотничий костюм, который удивительно шёл к её тёмным волосам, на ногах – сапожки того же цвета, а на голове широкополая фетровая шляпа с длинным пушистым пером белой цапли. Владимир невольно залюбовался женой и тут же почувствовал, что кто-то пристально на них смотрит. Он обернулся и встретился взглядом с Приходько, который неохотно отвёл глаза и, повернувшись к ним спиной, вскочил в седло и отъехал в сторону.

Все ждали Сергея. Наконец он появился. Ему тут же подвели его могучего вороного испанского жеребца. Сергей вскочил в седло, и жеребец присел на задние ноги от тяжести всадника, но тут же сделал прыжок и, не дожидаясь понукания, поскакал вперёд, во главу отряда. Всадники двинулись в поход. Сразу же за посёлком открывался широкий простор, кое-где поросший деревьями-великанами. Каждое из них было толщиной в семь – десять охватов. Ствол, ровный, как огромная мачта гигантского корабля, устремлялся вверх метров на пятьдесят, где начиналась его крона, в которой обычно гнездились пернатые хищники. Вот и сейчас с одного из ближайших деревьев сорвался крылатый разбойник и заскользил на могучих двухметровых крыльях над гладью озера.

Дневное светило, которое, не мудрствуя, земляне называли солнцем, хотя существовало

его местное название Омон, едва только взошло. Его даже ещё не было видно, так как с востока долину озера обступали высокие горы, которые в рассветных лучах выглядели особенно эффектно. Снежные вершины гор окрасились во все цвета радуги, которые играли и менялись по мере того, как солнце поднималось все выше. Налетел лёгкий ветерок и окончательно развеял утренний туман над озером.

До места охоты было километров восемь. Ещё вчера туда отправился небольшой отряд загонщиков, который сообщил утром по радиации, что найдено большое стадо диких буйволов и антилоп. Круторогие буйволы чем-то напоминали когда-то водившихся на Земле туров. Охота на них была увлекательным, но и опасным занятием. Они хотя и не обладали свирепым нравом африканского буйвола, но в ярости могли рогами пронзить брюхо лошади и сбросить всадника, а то и затоптать его копытами. Мясо их ничем не отличалось от говяжьего, хотя имело специфический запах, который, впрочем, быстро исчезал при копчении, или если мясо вымочить часа полтора в слабом растворе уксуса.

По общему согласию бластеры на охоте не применялись. Их брали с собой несколько человек на случай нападения крупных хищников из породы кошачьих, которые постоянно сопровождали стада копытных, и для защиты от бродячих отрядов кентавров. В последнее время их чаще стали замечать в непосредственной близости от посёлка. В охоте применялись ружья, а некоторые, по примеру Владимира, вооружились луками. Их подобрали после побоища, которое последовало за первым нападением кентавров на отряд землян. При обилии дичи лук даже предпочтительней, так как не производит шума и не пугает животных.

Рассматривая длинные рога убитого тура, Владимир подумал, что из них можно было бы сделать хорошие луки, по примеру его древних славянских предков и их врагов половцев. Такой лук посылал бы стрелу на большее расстояние, чем короткий лук кентавров из гибкого дерева. Сам Владимир был вооружён луком лапифов. Он бил дальше, но из-за длины неудобен для стрельбы с коня. У Ирины висел за спиной охотничий карабин; она уже хорошо освоилась и попадала в консервную банку на расстоянии двадцати пяти метров.

Они ехали рядом, отстав от остальных всадников, которые вытянулись длинной лентой вдоль отлогих берегов Атгиса. Трава в этих местах доходила до ног едущего на лошади человека. В любой момент из густых зарослей мог выскочить хищник или выползти змея. Большинство змей на этой планете не были ядовиты, хотя Ореада говорила ему, что в горах живёт небольшая змейка золотистого цвета, укус её смертелен. Других же змей лапифы употребляли в пищу и считали лакомством. Женщины долины раз угостили его таким блюдом. Змею, предварительно выпотрошив и начинив душистыми травами, закапывали ненадолго в угли только что потухшего костра. Мясо змеи напоминало Владимиру угря, которого он так любил есть на острове. Оно было таким же жирным, и если бы не сознание того, что он ест змею, оно ему, несомненно, понравилось бы. А так он не смог преодолеть предубеждения и из-за вежливости только попробовал.

– Ты опять о ней думаешь, – услышал он наполненный тревогой голос жены. Эта женщина была удивительно чувствительна к переменам настроения своего мужа. Она безошибочно угадывала его мысли, казалось, читает их, как в открытой книге. Теперь в её голосе звучала смешанная гамма ревности и участия. Она сочувствовала ему, как представительница своего народа и племени, но уже начинала ревновать, как земная женщина. Ирина поразительно быстро освоилась в незнакомой ей до того обстановке и теперь вечерами, когда за ужином собирались ближайшие друзья и помощники Сергея, принимала активное участие в разговорах мужчин, нередко высказывая здравые и зрелые суждения. Сергей сильно привязался к невестке и любил баловать её неожиданными подарками. Вот и этот изящный костюм подарен им. Его сшил один из бойцов отряда, который в прошлом был отличным портным. Получив заказ и узнав, для кого он предназначен, бывший портной приложил все своё мастерство, чтобы костюм получился на славу. Хотя это был не первый заказ. К его услугам уже прибегали многие, но сшить охотничий костюм для жены сына командира и боевого друга портной посчитал за честь и не ударил в грязь лицом.

Владимир ничего не ответил, только протянул руку и, обняв Ирину за талию, привлёк её к себе. Мысли его устремились к отцу. У них, приблизительно через месяц после возвращения Владимира, состоялся интимный разговор. Глядя, как отец ласково посмотрел на Ирину, когда

та подала ему чашку душистого чая, он впервые подумал, что отец одинок, и ему стало его мучительно жаль. Дождавшись, когда они остались одни и зайдя за ним в кабинет, он спросил, почему тот не возьмёт себе по примеру остальных подругу. Сергей долго молчал. Казалось, он не услышал сына. Владимир повторил свой вопрос и в качестве примера указал на Николая и Вальтера. Отец задумчиво, отрешённо посмотрел на него и тихо, как бы сам себе, ответил:

– Я слишком часто терял сыновей и не хочу больше... Не дай бог испытать горечь такой утраты.

Владимир знал о жизни отца на Элии. Перед самой разлукой мать ему все рассказала. Она считала, что сын должен все знать об отце, чтобы правильно понимать его и быть ему во всем помощником и опорой. Поначалу Владимир почувствовал обиду на отца и ревность, но потом не только простил его, но и понял. Понял трагедию, которую пережил отец, понял это только тогда, когда сам прочувствовал трагедию потери близкого человека, матери, с которой он уже больше не увидится. Только из книг он знал, что потеря детей бьёт сильнее, чем потеря родителей. Его ещё не родившийся ребёнок от Ореады... Где он? Жива ли сама Ореада? Стоит ли говорить, что он сделал все, чтобы найти ушедших с фавнами женщин, вернее, уведённых ими насильно. Но его поиски на вертолётах ничего не дали. Они исчезли бесследно. Сердце снова заныло. Здесь были и тоска по неродившемуся сыну, он знал, что родиться должен именно сын, и тоска, связанная с неопределённостью будущего. Сможет ли он расстаться с отцом и нанести ему рану, может быть, последнюю... Одно он знал, что не сможет бросить Ирину, которую он с каждым днём любил все больше и больше. Это было какое-то обожание. Все: её слова, голос, движения, жесты, запах тела, напоминающий запах весеннего ветра, – вызывало чувство восторга и приливы нежности, от которых сладостно замирало внутри. По её изумрудного цвета глазам он видел, что она испытывает такие же чувства. Днём Ирина вела себя сдержанно и даже чинно, но эта сдержанность была только видимостью, а ночью, когда они оставались одни, эти чувства выплёскивались наружу: бурно, жадно, ненасытно...

Вдали прозвучал сигнал охотничьего рога – охота началась. Они пришпорили коней и догнали отряд. Загонщики гнали на них стадо. Раздались выстрелы, стадо метнулось в сторону, стараясь найти проход между цепью всадников. Громадный бык, мыча и брызгая пеной, наклонив голову и выставив вперёд рога, устремился на Владимира. Из его бока уже торчали две стрелы. Владимир тронул повод, и тренированный конь сделал прыжок вправо, пропуская мимо себя разъярённое животное. Тотчас же посланная вслед стрела впиалась ему под лопатку. Бык, пробежав мимо несколько шагов, вдруг неожиданно повернул и устремился на всадника снова. Этого Владимир не ожидал и упустил несколько необходимых секунд. Ещё немного, и рога быка вопьются в брюхо его коня. Тут же раздался выстрел. Ирина почти в упор разрядила карабин в морду взбесившегося от ярости тура. Это спасло Владимира. Тур замотал головой и упал на колени. Его ноги дёрнулись несколько раз в предсмертной судороге, и он затих. Это был огромный бык – вожак стада. Владимир соскочил с коня и, протянув руки, помог слезть с лошади жене. Та как-то обессилено обмякла и тут же села на траву.

– Ох! Как я испугалась, – призналась она.

– Ты молодец. Если бы не выстрел, мне не поздоровилось бы. Ишь, какой великан, – Владимир кивнул на поверженное животное. – Ты метко стреляла.

– Не знаю. Я выстрелила больше от страха, чем сознательно.

– Неважно. Главное, что точно и вовремя. Я не предполагал, что он может ещё раз напасть...

Выстрелы тем временем затихли. Охота кончилась. Туши стаскивали волоком к берегу реки, где уже поджидала баржа, буксируемая катером.

К Владимиру и продолжавшей сидеть на траве Ирине подъехал Сергей.

– Ого! – оценил он тура. – Пожалуй, это главный приз охоты. Поздравляю! – протянул он руку сыну.

– Не меня.

– Вот как? Неужели Ирина? А что с тобой, девочка? – спрыгнув с коня и подходя к ней, спросил он. – Ты не ушиблась?

– Все в порядке, отец. Я очень испугалась. Сейчас все пройдет. – Она попыталась встать, но ноги ещё не держали её.

– Ну, посидите тут пока, потом нас догоните.

К ним подошли ещё двое. Подивившись размерам убитого животного, зацепили его верёвками и, привязав концы их к сбруе лошадей, поволокли к барже.

Они остались одни. Отряд охотников постепенно удалялся и скоро скрылся из вида. Подождав ещё немного, пока Ирина не оправилась от испуга, Владимир помог ей сесть в седло, и они медленно поехали домой.

Проехав с полкилометра, они услышали топот несущегося во весь опор коня. Обернувшись, Владимир узнал в догоняющем их всаднике Приходько. Вспомнив ночной рассказ Ирины, он нахмурился и неприветливо хмыкнул в ответ на его приветствие. Через седло всадника была перекинута туша молодой антилопы. Её большие выпуклые глаза, казалось, смотрели на людей с укором. Это была молодая самочка.

– Почему не сдал на баржу? – спросил Владимир.

– Не успел. Потом, это моя индивидуальная добыча. Люблю, грешен, мясо молодых самочек, – с ударением на два последних слова ответил тот и громко расхохотался. Разговор шёл по-русски, и Ирина, естественно, не понимала ни слова.

– Ты спешишь? Ну так езжай. – Владимир посторонился, давая коню Приходько возможность обогнать их, но тот не воспользовался этим и, поравнявшись, поехал рядом с Ириной с противоположной от Владимира стороны.

– Ты, я бачу, жинку скоро за собой носить будешь? – Приходько всегда, когда хотел подшутить над кем-то, переходил на украинский язык. Вернее, говорил на смеси русского и украинского, что придавало его речи особый колорит.

Владимир промолчал.

– То не жиноче дило – охота, – продолжал философствовать Приходько. – Жинка по своей природе повинна рожать, а не вбивать! Вбивство естеству жиночому протывно. То все одно, шо чоловіку в брюху дитя малое носить.

– Между прочим, – Владимир кинул на него насмешливый взгляд, принимая вызов, – самого большого тура убила Ирина.

– Ты дывысь! – искренне удивился Приходько, но тут же возразил: – То, мабуть, с переляку. Колы жинка и вбивае, то тильки з переляку. То я точнисенько знаю!

– Думай, что хочешь, – твоё дело.

Ирина вдруг резко натянула поводья, пропуская мужчин вперёд, потом догнала их и поехала рядом с Владимиром, оставив его между собой и Приходько.

– А твоя дамочка с норовом, – констатировал Приходько, ничуть не смущаясь недвусмысленного намёка Ирины, что его присутствие ей неприятно.

– Послушай, Приходько! Если у тебя больше нет вопросов, то поезжай, пожалуйста, вперёд, разве ты не видишь, что нам хочется побыть одним.

– Уже побудете. Ещё два года, а потом, прощайте, мадам. Ведь ты её не потащишь за собой на Землю. Да она сама не захочет. Ведь здесь они бессмертны, а там... там годиков через сорок она будет беззубой старухой. Ты думаешь, она этого не понимает? Да и ты у неё не первый и не последний...

– Почему ты так любишь говорить людям гадости? – не выдержал Владимир.

– Гадости? – изумился Приходько. – Ну уж нет! Я всегда говорю правду и только правду. А нравится ли она кому или нет, меня это мало интересует.

– Что ты хочешь? – Владимир начал злиться.

– Хочу поговорить с тобой о будущем. Вот вы вернётесь да Землю. Как думаете жить? Будете работать?

– Будем.

– Ха! А на какой, извините меня, должности? Что мы все умеем делать? Земля за это время, ох как изменилась. Шутка ли – пройдёт двести лет, прежде чем мы ступим на Землю. На что мы все будем годиться? Разве что на музейные экспонаты.

– Да, ты прав. Об этом как-то не думаешь. Впрочем, и времени не было.

– Вы не подумали, а Приходько подумал и будет жить на Земле припеваючи. Могу ради старой боевой дружбы помочь и вам.

– Интересно, как?

– Ну, возьму к себе на работу. Тебя, скажем, швейцаром к себе во дворец! – он снова расхохотался. У Владимира от такой наглости зачесались руки, но он промолчал и спокойно спросил:

– На какие же ты деньги, Приходько, купишь себе дворец?

– На ти, друже мий, – он снова перешёл на украинский, – що лежать у мене в банку.

– У тебя в банке? И сколько же?

– Когда положил, то был ровно мильен. А лет через двести, я подсчитал, капитал вырастет до миллиарда. Я буду одним из самых богатых людей на Земле. Вот вам и Приходько!

– Ловко!

– А як же?

– И где же ты раздобыл этот миллион? – уже догадываясь, что он ответит, спросил Владимир.

Приходько молчал.

– Украл?

– Не украл, а реквизирировал у акул мировой мафии. Усекаешь разницу? Добыл, можно сказать, кровью своей.

– Ты разве не знал, что все реквизирированные средства сдавались в фонд обеспечения жертв мафии?

– Плевать я хотел на этот фонд и все другие фонды вместе взятые. Что я, нанялся? Почему я должен был работать на других? А кто бы позаботился о сыне моего родителя? Вы, что ли? Да вы сами нищие! Я же думаю о вас. Хочу помочь в будущем.

Владимир кипел от возмущения, но сдерживал себя, желая узнать планы непрошеного спутника. Поэтому насмешливо спросил:

– Наймёшь швейцаром?

– То я пошутил. Но помочь смогу. А тебе лично могу и сейчас выдать чек на приличную круглую сумму.

– Интересно, за что?

– Обещай только не сердиться. Дело такое. Я – предложение, а ты, если согласен, хоть сейчас получишь чек. Нет, так нет – расстанемся без обиды и претензий. Лады?

– Интересно, что же это за предложение?

– Я тебе сейчас, тут же выписываю чек на триста тысяч кредиток, разумеется, из конечной суммы, а ты мне уступаешь эту дамочку... Эй, не подходи! – Приходько отъехал в сторону и наставил на Владимира бластер.

– Ах ты, сука! Да я тебя!.. – Владимир рванул было за Приходько, но Ирина схватила его лошадь за узду и резко дёрнула к себе. Конь захрипел и осел на задние ноги.

– Тю! Сумасшедший! – крикнул уже издали Приходько. Он вытянул плетью коня и быстро ускакал, время от времени оглядываясь назад.

– Ну, я с тобою разделаюсь! – пообещал вслед ускакавшему всаднику Владимир.

– Ты весь побледнел, – тихо сказала Ирина, отпуская повод лошади.

– Ты что-то поняла?

– Нет, но почувствовала, что он говорит какую-то гадость. Однако давай догоним отряд. Уже смеркается.

На следующий день Владимир рассказал Николаю о разговоре с Приходько.

– Подлец! Ты ничего не говорил отцу?

– Пока нет.

– И не говори. Он будет переживать. Мы с этим предателем разделаемся сами. Проклятый ворюга! Примазался к нашему делу, чтобы нагреть руки. Ну этого прощать нельзя. Не торопись, давай подумаем. Встретимся завтра вечером.

К концу этого дня друзья собрались в доме Сергея за ужином. За столом, на этот раз уставленном блюдами из убитой дичи, Сергей с ближайшими своими помощниками обсуждал итоги дня и планировал, что в первую очередь предстоит сделать завтра.

Николай, как организатор боевых отрядов в прошлой борьбе с мафией, официально считался заместителем Сергея. Вальтер не был командиром отряда, но как грамотный биолог незаметно стал в условиях жизни на этой планете самым необходимым специалистом.

– Послушай, командир, – Николай положил на тарелку обглоданное ребро молодой антилопы и вытер салфеткой руки. Сергей удивлённо посмотрел на него. С тех пор, как они покинули Землю, Николай редко обращался к нему так, предпочитая называть по имени. – Мы тебе рассказывали, – продолжил Николай, не обращая внимания на удивление друга, – что обнаружили в долине загадочное сооружение, по всей видимости оставшееся от титанов. У нас не было времени заниматься им, но сейчас особенно срочной работы нет, и мы могли бы вчетвером, то есть с Владимиром, Вальтером и Сашей, потратить дня три – четыре, чтобы попытаться разобраться, что к чему.

– Мы уже достаточно знаем о титанах, и есть ли смысл?

– Естественно! Там могут храниться образцы их техники, кристаллы с видеозаписью и вообще... Если судить по тому, как титаны тщательно спрятали хранилище, там может быть ценная информация. Мы возьмём вертолёт и за несколько дней управимся. Думаю, что магнитно-импульсная пушка легко справится с дверью.

– Ну хорошо. Отправляйтесь, но будьте осторожны. Неизвестное всегда содержит в себе сюрпризы. Когда вы думаете отправиться?

– Не будем откладывать в долгий ящик. Завтра же поутру.

Владимир удивлённо посмотрел на Николая, но промолчал.

Когда гости стали расходиться, Владимир вышел проводить их и, отойдя с Николаем в сторону, удивлённо спросил:

– А как же Приходько? Мы же решили...

– А-а... Приходько... – неохотно протянул Никол. – Приходько подождёт. Да ты не беспокойся! Дело такого характера лучше поручить мне. Ты ни во что не вмешивайся пока. Этим займусь я. Не забывай, что я рекомендовал его в командиры отряда, хотя в первичном списке, который мне передал Сергей, его фамилия не значилась. Так что ответственность за него лежит полностью на мне. Он своё получит. Ты только ни слова отцу. Обещай мне!

– Обещаю, но...

– Все будет в порядке, Володя! Не беспокойся. Всему своё время.

ФИЛОСОФЫ

Вертолёт, отлетев от посёлка километров десять, стал снижаться и сел неподалёку от берега Аттиса. Николай оставил штурвал и, наклонившись, вытащил из-под сиденья небольшой свёрток. Взяв его в руки, вылез из кабины. В свёртке оказались надувные матрасы.

– Держи, – протянул один из них Владимиру. Затем, нажав кнопку баллончика, надул свой и стал раздеваться. Сбросив одежду, остался в одних плавках и с наслаждением вытянулся на матрасе, подставив мускулистое тело лучам утреннего солнца.

– Что ты намерен делать? – ничего не понимая, спросил Владимир.

– Разве ты не видишь, мы решили позагорать, – ответил за Николая Вальтер и тоже стал раздеваться.

Вскоре все трое спутников Владимира нежились на солнышке. Владимир пожал плечами и последовал их примеру.

Через час он вскочил и заходил вокруг вертолёта, стараясь справиться с охватившим его волнением. Действия Николая казались ему совершенно непонятными.

– Послушай, юноша, – Николай лениво приоткрыл глаза. – Если тебе не лежит, то не окажешь ли любезность и не позаботишься ли об обеде для своих проголодавшихся друзей? Здесь поблизости я заметил стадо антилоп. Твой «индейский» лук при тебе? Воспользуйся им, дабы не нарушать ангельскую тишину райской природы.

Владимиру стало ясно, что его друзья что-то задумали, но не хотят пока посвящать его в свои планы. Николай, если предстояло особенно трудное или щекотливое дело, был непревзойдённым стратегом, но не любил заранее раскрывать карты. В этом отношении он был суеверен. Поэтому Владимир не стал возражать, достал из кабины вертолёта свой лук и, сопровождаемый чуть-чуть насмешливыми пожеланиями друзей, отправился в путь.

– Выбери помоложе и пожирнее, да долго не задерживайся, мы не успели позавтракать! – напутствовал его Вальтер.

Охота не заняла много времени. Он подстрелил молодую косулю всего в километре от их стоянки.

Когда он вернулся, неся добычу на плечах, его друзья даже не повернули голов и продолжали лениво греться на солнце. Владимир развёл костёр и, когда дрова прогорели, нанизал на прутья мясо и стал его жарить. На запах жареного к костру подошли его спутники.

– Почему-то после отдыха есть хочется ещё больше, – заметил Вальтер, аппетитно обгладывая подрумяненные рёбрышки.

– Это потому, что ты во время работы умственно перенапрягаешься, – в тон ему ответил Владимир.

– Ну и что? При чем тут аппетит? – не понял розыгрыша Вальтер.

– Очень просто. Всегда, когда мозг берётся за непосильные задачи, возникает невроз и человек теряет аппетит. Вспомни опыты Павлова с собаками, когда он заставлял их решать непосильные задачи.

– Ты что же, считаешь, что я?..

– Ничего не считаю. Только логически осмысливаю возрастание аппетита после отдыха и потерю оного после работы. По-видимому, ты переутомился.

– Наш юноша сердит, Вальтер. Ты лучше ешь и не вступай с ним сейчас в дискуссию.

– Я все-таки хочу знать, какого черта мы торчим здесь целый день?

– А тебе разве здесь не нравится? – серьёзным тоном спросил Николай. – Посмотри, – продолжал он, – какой чудный пейзаж. Я в детстве мечтал стать художником-пейзажистом. К сожалению, на Земле не осталось ни одного живописного уголка природы, не тронутого цивилизацией.

– Что верно, то верно, – Вальтер потянулся за очередным куском мяса. – Когда мы покидали Землю, вся Европа представляла собой сплошной гигантский мегаполис. Интересно, сколько времени понадобилось бы человеку, чтобы превратить эту прекрасную планету в мусорную свалку?

– Думаю, лет двести, не больше. Через двести лет на месте этих гигантских деревьев задымились бы трубы, а в реке вместо страшного Пифона плавали бы миленькие хлориды, сульфиды и цианиды. Ты обратил внимание, какая в озере прозрачная вода? – спросил Николай Вальтера. – С лодки видно дно на глубине восьми метров. Жаль будет покинуть эту планету.

– Я лично её покидать не собираюсь! – как в воду прыгнул, сообщил Вальтер.

– Как? – стараясь скрыть охватившее его чувство радости, воскликнул Владимир.

– А вот так!.. Что меня ждёт на Земле и что я там оставил? У меня гам нет никого из близких. Как биолог на Земле я уже деквалифицирован. Как-никак, двести лет. В этом отношении твой Приходько, конечно, прав.

– Ну, а человечество? – возразил Николай.

– А что человечество? Здесь тоже человечество.

– Это не то же самое. Потом, пойми ты... чувство долга... патриотизм, наконец...

– Что касается долга, то мне кажется, мы его выполнили и больше ничего никому не должны. Ну, а патриотизм... Понимаешь, по мере расширения самосознания начинаешь понимать, что дом человека – это весь безграничный космос.

– А цивилизация?

– Ты знаешь, мне до того надоела наша пластмассовая цивилизация, что не хочется её больше видеть. Да мне чистый ручеек дороже всех изделий из пластмассы и суррогатной синтетической пищи. Ты говоришь, цивилизация. Да нет её пока ещё и в помине.

– Как так нет?! Ты что-то путаешь.

– Ничего не путаю. Общество не может считаться цивилизованным, если оно своё благополучие, всяма, впрочем, относительное, строит на уничтожении окружающей среды. Природа потратила миллиарды лет, чтобы создать такую вот красоту, – Вальтер сделал широкий жест рукой, как бы приглашая друзей оценить красоту первозданной природы. – И вот, – продолжал он, – является вонючая обезьяна и все загаживает. Это ты, Коля, называешь цивилизацией? Извини меня, но не цивилизация это, а настоящее дерьмо! Нет, Николай. Человек является самым грязным животным, и, чем дальше он развивается, тем грязнее становится. Права Кибела – Великая Мать, что не дала ему здесь оскотиниться. Человек здесь

возник как разумное существо на миллионы лет раньше, чем у нас на Земле. Представляешь, что было бы на этом месте, если б он стал создавать свою дерьмовую, извините меня, цивилизацию? Здесь осталась бы марсианская пустыня!

– Не могу с тобой согласиться. Я – человек, землянин, и она дорога мне, моя планета. Проще всего отстраниться, умыть руки. Вспомни, ради чего мы рисковали ежедневно – да что там ежедневно, ежечасно! – жизнью, как не ради Земли, не ради людей?

– Ну, вот и хорошо. Мы сделали своё дело, и если этот урок не пойдёт им впрок, то хрен с ними со всеми. А с меня хватит!

– Хватит? Вот как ты заговорил? Ну, ты как хочешь, а я считаю, что за счастье родной Земли и человечества надо бороться постоянно. А ты как, Владимир?

– Мы уже боролись и сражались, за что нас чуть не повесили. Хотя я и не сидел на скамье подсудимых рядом с вами, но все равно не отделяю себя от остальных и не считаю себя должником человечества.

– Владимир прав, – вмешался в разговор Саша. – Я тоже не сидел среди командиров отрядов, но случившееся считаю для нас достаточным. Я полностью согласен с Вальтером.

– Вы что? Да разве можно таить обиду на все человечество? Ведь это же... – Николай не находил слов от возмущения.

– Правильно, Николай, нельзя, – внезапно согласился с ним Вальтер. – Нельзя таить обиду на все человечество, на весь народ, на государство, на правительство, потому что они всегда правы, даже тогда, когда пожирают собственных детей. Ведь это же мы сами... Ты это хотел сказать?

– Напрасно ты иронизируешь, – с досадой махнул рукой Николай.

– Совсем не иронизирую. Я только логически завершил твою мысль. Ты говоришь о патриотизме землянина – я продолжил и сказал о патриотизме подданного государства, патриотизме области, района, учреждения и т.д. Вообще-то мне претит это слово. И знаешь почему? Да потому, что, чем аморальнее общество, тем больше оно вывешивает на своём фасаде громких лозунгов, прикрывая ими свою аморальность.

– Уверен, что на Земле многое за это время изменилось.

– А я не уверен. Если даже среди нас имеются такие подонки, как Приходько, то чего можно ждать на Земле?

– Так ты из-за этого мерзавца? Разве можно по единичному случаю, по одному негодяю судить о всем человечестве?

– Слишком много таких мерзавцев в нашей истории. И что самое главное: эти мерзавцы всегда берут верх. По-видимому, вся наша система организации общества благоприятствует мерзавцам и негодьям. Что же касается Приходько, то он только подтолкнул меня к решению, которое уже давно зрело в сознании.

День кончался. Постепенно стало смеркаться. Ночи теперь стояли тёмные. Было новолуние, и тонкий серп жёлтой луны тускло струился на поверхность реки, отражаясь в ней узкой, мерцающей в ряби волн дорожкой.

Николай взглянул на хронометр и стал собирать сухие сучья, складывая их на прибрежном песке. Остальные присоединились к нему и вскоре почти рядом с водой выросла высокая куча валежника.

Ночная тишина изредка нарушалась плеском крупной рыбы да криками ночных птиц.

Вальтер – заядлый рыбак, не удержался от соблазна и пошёл к вертолёту за удочками. Вернувшись и нацепив на крючок кусок оставшегося от антилопы мяса, широко размахнулся, чуть не зацепив крючком Сашу, и забросил леску далеко от берега, чуть-чуть придерживая пальцем спиннинговую катушку. Вальтер принципиально не признавал безынерционных катушек и пользовался обычной «трещоткой». Длинный, скользящий поплавок, светящийся во тьме ночи, описал дугу и опустился в воду метрах в тридцати. Некоторое время он стоял, покачиваясь на волнах, потом притопился, опять всплыл и пошёл под воду. Вальтер рванул удилище, которое тут же согнулось чуть ли не пополам.

– Держи подсак! – задыхаясь от возбуждения, крикнул он Владимиру.

Началась увлекательная борьба человека с крупной рыбой. Туго натянутая леска ходила из стороны в сторону и, казалось, звенела неслышимым звоном, доступным только уху

прирождённого рыбака.

– Дай поддержку, – предложил Николай, видя, что его друг уже изнемог в борьбе, но тот в ответ только бросил на него уничтожающе-презрительный взгляд рыбака-мастера на полуграмотного любителя. Только такой ничего не смыслящий любитель мог предложить рыбаку отказаться от неопишуемого и непонятого для непосвящённых в этот благородный спорт наслаждения, испытываемого от тяжести удилица и вибрации лески.

Владимир заметил, как на поверхности воды показалась чёрная спина и косой плавник огромной рыбы.

– Ага! – торжествующе закричал Вальтер. – Устала, милая! – и стал быстро наматывать леску на катушку. – Иди сюда, – уговаривал он рыбу, как будто она могла его слышать и понимать. – Иди, моя милая. Вот так. Хорошо. – Ещё мгновение, и большая рыба забилась на прибрежном песке. Владимир быстро накрыл ей голову подсакom, а Саша, навалившись всем телом, прижал к песку.

– Вот так-то! – с чувством глубокого удовлетворения и превосходства произнёс Вальтер.

– Здорово у тебя получается! – по достоинству оценил мастерство друга Николай.

– И ты хочешь, чтобы я покинул планету, где такая рыбалка? Это же мечта! Ну куда ты её суёшь, необразованный? – накинулся он вдруг на Сашу. – Разве можно рыбу запихивать в пластиковый мешок? Возьми в кабине полотняный и не забудь положить туда побольше водорослей.

– Килограммов восемь, – определил Саша, взвешивая в руках мешок с рыбой.

– Считай, все десять! Но это ещё что! – Вальтер пустился рассказывать, как он на самодельную леску из шпагата и булавку ловил рыбу в реке Синченко во время своих скитаний, то и дело обращаясь к Саше за подтверждением правдивости сказанного. Тот согласно кивал, но Владимир заметил, что на его губах мелькала насмешливая улыбка. Только позже до него дошёл смысл этой усмешки, и ему стало жалко Вальтера.

Николай изредка бросал взгляд на часы и, когда время подошло к трём часам ночи, развёл костёр.

– Теперь мой черёд заняться рыбной ловлей. Думаю, что моя рыба будет покрупнее.

Прошёл ещё час. С верховья донёлся приглушённый звук идущего на малых оборотах катера.

Николай подбросил в костёр сухих веток, и он вспыхнул ярким пламенем. Вот на реке чётко обозначился силуэт судна. Оно повернуло на костёр, и скоро катер ткнулся носом в прибрежный песок. В катере было двое. Они наклонились и подняли объёмистый продолговатый свёрток. Он дёргался и изгибался, из него доносилось глухое мычание.

– Как прошла операция, Виктор? – окликнул Николай того, что был сзади.

– Немного пришлось повозиться.

– Без шума?

– За кого ты нас принимаешь, командир? Мы привыкли работать с ювелирной точностью.

– Сразу же возвращайтесь. Вот вам «алиби», – Николаи подал им мешок с рыбой, выловленной часа два назад Вальтером. – Удочки хоть захватили? А то жестоко лишать нашего Вальтера снасти.

– А как же! Целых четыре! Да ты не беспокойся, все будет тихо.

Катер отошёл. Свёрток остался на песке.

– Половина дела сделана! – констатировал Николай. – Теперь остаётся доставить его по назначению.

Свёрток приглушённо замычал.

– Он не задохнётся? – забеспокоился Вальтер.

– Ничего с ним не сделается. Мы можем теперь поспать до утра. Вы трое спите по очереди, а я буду спать весь остаток ночи, мне все-таки вести машину. – Сказав это, он завернулся в плащ и тут же заснул.

– Может быть, достаточно? Мы уже километрах в шестистах от лагеря. Он при всем желании не сможет вернуться, не имея компаса.

Николай кивнул и выключил реактивную тягу. Вертолёт сбросил скорость и пошёл на снижение. Они ещё часа два медленно шли над лесом на небольшой высоте. Владимир,

вооружившись биноклем, рассматривал проплывающие внизу поляны.

– Вот здесь есть явные признаки их присутствия. Можно снижаться, – сообщил он.

– Вот мы и на месте, Приходько! – Николай снял с его головы мешок и вытащил изо рта кляп.

– Что все это значит? Вы ответите! – Приходько дёрнулся всем телом. – Развяжите меня, – потребовал он.

– Охотно! – Николай вытащил нож и разрезал путы.

Пленник попытался подняться, но затёкшие ноги не держали его, и он опустился на колени, упёршись руками в почву, маленькие глазки испуганно смотрели на Николая я его товарищей. Увидев Владимира, он все понял.

– Уже настучал, сука! – зло бросил он ему.

– Тихо, Приходько! – одёрнул его Николай.

– Да он все наврал вам!

– А мы сейчас проверим. Уверен, что такой жлоб не расстаеться с ней даже во сне. – Он подошёл к Приходько и, несмотря на его сопротивление, вытянул из-за пазухи запаянную в пластиковый водонепроницаемый конверт чековую книжку.

– Ого! Приходько, да вы, оказывается, миллионер, поздравляю, – сказал он, заглянув в неё. – Берите. Мне она не нужна, – он протянул её Приходько. Тот машинально взял её, раскрыл, посмотрел и небрежно бросил на землю.

– Теперь она мне тоже не понадобится, – спокойно констатировал он. – Судя по тому, что я нахожусь здесь. И на том спасибо! Думаю, что вы привезли меня сюда не для расстрела. Это вы могли сделать и в лагере. Достаточно было рассказать об этой книжке. Черт меня попутал похвастаться ею. Ну, да ладно! Дай закурить, – попросил он Николая. Взял сигарету, размял её пальцами и похлопал себя по карману. Николай протянул ему зажигалку.

Поведение Приходько было для Владимира полной неожиданностью. Он предполагал все, что угодно: угрозы, мольбы, но не эту спокойную реакцию.

Приходько между тем докурил сигарету, бросил её под ноги и тщательно растёр сапогом.

– Ну, так что же? Прощайте! – он сделал несколько шагов в сторону, но затем остановился и посмотрел прямо в глаза Николаю.

– Прости меня, Мыкола, шо так вот получилось. Подвёл я тебя! И ты пробач мени, хлопчику, – он повернулся к Владимиру. – Пробач за ту гнусность, шо я тоби казав на охоти. Нашему командиру ничего не говорите, пусть думает, шо пропав биз висти.

– Подожди, Степан! – остановил его Николай. – Что, так и уйдёшь? Ничего не скажешь, как же ты мог?

– А... долго рассказывать! Не сразу все получилось, Коля... Не сразу...

– И ты не жалеешь?

– Жалею, что вот ему рассказал, – честно признался Приходько, кивнув на Владимира.

– И больше ни о чем?

– Нет!

– Вот как?

– А ты что думал, что Приходько начнёт юлить, просить пощады? Никогда Приходько трусом не был. Да и потом без толку просить тебя. Не привёз же ты меня сюда для того, чтобы воспитывать? Я в воспитании не нуждаюсь. Меня сама жизнь воспитала. И, начнись все сначала, поступил бы так же, разве что ему ничего не говорил бы. С толку сбила меня его дамочка. Ой! И дурак же я! Такой дурак, что знала бы моя мама, какого дурака на свет произвела, то выкинула бы на втором месяце беременности.

– Так ты считаешь, что был прав?

– Прав – не прав, а делал то, что надо было делать. Насмотрелся я всего. Помнишь Шустера?

– Главу германской секции неогуманистов?

– Его! Кого же ещё? Не было такого преступления, какое бы он не совершил. Мы тогда его выпотрошили и конфисковали только в валюте полтора миллиарда. А ты знаешь, как он начинал? Рядовым профсоюзным работником. За душой ни гроша. Какие речи он говорил! Какие статьи писал в рабочий газеты! Правильные статьи. Почитаешь, так думаешь: побольше

таких честных людей, и жизнь на Земле была бы раем. Вот тогда-то я и решил, что природу человеческую никому не дано изменить. А раз так, то ничего из нашего дела не выйдет. Уничтожим одну мафию, ей на смену придёт другая. Потому что у человека в крови живёт вечное желание жить за счёт других, есть вкуснее других, спать мягче, чем твой сосед, иметь дом получше, женщин помоложе и покрасивее и так далее. Вот и сказал я себе: не будь ты дурнем, Приходько. Сделай так, чтобы тебе жилось хорошо, детям твоим и внукам... Да что там говорить! Вот вернётесь на Землю и вспомните меня... Ну, так я пошёл?

Не дождавшись ответа, он не спеша двинулся к краю поляны и вскоре исчез среди деревьев.

Вертолёт летел на небольшой высоте. Все молчали, каждый думал о своём. Внизу проплывали обширные лесные массивы, чередующиеся с небольшими участками степи, на которых паслись стада копытных животных. Кое-где, отражая лучи полуденного солнца, сверкали озера, соединённые между собой узкими протоками. На берегу одного из них стояло селение, Владимир включил видеозапись и, вращая ручки, направил объектив съёмочной камеры на селение. На экране появилось изображение толпы лапифов, стоящих на площади возле мраморного жертвенника. Видно было, что они заметили вертолёт и теперь удивлённо таращились на него, задрав головы.

Вскоре селение исчезло, снова пошли бесконечные леса. Владимир не выключал камеру и с интересом продолжал наблюдать. Появилась поляна с резвящимися среди кустов фавнами, они гонялись за нимфами. Те ловко увёртывались от них. По лицам было видно, что забава доставляет им удовольствие.

– Приходько не будет скучно, – кивнул он на экран.

– Я вот думаю, – отозвался Вальтер, – а ведь он, может быть, в чем-то прав.

– Ничего он не прав! – резко возразил Николай. – Не может быть прав... иначе... – он вдруг разозлился. – Проклятый скунс. Не мог уйти, не навоняв напоследок!

– Ну зачем так? – упрекнул его Вальтер. – Ты сам спрашивал. Вот он честно и ответил. Должен признаться, что он далеко не трус.

– В нашем деле не место трусам. Но ты понимаешь, на что он намекал? На то, что все наши усилия были бесполезны.

– Не намекал, а прямо говорил. Ну что же, это его мнение.

– Ты, я вижу, начинаешь его разделять? Конечно разделяешь! – снова загорячился Николай. – Вчера утром ты говорил, что не хочешь возвращаться. Значит, ты не веришь, что на Земле, наконец, восторжествовала порядочность и справедливость?

– Сложный вопрос... Социальная справедливость стала на Земле законом ещё в начале нынешнего тысячелетия. Да! Стала законом, но не действительностью. Вот в вашей стране, Николай, в конце прошлого тысячелетия решили, что основой всех социальных бед является частная собственность...

– Не в нашей, а в вашей, Вальтер, но продолжай, пожалуйста.

– Продолжу. Ну и что? Чего добились? Заменяли частную собственность собственностью государства и решили, что это социализм. А в результате создали огромную монополию, экономически отстали, чуть не погубили сельское хозяйство. Дошли до того, что стали покупать хлеб в Соединённых Штатах. Я уже не говорю о бесчеловечных репрессиях, стоящих на грани геноцида. С тех пор прошло триста лет. Вроде бы все устроилось. Социальная справедливость стала законом, исчезли армии, государства, границы, существуют чёткие законы против монополии, и что же? Возникают подпольные организации. Ну хорошо! Мы уничтожили самую мощную и самую страшную из них. Но где гарантии, что они снова не возникнут? Здесь какой-то замкнутый круг. Лиши человека частной собственности – он потеряет инициативу, и общество становится из года в год беднее. Оставь её ему, и он будет стремиться увеличить её. Вроде бы все общество богатеет, но снова возникают резкие контрасты, и появляется власть денег. В условиях Мирового Сообщества эта власть не может быть законной и официальной, но она обретает реальность, становится фактической. У нас давно действует принцип: «От каждого – по способности, каждому – по той пользе, которую он приносит обществу». Что и говорить, принцип справедливый. Вот, скажем, изобретает человек новый станок или создаёт новую технологию. Прибыль общества измеряется сотнями

миллионов. Сколько платить изобретателю? Если мало, то он больше изобретать не станет. Ведь настоящее изобретение иногда уходит вся жизнь. Глядя на него, и другие не будут лезть из кожи, чтобы подарить обществу эти сто миллионов. Справедливо дать изобретателю миллионов десять и тем самым обеспечить его и его детей. Не так ли? Так у нас и делается. Но здесь следует такое: этот изобретатель, человек, в общем, умный, иначе бы он и не изобрёл такой штуки, при помощи этих десяти миллионов делает ещё сто, потом ещё сто и так далее. Запретить ему этого нельзя уже по чисто экономическим соображениям, так как запреты подавят инициативу, а к чему такое подавление ведёт, мы уже знаем.

– Но согласишься, что многие социальные вопросы решены.

– Я разве возражаю? У нас нет бездомных, голодных и раздетых. Основные потребности человека удовлетворены. Это так, не спорю. Более того, удовлетворены и культурные потребности. Любой достаточно способный человек может получить соответствующее образование. То есть каждому в этом отношении предоставлены равные возможности. Одарённым выплачивается крупная стипендия. Человечество, наконец, стало ценить мозги. Но это не все. Ты вот жил, насколько я знаю, в маленькой комнатухе, а другой имел виллу на берегу океана в двадцать комнат. Ты ел синтетическую пищу, а он уплетал за завтраком камчатских крабов. Повторяю, ты не испытывал ни голода, ни холода. Перед тобой были открыты двери всех музеев планеты, все её библиотеки, но у тебя не было собственной яхты и длинноногой секретарши. Политически ты был равноправен с любым мультимиллионером и твой голос, переданный по персональному компьютеру в Центральный вычислительный центр, весил столько же, сколько и голос богача. И учти, что мультимиллионером он стал на вполне законных основаниях и его миллионы – это только малая часть от тех миллионов, которые он принёс обществу.

– Он мог и наследовать их.

– Да, конечно. Но нельзя же отказать родителям в праве передавать своё имущество детям. Я хочу подчеркнуть, что в основном состояния создаются у нас законным путём. Это не результат финансовых махинаций или грабежа. Бандиты Каупони были исключением и понесли за это кару. Но не всегда можно отделить законно нажитое от незаконного. Единственное – это запретить частную собственность и передать её государству. Но к чему это приводит, мы уже знаем. Поэтому я и говорю, что создаётся замкнутый круг, из которого нет выхода. Приходько в том прав, что человеческая природа не изменилась. Все социальные процессы идут на базе одной и той же биологической сущности человека. Человечество уже несколько тысяч лет твердит о равенстве, но по своей природе органически его не приемлет. Оно неоднородно. И если уравнивать всех материально, вне зависимости от инициативы, то она исчезнет, а вслед за этим идёт апатия и нищета. Труд только тогда является органической потребностью человека, когда он видит результаты, распоряжается и пользуется ими. Если же за него пользоваться и распоряжаться начинают чужие дяди, то человек уже трудится не по убеждению, а по принуждению и ничем не отличается фактически от древнеримского раба. И безразлично, кто выступает в роли рабовладельца – частный или государственный сектор.

– Было бы справедливее, если бы каждый человек начинал с нуля! – вмешался в разговор Александр.

– То есть дети не наследовали бы родителей? – уточнил его мысль Вальтер.

– Конечно. Ну, допустим, папаша – гениальный изобретатель или там ещё что, неважно, а его сын – балбес и оболтус, пользуется всеми благами, которые он лично не заработал. Разве это справедливо?

– Это стало бы возможным, если бы не было семьи. Сократ так и предлагал. Он считал, что истинное равенство может быть только тогда, когда дети не знают своих отцов. То есть, предлагал установить групповой брак.

– За что и был казнён! – заметил Николай.

– Да, именно за это! Древние греки поняли, что отмена семьи приведёт к хозяйственному краху. Официально Сократа казнили за разращение юношества, но я думаю, что они учли и экономические последствия такой реформы. Семья и собственность неразрывно связаны. Энгельс недаром объединил эти понятия. Правда, он мечтал о таком обществе, где в основу семьи будет положена только любовь. Это, конечно, красиво, возвышенно и делает честь

нравственным представлениям Энгельса. Я не буду говорить о том, что любовь бывает скоротечной, как есть и любовь длительная, как говорится, до гробовой доски. Но нельзя строить общие выводы путём сведения огромного разнообразия явлений к единому образцу. Семья становится тогда семьёй, когда появляются дети. А коль они есть, то появляется и забота о них. Ведь это естественно! Следовательно, на первый план выступают уже экономические интересы семьи, включая и экономические интересы детей. Если же, как ты говоришь, Саша, заставить детей начинать с нуля, то есть лишить их наследства, то общество вступит в экономические противоречия с семьёй. А может ли существовать общество без семьи? Потом, давай коснёмся моральной стороны дела. Если дети не наследуют своих родителей, кто их наследует? Общество? Государство? Но не выступает ли тогда государство в весьма отвратительной роли мародёра, то есть обкрадывающего трупы? В таком варианте устройства общества теряются не только экономические интересы семьи, но и сама мораль государства.

– Итак, ты считаешь, что равенство невозможно? – попытожил Николай.

– Не считаю, а думаю. Я не склонён к категоричности заключений. Думаю, что политическое, гражданское равенство не только возможно, но уже достигнуто, что же касается материального, то при данной биологической природе человека – нет. Приходько... я не оправдываю его, но стараюсь понять... Приходько это положение, как он говорил, «усёк». Поняв, что равенство в материальном положении невозможно, он, естественно, решил, что лучше быть «наверху», чем «внизу». Правда, попытался достичь такого положения незаконным, преступным путём, за что и понёс наказание.

– У тебя, Вальтер, явная склонность пофилософствовать. Это национальная черта немцев.

– Как понимать тебя? Это что, хорошо или плохо?

– Хм... однозначно не ответишь... Иной раз бывало, что старушку Европу выворачивало наизнанку от ваших философских построений, как после похмелья. Но я не об этом. Почему все-таки ты думаешь, что нельзя добиться справедливого распределения общественного продукта?

– Охотно отвечу. Но скажи мне, что является критерием теории?

– Практика, Вальтер, практика!

– Вот и отлично. А практика говорит, что если общество поручит кому-то распределение общественного продукта, то этот кто-то начинает присваивать себе часть того, что доверило ему общество, и по мере того, как он входит во вкус такого положения, начинает присваивать себе все больше и больше, оставляя обществу то, что сам уже «сожрать» не в состоянии. Видишь ли, ошибка некоторых философов-социалистов заключалась в том, что они строили свои теории на допущении существования идеально чистых и бескорыстных людей, которым можно было бы поручить такое распределение.

– А ты не допускаешь, что этих людей можно держать под контролем общественности?

– Да вспомни же ты, Николай, как только у них появляется ключ от общественного богатства, они легко выходят из-под такого контроля и находят средства подавления любого недовольства со стороны общественности. И все опять сводится к неравенству. Неравенство создаётся за счёт воровства и ограбления группой распределителей остального населения и в силу своей социальной противоестественности, чтобы удержать создавшееся положение, неизбежно приводит к тоталитаризму.

Увлечённые спором, друзья не заметили, как отклонились далеко на восток. Вместо сплошных лесных массивов под ними была ровная степь.

Первым заметил свою оплошность Николай и громко чертыхнулся. Он круто изменил направление полёта.

– Философия никогда к добру не приводит. Вот из-за неё теперь придётся делать крюк. Как я не заметил, что пересёк Аттис?! Не хватает, чтобы мы пересекли устье реки Синченко, тогда прямым ходом прибудем в лагерь. Как тогда объясним Сергею, где это мы болтались почти двое суток?

– Кажется, мы ещё не миновали устье реки Синченко. Там горы виднелись на востоке, а здесь ровная степь. Держи прямо на запад, а потом пойдём по течению Аттиса, – успокоил Николая Владимир.

– Я поднимусь выше, чтобы расширить обзор.

Вертолёт круто пошёл вверх. Небо было безоблачным. На высоте четырех километров далеко на западе показалась узкая лента реки. От реки на восток ползла тонкая длинная змейка.

– Что это такое? – недоуменно спросил Николай.

– Сейчас выясню! – Владимир стал настраивать объективы видеотелекамеры. Изображение никак не удавалось синхронизировать. Правый объектив почему-то заело, и он не хотел подниматься. Возможно, при посадке в лесу его механическая часть была повреждена. Устранить же в полёте неисправность вынесенных наружу телеобъективов не представлялось возможным.

– Давай подлети ближе. Правый объектив что-то барахлит.

Вертолёт круто нырнул вниз и стал приближаться к ползущей по степи змейке. Владимир оставил пульт управления испорченной телекамеры и взял в руки бинокль. До змейки оставалось километров пятнадцать.

– Кентавры! – сообщил он.

– А! – протянул Николай. – Старые знакомые. Сейчас я их пугану!

– Стоит ли? – попытался остановить его Вальтер. – Сергей говорил, чтобы мы не вмешивались.

– Я только немножко. Наглые существа!

Вертолёт стал быстро приближаться к отряду кентавров.

– Ах, негодяи! – закричал Николай.

Вертолёт пошёл на снижение.

– Что там?

– Они гонят пленников. Сейчас я их! – Николай включил сирену и пронзительный рёв огласил степь.

Кентавры, увидев летящее прямо на них чудовище, в панике бросились врассыпную, оставив связанных в цепочку пленников. Николай преследовал их километров десять, затем выключил сирену и посадил машину метрах в тридцати от колонны пленников. Те, как были, так и остались в цепочке, несмотря на то, что многие из них попадали на землю от ужаса.

Выскочившие из вертолёта земляне направились к пленникам и увидели, что те не могли не то что бежать, но даже изменить положение. На шею каждого была надета рогатка, другой конец которой прикреплялся к шее второго, и так далее. Кроме того, руки каждого были вывернуты назад и туго скручены верёвкой, второй конец которой в виде скользящей петли был накинут на голову идущего сзади. Таким образом, если бы кому-то взбрело в голову попытаться развязать руки, он тут же затянул бы петлю на шее идущего сзади товарища. В цепочке Владимир насчитал тридцать мужчин и около сотни женщин.

Пока его товарищи освобождали пленных, он прошёлся вдоль цепочки лапифок с надеждой встретить среди них Ореаду. Но все женщины были незнакомы ему, среди них не было ни одной, кто спасался с ним от Пифона в долине.

Освобождённые пленники тут же падали на траву, то ли от усталости и изнеможения, то ли от страха.

– Ну, что мы будем с ними делать? – кивнул Владимир на лежащих без движения освобождённых лапифов.

– Да ничего! Сейчас сядем в вертолёт и оставим их. Придут в себя – побредут домой.

– А если кентавры вернуться?

– Вряд ли, я их так напугал, что они, наверное, и сейчас чешут по степи не останавливаясь.

– Эти напуганы не меньше.

– Ты бы не смог с ними поговорить? Успокой, скажи, что им от нас не будет никакой обиды.

– Попробую. – Владимир направился к кучке пленников. Некоторые уже отошли от страха и стали подниматься на ноги. Когда он подошёл к ним, послышался тихий ропот. Ухо его уловило знакомое слово «Уран».

«Они принимают нас за титанов», – догадался он.

– Подойди ко мне! – выбрал он среди лапифов высокого мужчину, смелого на вид.

Тот подошёл и хотел было опуститься на колени, но Владимир жестом удержал его.

– Далеко ли отсюда ваше селение? – спросил он.

Услышав родную речь, лапиф вздрогнул, но ответил:

– Два дневных перехода, господин.

– Вы сможете идти?

– Ты даришь нам свободу?

– Да, вы все свободны, можете идти домой!

Лапиф повернулся к пленникам и быстро прокричал им весть, но так быстро, что Владимир ничего не смог разобрать. Однако по радостным возгласам бывших пленников понял, что лапиф передал им его слова. Пленники стали один за другим подниматься на ноги.

– Как вы переправитесь через реку?

– Там на берегу остались вытасченные на сушу плоты, на которых нас перевезли кентавры.

В это время от толпы пленников отделились человек пять мужчин и быстро побежали на запад, к реке.

– Куда это они? – спросил Владимир, провожая их взглядом.

– Они спешат предать Кибеле тела павших мужчин и женщин, пока их трупы не сожрали дикие звери.

– А, понимаю! Это для того, чтобы они смогли возродиться к новой жизни.

– Ты же знаешь это, господин!

Из дальнейших расспросов выяснилось, что на селение напал большой отряд кентавров. Им не удалось захватить врасплох лапифов, однако силы были неравные. Женщины сражались наравне с мужчинами, и многие кентавры были убиты. Когда селение захватили, от отряда кентавров отделилась большая часть и унесла с собой тела павших товарищей. Остальные погнались за пленными. Мужчины предназначались для принесения жертвы Кибеле, которую должны были совершить в селении кентавры.

– Вам придётся сменить теперь место для поселения. Кентавры могут вернуться и перебить оставшихся в живых.

– Я это понимаю, господин. Мы уйдём дальше, к горам. Там, прав да, меньше дичи, но туда кентавры не показывают носа. Они помнят старое.

– Старое?

– Да! Когда-то там были такие же люди, как ты. Они перебили множество кентавров. С тех пор кентавры боятся там показываться.

– Ты помнишь это время? – недоверчиво спросил Владимир.

– Помню смутно, так как это было очень и очень давно.

– Сколько же тебе лет? – изумился землянин.

– Кто считает годы, господин? Только женщины, да и то несколько лет после выхода из дерева. Затем они тоже перестают считать. Зачем считать? Разве мы считаем волосы на голове или листья на дереве?

– Кентавры всех перебили?

– Нет, много женщин успели убежать и спрятаться в лесу. Мы сначала найдём их, а потом двинемся на новое место.

– Переселяйтесь немного к югу, – неожиданно для себя дал совет Владимир и пояснил: – Там, на юге, возле двух больших озёр, которые соединяются друг с другом, у самых отрогов южных гор живёт моё племя. Туда кентавры боятся заходить.

– Ты сказал, господин, что даришь свободу, а сам предлагаешь нам идти в рабство?

– Ты меня не понял. У моего народа нет рабов. Впрочем, поступайте, как знаете. Я не буду вас убеждать.

Лапиф поклонился и хотел было идти, но Владимир остановил его.

– Подожди. Скажи мне, в вашем посёлке не было женщины по имени Ореада?

Лапиф задумался, потом спросил:

– Как она выглядит? У нас несколько женщин носили это имя.

– Она черноволосая...

Лапиф отрицательно покачал головой.

– Нет, такой среди нас не было. – Он хотел идти, но медлил. Было видно, что он хотел

что-то спросить.

– Можешь спросить, – ободрил его Владимир.

– Ты с Урана? Мы думали, что вы все давно погибли.

– Нет, не с Урана. Я с Геи, – Владимир, сам того не понимая, назвал древнее греческое имя Земли.

– С Геи? – не проявляя ни малейшего удивления, переспросил лапиф. Было видно, что это имя ему знакомо. – Но ты сам титан?

– Нет, я житель Геи. Титаны, как ты сам сказал, давно погибли. А откуда тебе известно имя Геи?

– Гея – страна рабства, – печально ответил лапиф. – Туда титаны увозили лапифов и делали из них рабов. Они окружали наши селения и забирали всех сильных мужчин и красивых женщин. Они не мучили их, как кентавры, но мужчин заставляли служить себе, а женщин – рожать детей. Там, на Гее, не было амброзии, и лапифы быстро теряли силы и умирали.

– Откуда ты это знаешь? Разве ты был на Гее?

– Я не был, но у нас живёт одна женщина, которая вернулась с Геи. Вернее, её привёз титан, который не захотел с ней расставаться. Титан умер, как и другие, когда Кибела обрушила на них свой гнев, а она осталась жива и пришла в своё племя.

К ним подошёл Николай.

– Ну что?

– Представь, в их племени живёт женщина, которая побывала на Земле много тысяч лет назад.

– Ты не путаешь?

– Нет, не думаю. Он знает древнее имя нашей планеты. Интересно было бы встретиться с этой лапифкой.

– Скажи, – обратился он снова к лапифу на его языке, – мы сможем повидать эту женщину?

– Отчего же нет, если она только жива. Мне кажется, она успела убежать вместе с остальными в лес. Если мы её найдём, то ты сможешь с нею поговорить.

– Как вас найти?

– Мы будем жить на северном берегу большого озера, из которого вытекает небольшая река, впадающая в эту.

– Я знаю это место. Мы сейчас как раз туда направляемся. Я найду вас, – Владимир знаком отпустил лапифа.

Земляне подождали, пока отряд бывших пленников скрылся за горизонтом, и пустились в путь. Николай поднял вертолёт повыше, чтобы обозреть степь. Кентавров нигде не было видно. С высоты полёта они видели, как от берега реки отчалили плоты. Лапифы начали переправу.

– Ну вот, сделали доброе дело! – Николай вытащил пачку сигарет и, прикурив, с наслаждением затянулся.

Вальтер, который сидел сразу же за ним, недовольно поморщился и пересел на боковое сиденье.

– Доброе ли? – с сомнением произнёс он.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что мы сделали доброе дело с точки зрения человеческого разума и человеческой морали, но...

– Что, «но»?

– Можем ли мы на свой манер судить о разуме и морали самой Кибелы? Сергей ясно сказал, что мы не должны вмешиваться. Может быть, наше вмешательство нарушает равновесие в этой системе?

– Ну, знаешь! Это уже слишком. По-твоему, мы должны были спокойно смотреть, как эти уроды гонят людей, как скот, чтобы живём содрать с них кожу?

– Разве я осуждаю тебя? На твоём месте я сделал бы так же, но...

– Опять это «но»! Как вы, немцы, любите все взвешивать, все заранее рассчитать.

– Разве это плохо?

– Это хорошо, но иногда становится противно!

Вальтер обиделся.

– Мне, может быть, противна ваша славянская безалаберность, но я стараюсь не замечать её. Во всяком случае, не говорю о ней вслух!

– Друзья, вы что? – вмешался Владимир. – Стыдно! Прекратите!

– Ладно, прости меня, Вальтер. Я погорячился.

– И ты меня...

– Все-таки какой странный, жестокий и, я бы сказал, безнравственный мир, – подал голос из своего угла в кабине вертолётца Саша. Он полулежал, прислонившись к тюку с палаткой, и, казалось, задремал, но, услышав разгоревшийся спор, проснулся.

– Непонятное всегда кажется странным, – ответил ему Вальтер. – И все, что не совпадает с нашими представлениями о морали, кажется аморальным. А между тем я бы не сказал, что этот мир так уж аморален, если принимать в расчёт конечный результат.

– Что ты считаешь конечным результатом? – повернулся к нему Николай.

– Ты лучше смотри вперёд, а то опять отклонишься от курса! Под конечным результатом я понимаю счастье.

– Ты считаешь, что этот народ счастлив?

– Несомненно!

– Счастье ребёнка, который никогда не станет взрослым, – возразил Владимир. – Если согласиться с тобой, то любой дебил, который не сознаёт своей дебилности, тоже счастлив?

– Ты имеешь в виду отсутствие социального развития? Да, действительно, для цивилизации в целом это вроде дебилности для индивидуума, но ты слишком категоричен. Социальное развитие имеет причины – это своего рода вечный поиск выхода из нищеты. То есть для начала социального развития нужна нищета, голод, недостаток необходимых для жизни средств. Здесь же эти условия полностью отсутствуют. Ради чего должно идти социальное развитие? Оно здесь не нужно!

– Да, если система изолирована. Но если этот народ вступает в контакт с технически развитой цивилизацией, он беззащитен.

– Не так уж они беззащитны! Кибела, которая лишила их развития, достаточно хорошо их защищает. Где теперь титаны? Они исчезли вместе с их могучей техникой, а лапифы продолжают жить. Кибела дала им то, чего ещё не достигла наша машинная цивилизация, – вечную юность и вечную жизнь. Что ещё надо для счастья? Разве человек, который живёт на почти голой, лишённой лесов и чистых рек планете, вынужденный ютиться в тесных комнатках и есть синтезированную пищу, счастлив от того, что в его распоряжении триллионы киловатт энергии, ракеты со смертоносным грузом, способные уничтожить всю планету?

– Подожди, подожди! Ты сразу о бомбах. Но разве в этом суть человечества? А его культура, искусство, литература, музыка – это что же по-твоему?

– Все это только отражение социального развития, Николай, и если его нет, то излишним становится и отражение. Я бы сказал, что литература – основа всей культуры – это отражение конфликтов социального развития. И не только отражение, но и поиск их разрешения. Здесь же все атрибуты, сопутствующие социальному развитию, становятся излишними. Остаётся только то, что соответствует их уровню, их конфликтам. А их конфликты, помимо стычек с кентаврами, замыкаются на сексуальной сфере. Отсюда и чувственный культ Великой Матери Кибелы, с которым Владимир имел возможность близко познакомиться. Их оргии так же естественны здесь, как, скажем, посещение видеотек, театров, картинных галерей на Земле. Мы же не считаем зазорным просиживать часы в библиотеках или бродить по залам музеев. Почему же им, лапифам, считать зазорными их «игры» в честь своей Кибелы? Рытьё же котлованов, с чего мы здесь начали, в представлении лапифов – верх аморальности и безнравственности. Сергей, если помните, говорил, что нам надо достичь взаимопонимания.

– С растительным разумом, а не с этими голыми донжуанами и мессалинами! – возразил Николай. – Не пугай «божий дар с яичницей»!

Вальтер растерянно посмотрел на Николая, потом вдруг рассмеялся.

– Никак не могу привыкнуть к образным выражениям русского языка. Ты хочешь сказать, что я сравниваю слишком разные величины?

– Вот именно! Ты хочешь понять мораль высокоорганизованного сверхмозга на основе сравнения с моралью этих дикарей.

– Не такие уж они дикари. Но дело вот в чем. Ты согласен, что Кибела держит весь этот мир, в том числе и лапифов, под наблюдением и контролем?

– Конечно. Не сомневаюсь, что и наш разговор уже записан в её памяти.

– Да, я совсем об этом забыл. Тем не менее скажу. Вряд ли Кибела терпела бы этот народ, если бы мораль его вызывала у неё отвращение.

– А у тебя вызывает отвращение мораль муравьёв, например?

– Вот как ты ставишь вопрос?

– А почему бы нет? С одной стороны, люди на нулевом уровне развития, а с другой – мощный сверхразум.

– Да, но уровень развития нулевой – социальный, а не биологический. По биологическим характеристикам они не отличаются от нас. Муравья ты при всем желании не обучишь высшей математике, а лапифа, думаю, особого труда не составит. Мне кажется, я могу назвать ключ к взаимопониманию.

– Интересно!

– Это терпимость. Высшим проявлением разума является терпимость. Терпимость к иным обычаям, морали, терпимость к инакомыслию. И сдаётся, именно такого характера испытание нам предстоит. Насколько мы, люди, способны к терпимости.

– Ты совершенно прав, Вальтер! – поддержал его Владимир. – Я сам думаю так же. Отец мне всегда говорил, что высшим качеством разума является терпимость к инакомыслию, уважение к другому, непохожему на наш путь развитию. Мы вышли в большой космос, и он спрашивает нас: будем ли мы уважать и понимать системы с иными направлениями эволюции или же примемся кромсать их и переделывать на свой лад. Это экзамен на зрелость цивилизации. Мы должны понять других, не мешать им идти своим путём и в то же время помогать друг другу, объединив наши разумы.

ВСТРЕЧА С ОРЕАДОЙ

– Нас, кажется, встречают! – Николай посадил вертолёт в километре от посёлка. Время было позднее, и они решили отложить посещение пещеры титанов до утра.

Владимир выпрыгнул на землю и остановился, поражённый увиденным. К ним, крича и размахивая руками, бежали от посёлка его старые знакомые по заточению в долине. Он всмотрелся и увидел среди них Ореаду. Волна радости с примесью пока ещё неосознанного беспокойства охватила его. Он бросился к ней навстречу. Ещё несколько секунд, и вот она – такая дорогая, близкая, родная. Ореада, в свою очередь, не могла произнести ни слова, только глядела на него снизу вверх огромными, как сливы, глазами.

Женщины обступили их кругом, смеялись, забрасывали вопросами, но он ничего не слышал и не понимал. Немного придя в себя, он вдруг обратил внимание на то, что стан Ореады снова стал стройным и гибким и вопросительно взглянул на неё. Она поняла его и покраснела от счастья.

– Где? – спросил он её.

– В нашем доме. Спит. Мы, как услышали шум, решили, что это ты вернулся, выскочили из домов и побежали встречать. Я знала, что ты вернёшься!

– Сын?

– Сын! Я же говорила тебе, что будет сын.

– Как назвала?

– Я ещё не дала ему имени. Ждала тебя.

– Нет, вы только посмотрите. Какие красавицы! – услышал он рядом голос Вальтера, – Честное слово, каждая из них могла бы у нас на Земле претендовать на главную роль в Голливуде. У меня голова кружится. Я ещё никогда одновременно не видел столько сразу... Это кто? Твои знакомые?

– Ничего себе! – подойдя к ним, удивлённо присвистнул Николай. – Теперь я понимаю, почему ты не особенно спешил вернуться в лагерь. Может быть, ты представишь нас своим

знакомым?

– Сейчас, сейчас, дайте мне прийти в себя. Для меня эта встреча так же неожиданна, как и для вас. Я ведь думал, что они или погибли, или ушли с фавнами. Впрочем, здесь не принято представлять мужчину женщине. Так что представляйтесь сами, – засмеялся он.

Тем временем лапифки оттеснили его спутников и окружили их плотным кольцом.

– Все! Я погиб! – услышал он возглас Николая.

– Надо бы покормить моих друзей, – Владимир вспомнил, что они с утра ещё ничего не ели.

– Не беспокойся. Их покормят и без нас. Пойдём скорее в дом. Ты ещё не видел нашего сына, – потянула его за руку Ореада.

По дороге домой она рассказала ему, как они очутились снова в долине. Воспользовавшись тем, что внимание фавнов было отвлечено, они бежали. Сначала все хотели идти домой в свой старый посёлок, но потом, подумав, что если Владимир вернётся, то будет искать их в долине, вернулись сюда. Они жили здесь одни четыре месяца. Ореада, а за ней вскоре и Перо родили мальчиков. Сына Перо тут же назвали Игорем. Ореада, как уже говорилось, ждала возвращения мужа.

Неизвестно, чем кончилась бы вся эта история, не обрати тогда Николай внимания на гладкую, отшлифованную поверхность скалы, что и послужило причиной их вторичного посещения долины.

– Я знала, что ты вернёшься за мной, – сказала Ореада, входя в дом. Подойдя к кровати, она взяла на руки спящего младенца и торжественно протянула мужу.

– Твой сын...

Владимир взял крохотное тельце. Сердце сжалось от не испытанного никогда ранее чувства. Это была сложная смесь нежности, счастья, гордости и одновременно удивления и какой-то боязни. То было зарождение отцовского чувства, которое всегда приходит неожиданно, застаёт врасплох. Он вдруг понял, что это существо, которое только что проснулось и удивлённо таращило глаза, для него самое дорогое на свете. Это было неожиданно. Женщина привыкает к своему будущему ребёнку постепенно, она ощущает в себе зарождающуюся жизнь и уже до рождения привыкает к нему. Встреча с ним predetermined, и когда она слышит первый крик младенца, радость матери наполовину поглощается усталостью роженицы, и только когда ребёнок прикасается ртом к её груди, только тогда её всю захлестывает новый прилив счастья и нежности.

Младенец заплакал, и Ореада, высвободив из-под тонкой туники грудь, стала кормить его. Малыш сразу же успокоился и аппетитно зачмокал. Насытившись, откинул головку и, хлопая ручкой по груди матери, довольно загудел.

Лишь сейчас Владимир понял, какое значение для него имеет рождение ребёнка, его ребёнка, его сына. Где-то в подсознании никогда не замолкало тягостное чувство своей собственной неестественности. Он загонял это чувство глубоко внутрь, усилием воли заставлял его молчать, но иногда оно прорывало поставленные барьеры, и Владимира охватывала тоска... Он знал весь механизм своего происхождения. Знал, что был моделью, затем эта модель была помещена в сформировавшийся, но лишённый психологической индивидуальности клонинг. Знал и старался забыть об этом. Иногда, наедине с собой – такое случалось редко, но все же случалось – начинал думать о своей истинной сущности и спрашивал себя: человек я или не человек? Это было мучительно. Особенно вечером, перед сном. Он старался заснуть, зная, что во сне мысли покинут его, но не мог, ворочался в постели до утра и только под самый рассвет забывался.

Рождение ребёнка заставило его, наконец, поверить, что он – человек. Он понял теперь и переживания отца, который так радовался, ожидая рождения сына, настоящего сына, и его растерянность и горе при расставании с Эльгой. Ему стало ясно, что его отец переживал все время те же самые чувства, и теперь рождение его ребёнка должно рассеять сомнения не только его самого, но и сомнения отца, сомнения, которые, он знал, тот испытывал.

«Надо сообщить завтра во время очередной радиосвязи отцу», – подумал он и тут же замер от вспыхнувшей, как искра, в сознании мысли: «Ирина! Как она воспримет? Что я ей скажу? Не говорить пока? Она сама узнает... лучше сказать... Ну, а что потом?»

Ореада тем временем уложила спать малыша, достала домотканое полотенце, которое они обычно брали во время купания на озере, перекинула его через плечо и вопросительно посмотрела на мужа. Во время их плена в долине они всегда перед сном шли на озеро. Эту привычку Владимир выработал у себя ещё при жизни на острове. Каждый вечер, перед закатом солнца, они с отцом отправлялись на озеро и купались там полчаса. Потом отец исчез и долго не появлялся. Это случилось после посещения острова Бэксоном. Он отсутствовал несколько месяцев. Теперь Владимир знал причину его длительной отлучки, но тогда страшно тосковал и постоянно спрашивал о нем мать. Она не пускала его одного на озеро, а сестра не любила по вечерам купаться в тёмной, уже не пронизываемой лучами солнца воде. Она боялась. Когда вернулся отец, вечерние купания возобновились. После прохладной воды сон был крепким и нёс особенную бодрость утром.

Ореада же воспринимала вечерние купания совсем по-другому. Для неё это было своего рода ритуалом, за которым должно следовать продолжение, и сейчас, видя, что он медлит, колеблется, удивлённо смотрела на него.

Вода в озере была тёплой, нагретой за день лучами щедрого солнца. Владимир отплыл немного от берега и лёг на спину. Солнце уже зашло за вершины гор, на долину легла тень, небо же ещё освещалось последними лучами и сохраняло прозрачную голубизну. Высоко над ним парили две пары больших чёрных птиц, высматривая добычу. Владимир любил эту пору суток. Мягкий, лишённый дневной требовательности свет. Спокойствие, ненарушаемое ни плеском волн, ни шорохом листвы. Так тихо, что слышно, как на противоположном берегу озера пришедшие на вечерний водопой олени пьют воду.

Со стороны посёлка донёся приглушённый разговор, взрыв смеха, топот бегущих ног, затем все стихло.

Владимир лёг на грудь и поплыл к берегу. Ореада уже вышла из воды и ожидала его, держа наготове полотенце. Пока он вытирался и одевался, стало совсем темно. На небе засветились звезды. Он уже привык к рисунку этих созвездий, тем не менее они казались ему, как прежде, странными. Над самыми вершинами гор, на востоке, занималась голубая, чуть-чуть мерцающая звезда. Она появлялась первой и горела ярко даже при полной луне, в свете которой другие звезды меркли и были едва различимы. Владимир ещё раз, уже который, почувствовал, что этот мир, куда занесла его неожиданно судьба, – его мир, более близкий, чем Земля, более понятный, несмотря на свою странность и необычность. Все вдруг стало ясно. Все проблемы отступили, стали несущественными.

Ореада, как бы понимая его мысли, прильнула к нему. Он поднял её на руки и понёс.

ТИТАНЫ

Больше недели Сергей и его двадцать помощников находятся в долине. Они прибыли сюда, как только ему сообщили о случившемся. С собой они привезли мощный радиопередатчик, по которому вся полученная информация передавалась в центр связи с СС, а оттуда в мозг её вычислительной системы. СС не отвечала пока, то есть не давала никаких указаний. Она требовала все новой и новой информации. Два раза космический катер совершал полет на «Гею», привозя оттуда необходимую аппаратуру.

В пещеру, открытую Николаем и Владимиром, входили с большими предосторожностями, одетые в космические скафандры, минуя срочно изготовленный стальной бункер, где при выходе скафандры облучались мощным бактерицидным излучением. Во втором бункере, соединённом с первым, снимали скафандры.

Пещера представляла собой длинную анфиладу залов. Все стены, полы и потолки были покрыты тем же сверхпрочным материалом, что и двери, которые с большим трудом удалось пробить магнитноимпульсной пушкой.

Залы пещеры фактически представляли собой склады вооружения. Здесь в образцовом порядке стояли различные установки. Некоторые из них были знакомы: это магнитно-лазерные пушки, ракеты ручного наведения; другие были непонятны, хотя одна из установок напоминала Сергею платформы, которые применяли свистуны на Элии. В одном из залов, по-видимому, библиотеке, хранились кристаллы с видеозаписью. Но не это было главное. В самом конце,

почти в центре горы, в обширном зале в анабиозных камерах лежали люди. Не меньше ста человек. Они были живы. К камерам тянулись толстые шланги, по которым подавался какой-то жидкий состав. Энергообеспечение было запрятано где-то в глубине. Можно предположить, что это атомная электростанция. Несмотря на тысячи лет непрерывной работы, она ещё не исчерпала свои энергетические ресурсы.

Лежащие в анабиозных камерах ничем не отличались от людей, разве только были несколько выше их ростом. Когда к ним присмотрелись, то обнаружили, что тело каждого покрыто мелкими бугорками. Владимир, первым обнаруживший это, вспомнил рассказ отца о вирусной эпидемии, которая унесла с собой посетивших планету титанов и олимпийцев, – такова была кара разгневанной Кибелы.

Судя по событиям того времени, вирус поражал пришельцев с Урана, но не трогал лапифов. Сразу же возник вопрос: как он обойдётся с землянами? Будет ли так же смертелен для них, как для титанов? О самом вирусе пока ведь ничего не известно. Не исключено, что он сохранился на предметах, хранящихся в пещерах, на стенах, в воздухе...

Николая и Владимира в тот же день поместили в передвижной изолятор, доставленный в долину по частям вертолётами. К ним никого не допускали. Пищу подавали через люк, который нельзя было открыть с одной стороны, пока он не закрывался с другой.

Между тем в лагере шла напряжённая работа. В корневую систему Кибелы стали подавать кодовые сигналы с надеждой получить информацию об эпидемии. Необходимо было точно знать продолжительность скрытого периода болезни, иначе Николаю и Владимиру грозила длительная изоляция. Просмотр видеозаписей все больше и больше настораживал Сергея. Это была странная цивилизация. Достигнув технического развития, о котором они, земляне, только мечтали, буквально утопая в роскоши и изобилии, она перешла все воображаемые границы развращённости и жестокости по отношению к другим цивилизациям, с которыми титанам удалось войти в контакт. А их было много. Может быть, если эти цивилизации ещё сохранились, в их мифах и преданиях живёт воспоминание о нашествии на их планеты титанов, как живёт это воспоминание в легендах и мифах его родной планеты. Многие из того, что он почерпнул из видеотеки, соответствовало рассказу Урании.

Но Урания о многом умолчала, видимо, «стыдясь» за своих создателей. Даже свистуны теперь не представлялись Сергею столь ужасными. Те хотя бы имели какую-то высшую идею: покорение космоса разумом. Здесь же был сплошной цинизм. И вместе с этим высочайшее развитие науки, техники, искусства. Как может сочетаться все это? Просматривая видеозаписи, он видел танцы прекраснейших титанид, перед которыми любая земная знаменитость балета показалась бы неуклюжей хромоножкой. Он не мог сдержать возглас восхищения, когда перед ним возникли голограммы произведений искусства.

До сих пор Сергей был убеждён, что развитие морали и нравственности идёт параллельно с развитием разума и цивилизации, теперь же вынужден был признать, что глубоко заблуждался в этом вопросе. Он долго не мог понять, зачем народу, достигшему столь высокого уровня техники, понадобились рабы. Открытие каждой новой планеты и высадка на неё уранидов сопровождалось обращением в рабство населения планеты, сценами жестокого подавления всякой попытки к сопротивлению. Только спустя некоторое время ему стало ясно, что для этого извращённого в своём развитии разума высшее наслаждение доставляло насилие над себе подобными – власть над телом и жизнью. Это была та же самая элита, модель которой описала Ольга в романе «Тупик», но только в космическом масштабе и без научно-технической деградации.

– И такая цивилизация, – рассуждал он, – создаёт условия для самоуничтожения. Разве появление Урании и полное непонимание развращённым мозгом значения этого события не привело цивилизацию уранидов к катастрофе? Что же управляет миром? Почему в конце концов торжествует целесообразность и, если так можно говорить. Правда? Коль скоро не принимать во внимание гипотезу Всеобщего Создателя, то тогда что? Что является в таком случае носителем этой Правды и не только носителем, но хранителем её и высшим Судьёй, в воле которого вершение судеб цивилизаций? Кто этот грозный судья, который выносит смертный приговор целым цивилизациям с такой же лёгкостью, с какой земной судья выносит приговор насильнику и убийце?

Он не мог тогда ответить на свой вопрос, но чувствовал, что ответ лежит где-то рядом, на самой поверхности, и как всякий великий закон природы – прост и, может быть, именно в силу своей простоты остаётся непонятым, а вернее, незамеченным.

В наушниках прозвучал сигнал вызова. Сергей выключил аппаратуру и пошёл к выходу из пещеры. Снаружи его ждал Вальтер.

– Получена информация о скрытом периоде болезни.

– Ну?

– Всего четыре дня. Начало проявления – сыпь по всему телу, затем высокая температура и смерть в течение одной недели.

– Тогда надо освободить Николая и Владимира.

– Уже сделано.

– Где они?

– Владимир отправился домой.

– Я – к нему.

– Ещё не все. Получена расшифровка некоторых записей, переданных СС. Телетайп ещё продолжает их печатать. Ты можешь скоро просмотреть подробно все. Но вот что интересно (это я уже по своей специальности): вирус заразен только для людей с третьей группой крови и абсолютно незаразен для носителей нулевой и группы А. У Владимира, насколько я знаю, нулевая группа, у Николая – А. Так что они могут быть абсолютно спокойны за своё здоровье. И ещё: я провёл анализ групп крови местных жителей и был буквально поражён. Все они имеют нулевую группу и резус отрицательный.

– Ну что же, это соответствует тому, что мы знаем об эпидемии. Она не затронула никого из лапифов, а вот тем, кто имеет группу крови В, вирус реально опасен. Распорядись, чтобы все, кто имеет эту группу, немедленно покинули долину. На их место пусть придут люди с нулевой группой. Это уже легче. Что ещё?

– В ряде кристаллов, тех, что нашли в стальном шкафу анабиозного зала, была зашифрована информация о генотипах титанов. В целом они идентичны нам, за исключением некоторого однообразия опять-таки по группам крови. Все они принадлежат к линии с третьей группой и отрицательным резусом. В одном из кристаллов была запись о самом вирусе. Вернее, часть той информации, которую успели добыть титаны. Вирус чрезвычайно термостойкий. Переносит замораживание, близкое к абсолютному нулю, и повышение температуры до 200 градусов. Все антибиотики, которые имели титаны, оказались бессильными. И вот ещё что, – Вальтер заколебался, видно было, что он не решается сообщить Сергею что-то особенно важное.

– Говори! Я же вижу, что ты не все сказал.

– СС предупреждает, что существует вероятность занесения вируса на Землю.

– Что?!!

– Да! Вирус может принять на длительное время латентную форму и не проявлять себя. Дальше его поведение непредсказуемо. Неизвестно, на чем мы его можем занести на Землю. В своём организме, на одежде, с предметами... Это все, Сергей. Мы уже никогда не увидим Землю. Побывав в этой пещере, мы отрезали себе путь домой...

– Дело в том, – продолжал он после длительной и мучительной паузы, – что вернуться на Землю не смогут и те, кто даже не бывал в этой долине. Наши вертолёты совершали после вскрытия пещеры регулярные рейсы, свозя сюда необходимую аппаратуру. Мы даже не можем гарантировать стерильность «Геи», так как не раз посылали туда космический катер.

– Ведь я же знал об эпидемии, – проговорил Сергей с болью в голосе, которую он пытался безуспешно скрыть от Вальтера. – Зачем я разрешил Николаю вскрыть пещеру? Мне нет прощения...

– Перестань, Сергей. Ты ни в чем не виноват. Кто мог знать? Ведь прошли тысячелетия. Кто мог предположить такую стойкость этого вируса? СС не даёт категорического ответа по поводу проникновения вируса в нашу среду, но и не может дать гарантии, что такого не случилось.

– То есть полная неопределённость...

– К сожалению...

– Ясно одно: мы не можем рисковать Землёй. Но это ещё не все. Мы не знаем, как долго будет нас терпеть у себя Кибела. Примирится ли она с нашим присутствием или же поступит так же, как поступила с титанами?

– Пока она нас терпела.

– Пока! Может быть, и терпела, так как знала, что мы её покинем. Теперь же остаётся одно – вести себя так, чтобы наше присутствие не вызывало у неё недовольства. Но как? Ты можешь на это ответить? Мы и так вызвали её недовольство тем, что рыли котлованы. Не случится ли, что наши действия, вполне естественные, будут восприняты ею совсем иначе? Вот что! – Сергей на секунду задумался и решительно продолжал: – Пещеру немедленно замуровать. Делать нам там больше нечего. Вся информация, которая содержалась в кристаллах, мы успели передать в СС. Теперь она будет её обрабатывать. А что за газ был в пещере, когда мы её вскрыли?

– Наши газоанализаторы не сработали. Газ был слишком сложен по своей природе. Но ты обратил внимание на то, что растительность вокруг пещеры почти полностью погибла. Причём гибель произошла буквально у нас на глазах. Мы, к счастью, были в кислородных масках и на достаточном расстоянии от выхода. Через два дня в пещере не осталось и следов этого газа. У меня подозрение, что сработала какая-то скрытая автоматика, включившаяся при вскрытии пещеры. Её как бы продуло кислородом.

– Это наводит на мысль, не содержит ли автоматика ещё каких-то сюрпризов? К сожалению, мы не нашли искусственный мозг, который, я теперь уверен в этом, существует в пещере и, возможно, вёл за нами наблюдение. Не даст ли он теперь команду пробуждения титанов? Что за этим последует – одному богу известно. Пещера наполнена оружием, большинство из которого нам совершенно непонятно. – Сергей явно колебался.

Продолжая разговаривать, они подошли к временному палаточному лагерю, разбитому в километре от входа в пещеру. Тут же стояли вертолёты, только что разгруженные от новых комплектов аппаратуры. Двое бойцов вынимали из пластикового контейнера «сторожа». Это был сверхчуткий прибор, способный улавливать любые изменения окружающего мира: температуру, содержание газов в воздухе, малейшие шорохи и т. д. Попадая в новую среду, он записывал в свою память её характеристики и реагировал только на их изменения. Одновременно он анализировал причины, определял направление, откуда идёт изменение, и передавал информацию своим хозяевам.

– Рональд! – узнал одного из них Сергей. – Будь добр, проследи, чтобы после помещения «сторожа» в пещеру бункеры были тщательно закрыты. Все посещения пещеры до особого распоряжения отменяются.

– Но там ещё остались три контейнера с кристаллами видеозаписей. СС требует новой информации.

Сергей задумался на минуту, потом решительно приказал:

– Пока ничего не трогать!

– А нам что делать?

– Оставьте троих дежурных следить за «сторожем», остальные могут отправиться в посёлок лапифов. Считайте это краткосрочным отпуском. Подожди! – остановил он парня, который бросился бежать, чтобы сообщить остальным приятную новость. – Подбрось нас с Вальтером в посёлок, а потом вернёшься за остальными. Я очень спешу.

Сергею не терпелось встретиться с сыном. Рождение внука он воспринял так, как и предполагал Владимир. Первым чувством было облегчение, как будто с души сняли постоянно давившую тяжесть. Впервые с того самого часа, когда он «проснулся» в незнакомой комнате института Сверхсложных Систем, он окончательно почувствовал себя человеком, а не «Оборотнем», как его прозвали неогуманисты.

Поглощённый мыслями о внуке, поспешно собирая в большой узел вещи, которые, по его мнению, могли понадобиться молодой матери, – его уже ждали у вертолётов участники экспедиции в долину, – он забыл про Ирину, которая стояла тут же, рядом с ним, и как-то жалобно наблюдала за его сборами.

– А... как же... я? – запинаясь, спросила она, уловив его взгляд.

Вопрос Ирины застал Сергея врасплох. Он беспомощно взглянул на неё и невольно развёл

руками. Это было жестоко. Сергей спохватился, но поздно. Ирина залилась слезами. Сергей тщетно искал подходящие слова. Ему стало до боли жалко эту молодую женщину, которую он привык называть дочкой.

– Успокойся, доченька, – как можно ласковее он стал утешать её. – Что-нибудь придумаем, вот увидишь... – он сам не понимал своих слов. «Что она должна увидеть?» – спросил он себя и покраснел от собственной глупости.

Сквозь всхлипывания и бессвязные слова он уловил имя Приходько и сразу же насторожился. Дело в том, что Приходько пропал без вести. Его искали, но не нашли.

– Что Приходько? Что ты о нем знаешь? – насторожённо спросил он.

Ирина, продолжая всхлипывать, сказала, что за два дня до отлёта Владимира в долину Приходько приставал к ней и предлагал быть её мужем на время отсутствия Владимира. Она решила, что предложение Приходько оскорбило мужа, и он решил поэтому её бросить и специально отправился разыскивать Ореаду.

Зная вспыльчивый характер сына и его решительность, Сергей заподозрил неладное. Он вытащил чистый носовой платок и отёр слезы с лица Ирины.

– Собирайся, полетишь со мной, – неожиданно для самого себя он принял решение, забывая, что не хотел её брать, несмотря на все просьбы. И тут же пожалел снова, так как Ирина опрометью бросилась к себе наверх собирать вещи. Слова Ирины не на шутку встревожили и испугали Сергея. Если его сын виноват... то... – Сергей побоялся даже мысленно произнести чуть было не вырвавшиеся у него слова... ему показалось на мгновение, что он заглянул в чёрную пропасть, на дне которой лежало тело его сына. Видение промелькнуло и исчезло.

Все время полёта до долины Сергей хмурился и молчал, не отвечая на вопросы спутников. Ирина, видя его состояние, притихла в углу на заднем сиденье.

Сергей с нетерпением ждал разговора с сыном и одновременно боялся его. Он знал, что на его вопрос сын скажет правду, какой бы она ни была и какие бы ни влекла за собой последствия для него лично. Знал также и о том, как ему придётся поступить, если его сын действительно окажется виновным. И это угнетало. Сергею не хотелось признаться себе, но сейчас Ирина вызывала у него ненависть. «Проклятая баба! – мысленно обозвал он ту, которую ещё недавно нежно называл „доченькой“. – Кто тебя, стерва, тянул за язык? Молчала бы! Неужели суждено во имя справедливости и правды отправить на заклятие единственного сына? И когда? В тот самый момент, когда тот подарил внука!»

Сергей почувствовал страшную усталость. Усталость от жизни. Вдруг все, что с ним происходило в его долгом существовании: катастрофа на Перуне, концлагерь, трагическая гибель Эолы, страшный путь на гору, когда он шёл, связанный вместе со своими детьми, чтобы быть сброшенным со скалы, приближение к нему, привязанному к стволу дерева, Джонни с горящей паяльной лампой в руках, мучительное пробуждение в реальном мире, наконец, ожидание смертного приговора в здании суда – все это навалилось сразу на плечи, и он впервые ясно почувствовал, что он устал. Он выполнит свои долг... но это будет его последнее действие. «Ольга, – мысленно позвал он свою жену, – поймёшь ли ты меня и простишь ли?»

Под впечатлением нахлынувших событий и напряжённой работы Сергей забыл, что Вальтер был в тот день с Николаем и Владимиром, и вспомнил об этом только сейчас, когда вертолёт уже приземлялся.

– Где Приходько? – глядя в упор в глаза старого друга, спросил он, спрыгнув на землю.

По его тону Вальтер мигом сообразил, что надо говорить правду, и все рассказал, ничего не скрывая. Закончив рассказ, он с изумлением заметил, что вместо гнева Сергей не может скрыть охватившей его радости. Хмурое лицо впервые за все дни посветлело.

– Мы не хотели тебя расстраивать... Потом нам было ясно, что ожидает Приходько, и поэтому, помня совместную борьбу, решили сохранить ему жизнь. Потом... – он заколебался.

– Ну, говори, что «потом»? – спросил Сергей, окончательно успокаиваясь и чувствуя, что покинувшие его были силы постепенно восстанавливаются.

– Все, несомненно, проголосовали бы за расстрел Приходько, но это бы произвело слишком тягостное впечатление. Прошло ведь столько времени. Конечно, он предатель, я не спорю...

– Как он воспринял наказание?

– С достоинством и, я бы сказал, с пониманием.

– Да, это похоже на Приходько. Он была храбрым бойцом, но не удержался... Совершил самое тяжёлое преступление. – Сергей замолчал и долго думал, затем тихо сказал: – Может быть, это и к лучшему. Вы нарушили дисциплину, клятву... но в данной ситуации поступили правильно, сохранив ему жизнь. У него будет время подумать о своём поступке...

– Более чем достаточно, учитывая продолжительность жизни на этой планете.

Не в силах себя сдерживать, Сергей вдруг шагнул к Вальтеру и обнял его. Вальтер так и не понял причину проявленной нежности. Сергей потом часто ловил на себе его удивлённые взгляды.

Только теперь, окончательно успокоившись, Сергей с новой силой ощутил тягу к внуку. Раньше, когда его сыну грозил суд и смертный приговор, он понимал, что не сможет выдержать взгляда ещё бессмысленных глаз младенца, и эти глаза будут его преследовать всю жизнь, если, конечно, он сможет пережить смерть сына. Теперь все было позади, и он, махнув рукой Рональду, чтобы тот немедленно отправлялся назад за остальными, быстро зашагал к посёлку, держа в руках узел с подарками молодой матери.

Найдя дом Ореады по описаниям, данным Вальтером, Сергей поднялся на невысокое крыльцо и открыл дверь. Дом был пуст. Сергей оставил на грубо сколоченном столе узел с подарками и вышел. Постоял немного у дома, не зная, где искать его хозяев. Мимо проходила стройная лапифка. Увидев Сергея, она остановилась и широко открыла глаза от удивления. Действительно, по сравнению с другими землянами Сергей выглядел богатырём. Владимир был приблизительно такого же роста, может быть, чуть-чуть ниже, но по сравнению с отцом казался щуплым мальчиком. Из-за жаркого дня он, выйдя из дома, стащил с себя прилипшую от пота к спине рубашку и теперь, заметив, что женщина с нескрываемым восхищением рассматривает его, застеснялся и быстро надел рубашку снова. Женщина тем временем подошла почти вплотную и так же бесцеремонно продолжала изучать его с ног до головы. Это было слишком, и он рассердился.

– Чего смотришь? – строго спросил он.

– Пойдём ко мне? – просто предложила она, как будто речь шла о чем-то обыденном.

Из рассказов сына о жизни в долине Сергей знал о простоте нравов лапифов, но впервые так вот воочию убедился в их справедливости.

– В другой раз! – отмахнулся он от неё. – Мне надо повидать Владимира. Ты не знаешь, где он?

– А-а! – догадалась женщина. – Ты, наверное, его отец?

Сергей утвердительно кивнул головой и повторил свой вопрос.

– Иди по этой тропке, – она указала на едва заметную среди кустов тропу. – Он на берегу озера. Я только что оттуда. – И добавила: – Я живу в доме напротив. – Она указала рукой на небольшую хижину, крытую, как и все остальные, широкими листьями, похожими на пальмовые, положенными прямо на настил из тонких жердей.

Сергей не ответил и поспешил избавиться от незнакомки. Вскоре он очутился на песчаном пляже, сплошь усеянном обнажёнными женскими телами. Сергей остановился в растерянности.

Повседневная одежда лапифок состояла из короткой туники, под которой они ничего не носили. Во время купания эти туники, естественно, снимались. Немного поодаль он увидел художавую фигуру Николая. Он только что вышел из воды, и его сразу же окружила группа женщин.

Сергей пошёл параллельно берегу. Поодаль на песке лежали двое. Вот один из них поднялся на ноги, и Сергей узнал в нем сына. Подойдя поближе, он с облегчением убедился, что на лежащей на песке женщине имеется узкая набедренная повязка. Заслышав шаги, Владимир обернулся и радостно вскрикнул, узнав отца. Они обнялись.

– Все обошлось, отец!

– Я знаю. Вальтер успел мне рассказать. А это, – он вопросительно взглянул на поднимающуюся с песка женщину, – насколько я понимаю, Ореада?

– Ну, здравствуй! – он протянул руку. – Поздравляю! А где мой внук?

– Спит в тени. Да вон он, – она показала на прибрежные кусты. Только сейчас Сергей

заметил, что там на четырех жердях натянут тент из простыни, под которым на подстилке сладко спал младенец.

– Принимает воздушные ванны, – улыбнулся Владимир.

Сергей подошёл ближе и опустил на колени возле спящего малыша. Тот ровно дышал, на лице время от времени мелькала еле заметная улыбка. Всмотревшись в черты его лица, Сергей вспомнил свой остров. Вот так же через несколько месяцев после рождения Володьки они с Ольгой лежали на морском пляже и так же под тентом из белой простыни, обдуваемый лёгким морским ветерком, лежал их сын.

– Он не простудится? – обеспокоенно спросил он подошедшего Владимира.

– Что ты! Здесь не знают, что такое простуда. Мне кажется, что её вообще нет на этой планете. Во всяком случае, я о ней ничего не слышал. Как тебе понравилась Ореада?

– Что я скажу, Владимир... Красивая женщина... главное, чтобы тебе нравилась. Я вам привёз кое-что для малыша и твоей жены... Оставил в доме.

– Спасибо.

– Как назвали?

– Сергеем.

Сергей опустил глаза. Ему было приятно. Он поднялся с колен и ласково потрепал сына по плечу. Ни слова об Ирине. Сразу же после прилёта в долину Ирина исчезла. Сергея беспокоила их предстоящая встреча. Правда, сейчас ему не хотелось первому начинать разговор об этом, и он ожидал, что Владимир сам начнёт его, но тот молчал.

Они отошли немного от тента и легли на песок чуть поодаль от Ореады.

– Я давно хотел с тобой поговорить, но не решался, – начал Владимир.

– Это твоё личное дело. Как ты решишь, так и поступай, – ответил Сергей, думая, что тот хочет поговорить об Ирине.

– Ты так считаешь? – в голосе Владимира прозвучало облегчение с едва уловимой нотой обиды.

Сергей уловил эту интонацию и удивлённо посмотрел на него. «Почему он думает, что я должен вмешиваться в его семейные отношения?»

– Ну тогда я скажу тебе, отец. Я давно решил остаться здесь и не возвращаться на Землю. Погоди, дай мне все сказать, – остановил он удивлённый возглас Сергея. – Ты же сам говорил, что, забрав жену на Землю, я лишу её молодости и бессмертия. Но не только в этом дело. Что я знаю о Земле? Я не смогу приспособиться к жизни на ней. Всю свою жизнь я провёл с тобой и матерью на острове. Мне непонятна и чужда земная цивилизация. Здесь я чувствую себя как дома. Эта планета напоминает наш остров, к которому я привык... Я буду здесь не один. Со мною останется Вальтер. А может быть, ещё кто-то из наших товарищей...

– Ты уверен в этом? – сказанное Владимиром было для Сергея неожиданностью. В другой ситуации он, возможно, возражал бы и даже возмутился, но теперь... теперь ситуация изменилась, и Сергей с интересом и облегчением воспринял сказанное сыном.

– Насчёт Вальтера? Он сам это говорил.

– А другие?

– Другие? Честно? Не уверен, что многие, но те, которые взяли себе жён, останутся.

– Это хорошо! – отвечая своим собственным мыслям сказал Сергей.

На этот раз в голосе сына прозвучала явная обида:

– Ты рад, что мы расстанемся?

– Нет, сынок! Нет! Мы не расстанемся.

– Так ты, – обрадовался Владимир, – решил тоже остаться?!

– Остаться теперь придётся всем нам. – Сергей рассказал Владимиру то, что он узнал часом раньше от Вальтера.

– Мы не только не вернёмся, но и будем лишены связи с Землёй. Мощность передатчика на «Гее» недостаточна, чтобы послать туда сообщение. И создать здесь мощный энергетический узел мы не можем. Так что Земля для нас навсегда теперь потеряна. Там даже не узнают, что с нами приключилось. Я вот думал, как сообщить эту новость товарищам, но ты меня немного успокоил. Может быть, действительно, они не воспримут моё сообщение как нечто трагическое.

– Вот и я, отец! – услышал он у себя над головой знакомый голос. Рядом стояла Ирина. Она подошла так тихо, что они не услышали её приближения.

– Вот и хорошо, – он покосился на сына. Тот немного покраснел и опустил глаза, – доченька! – добавил Сергей, как обычно.

Ирина хотела что-то сказать ещё, но её прервал взрыв смеха и шум приближающейся к ним толпы. Весть о прибытии Сергея – отца Владимира, облетела весь посёлок, и женщины, сгорая от любопытства, поспешили увидеть его.

– Здесь нам не дадут поговорить, – поднялся на ноги Сергей. – Может быть, пойдём к тебе в дом?

– Там сейчас слишком жарко. Потом, они и там нас не оставят в покое. Ты не представляешь, до чего они надоедливые!

– Мой прадед говаривал, – усмехнулся Сергей, – что если руки женщины не заняты работой, то ей в голову всегда лезут всякие такие мысли.

– Можешь себе представить, что здесь, на этой планете, они у них в голове постоянно. Знаешь что? Давай махнём на тот берег.

Не дожидаясь приближения любопытных дам, они вошли в воду и поплыли. Толпа на берегу издала разочарованный крик, остановилась. Посовещавшись, лапифки растянулись на песке и стали ждать.

– Нас взяли в осаду?

– По-видимому.

– Ничего. Сейчас должен прилететь Рональд с остальными ребятами. Думаю, это их отвлечёт.

Противоположный берег озера, в отличие от южного, весь порос травой. Деревья подходили к самой воде. Испуганная приближением пловцов косуля шмыгнула в чашу леса. Из-под самых ног, шипя и извиваясь, выползла двухметровая змея в коричнево-зелёных разводах.

– Это не ядовитая, – успокоил отца Владимир. – Здесь их нет, только в горах.

– Я знаю, но не могу к ним привыкнуть. Змеи всегда вызывали у меня отвращение, – ответил Сергей, садясь на траву.

Владимир направился к растущему возле самого берега дереву и вернулся, неся в руках два больших, размером с дыню, золотистых плода.

– Попробуй, отец. Такие растут только здесь.

– Что это?

– Лапифы называют их рапами и очень хвалят. Мне и самому нравятся, только очень уж сладкие.

– Так как же у тебя с Ириной? – Сергей надломил плод. Он был сочным, но, как и предупреждал Владимир, чересчур сладким. – Пить не захочется?

– Вода рядом. Ты можешь её спокойно пить. Мы все ею пользуемся. Когда вернёмся на тот берег, скорее всего застанем их вдвоём. Они будут мирно разговаривать.

– И это все?

– Считаю, что все. Здесь на эти вещи смотрят иначе, чем на Земле. Знаешь, если нам заказано вернуться, то ничего не остаётся, как самим стать лапифами... до некоторой степени... конечно, – поспешно добавил он. – Насколько мне известно, в твоей жизни уже был период, когда ты вынужден был принять нравы и обычаи принявшей тебя планеты.

– Ты об этом знаешь? – не смог скрыть удивления Сергей. – Мать?

Владимир кивнул, подтверждая его догадку.

– Там все-таки было иначе. Во всяком случае, уровень культуры и развития был значительно выше. – Сергей вдруг вскочил на ноги и стал яростно отряхивать ноги, по которым ползли рыжие муравьи.

– Ну и выбрал ты место. Рядом с муравейником, – упрекнул он сына, показывая на высившуюся в трех метрах от них двухметровую кучу муравейника. – Смотри, совсем как наши, земные, и такие же кусачие, – пожаловался он, почёсывая ноги.

– Да, планета почти полная копия Земли. Тот же животный мир, что и у нас, только богаче. Кстати, я, кажется, смогу представить доказательство, что у нас в жилах есть капли

крови и лапифов, которых титаны завозили на Землю. Здесь неподалёку в одном племени живёт женщина, которая, как утверждают, побывала на нашей планете и вернулась сюда снова перед самой эпидемией. Она должна быть свидетельницей Троянской войны. Ты представляешь?

– Кстати, о титанах. Я хотел с тобой посоветоваться, что делать дальше. Отойдём только от этого муравейника...

– Я просмотрел часть видеозаписей...

– Ну и...

– Гнусное впечатление.

– Что-то вроде свистунов?

– Нет... хотя, да... Гнусность в богатейшем разнообразии. Это не оголтелый фанатизм, как у свистунов, с примесью расизма, а крайне развитая элитарность с безграничным цинизмом. Пожалуй, цинизм – это главная черта этой цивилизации, в общем-то достигшей, как ты знаешь, высочайшего уровня научно-технического развития. Цинизм здесь даже не прикрывается, как обычно в таких случаях бывает, высокой идеей. Отсюда можно сделать вывод, что элита достигла абсолютного могущества, при котором идея становится ненужной. Они были настолько уверены в своей силе, что не считали нужным морочить массам головы высокими принципами и сказками о прекрасном будущем. Они достигли этого будущего и создали элитарное общество, необратимое в своём развитии.

– Нечто вроде того, что было описано в «Тупике»?

– Не совсем. Там была создана элита политическая. То общество неизбежно деградировало в научно-техническом отношении. А здесь элита научно-техническая. Понимаешь, не интеллектуалов, а технической интеллигенции, хотя слово «интеллигенция» сюда явно не подходит. Скорее, это инженерная элита, элита повелителей техники, с явным пренебрежением к гуманитариям. В перспективе такая тирания опаснее, чем тирания политическая. Последняя захватывает власть обычно «воровским методом», путём обмана, и постоянно вынуждена скрывать свой обман, прикрываясь громкими лозунгами, обещаниями, потому что политическая тирания не имеет реальной силы, и как только обман раскрывается, эта тирания уничтожается возмущённым населением. Здесь же власть захватывается не обманом, а реальной силой, и эта сила постоянно увеличивается, поэтому тирания не нуждается в обмане населения и цинично заявляет ему: «Власть моя держится на силе, и если я поступаю так, а не иначе, то руководствуюсь при этом исключительно своим желанием и не намерена давать отчёт в своих поступках кому бы то ни было». Вседозволенность становится нормой поведения. Сплошная роботизация делает человеческий труд ненужным. Огромная армия безработных, существующая за счёт подачек со стола элиты, толпы слуг, жизнь и достоинство каждого из которых зависит от каприза и настроения господина, – вот и все социальное устройство этого общества.

– При первом посещении пещеры меня насторожило обилие оружия, причём оружия, явно превосходящего то, которым мы располагаем. Надо снова замуровать пещеру.

– Боюсь, что закрытие пещеры несёт такую же опасность, как и оставление её открытой. Мы не знаем, как отреагировал электронный мозг пещеры на наше посещение. То, что он зарегистрировал наше присутствие в ней, не вызывает сомнения. Я думаю, – высказал предположение Владимир, – что и попытка вывести электронный мозг из строя ничего не даст. Он скорее всего надёжно защищён. Кроме того, если бы это даже удалось, то приведёт к выходу из строя термоядерной электростанции. Кто знает, какой заряд она в себе содержит? Может быть, такой, что при взрыве разнесёт планету на куски.

И вот ещё что. Вряд ли мозг даст команду разбудить спящих. Это было бы равносильно их убийству. Но на таком уровне развития существует автономно действующее оружие с искусственным интеллектом. Не пустит ли его в ход мозг, если придёт к выводу, что наши действия враждебны или хотя бы недружественны?

– Это вполне возможно. Ты прав. Надо исключить малейшую возможность такого исхода.

Сергей нажал браслет радиопередатчика, с которым он никогда не расставался, и вызвал дежурного.

– «Сторожа» уже собрали?

– Только что закончили введение программы и запускаем в пещеру.

– Отставить! Повторяю, бункера закрыть и никому больше туда не входить!

– Есть! Будет исполнено! – услышался ответ.

– Я тебя понял, – одобрил действия отца Владимир. – Мозг несомненно разгадает назначение «сторожа» и воспримет это как шпионаж, а следовательно, недружеское действие.

Их разговор прервал плеск воды, к ним кто-то плыл классическим кролем, опустив голову в воду и равномерно взмахивая полусогнутыми руками.

– Это наш пятиборец, – определил Сергей.

Действительно, скоро на берег вылез Николай.

– Что? Не выдержал? – с лёгкой насмешкой в голосе приветствовал его Владимир.

– Такого, как говорил мой знакомый из Одессы, ни один грузчик не выдержит.

– А как там Рональд с ребятами? – спросил, сдерживая улыбку, Сергей.

– Пока держатся! Там вас Ореада зовёт обедать.

– Сейчас. Мы ещё не закончили важный разговор.

– А о чем речь?

Владимир вкратце пересказал ему.

Николай только присвистнул.

– Вот то-то и оно!

– И что же мы будем делать?

– Вот сейчас думаем об этом. Если бы знать, что вложили титаны в программу мозга. Я имею в виду основные моменты, учитывающие создавшуюся тогда ситуацию.

– Судя по тому, – предположил Николай, – что мы уже знаем, эпидемия среди титанов на Кибеле произошла незадолго до катастрофы на Уране. Следовательно, титаны, лежащие сейчас в анабиозных ваннах, ничего о ней не знали и надеялись, что к ним придёт помощь.

– Логично, – одобрил его Сергей.

– Как должны развиваться события дальше? – подхватил мысль Николая Владимир. – На Кибелу должен высадиться десант с Урана. Так как более чем вероятно, что на Уран пошло сообщение об эпидемии, они высадились бы только тогда, когда имели бы в своём распоряжении средство против вируса. Оставшиеся в живых на Кибеле сообщили своим соплеменникам, что ложатся в анабиозные ванны и ждут помощи. Отсюда можно сделать заключение, что электронный мозг пещеры может разбудить спящих только после получения условного сигнала-пароля. Сам же он самостоятельно сделать этого не может. Теперь проследим наши действия и возможную реакцию мозга. То, что просматривались видеозаписи, мозг может принять как вполне естественное действие спасательного отряда, который ищет информацию об эпидемии, необходимую для создания средств против вируса. К остальному мы не прикасались. Уверен, что в случае агрессивных действий со стороны посетителей пещеры, предположительно – олимпийцев, с которыми титаны находились в непримиримой вражде, электронный мозг получил приказ взорвать термоядерную электростанцию. То, что нам теперь известно о нравах этой цивилизации, не исключает такого варианта. Из этого следует, что нам пока ничего не угрожает.

– За исключением того, что мы будем жить на термоядерной бомбе, не зная, когда ей вздумается взорваться, – мрачно возразил Николай.

– Я смотрю, ты так спокойно отнёсся к перспективе остаться вечно на этой планете? – удивился Сергей.

– А что же делать? Рвать на себе волосы? Кроме того, если копнуть глубже, то во всем виноват я. Я ведь затеял вскрытие этой пещеры...

– Но я разрешил, поэтому основная вина падает на меня.

– Давайте не выяснять, кто больше виноват, – предложил Владимир. – Поплыли назад. Вон, – указал он на противоположный берег, – Ореада зовёт обедать.

КИБЕЛА

Через три дня все находящиеся в долине люди покинули её и переселились в лагерь землян. Пещеру замуровали наглухо, оставив неподалёку от её входа «сторожа».

Владимир со своей семьёй переселился в построенный для него дом. Сергей, если у него

появлялась свободная минута, заходил к ним и все время проводил с внуком. Однако этих минут у него становилось все меньше и меньше. Он целыми днями не отходил от пульта связи с СС, ведя непрерывный диалог с нею. О чем он беседовал с СС, никому пока не было известно. Сергей отмалчивался, на вопросы отвечал неопределённо.

Известие о том, что придётся остаться на Кибеле, восприняли в общем спокойно. Как и предрекал Приходько, мало кого привлекала перспектива стать музейными экспонатами, то есть сидеть в президиумах торжественных заседаний и встреч с «интересными людьми», делать доклады в молодёжных организациях, выступать в школах – в общем, жалкая участь вышедшей в тираж знаменитости.

После некоторых колебаний Сергей решил вернуть Приходько. Для этого был послан вертолёт в том же составе экипажа. Вертолёт кружил три дня над предполагаемым местом нахождения Приходько, неизменно возвращаясь на ночлег на ту поляну, где он был оставлен в тот злополучный день. На третий вечер появился Приходько. Он был в оборванной одежде, но по виду своему вполне доволен, хотя и сердит.

– Ну, чего шум поднимаете? – вместо приветствия накинулся он на них. – Распугали мне все товарищество.

Николай объяснил ему сложившуюся ситуацию. Приходько довольно хмыкнул.

– О то-то ж. Е правда... – он чуть не сказал «на Земле», но поперхнулся. – Шо я тоби говорил, хлопчику? – повернулся он к Владимиру. – Выходит, я прав?

– Ну ладно, Приходько, – остановил его Николай. – Садись в вертолёт и поехали домой.

– Ха! Домой? Знаете щё? А катитесь вы под тры чорты. Мени и здесь добре. И выматывайте отсюда побыстрее, бо вся моя компания разбежится из-за вас. – Сказав это, он повернулся и пошёл по тропинке в чащу леса. Спустя минуту раздался его пронзительный свист, и где-то вдалеке прозвучал ответный. Друзья переглянулись и, не говоря ни слова, сели в вертолёт.

Всю дорогу они молчали, и, только подлетая к лагерю, Николай, как бы отвечая на собственные мысли, коротко бросил: – Обиделся!

– Может быть, а может быть, и нет, – ответил ему Вальтер. На этом разговор закончился.

Население посёлка между тем росло. Решив остаться, земляне обзаводились жёнами. Женщин становилось все больше. Откуда они появлялись, Владимир не знал, да и не интересовался. Тут каждый «работал на себя». Строились семейные дома, появились дети. Демократичная, но в сущности строгая дисциплина бывших бойцов отряда постепенно стала расшатываться. Общественные работы теперь велись спустя рукава. Собственно, нужды в них больше не было. Все чаще и чаще берега озера покрывались на целый день обнажёнными, нежащимися на солнце телами. Сергей это видел, но не реагировал. Он по-прежнему целыми днями пропадал на пункте связи с СС, приходя только на обед. Обедал он обычно в семье Владимира, оставаясь единственным теперь холостым среди своих друзей и бывших соратников.

Однажды рано утром, как обычно направляясь на работу, он услышал, что кто-то зовёт его по имени. Он обернулся, но никого не обнаружил. Солнце только что взошло, и посёлок спал. На площади, где он находился, не было ни души. Он пожал плечами, думая, что ему померещилось, но голос прозвучал настойчивее. Тут только он понял, что этот голос звучит внутри него. Уже догадываясь, в чем дело, он пошёл на голос, который вёл его из посёлка. Голос продолжал звать дальше. Вскоре он вошёл в рощу амброзии и остановился поражённый.

На возвышении из причудливо изогнутых корней, образующих нечто, подобное трону, сидела величественная женщина необыкновенной красоты. Это была такая красота, которая притягивает и одновременно пугает своим совершенством. На ней было переливающееся отблесками зеленое платье, украшенные жемчугом и драгоценными камнями сандалии, скреплённые ремнями, обвивающими стройные голени. У ног её лежали два огромных тигра и смотрели на остолбеневшего от неожиданности человека немигающими, с узким разрезом зрачков глазами. Один из них лениво поднялся на ноги и, подойдя к Сергею, спокойно обнюхал его. Круглая, с прижатыми ушами голова зверя доходила Сергею до груди. Удовлетворённый осмотром, тигр лёг на своё место и зевнул, обнажая, громадные клыки.

Сергей легко справился с волнением. Ему, пережившему встречу с грозной Уранией,

такое внешнее оформление даже понравилось. Он смело взглянул в глаза женщины и вздрогнул, увидев в них то самое Ничто, которое темнело иногда у Ольги. Это длилось мгновение. Глаза женщины приняли обычное, даже приветливое выражение. Они были такого же изумрудного цвета, как и у Ирины.

Женщина молчала, рассматривая Сергея. Молчал и Сергей, ожидая, что же последует дальше. Молчание затянулось. Наконец она сделала едва уловимый нетерпеливый жест, и он услышал её глубокий голос, от которого по спине поползли мурашки.

– Что молчишь? – на чистом русском языке, без малейшего акцента, спросила она и добавила с усмешкой: – Сергей Владимирович? – Она произнесла его полное имя слегка растягивая слова.

– Жду, что ты мне скажешь, Кибела, – спокойно ответил Сергей.

– Подойди поближе.

– Убери, пожалуйста, своих кошек, – в тон ей попросил Сергей. – Я не переношу кошачьего запаха.

На лице Кибелы промелькнула улыбка.

– Брысь! – коротко приказала она тиграм. Те мгновенно вскочили и, вытянув хвосты, опрометью бросились в чащу.

Сергей подошёл ближе и, не найдя, на что присесть, сел на небольшой бугорок.

– Так ты узнал меня? – полувопросительно спросила Кибела.

– Это нетрудно. Знание языка, величественность вида, да ещё эти котята у ног...

– Тебе нравится мой вид?

– Очень. Но я же понимаю, что это только условный образ. Я знаю твою истинную природу, но благодарю тебя, что ты сочла возможным явиться ко мне в таком прекрасном облике.

– Что ж, очень хорошо, что ты все знаешь, – Кибела слегка улыбнулась. – Но это не облик. Это живая девушка. Она спит. Когда я покину её, она проснётся и ничего не будет помнить. Ты можешь взять её себе, если мы с тобой договоримся... Считай, что это аванс в знак нашей будущей дружбы.

– Вот как! Я слушаю тебя, Кибела. Позволь заверить, что я сделаю все, что в моих возможностях, чтобы быть тебе полезным. Я хотел и ждал взаимопонимания.

– Мне все известно о тебе и твоих соплеменниках. Все! – подчеркнула она. – И ваши слабости, и ваши достоинства.

– Мы не таились от тебя, как только поняли, кто ты.

– Я это оценила, и поэтому мы здесь разговариваем.

Сергей промолчал, ожидая.

– Я знаю, – продолжала Кибела, – что вы не сможете вернуться на Землю, и позволю вам остаться. Но вы должны помочь мне. Титаны оставили здесь громадный ядерный заряд. Они окружили его сверхпрочной стеной, сквозь которую мне невозможно пробиться. Даже если бы я могла проникнуть туда, мне было бы только хуже. Этот заряд может взорваться в любое время и разнести планету на куски. Это очень большой заряд, – повторила она. – Я, которая никогда и ничего не боялась, живу уже тысячелетия в постоянном страхе. Титаны отомстили мне. И только вы, люди, способны помочь. Ты понял меня?

– Отлично понял, прекрасная Кибела. Я уже думал об этом. Нам как ты понимаешь, необходима информация, чтобы найти решение. Не так-то просто обезвредить заряд. На пути стоит электронный мозг. Если он разгадает наш план, то взрыв произойдёт немедленно. Любая информация важна, так как неизвестно пока, какую роль она сыграет.

– Спрашивай! Я охотно отвечу.

– Титаны знали твою природу? Ты с ними говорила, вот так, как со мной?

– Это так важно? – нахмурила брови Кибела.

– Очень!

– Ну ладно, я скажу тебе, хотя одно воспоминание об этом приводит меня в ярость. Да, они знали, и я вот так же, как к тебе, явилась к ним. Они посмеялись надо мной и даже хотели захватить в плен. Не меня, конечно, но образ, который я приняла, не останавливаясь перед тем, что наносят мне смертельное оскорбление.

– Что послужило поводом для встречи?

– Я хотела предупредить, чтобы они не занимались добычей руды, не строили своих вонючих заводов.

– Понятно! Эпидемия случилась после этого разговора?

– Да! Я покарала их!

– Это очень важно, Кибела. Теперь я знаю, для чего они поместили в гору такой мощный заряд, значительно превышающий энергетические потребности пещеры. Теперь я знаю, что в программу Мозга входят команды взрыва в случае гибели заключённых в саркофаги титанов или же, напротив, спасения их и отлёта с планеты. Второе маловероятно, так как они надеялись покорить тебя.

– Это никогда не случится! – гневно воскликнула Кибела.

– Да, никогда, – согласился Сергей, – но ещё потому, что к ним никто не придёт на помощь.

– Почему ты так думаешь?

– Знаю. Уран погиб, и вместе с ним погибли титаны и олимпийцы. Этого племени больше не существует.

– Я рада этому известию.

– погоди радоваться. Анабиоз не может продолжаться вечно. Удивительно, что они ещё живы. В любой момент они могут погибнуть, и тогда...

– Тогда поторопись!

– Я и так тороплюсь. Ты знаешь, что я не выхожу из здания связи. Все время мы с СС проигрываем различные варианты обезвреживания заряда, но пока ещё нет существенных сдвигов. Считай, что цель у нас одна и мы с тобой союзники. Мне нужно только больше информации.

– Все, что тебе нужно, ты получишь немедленно. А пока прими от меня обещанный подарок. Эта девушка только час назад вышла из дерева и никому ещё не принадлежала. У неё очень красивое имя – Леда. Люби её.

– Постой! – остановил её Сергей, не в силах скрыть смущения. – Может быть, тебе она ещё раз понадобится.

– Зачем? – удивилась Кибела.

– Ну, чтобы встретиться со мной, например.

Кибела рассмеялась.

– Поверь, для этого у меня найдётся немало других, не менее прекрасных образов. Не забывай, кто я. Ведь я могу создать такое... Нет тайны живого, которую бы я не постигла. Ведь недаром же лапифы называют меня Великая Мать.

– Но ты их не особенно милуешь, Великая Мать, – воспользовался случаем Сергей.

– Как так?

– Напускаешь на них кентавров.

– Ты же прекрасно знаешь причину этого, и сам говорил о ней. Не будем об этом, – строго прервала она его попытку. – Мир этот равновесен, и равновесие нельзя нарушать.

– Пойми, Кибела, – рискуя навлечь на себя гнев, не сдавался Сергей. – Мне претит насилие и кровь. Что, если я предложу тебе другой способ поддержания равновесия?

Кибела минуты две–три молчала, на её лице промелькнула гамма сложных чувств. Здесь было и сочувствие, и насмешка, сомнение и решимость. Сергей невольно залюбовался её лицом – неповторимым сочетанием ума, женского обаяния и красоты. Это не было лицо каменной богини, холодной в своём величии и могуществе. Нет, это было лицо Женщины, и имя Великой Матери, данное лапифами, более всего ей подходило в краткий момент её раздумий. Сергей вдруг почувствовал себя ничтожным и маленьким перед воплощением, как он ясно теперь понял, Великого Женского Начала, лежащего в основе всего Мироздания. Почти физическое ощущение, что он находится сейчас на пороге великой тайны бытия, и отчаяние от того, что ему, его слабому разуму не дано возможности проникнуть в неё, что он так и останется с мучительным воспоминанием об этой встрече с нераскрытой тайной, бросило его в дрожь. Его внезапно осенила мысль, что все, что он знает, и не только это, но весь путь, пройденный человечеством от каменного топора до могучих космических кораблей, что все завоевания

человеческой цивилизации, её поиски, открытия и ошибки – только малая ничтожная часть Великого Общего, и это Общее является достоянием и собственностью этой сидящей напротив него женщины. Страстное, необузданное желание припасть к ногам этого божества, с восторгом отдать за него жизнь, сгореть в пламени атомного реактора и возродиться вновь, чтобы вновь и вновь служить ей, испытывая восторг мучения и самопожертвования... Это длилось какое-то мгновение. Сергей снова овладел собой и уже спокойно посмотрел в лицо Кибеле. Та поняла его состояние и удовлетворённо улыбнулась. Непонятно, что ей доставило больше удовлетворения – его восторг самоотречения или то, что он смог подавить его в себе, дал возобладать воле над чувствами.

– Ты ещё молод, Сергей, – прозвучал мягкий и глубокий голос Кибелы. – Не спеши. Придёт время, когда вы, люди, достигнете зрелости ума и сами откроете Тайну. Это будет не скоро. Пройдут тысячелетия. Вы будете часто болеть, но выживете. Вы не состаритесь, как титаны.

– Титаны?

– Да, это была дряхлая цивилизация. Ты удивлён? Но ведь ты сам заметил это и обратил внимание на главный признак дряхлости.

– Признак?

– Да, – цинизм. Цинизм начинается тогда, когда старость опережает зрелость. Это признак старческого слабоумия цивилизации, как, впрочем, и человека в отдельности. И, как следствие, – переоценка своих возможностей, непонимание реальности и нежелание её понять. В молодости тоже не понимаешь реальности, но есть страстное желание познать её. Познай и ты реальность этого мира и не подходи к нему со своей меркой. Я видела, что ты хочешь понять её. Но чтобы понять, надо принять её такой, какая она есть. Не спеши исправлять её, даже если она покажется тебе несовершенной. Ведь что такое реальность? Это равновесие в создавшихся условиях. Изменяются условия – изменится реальность.

– А если реальность расширится?

– Это приведёт к изменению условий. Но в лучшую или в худшую сторону – в каждом конкретном случае по-разному. Если создаётся новое множество различных реальностей, то оно должно быть совместимо или же распадётся. Так и ты, войдя в мою реальность, должен быть совместимым с нею, иначе будешь ею отвергнут. Ты должен принять мои законы. Пойми, что добро не всегда добро, а зло не всегда зло. Есть явление, и его проявления должны рассматриваться на разных уровнях, чтобы дать ему окончательную оценку.

– Опасная теория, в том смысле, что при помощи неё можно оправдать любое зло.

– А разве огонь не опасен? Он и греет, и сжигает. Так и здесь, все зависит от того, насколько развит ум. Ведь истина в руках дурака может принести величайшее зло. Мало владеть истиной, надо уметь с ней обращаться. И помнить надо постоянно, что ни одна истина не может дать безграничного блага. Такого не бывает! Истина находится по ту сторону добра и зла. Добро и зло делают те, кто владеет истиной. Я видела по выражению твоего лица, что ты нетерпелив, что хочешь знать Тайну Бытия. Но преждевременное владение истиной опасно как для того, кто ею владеет, так и для тех, кто рядом с ним. Попробуй, дай бластер дикому фавну и спокойно наблюдай за ним. Ведь в голову тебе такое не приходит! Так наберись терпения. Ты будешь долго жить, не старясь, не дряхлея. Наслаждайся жизнью. Тебе я подарю три дара драгоценных, тебе и тем, кто будет здесь с тобой. Бессмертие, которое даю я всем живущим на планете людям, второй дар – молодость, а третий дар тебе – неистоимые желания. Сравни все это с тем, что ты оставил на Земле. Неужели этого тебе мало?

– Вся наша жизнь полна противоречий. Прекрасная Кибела, дар твой несомненно щедр. Казалось бы, к чему ещё стремиться? Коль вечно кровь горячая струится по жилам, и в душе огонь желаний никогда не гаснет? Что надобно для счастья ещё? Но ты права, что нет добра без зла.

– Так в чем же зло?

– В уколе совести. Не говорила бы ты здесь со мной, коль не был я воспитанник Земли. Того народа, о котором ты сказала, что ему не угрожает дряхлость. Народа, ищущего Правду. Ведь так, скажи?

– Ну, так!

– Так чувство долга у меня перед народом, что породил меня и сделал тем, кто есть я, не будет угасать.

– Забудешь ты его. Коль хочешь – помогу.

– Но нужен буду ль я тебе, коль совесть потеряю?

Кибела ничего не ответила, только с нескрываемым интересом посмотрела на Сергея.

– Мы вернёмся к этому вопросу, – сказала она минуту спустя. – Я обязательно с тобой встречусь, и не однажды. Но вначале ты должен принять мои условия.

– Я их уже принял, Кибела! И принял их не только потому, чтобы остаться здесь, но в силу убеждений и совести своей. Тебя я полюбил за это время, что находился тут. Твоё величие и красоту неповторимую, что ты создала здесь и что есть ты сама.

– Я тебя тоже полюбила, – призналась Кибела. – Ты первый, кто действительно проникся ко мне любовью. Лапифы любят меня, но боятся и раболепствуют, титаны хотели покорить и изнасиловать. Ты же, человек с Земли, понимаешь меня и не боишься, любишь, но не хочешь насилия. Однако мне пора. Бери свой дар и уходи!

– Подожди, – взмолился Сергей, – я не могу взять женщину, которая меня не знает и не любит!

– Почему ты решил, – впервые за все время разговора рассмеялась Кибела, – что она тебя не знает и не любит? Она тебя знает, как ты не знаешь сам себя, и любит так, как не любила тебя ни одна женщина Земли. Потом, – она загадочно улыбнулась, – ты сам понял, что женское начало – всему основа и мужчина лишь служит женскому желанию. Так что служи, чтоб я была довольна службой, как служит мне все то, что дышит и живёт. И помни, голова растёт от тела и лишь дурная голова стыдится тела и того, что нужно телу. Бывают, правда, исключения. Но это все издержки. Нормально ум и красота должны быть вместе, неразрывно, в достигнутой гармонии Природы. Прощай теперь... до встречи новой.

– погоди! – попытался остановить он её, но Кибела ничего не ответила. Её глаза были закрыты. Она спала. Сергей от изумления и растерянности застыл на месте, боясь пошевелиться. Так они сидели тихо минуты три. Наконец женщина открыла свои изумрудного цвета глаза и, увидев Сергея, улыбнулась, протягивая ему руку. Сергей взял её и почувствовал тепло мягкой ладони.

Они отошли от поляны, где состоялся разговор с Кибелой, уже шагов на сорок, как вдруг страшная мысль поразила его, и он остановился как вкопанный.

«Кибела!» – мысленно позвал он. В ответ глухое молчание. Он познал ещё – и тот же результат. Отчаяние охватило его.

– Кибела! – заорал он неожиданно для самого себя во всю глотку. – Отзовись! Иначе мы погибли!

Глаза его спутницы внезапно как бы остекленели, и она уставилась на Сергея невидимым взором. Потом в них появилось осмысленное выражение. Она строго взглянула ему в лицо и нахмурилась.

– Почему ты кричишь? Что произошло?

– Это ты, Кибела? – с сомнением, запинаясь, спросил Сергей.

– Я! Ты не ответил мне. – Лицо её было рассерженным.

– Не сердись. Случилось страшное. Но, может быть, я успел. Выслушай меня внимательно и действуй сразу, как только поймёшь, что я хочу. В той долине, где находится пещера, немедленно заблокируй от своей памяти всю свою корневую систему, а если это нельзя сделать, то уничтожь её.

– Зачем?

– Ты не знаешь, но мы проникли в твою память, снимая сигналы с корневой системы. погоди, не сердись, послушай дальше. Только благодаря этому мы поняли, с кем имеем дело, и смогли стать, надеюсь, тебе друзьями. Да постой же! – вскричал досадливо Сергей, видя, что лицо Кибелы пылает гневом. – Послушай, что скажу тебе дальше. Если мы до этого додумались, то наверняка додумались и титаны, и наш разговор может быть подслушан электронным мозгом, если не уже, то через некоторое время он будет знать обо всем. И о нашем союзе. Тогда он предпримет крайние меры...

Морщины на лбу Кибелы-Леды расправились, и она кивнула головой, что поняла Сергея.

– Я могу и то, и другое. Может быть, надёжнее уничтожить, как ты сказал, всю корневую систему.

– Если блок ненадёжен, то да. Но если ты можешь гарантировать, что информация о нашем разговоре и наших планах не будет циркулировать в третьем её слое, откуда можно снять сигналы, то лучше блок. Во-первых, гибель этого слоя может насторожить мозг, и он предпримет разведку другими средствами, а во-вторых, надо подумать, как ввести в него ложную, полезную для нас информацию.

– Я все сделаю. Хотя не уверена, что мы не опоздали. – Она на минуту замолчала, затем продолжила: – Теперь ты можешь говорить смело. Блок уже стоит.

– Так быстро?

– Что здесь такого? Теперь все?

– За исключением одного, вернее, двух. Мне нужно постоянно иметь связь с тобой. Не орать же мне снова, чтобы ты меня услышала?

– Через неё, – Кибела для ясности положила руку на грудь, но Сергей решительно замотал головой.

– Только не через неё... понимаешь...

– Понимаю, – улыбнулась Кибела и на мгновение задумалась. – Если не срочно, то скажи Оксане.

– А если срочно? В любое время может понадобится увидеться и поговорить. И не только в любое время, но и в любом месте. Я заранее не знаю, когда и где нам будет нужно встретиться.

– Ну что же, тогда мне придётся не выпускать тебя из вида. Любому дереву скажи, что видеть меня хочешь срочно, любой травинке, зверю или птице. Тебе я прикажу служить всему, что дышит на планете. Как видишь, я щедра, но безудержна в гневе. Смотри, не измени!..

– Прекрасная Кибела!

– Молчи, не возражай. Послушай лучше дальше. Коль ты меня избавишь от уродства и подлости титанов ненавистных, согласна буду я то сделать, о чем мечтаешь ты. Признаюсь, что мысли подслушала тайком я. И замысел мне твой сначала был смешон, потом великим показался. Не будем больше говорить об этом, но помни, что сказала я тебе. Теперь прощай! Люби свою супругу – мой дар и помни уговор.

Утром следующего дня все то, что произошло накануне, Сергею показалось бы сном, если бы не Леда. Леда была не сном. Кибела сказала правду. Леда знала его лучше, чем он знал себя, и любила так, как не любила его ни одна из познанных им женщин. Может быть, догадка родилась самостоятельно в его мозгу, а может быть, это была подсказка Кибелы, но Сергей понял её. Развившийся до невообразимых вершин интеллекта, растительный разум не мог оставаться в бездеятельности и избрал населявший планету мир для гигантского эксперимента, поставив во главу его жившего на планете человека. Сергей подозревал, что посредством рождения через дерево Кибела совершенствовала генетику человека, доведя её до кристаллической, если так можно выразиться, чистоты, совершенствуя его формы, создавая поистине гениальные произведения искусства. Отвергнув техническую цивилизацию, развитие которой несло бы гибель самому растительному разуму, Кибела стала на путь совершенствования генетического строения человека и некоторых других видов, населяющих планету. Язык не поворачивался у него назвать это развитие генетической цивилизацией из-за абсурдности такого понятия, но почему бы нет... С известными допущениями и оговорками, это была цивилизация, если понимать под термином – развитие, не учитывая социальность. «Не является ли Кибела недостающим звеном в построении Космического разума? – спросил он себя. – Единение в одну могучую систему разума Человека, разума Урании и разума Кибелы... Единение техники и природы. Не в этом ли высшая цель и счастье? Покорение пространства, времени, познание высших тайн математики и чистые ручьи, шумящие леса, полные дичи, неоскорбленный лик природы. Разве в принципе невозможно такое сочетание? И разве не может в одном и том же человеке сочетаться глубокий ум, прекрасное тело, жажда любви и чувственных наслаждений? А что в этом зазорного? – Сергей бросил взгляд на ещё не проснувшуюся после бурно проведённой ночи Леду. – Что здесь зазорного? – повторил он свой вопрос. – Какой-то моральный урод, скорее всего в силу своей собственной недееспособности,

назвал этот величайший дар живого грязным и зазорным. – Сергей поморщился от охватившего его отвращения. – Тысячелетия, – подумал он, – над людьми тяготела мораль, созданная физическими уродами, кривоногими вырожденками с куриной грудью и рахитичными лбами. Что руководило ими? Поиск духовного совершенства? Ложь! Зависть, только зависть и злоба к тем, кого природа наградила щедро своими дарами».

СХВАТКА

Через две недели после первой встречи, а вернее, второй, так как Кибела уже являлась Сергею в образе Оксаны, состоялась третья встреча. До этого космический катер доставил на «Гею» несколько человек, которые демонтировали большой квантовый магнитометр, следивший за исправностью работы электронного мозга корабля. Магнитометр улавливал малейшие изменения магнитного поля электронного мозга, обрабатывал информацию и посылал её снова в контрольный центр. По этой информации электронный мозг судил об исправности своей системы и вносил, если надо, коррективы. Фактически квантовый магнитометр являлся необходимым звеном обратной связи и самоконтролирования работы сложнейшей электронной кристаллической системы. Теперь квантовый магнитометр должен был сослужить иную службу. Такие магнитометры, правда, значительно проще и примитивнее, стали широко применяться ещё в последнем десятилетии далёкого XX века в целях научно-технического шпионажа. Достаточно было поместить его по соседству со зданием, где работал компьютер, как спустя некоторое время хозяева магнитометра имели полную информацию о программах, введённых в вычислительную машину, о тех задачах, которые она решала, и готовые решения. Для защиты информации вокруг компьютеров создавались особые экраны, но Сергей надеялся, что титаны не стали создавать такой защиты. В этом не было нужды. Ведь не от лапифов же защищать информацию?

«Гея», вращаясь по стационарной орбите вокруг планеты, не нуждалась пока в работе электронного мозга. Поэтому после снятия с корабля квантового магнитометра корабельный электронный мозг был временно законсервирован, то есть перешёл в минимальный режим работы, или, как принято было говорить, «заснул».

Квантовый магнитометр хотели установить в непосредственной близости от пещеры. В задачу его входило обнаружить местонахождение электронного мозга и по возможности расшифровать его программу.

Все было готово к тому, чтобы начать эксперимент, однако Сергея не покидало чувство, что он что-то недоработал. После долгих размышлений он, наконец, понял причину своего беспокойства. Его правилом было никогда не считать своего врага глупее себя. И на этот раз это правило оправдалось.

«Что, если электронный мозг пещеры снабжён собственным чувствительным магнитометром? Он несомненно уловит усиленное магнитное поле, создаваемое нашим магнитометром. Что за этим последует? Вот это надо выяснить».

Два дня ушло на изготовление имитатора магнитного поля. Его поставили возле пещеры и включили. Наблюдатели расположились километрах в трех от пещеры и в бинокль наблюдали за развитием события. Имитатор работал уже полчаса. Вдруг бункер, который соединял выход пещеры с наружным миром, вспыхнул ослепительной вспышкой и рассыпался. Из пещеры бесшумно выплыла продолговатая чёрная сигара. Она зависла в воздухе. Последовала новая вспышка, и имитатор постигла участь бункера. Сигара повисела ещё немного в воздухе, затем медленно вплыла в пещеру.

– Сейчас Мозг примется за расшифровку сигналов имитатора, – предположил Сергей, отрывая глаза от бинокля и обращаясь к лежащему рядом Владимиру. – Это займёт у него много времени, так как сигналы имитатора не содержат информации.

– Что за этим последует?

– Если он аналогичен СС, то поймёт, в чем дело. Если нет, то будет возиться с этой задачей, пока не сработает блок стирания памяти. Я как раз на это рассчитываю.

– Почему ты думаешь, что он отличается от СС?

– Судя по тому, как использовались кристаллы СС титанами и олимпийцами, все работы,

связанные с их применением, были строго засекречены. Такие кристаллы вряд ли применялись в вычислительных системах кораблей титанов. Кроме того, от момента создания кристаллов СС до катастрофы на Уране прошло сравнительно небольшое время. Учитывая, что один только полет с Урана сюда занимает лет сорок, думаю, что титаны ещё не успели завезти сюда СС. Но посмотрим. Мне кажется, что здесь, в пещере, стоит все-таки примитивный мозг с жёсткими программами. Если за этим ничего не последует, то дня через три поставим новый имитатор.

– Какой смысл? Мозг его снова уничтожит.

– Пусть! Если это тот Мозг, о котором я думаю, то решение таких задач для него подобно шоку. У него должен быть защитный предохранительный блок. Через два–три таких повторения Мозг будет воспринимать импульсы имитатора как помеху, и блок даст команду больше не обращать на них внимания. Вот после этого мы и запустим в работу настоящий магнитометр, но сделаем это с предосторожностью. Магнитометр мы замаскируем, а имитатор поставим на виду, но снабдим его оптической системой, наведённой на выход из пещеры. Как только там появится предмет, имитатор выключит магнитометр, а сам заработает на полную мощность.

– Все ясно!

– Тем более, что для того, чтобы обнаружить место расположения Мозга, достаточно две-три минуты работы магнитометра, а может, и меньше.

Два дня прошли в томительном ожидании и наблюдении за выходом из пещеры. К концу второго дня Сергей вздохнул с облегчением и впервые за все время нормально поел.

– Это не СС! Теперь мы поиграем на нервах этого арифмометра.

Ещё один имитатор был уничтожен. Затем пещера перестала реагировать.

Перед тем как установить магнитометр, Сергей вызвал Кибелу. Для этого ему пришлось покинуть долину, так как корневая система её растительности была отключена от памяти Великой Матери.

– Ты с каждой новой встречей становишься все прекраснее, милая Кибела! – не мог удержаться от комплимента Сергей, когда та предстала перед ним в новом образе.

– Тебе нравится? – дружески улыбнулась Кибела.

– Очень, но твоя красота несколько мешает серьёзному разговору, отвлекает, и в голову лезут совсем не те мысли.

– Хорошо! – она чисто по-женски надула губы и пожала плечами. – В следующий раз явлюсь к тебе в образе Пифона.

– Ради бога, только не Пифона. Уж лучше так, как сейчас. Кстати, я приношу от имени всех нас извинение за убийство пары Пифонов, которых ты, по-видимому, очень ценишь, и выражаю крайнее сожаление о случившемся.

– Не будем говорить о пустяках. Перейдём к делу.

Сергей стал ей рассказывать о том, что им предпринято.

– Первое, что мне надо знать, – это местонахождение Мозга.

– Я могла бы это сделать, но почва вокруг пещеры отравлена, мало кто может приспособиться к ней. Чувствительное к магнитному полю растение надо вырастить специально. На это уйдёт время.

– Вот как? – удивился Сергей. – Принцип магнитометра тебе известен?

– А ты думал, как я получаю информацию о вас?

– Да, конечно. Но я не об этом. Мы обойдёмся своей аппаратурой. Мне вот что необходимо. Надо побудить Мозг к воспоминаниям. У тебя записана в памяти информация о тех титанах, что лежат в пещере? Желательно, последнее время их пребывания перед тем, как они погрузились в анабиозные ванны. Их жизнь в долине и так далее.

– Естественно!

– Тогда дай команду тому блоку памяти, что имеет информацию об этом, чтобы она была введена в корневую систему растений долины и постоянно проигрывалась в ней. Я рассчитываю, что поступление этой информации в Мозг вызовет известные ассоциации. Среди них может быть что-то о введённых в него программах.

Кибела наклонила голову в знак того, что поняла задачу.

– Теперь вот ещё. Среди твоего растительного мира есть такие экземпляры, которые

могли бы улавливать радиацию и как-то сравнительно отмечать её изменения? Желательно, чтобы это была быстро растущая корневая система.

– Это возможно. Но для чего тебе такие растения?

– Как только станет известно расположение реактора, надо проникнуть как можно ближе к нему и зарегистрировать интенсивность его работы. Но он находится глубоко под землёй.

– Я знаю, где он находится.

– Вот как?! Тогда надо проникнуть к его стенкам. Они сделаны из того же материала, что и стены пещеры, но пропускают часть тепла и радиации. Этого будет достаточно. И, наконец, третье. Реактор охлаждается водой. Скорее всего, это какой-то мощный подземный источник.

– Я знаю его, но вынуждена заботиться о том, чтобы он не иссякал, так как поняла, что перегрев реактора приведёт к взрыву.

– Здесь надо рискнуть!

– Не понимаю?

– В реакторе предусмотрена аварийная система, которая может погасить его, если создадутся условия взрыва. Я хочу, чтобы Мозг сам выдал эту команду. Находящиеся в анабиозных ваннах титаны не могли не предусмотреть аварийную ситуацию вследствие, например, снижения степени охлаждения. Им совсем не улыбалась перспектива преждевременно взорваться вместе с реактором. Поэтому я уверен, что, обнаружив начало перегрева, Мозг даст команду временно погасить реактор до выяснения причин. У него есть аккумуляторы, он сможет перейти на питание от них на время ремонта. Так что надо рискнуть. Иначе я не вижу выхода. Вряд ли мы получим информацию о командах отключения реактора. Мозг их может сам не знать и среагирует только на вторичный сигнал, который будет выдан неизвестным нам устройством в ответ на команду выключения реактора. Это своего рода двойная страховка и применялась у нас давно, когда стали использовать магнитометры для подслушивания работы компьютеров.

– А если Мозг примет прекращение водоснабжения за начало враждебных действий?

– Чтобы он не пришёл к такому выводу, я и несколько моих друзей будем в это время в пещере. Мозгу не «придёт в голову», что мы хотим сами себя взорвать. Напротив, наше нахождение в момент перегрева реактора в пещере убедит его если не в дружеских чувствах с нашей стороны, то во всяком случае в отсутствии враждебности.

Кибела надолго задумалась. Её красивое, благородное лицо как будто окаменело, длинные бархатные ресницы прикрыли глаза и чуть-чуть дрожали. Эта дрожь выдавала мучительную работу мысли грозной богини. Глядя на её прекрасное неподвижное лицо, Сергей снова почувствовал волнение, похожее на то, какое он испытал во время их прошлой встречи. Но теперь к этим чувствам присоединилась глубокая нежность. Он забыл, кто находится перед ним. Он видел лишь женщину, которой угрожает смертельная опасность. Он не думал о том, что погибнет вместе с ней и даже раньше, в нем заговорил извечный инстинкт мужчины, который готов заслонить своей грудью слабое, как ему вдруг представилось, прекрасное существо, принять на себя удар и ценой собственной жизни спасти её. Может быть этот извечный инстинкт заставлял его далёкого предка, вооружённого каменным топором, вступать в бой с могучим саблезубым тигром, заслоняя телом свою коротконогую, одетую в косматую шкуру подругу. Инстинкт – не разум, он не говорит, а повелевает отдать жизнь ради более ценного – будущего, того будущего, которое зреет в теле женщины и никогда не погибнет, если мужчины сохранят в себе способность жертвовать собой ради этого будущего.

Кибела уловила его чувства и поняла их. Она открыла глаза и с удивлением и благодарностью взглянула на него большими синими, как безоблачное южное небо, глазами.

– Спасибо, Сергей... Риск велик, но я уже больше не могу жить в этой страшной неопределённости. Надо рискнуть! Я согласна.

– Это крайний вариант. У нас есть ещё время все хорошо обдумать. Я бы хотел свести риск к минимуму.

Кибела на мгновение задумалась. По её лицу пробежала тень сомнения.

– Ты что-то хотела предложить? – спросил Сергей, видя её колебания.

– Я подумала, что можно было бы...

– Что? Говори. Сейчас важна любая мысль.

– Я дам тебе споры... Это начало начал. Когда-то такие споры попали из космоса на эту планету. Ты помести эти споры на свой корабль, и пусть его отведут подальше, чтобы в случае взрыва он не пострадал. Кто останется жить, пусть бережёт их и, если представится случай высеять их на какой-нибудь планете, пусть это сделает. Тогда я снова смогу возродиться и создать такой же мир. Твои товарищи смогут вернуться на Землю. У меня есть средство против вируса.

– Кибела! Не говори так, словно ты прощаешься с жизнью и составляешь завещание. Мы ещё поборемся!

– Я верю тебе, Сергей, но ко всему надо быть готовыми.

В посёлке начали готовиться к эвакуации. Единственный космический катер почти месяц вывозил людей с Кибелы на «Гею». На планете остались шестеро: Сергей, Владимир, Николай, Вальтер, Ирина и Леда. Ореаду с ребёнком, несмотря на её протесты, отправили в первую очередь. Что касается Ирины и Леды, то ни уговоры, ни приказы не помогли. Когда решили посадить их в катер насильно, они просто исчезли из посёлка и явились туда, когда эвакуация закончилась. «Гея» ушла с орбиты Кибелы на орбиту жёлтого спутника. Если все закончится благополучно, СС подаст сигнал и корабль вернётся назад.

Оставшись одни, Сергей и его товарищи приступили к осуществлению задуманного. Предположения Сергея, что электронный Мозг перестанет обращать внимание на работу имитатора, оправдались. На всякий случай работа магнитометра чередовалась с работой имитатора. Сигналы магнитометра передавались для расшифровки в СС, и вскоре Сергей знал месторасположение Мозга и ядерного реактора.

Можно было приступить ко второму этапу плана. Он заключался в том, что, если Мозг в ответ на начавшийся перегрев реактора остановит его, Сергей, воспользовавшись этим, взорвёт Мозг и пещеру. Перед началом операции Сергей войдёт в пещеру и займётся, как он делал это раньше, просмотром видеофильмов. Остальные будут находиться наготове снаружи. Если Кибела подаст сигнал, что интенсивность излучения падает, значит, Мозг начал гасить реактор. Если нет, то Кибела восстановит исходное поступление воды в охлаждающую систему. В первом же случае они будут ждать остановки реактора. Как только реактор погаснет, они втроем должны будут быстро вкатить в пещеру тележку со взрывчаткой. Им останется ровно три минуты, чтобы покинуть пещеру. Заряд наметили установить напротив стены, через которую проходили коммуникации, связывающие Мозг с реактором. Чтобы Мозг не успел среагировать на появление тележки с зарядом и не дать команду на включение реактора, Сергей решил загрузить его новой информацией, которую тот не мог бы оставить без внимания. Информация вошла бы в него через корневую систему долины и содержала в себе сведения о высадке на планете спасательной команды с Урана.

Все было предусмотрено, однако Сергей не мог избавиться от мысли, что он что-то упустил в своих расчётах и предположениях. Причём это «что-то» было главным.

Конечно, риск есть риск. Мозг после выключения реактора переходил на питание от аккумуляторов. Заподозрив неладное, он может успеть подать команду на включение реактора, и тогда... тогда последует взрыв, который уже нельзя будет ничем предотвратить, так как связь Мозга с реактором будет нарушена. Место расположения аккумуляторных батарей было известно, как и расположение кабелей, связывающих Мозг с реактором. Однако не было уверенности в том, что не существует ещё одна, а может быть, и две резервные аккумуляторные батареи где-то в глубине. Сергей несколько раз проигрывал с СС намечаемую акцию и каждый раз убеждался, что ему не хватает каких-то секунд. Эти секунды могут быть роковыми. Мозг успеет включить реактор.

«Что же делать? – спрашивал он себя. – Оставить все как есть?» Это был не лучший вариант. Расчёты, проведённые СС, явно говорили о том, что в этом случае взрыв неизбежен. Он только отдалается на неопределённое время. Сколько? Год? Два? Сто лет? Тысяча? Месяц? – СС не могла ответить на эти вопросы. «Надо ещё раз все обдумать. Должно быть другое решение... Надо снова поставить себя на место титанов, понять их, войти в их образ... образ врага... Образ врага», – повторил он и начал набирать программу вызова СС, но, не закончив, отключил компьютер и встал из-за пульта связи. «Пожалуй, СС этого не решит». Он вышел из здания и направился по дороге, ведущей в рощу амброзии.

СХВАТКА (продолжение)

Гневу и возмущению Кибелы, казалось, не было предела.

– Ты... ты... – она задыхалась от ярости, – ты смеешь мне предлагать такое?!

Глаза её метали молнии, которые могли бы запугать кого угодно, но не Сергея, пережившего встречу с Уранией. Здесь он рисковал только собой, гнев же Урании мог обрушиться на Землю, что было страшнее. Поэтому он спокойно возразил рассерженной владычице этого мира:

– Пойми, Кибела, другого выхода нет! Это единственный разумный выход. Ты должна согласиться.

– Никогда!

Внезапно Сергей почувствовал, что теряет сознание. Все поплыло перед глазами, потом наступила тьма. Когда он очнулся, прекрасная богиня исчезла, а над ним высилась оскаленная громадными клыками голова Пифона. Как ни странно, вместо ужаса он почувствовал досаду и усталость. «Приём не нов. Как легко женщина может превратиться в чудовище, если затронуты её главные интересы, и она настолько могущественна, что может стать действительно чудовищем. Женщина прекрасна в своей слабости, но как только вместо слабости приходит сила и мощь, она перестаёт быть женщиной и превращается в зверя. Вероятно, Пифон – ещё не предел...»

– Сейчас не время для таких аттракционов, Кибела, – устало произнёс он, присаживаясь на выступающее из почвы корневище дерева. Он вынул из кармана чистый носовой платок и отёр лоб от проступившего пота. Затем аккуратно сложил его, убрал в карман и взглянул снизу вверх на раскачивающуюся на высоте трехэтажного дома голову змеи. – Нет времени. Надо срочно принимать решение. Взрыв может произойти и через тысячу лет, и через тысячу минут. Ты это понимаешь, так зачем же... – он чуть было не сказал «дешёвые трюки», но воздержался, щадя самолюбие Кибелы, – столь милые превращения. В другой раз я с удовольствием посмотрю на них, а сейчас надо заняться делом. Лучше подчинить эмоции разуму. Поэтому, если хочешь продолжить разговор, прими свой прежний облик. Он тебе более к лицу и, я надеюсь, больше отвечает внутреннему содержанию. Съесть меня ты всегда успеешь, но сначала надо решить, что делать с титанами.

Обратное превращение произошло мгновенно. Змея исчезла. Кибела выглядела теперь несколько растерянной и обиженной, как всякая женщина, которую уличили в глупости.

– Ты разве ничего не боишься? – недоверчиво спросила она и покраснела от сознания неуместности своего вопроса.

– Почему нет? Боюсь! – честно признался Сергей и, не удержавшись, добавил: – Больше всего боюсь глупцов. Давай договоримся на будущее. Я прекрасно знаю, с кем имею дело. Не думай, что я забываю, когда вижу тебя в столь прекрасном облике, что ты можешь мгновенно превратиться в громадного мохнатого паука, лягушку или змею. Меня это не испугало и даже не удивило.

– Ты сказал, не удивило... Как это понять? Разве ваши женщины могут превращаться в змей? – сделала удивлённые глаза Кибела.

– В переносном смысле – да! Но вернёмся к делу. Если у тебя есть альтернатива моему предложению, то давай её обсудим. Если нет, то принимаем мой план или оставляем все на волю случая.

– Но они потребуют гарантий!

– Тебе придётся их дать!

– Разве недостаточно моего слова?

Сергей сожалеюще развёл руками.

– Но почему?

– Тебе надо бы явиться им в образе мужчины. Кто же верит слову женщины?.. – он рассмеялся. – Извини за шутку, но если говорить серьёзно, то там, где идёт речь о жизни и смерти, слова недостаточно. Нужны более весомые гарантии.

– Но я же тебе верю!

– Это другое дело. Можно верить слову друга, но слово врага, даже бывшего, имеет малый вес. Бывший враг может обмануть и потом представить свой обман как военную хитрость.

По-видимому, он попал в самую точку, так как Кибела вздрогнула и слегка покраснела. Сергей понял, что в её планы входила возможность такого обмана. «Могущество, – подумал Сергей, – не только развращает нравственно, но и притупляет ум. Всесилие одиноко, оно замкнуто само на себе... Ни соперников, ни друзей...»

– Хорошо! Я согласна! – после некоторого молчания решила Кибела. – Я сразу же приступаю к своей части плана и буду держать тебя в известности о его выполнении.

– Ты все помнишь?

Кибела внезапно рассмеялась.

– Вот ты и попался! Забыл, кто я, и говоришь со мной, как с женщиной!

– Действительно! Но ты должна понять и меня. Когда я вижу столь прекрасный облик, милая Кибела, то это вполне естественно. Скажу больше. Хотел бы навсегда забыть, кто ты, и видеть тебя такой и только такой, – он полушутливо, но в то же время почтительно поклонился Кибеле и, набравшись смелости, осторожно взял за кончики пальцев её руку и припал к ней губами. Кибела позволила ему это сделать. Рука её была мягкой и тёплой.

– Ты можешь забыть! – тихо сказала она.

На следующее утро он получил извещение Кибелы, что может приступить ко второй части нового плана.

Облачившись в скафандр, Сергей вошёл в пещеру. От поставленных у входа бункеров остались только обломки. Осторожно, чтобы не разорвать ткань лёгкого скафандра, он протиснулся боком между острыми концами искорёженной конструкции и вошёл внутрь.

Владимир и Николай, вооружённые бластерами, остались снаружи, замаскировавшись в кустах.

Войдя в зал, где в анабиозных камерах лежали титаны, он отсчитал десятую камеру справа от входа, нашёл красный шланг, приставил к нему дозатор и нажал кнопку. Через минуту жидкость в камере приобрела слегка флюоресцирующую зеленую окраску. Теперь оставалось ждать два часа. Он заметил время и, выйдя из пещеры, присоединился к своим спутникам.

Через два часа он снова облачился в скафандр и вернулся в анабиозный зал. Крышка десятой камеры была сдвинута. Около неё стоял, слегка пошатываясь, человек, одетый в блестящий комбинезон. Сергей поднял руку в знак приветствия и миролюбия. Титан сделал шаг навстречу, пошатнулся от слабости и упал бы, если бы Сергей не поспешил ему на помощь. Он подхватил его под руку и знаком пригласил выйти из пещеры. Титан нерешительно взглянул на остальные камеры, но Сергей сделал успокаивающий жест и повторил приглашение. Поддерживая его, он вывел уранида наружу. Тот что-то говорил ему. В наушниках Сергей слышал непонятную речь, отличающуюся ритмичностью, с правильно чередующимися ударами. Казалось, что человек говорит речитативом.

Выйдя из пещеры, он посадил титана на небольшой пригорок и снял шлем скафандра.

– Как вы себя чувствуете? Можете говорить со мною? – спросил Сергей титана на языке Дука. Тот вздрогнул, но тотчас же сообразил и ответил:

– Спасибо. Могу. Кто вы?

– Вам придётся набраться терпения. Если вы ещё слабы, то мы можем отложить разговор, – Сергей взглянул на хронометр, – на... час. Не больше. У нас останется в запасе ещё три часа. За это время вы должны либо принять мои условия, либо лечь назад в анабиозную ванну.

– Тогда не будем терять времени. Я слушаю вас. Насколько я вас понял, вы не с Урана?

– Урана больше не существует. Но разрешите, я начну по порядку.

Титан утвердительно кивнул головой, и Сергей, не торопясь, кратко, но не упуская главного, стал рассказывать. Титан внимательно слушал, не перебивая и не задавая вопросов. Постепенно его лицо, вначале белое как мел, стало приобретать нормальный оттенок. Это был высокий, по-видимому, не ниже Сергея, мужчина с правильными чертами лица и тёмными

волосами. Ослабленные во время длительного анабиоза мышцы с трудом удерживали корпус в сидячем положении, и к середине рассказа Сергея он не выдержал и прилёг на траву.

Когда Сергей кончил говорить, он приподнялся и снова сел, но видно было, что это движение далось ему с большим трудом.

– Итак, я все сказал. Вам – принимать решение. – Сергей взглянул на хронометр. Его рассказ занял полтора часа.

– Подождите немного. Дайте прийти в себя. Согласитесь, что вот так, проснувшись после долгих тысячелетий, узнать, что твоя планета и твоя раса погибли, несколько ошеломляюще. Так вы говорите, что на Уране теперь гигантская кристаллическая разумная система?

– Да. С высочайшим интеллектам.

– У нас многие ещё тогда, при моей жизни, предупреждали, что дальнейшее развитие интеллектуальных систем к добру не приведёт.

– Дело не в этом. Виновато ваше социальное устройство. Но не будем отвлекаться.

– Выходит, что моя раса погибла, и мы, я и мои товарищи, единственные оставшиеся в живых её представители.

– Кто знает? Может быть, во мне и в моих товарищах сохранились капли крови вашего народа. Ведь вы посещали мою планету. Теперь нам это точно известно. А раньше... В общем, у нас сохранились предания, вернее, мифы, которые начинались словами: «Когда Уран познал Гею, то родилось племя титанов».

– Если мы придём к соглашению, я когда-нибудь вам расскажу об этом счастливом времени, – впервые на лице титана появилась слабая улыбка. – Как я понял, – продолжал он, – вы ввели мне ингибитор вируса, действие которого скоро прекратится. Я должен дать команду мозгу потушить реактор и уничтожить оружие, хранящееся в пещере. После этого вы даёте мне и моим товарищам средство против вируса. Так?

Сергей согласно кивнул.

– Затем, – продолжал титан, – мы должны будем дать команду мозгу покончить с собой и помочь вам разгрузить реактор?

– Да, это главное условие.

– Вы нам не доверяете?

– Судите сами. Я познакомился в ваших видеозаписях, и они не особенно располагают к чувству доверия.

– Понимаю, – титан чуть насмешливо покосился на Сергея. – Наша нравственность сильно отличается от вашей.

– Дело не в нравственности, не в понятиях о ней. Они, естественно, могут отличаться. Дело в том, что ваш народ слишком склонён к насилию. Вот это меня и смущает, и заставляет быть осторожным.

– Скажите, – внезапно переменял тему разговора титан, – вы поддерживаете связь с этой... как вы её назвали... Уранией?

– Она выходила на связь со мной в первые дни после нашего прибытия сюда. Сам я связаться с ней не могу, но для неё это, очевидно, не проблема.

– Если вам не трудно, – извиняющимся голосом попросил титан, – достаньте мне вон тот плод, который висит на дереве сзади вас. Я вдруг почувствовал страшный голод.

«Он согласится, – обрадовался Сергей, подавая ему плод. – Иначе не стал бы есть перед обратным погружением в анабиоз».

Титан откусил маленький кусочек и положил плод на колени.

– Сразу нельзя много, – как бы извиняясь, произнёс он. – Итак, вы по понятным причинам не доверяете нам. Но скажите, как мы можем доверять вам? И не столько вам, сколько Кибеле? Это она уложила нас в анабиозные ванны. Хорошо, что мы успели сообразить, что к чему. Короче, нам тоже необходимы гарантии.

– Слушаю вас.

– Мы уничтожим оружие и погасим реактор, но не будем его разгружать. Затем мы «усыпим» мозг, но оставим бодрствовать его сторожевой центр, который с известной периодичностью будет получать от нас сигналы. Если в условленное время он не получит такого сигнала, то он разбудит мозг, а тот включит реактор. Таким образом, если Кибела нас

уничтожит, тем самым она подпишет и себе смертный приговор.

– Это вряд ли приемлемо для Кибелы. Я уже не говорю о том, что она будет вечно находиться в состоянии эмоционального напряжения. Хотя это немаловажно. Дело вот ещё в чем: зная ваш, простите меня на слове, задиристый характер, нельзя гарантировать, что вы не ввяжетесь в драку хотя бы с теми же кентаврами или лапифами. О вас здесь сохранились не самые лестные воспоминания. В драке вы можете погибнуть. Понимаете, что Кибела не может согласиться с такой зависимостью?

Сергей внимательно посмотрел в глаза титану. Тот спокойно выдержал взгляд и сокрушённо развёл руками. Как показалось Сергею, в этом жесте была доля насмешки.

– Понимаю, но ничего другого предложить не могу. Наша безопасность и безопасность Кибелы должны быть связаны и взаимно гарантированы. Откровенно, я не вижу другого выхода. Допустим, мы не придём сейчас к соглашению, и я снова погружусь в анабиоз. Что ж! Находясь в анабиозе, мы сохраняем жизнь, ибо, как вы, наверное, уже знаете, наша смерть является сигналом к взрыву реактора. Рано или поздно вам придётся нас разбудить и принять наши условия. Это будет только отсрочка. Хочу предупредить вас, что повреждение мозга не выход. Сразу же включится автономная система управления реактором. Не получая обусловленного сигнала, эта система взорвёт реактор. Перед тем как усыпить мозг, мы дадим сигнал отключения этой автономной системы. Без её отключения реактор нельзя гасить. Видите, я с вами откровенен. Вам понятна причина моей откровенности? Я просто боюсь, что вы попытаетесь повредить мозг. Если вы это сделаете, последует взрыв. Он не в ваших и не в наших интересах.

– Как ваше имя? – спросил Сергей, называя своё.

– Идас.

– Вы не посещали Землю, я имею в виду Гею? Ваше имя напоминает мне один из дошедших до нас мифов.

– Вот как? Весьма польщён! – в глазах Идаса мелькнула уже знакомая насмешка. По-видимому, этот титан не был лишён чувства юмора. – Был, конечно. Интересно, что же обо мне сохранилось в памяти на вашей планете?

– Я не помню подробностей, но что-то связанное с драками.

– Да! Мы здорово поцапались тогда с олимпийцами. Кстати, если бы вам пришлось иметь с ними дело, то они обязательно попытались бы вас надуть. Мы, титаны, хотя и упрямые, но держим слово.

– Вот ваше упрямство меня и тревожит. Я боюсь, что, выйдя на волю, вы начнёте здесь безобразничать, а это неизбежно приведёт к конфликту.

– Например, похищать лапифок?

– Ну, это нас меньше всего волнует. Кибела вряд ли будет обращать внимание на такую мелочь. Важно другое: чтобы вы здесь не вздумали развивать техническую деятельность. Это главное условие. Кибела этого не потерпит. Вы, надеюсь, уже поняли, что, роя котлованы и, вообще, вторгаясь в тело планеты, вы вторгаетесь в мозг Кибелы, причиняя ей страдания?

Идас надолго задумался, потом медленно покачал головой.

– Это исключается! То, что вы предлагаете, несовместимо с принципами и целями нашей цивилизации. Вы хотите обречь нас на животное существование, превратить в нечто похожее на лапифов – этот бездумный скот Великой, как они говорят, Матери Кибелы. Жалкий конец для титанов. Нас осталось мало, но мы ещё можем восстановить нашу цивилизацию. Поймите, это наш долг. Если бы вы могли представить себе, каких вершин разума и технического могущества достигли наши народы, вы бы не предлагали нам такого унижительного исхода. Весь космос лежал у наших ног! Мы повелевали космосом! Сотни тысяч лет наши корабли бороздили пространство, открывая планету за планетой, где ещё только зарождалась разумная жизнь.

– И несли рабство народам этих планет, – перебил его Сергей.

– Мы несли знания! Кстати, тем, что вы сейчас здесь, вы обязаны и нам. Когда мы впервые посетили Гею, на ней бродили жалкие толпы собирателей кореньев. Мы дали вам огонь, научили основам металлургии, то есть дали толчок вашему развитию.

– Чем бы все это завершилось, не случись с вашей планетой катастрофы? Я видел ваши

видеофильмы, и у меня сложилось определённое представление о будущей судьбе покорённых вами народов. Вернее, об отсутствии всякого будущего, даже если бы коренное население планеты не было вами уничтожено физически. Скорее всего вы бы подвергли его селекции.

– А что в этом плохого? Мы бы сократили вам путь развития.

– И лишили свободы выбора? Нет, Идас, вы несли в космос самое страшное.

– Как это? Не понял.

– Единообразие! Допустим, вы опередили другие народы космоса в развитии, но почему вы так уверены, что ваш путь является единственным... оптимальным?

– Хотя бы потому, что мы шли впереди всех цивилизаций Вселенной.

– И чем кончили? Вы подошли к созданию искусственного сверхразума, но не смогли найти с ним общий язык. Почему? Вы не задумывались над этим? Хотя, простите меня, у вас не было времени...

– Но мы все-таки создали его! Вам до него ещё идти и идти!

– Ошибаетесь! Он уже есть и на Земле. Но, в отличие от вас, мы нашли с ним общий язык, и не только с ним, но и с вашей системой, которая погубила вас самих. Следовательно, ваш путь развития не является оптимальным, он приводит в тупик. Вы же хотите восстановить вашу цивилизацию во всем её объёме, что неизбежно бы привело к повторению и к тому же концу.

– Если вы берете на себя смелость осуждать нашу цивилизацию, которая на тысячи лет опередила вашу, то скажите, в чем же наша ошибка?

– Я же вам сказал: единообразие, причём воинствующее, агрессивное единообразие, нетерпимость ко всему, что не соответствует вашим понятиям о путях развития. Неспособность понять других, нетерпимость, непримиримость, фанатизм. Вам мало? Вам казалось, что вы обогащаете космос, но вы обедняли его. Поставив во главе всего техническое могущество, вы начали отставать, а потом пошли вспять в духовном и гуманитарном развитии. Начав свой путь с идей, вы кончили цинизмом, состарились, как сказала Кибела, не достигнув зрелости. Ваша гибель закономерна.

– Интересно, в чем же это вы видите зрелость? – Идас насмешливо прищурил глаза.

– В способности к взаимопониманию.

– Это с кем же нам надо добиться взаимопонимания? С голыми лапифами или грязными кентаврами? А может быть, с этими корешками, которые возомнили себя разумом? Я не понимаю вас. Вы, представитель высокоразвитой цивилизации, становитесь на сторону какой-то мыслящей плесени, против другой, родственной вам цивилизации... Я отказываюсь понимать вас.

– Вот в этом и вся беда... Знаете, одно время у нас на Земле, простите, на Гее, раздавались призывы уничтожать негров, потому что они чёрные, евреев – за то, что они евреи, богатых – за то, что богаты, а бедных, потому что они бедные, и вообще, уничтожать всех, кто не похож, не такой, а иной. Мы вовремя спохватились, иначе давно бы закончили свой путь. Мы признали право каждого на свободу мышления, действия, развития. Единственное, что мы запретили, – это насилие, потому что насилие ведёт к однообразию и неизбежной деградации. Каждый имеет право распоряжаться в своём доме. Кибела здесь дома, и она диктует законы. Это высокоорганизованный разум, уникальный в нашем космосе, и скажу вам откровенно, поэтому имеет особую ценность, так как способствует росту разнообразия. Поймите и то, что дальнейшее развитие разума невозможно без объединения частных при сохранении индивидуальности и возможности их совершенствования.

Сейчас настало время, когда речь идёт о создании Вселенского Разума, где каждая система вносит свой вклад в Общее. Мы сделали то, что не удалось вам. Мы нашли общий язык с той системой, которую создали вы, но не смогли понять её. Вы сотворили монстра, а мы вложили в него душу, и все потому, что сумели понять его. Вы же понимаете только себя и в этом ваша трагедия.

– Что же вы предлагаете?

– Присоединяйтесь к нам. Мы будем уважать ваши обычаи, ваши стремления, если они не несут насилия другим. Вы можете раствориться в нас, и мы станем одним народом. Можете сохранить свою обособленность – мы не будем вам мешать. Мы здесь, на Кибеле, временные гости и скоро вернёмся в мир технической цивилизации, но здесь мы будем уважать и

подчиняться законам хозяев. Если вам не понравится на Земле, – в космосе немало ещё планет, которые примут вас. Короче, живите сами, но не вредите другим. Да вам и не позволят этого делать. Идите с миром, и мир вас примет. Но навсегда забудьте о мечте господства над другими. Время уже не то. Честно говоря, я хочу сохранить вам жизнь, так как вы тоже являетесь носителями разнообразия – этой главной ценности космоса. Вы достигли многого, не спорю. У вас есть и появятся новые идеи. Но помните, что нет ничего более отвратительного, чем навязывание своих идей другим силой.

– Вы что-то говорили о Вселенском Разуме?

– Говорил, но у нас уже осталось мало времени. Действие ингибитора скоро закончится.

– Но я должен подумать, осмыслить все услышанное здесь.

– Хорошо! Я введу вам вторую порцию ингибитора. Его хватит на этот раз на семь дней.

Но предварительно вы должны уничтожить оружие. Собственно, оно вам и не нужно.

Идас немного подумал. Он явно колебался. Потом ещё раз бросив испытующий взгляд на Сергея, поднялся и пошёл к пещере.

ПОБЕДА

Прошло два года. Срок ссылки кончился, и люди готовились к возвращению на Землю. Однако лишь третья часть бывшего экипажа решила вернуться на родную планету. Остальные оставались на Кибеле. Это те, кто успел обзавестись семьями и родить детей. Вместе с решившими вернуться на Землю улетали и титаны. Несмотря на достигнутое соглашение, они не полностью доверяли Кибеле и предпочли жить в технически развитой цивилизации.

За два года произошло несколько знаменательных событий. Первое – это установление связи с Землёй. Однажды вечером, находясь в здании связи с СС, Сергей увидел на экране внезапно возникшее изображение Ольги. Это было так неожиданно, что он закрыл глаза и чуть было не свалился со стула. Ольга смотрела на него широко раскрытыми серыми глазами и как-то печально улыбалась. Сергей, в свою очередь, не мог произнести ни слова. В первое мгновение он совершенно выпустил из виду, забыл её истинное качество. Перед ним была женщина, с которой связаны воспоминания о пережитом, обо всем, что их связывало и не только на «острове», но и в той далёкой жизни, ещё до полёта на Счастливую.

– Ну как ты? – её голос звучал мягко, а глаза говорили, что этот вопрос задан просто так, чтобы начать разговор, и все то, что произошло с Сергеем на этой планете, ей хорошо известно. Сергей это сразу понял, понял и то, что каждый его шаг здесь, на Кибеле, контролировался, и почувствовал лёгкую досаду, смешанную с обидой. Снова его использовали как «подопытного кролика».

– Ты же знаешь!

Ольга кивнула.

– Знаю! – И, улыбнувшись, добавила: – Я горжусь тобой, Сергей! – Она протянула руку, как бы испытывая желание дотронуться до него. – Знаю и то, что ты собираешься на Землю. Урания и я просим тебя остаться на Кибеле. – Она помолчала и, видя, что Сергей не отвечает, добавила: – ...и принять участие в осуществлении твоего проекта.

– Моего?

– Конечно, твоего, Серёжа... Ведь это ты подсказал Урании идею создания Вселенского Разума...

– Ты мне не сказала, чем закончился мой визит на Уран. Она меня выставила. Ты знаешь?

– Ничего она тебя не выставила. Впрочем, об этом потом. Проект уже начал осуществляться. За это время установлен контакт со всеми созревшими для него гуманоидными цивилизациями.

– Передача информации об СС?

– Видишь, ты сам догадался! Да, именно так. Кибела имеет возможность быстрой передачи информации в реальном масштабе времени на расстояния тысяч световых лет. Пока с тобой связь идёт через её систему. Но вскоре мы сможем говорить непосредственно и даже больше.

– Что, на Земле?

– Земля неузнаваемо изменилась. Сейчас здесь живёт сорок миллиардов. Причём непосредственно в биологической фазе жизни – полтора миллиарда.

– Следовательно, остальные?

– Да! Остальные получили бессмертие в СС.

– Тебе это не мешает?

– Нисколько. Во-первых, мой объём увеличен во много раз. Для этого использована Луна. А во-вторых, интеллектуальная мощность от присутствия в СС людей только выигрывает. Ты можешь себе представить, какой поток идей буквально ежесекундно поступает в мои объёмы памяти и аналитические блоки?

– Приблизительно догадываюсь.

– Вряд ли! Скажу тебе, что скорость интеллектуального развития человечества по сравнению с твоим временем увеличилась на два порядка. То есть человечество в один год проходит путь, равный в прошлом столетию.

– Жаль, что я этого не увижу.

– Увидишь!

– Каким образом? Ведь я должен остаться здесь? Кстати, я догадываюсь о роли, которая мне предназначена, но хотел бы услышать более конкретно.

– Всему своё время. Пока скажу тебе, что в наши планы входит привлечение Кибелы к проекту и ты должен быть посредником.

– То есть сращение в единую систему разума гуманоидов, систем СС и растительного разума Кибелы?

– Да! Именно так. Кибела – это недостающее звено в системе Вселенского Разума.

Сергей задумался, потом пытливо посмотрел Ольге в глаза.

– Скажи, Ольга, именно для этого я здесь? Перед отлётом сюда Урания говорила, что меня ждут неожиданности и испытания... Я их выдержал? Испытания...

– Выдержал. Они заключались в том, чтобы суметь найти взаимопонимание. Урания хотела знать, насколько человечество готово к взаимопониманию, и поэтому допустила твой контакт с Кибелой – столь необычной для человека системой. Мне кажется, что она в зависимости от этого ставила вопрос о дальнейших контактах с человечеством. Если бы ты не выдержал испытания, то вполне возможно, что наши контакты с Уранией прекратились бы. Она мне об этом прямо не говорила, но я догадывалась. Причём она хотела, чтобы ты решил эту задачу без моей помощи и подсказки, поэтому препятствовала мне установить связь с тобой. Когда же она открыла мне доступ к Счастливой, я поняла, что испытание закончилось успешно. Последним пробным камнем был вопрос о твоей способности найти общий язык, не поступаясь одновременно принципами, с оставшимися в живых титанами. Если бы ты все-таки решился их уничтожить, это было бы провалом. Урания посчитала бы, что человечество не готово к объединению в Общий Разум.

– Труднее всего было убедить Кибелу сохранить остаткам уранидов жизнь.

– Естественно. Это также входило в испытание: насколько человечество способно не только понять другой разум, но и убедить его в отказе от насилия. Однако время! Прощай, до скорой встречи! И вот ещё что – жди гостей.

Изображение Ольги исчезло. Экран погас.

Через десять месяцев после этой встречи дежурные на «Гее» сообщили, что на орбите Кибелы появился громадный космический корабль, в несколько раз превышающий по своим размерам «Гею». Вскоре после этого сообщения на экране связи появилось изображение человека, лицо которого вызвало у Сергея какое-то необъяснимое волнение.

– Земля приветствует вас, Сергей Владимирович! – человек, изображение которого было на экране, с трудом сдерживал волнение.

– Вы с Земли?! Так скоро? – не мог сдержать удивление Сергей. – Каким образом? Почему вы здесь?

– Мы прибыли за теми, кто решил вернуться на Землю. Кроме того, мы привезли вам асимметричные кристаллы и оборудование орбитального завода для их выращивания. Вы используете «Гею» для орбитальной СС. Нам известно, что здесь нельзя вторгаться в недра планеты. Что касается вашего первого вопроса, то это естественно. Прошло столько времени!

Теперь полет с Земли на Счастливую занимает всего несколько часов.

– Не может быть! Вы совершили такой грандиозный рывок в технике перелётов?

– Вы не поняли. Когда я говорю – всего несколько часов, то имею в виду планетарное время. Мы стартовали с орбиты Плутона. Если говорить точно, то сегодня утром.

– Это невероятно!

– Я вам все объясню. Через час в вашей долине опустится катер. До встречи! – Экран погас.

Встречать посланцев Земли вышел весь посёлок. Даже титаны. Большой, метров сто в поперечнике, серебристый диск опустился на широкой поляне около озера. Перед этим он бесшумно пролетел над посёлком и так же бесшумно приземлился. В его боку открылся люк, и из него вышло более десятка одетых в комбинезоны землян.

Жители посёлка не выдержали и разразились громкими криками «ура»! Обошлось без официальной церемонии. Посланцев родной планеты окружили, и скоро они, кроме одного, который подошёл к Сергею, растворились в толпе поселян.

Сергей узнал в нем человека, который час назад говорил с ним по видеосвязи.

– Начальник экспедиции Лацис! – отрекомендовался он.

– Добро пожаловать на Кибелу, – приветствовал его Сергей, протягивая руку.

– Спасибо! – Сергей почувствовал крепкое рукопожатие. – Кибелу? – переспросил посланец Земли, несколько удивлённый. – Я считал, что имя планеты «Счастливая».

– Это местное название, – объяснил Сергей. – Но пойдёмте ко мне. Я с нетерпением жду ваших рассказов и пояснений.

– Это займёт много времени, но мы не будем спешить. – Посланец с интересом рассматривал окружающую местность. Увидев деревья-великаны, он остановился и с восхищением стал их разглядывать. Они шли по тропинке среди высоких трав и громадных красных цветов, над которыми порхали исполинские бабочки.

– Какая прекрасная планета! Жаль, что её нельзя колонизировать.

– Откуда вы это знаете? Ведь мы ничего не сообщали на Землю.

– Эти сведения получены из СС, или, как вы её называете, от Ольги.

– Вы и это знаете?

Они подошли к дому.

– Проходите, – посторонился Сергей, пропуская гостя. В гостиной их встретила Леда.

– Леда! Это мой друг Лацис, – представил он жене гостя. – Он прибыл с Земли.

Леда протянула руку ошеломлённому от изумления землянину. Сергей привык, что красота Леды вызывает у всех впервые увидевших её мужчин замешательство, и тактично отвернулся. Когда он снова взглянул на Лациса, тот уже справился с волнением и, повинувшись жесту женщины, направился в гостиную.

– Ваша фамилия Лацис? – уточнил Сергей, когда тот уселся в предложенное кресло, а Леда вышла, чтобы позаботиться об угощении.

– Да, это фамилия отца моей бабки.

– Позвольте... какого Лациса? Как его звали?

– Вы его знали. – Гость встал и шагнул к Сергею. – Здравствуй, дед!

– Вы... вы мой внук? – поднимаясь ему навстречу и ещё не веря услышанному, переспросил Сергей и только сейчас понял, что так смутило его в чертах лица гостя в тот момент, когда он его впервые увидел на экране видеосвязи. Это были черты лица Эльги и её темно-фиолетовые глаза.

– Вот доказательства! – Лацис вынул из нагрудного кармана продолговатый чёрный футляр и нажал кнопку. Тотчас же в комнате возникло объёмное голографическое изображение Эльги. Сергей вздрогнул. Эльга стояла к нему вполборота. Затем медленно повернулась и, «увидев» Сергея, широко раскрыла глаза... Лацис тотчас выключил проект тор. Изображение исчезло.

– Вы выслушаете её послание наедине. Такова воля бабушки.

– Вы её знали?

– И да и нет! В период её биологической жизни не знал. Мой отец женился поздно, и бабушка ушла в СС до моего рождения. Потом я виделся с нею часто.

– Это теперь возможно? В наше время такие контакты были связаны с большими трудностями.

– Которые в настоящее время преодолены. Вы можете не только связываться с вашими близкими в СС, но и навещать их. Они тоже, но только в виде вот таких голограмм. Эта голограмма была передана мне перед отлётом.

– Мой сын?

– Он тоже сейчас там, с Эльгой и своей женой – моей матерью. Вы их увидите в конце голограммы. Хочу вас предупредить. Это особая голограмма. Она записана на асимметричных кристаллах, содержащих в себе запись памяти Эльги и моего отца. Они могут отвечать на ваши вопросы. Естественно, не на все, но вы сможете с ними побеседовать. В голограмме заложен ваш образ, и она заговорит лишь в том случае, если узнает вас. Сейчас на Земле такие голограммы заменяют письма. Если вам, например, необходимо побеседовать с другом или осуществить деловую встречу, но вы не располагаете временем, то... – Лацис принялся пространно объяснять возможные применения голограмм, но Сергей уже не слушал его.

– Если позволите, я на некоторое время вас покину.

– Конечно! Конечно! Я вас понимаю.

Сергей взял со стола футляр и вышел из гостиной.

Конец

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Вот и все, что я мог пока рассказать о моей встрече с Сергеем. Произошла она неожиданно и так же закончилась неожиданно и внезапно. Состоится ли вторая? Не знаю. Но как бы то ни было, я благодарен Судьбе, что она случайно или с какой-то непонятной для меня целью слила меня с ним, и в нем я прожил жизнь, полную счастья исканий и свершений, жизнь, которая навсегда останется в моей памяти.

Где-то в глубине души теплится надежда, что эта вторая встреча произойдёт, и я снова увижу тот прекрасный мир, разлука с которым до сих пор отдаётся в сердце щемящей болью. Иногда, особенно в последнее время, эта надежда переходит в предчувствие.

Автор